

Учредитель
ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

ВЕСТНИК
БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Издается с 1998 г.

Выходит 15 раз в год

Выпуск
ИСТОРИЯ
7 / 2014

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77–36152 от 06 мая
2009 г. Федеральная служба
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Адрес редакции
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Смолина, 24а
E-mail: vestnik_method@bsu.ru

Адрес издателя
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Смолина, 24а
E-mail: riobsu@gmail.com

Перевод на английский язык
А.Ц. Эрдынеев
Редактор *Е.П. Евдокимова*
Компьютерная верстка
Л.П. Бабкиной

Подписано в печать 26.05.14.
Формат 60 x 84 1/8.
Усл. печ. л. 20,9. Уч.-изд. л. 18,5.
Тираж 1000. Заказ 96.
Цена договорная.

Отпечатано в типографии
Издательства БГУ
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Сухэ-Батора, 3а

Редакционный совет «Вестника БГУ»

С.В. Калмыков, чл.-кор. РАО, д-р пед. наук, проф. (председатель);
В.Е. Архинчев, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
Н.Н. Татарникова (зам. председателя, директор Издательства БГУ);
Н.И. Атанов, д-р экон. наук, проф.; *Т.С. Базарова*, д-р пед. наук, доц.;
А.С. Булдаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; *Д.И. Бураев*, д-р ист. наук,
проф.; *А.В. Гаськов*, д-р пед. наук, проф.; *Н.Ж. Дагбаева*, д-р пед. на-
ук, проф.; *Ц.З. Доржиев*, д-р биол. наук, проф.; *С.С. Имхелова*, д-р
филол. наук, проф.; *Л.П. Ковалева*, канд. филол. наук, проф.;
К.Б.-М. Митупов, д-р ист. наук, проф.; *И.И. Осинский*, д-р филос. наук,
проф.; *М.Н. Очиров*, д-р пед. наук, проф.; *В.В. Хахинов*, д-р хим. наук,
проф.; *В.Е. Хитрихеев*, д-р мед. наук, проф.

Редакционная коллегия выпуска

К.Б.-М. Митупов, д-р ист. наук, проф. (главный редактор);
М.Н. Балдано, д-р ист. наук, проф. (зам. главного редактора);
В.В. Номогоева, д-р ист. наук, доц. (зам. главного редактора);
Т.Е. Санжиева, д-р ист. наук, проф.; *А.Д. Цыбиктаров*, д-р ист. на-
ук, проф.; *С.В. Васильева*, д-р ист. наук, доц.; *Е.Н. Палхаева*,
д-р ист. наук, доц.; *Т.В. Паликова*, д-р ист. наук, доц.

Развитие земледельческого хозяйства у бурят в XVIII в.

Статья посвящена изучению бурятского земледелия XVIII в. Исследовано количество земледельцев и зерновые культуры, распространенные в тот период.

Ключевые слова: буряты, традиционное хозяйство, земледелие, хлебопашество.

B.B. Zandaraev

Development of agriculture in the 18th century the Buryats

Article is dedicated to the study of Buryat agriculture XVIII century. It is investigated a quantity of farmers and cereal crops are extended in that period

Keywords: Buryats, traditional economy is agriculture, agriculture.

Уже на ранней стадии распространения земледелия затронуло и бурятский улус. Как севернее Иркутска, так и за Байкалом в числе сельских жителей, занимающихся хлебопашеством, упоминаются отдельные ясашные буряты. Они были в основном из числа улусной бедноты, по тем или иным причинам лишившейся своего основного богатства – скота, и видевшие в хлебопашестве новый источник существования. В литературе они известны как «новокрещенные», то есть лица, принявшие христианство, осевшие среди русских крестьян и освоившие хлебопашество. Так, в 1690 г. в числе пашенных крестьян Илимского острога отмечены четыре человека из новокрещенных бурят, живших своими дворами и пахавших по 0,25 десятины «государевой пашни» [1]. В 1694–1714 гг. в Нерчинском гарнизоне было 34 человека, в 1720г. в Селенгинском гарнизоне – 28, в Удинском – 10 коренных жителей [2]. Опыт оседавших на землю родовичей был одним из каналов, по которым земледельческая традиция проникла в бурятское общество. Но в то же время в исторической литературе существенно преувеличена роль новокрещенных, потому что, во-первых, как показывают исследования, количество их в I четверти XVIII в. по отношению к общей массе бурят являлось ничтожным и говорить об их влиянии не приходится. Во-вторых, на протяжении XVIII и XIX вв. их хозяйства, за редким исключением, оставались самими бедными, в отличие от основной массы бурятских крестьян.

Среди бурятских хлебопашцев того времени были люди с различным экономическим и социальным положением в обществе. Например, из «Донесения о хлебопашестве и домовых строениях в Балаганском и Идинском дикстригах» за 1782 г. явствует, что большинство шуленг, зайсанов и старшин балаганских и идинских бурят имело пашни с 50-х гг. XVIII в. [3]. Некоторые буряты Олзоева рода Балаганского ведомства

сеяли хлеб с 1754-1755 гг. [4].

В 1740 г. Иркутский вице-губернатор Ланг доносил Сенату, что в предшествующие годы многие «некрещенные ясашные подданные стали заводить пашни, но оставили их, потому что тогдашние провинциальные “командиры” стали требовать с них оброк». Ланг предлагал освободить бурят от оброка, «понеже таким образом в тех краях хлеба умножатся, и, следовательно, со временем дешевле нынешнего будет, а тунележащая земля прибыли никакой принести не может».

Основываясь на этой переписке, из которой следует, что буряты, сохранявшие прежний полукочевой образ жизни, стали заводить пашни. Е.М. Залкинд начал распространения земледелия датирует 30-ми гг. XVIII в. После этого, пишет он, можно лишь удивляться быстрым успехам бурят. В 1760 г. «секретная и о заграничных обращениях комиссия» при сибирском губернаторе Саймонове предлагала принять специальные меры, для того чтобы приохотить к земледелию обнищавших эвенков, «по примеру Иркутского и Балаганского ведомства брацких, которые-де имеют у себя довольные пашни и многое число хлеба привозят в Иркутск и продают и тем ясак платят и на прочие свои потребности употребляют».

Результаты развития бурятского земледелия западнее Байкала обратили на себя внимание и Нерчинского горного начальства, которое вознамерилось перенести их опыт в свой край. В 1762 г. оно представило селенгинскому коменданту Якобию промеморию, в которой предлагало во избежание недостатка в провианте для горных рабочих уговаривать бурят, «кочующих по Братской степи», заводить пашню, соблазняя их «получаемой от хлебопашества прибылью, которая в рассуждении усмотрения и размножения заводов весьма знатна быть может». Это дало бы возможность привлечь всех русских поселенцев на горные работы, освободив их от

занятий земледелием. Некоторые меры, рекомендуемые авторами промемории весьма своеобразны. Видимо, не полагаясь только на силу убеждений, они предлагали заменять бурятам наказания принуждением их к занятию земледелием или «ради образца переселять на Брацкую степь из пашенных бурят, которые живут по ту сторону Байкала, в случае прилучившихся по винам наказанию повинных» [5].

О развитии сельского хозяйства у бурят в первой половине XVIII в. известно очень мало, т.к. ни посевы, ни скот у них налогами не облагались, поэтому не было необходимости и в учете пашни и животноводства. Но тем не менее приведенные выше сведения показывают, что в первой половине XVIII в. буряты начинают возделывать пашню, и в дальнейшем бурятское земледелие уже серьезно заявляет о себе и вносит определенный вклад в продовольственную базу Предбайкалья. Производство западными бурятами товарного хлеба и желание нерчинского начальства переселить к себе бурят-земледельцев, которых уже считали способными перенести земледельческую культуру своим восточным братьям, говорит о том, что с середины XVIII в. западно-бурятское земледелие приобретает важное значение для Восточной Сибири. В достижении такого быстрого прогресса важную роль сыграли старые земледельческие навыки и знания, сохранившиеся в народной памяти, и наличие тягловой силы. Это земледелие было качественно нового уровня по приемам его ведения, по наличию сельскохозяйственных культур, орудий труда. Передача новых навыков шла разными путями. С одной стороны, путем непосредственных контактов простых русских крестьян с бурятами, в лице которых местное население встретило не земледельческих предпринимателей, как отмечает В.И. Шунков, а непосредственных производителей материальных благ, несших на своих плечах не только тяжкий труд по подъему целины и организации своих малых хозяйств, но и тяготы, налагаемые государством. Это снимало вопрос о классовом противопоставлении пришлого русского и коренного населения и обеспечивало условия мирного сосуществования. Только этим можно объяснить мирную жизнь разбросанных среди бурятских земель малолюдных русских деревень и заимок [6].

Именно этими путями пришли в Бурятию ряд полевых культур, не известных здесь ранее, а также огородных и приусадебных культур (морковь, капуста, лук, конопля, картофель и др.). Тем же путем перекочевал сюда и выработанный на просторах среднерусских полей трех-

польный севооборот. Хотя земледельческая техника, принесенная русскими, развивалась крайне медленно, носила застойный характер, т.к. в начале XIX в. в Бурятии преобладала залежная и трехпольная система и обработка шла главным образом деревянной сохой и бороной, по сравнению с дорусским земледелием, она была шагом вперед и означала серьезный прогресс в развитии производительных сил края.

Переходу к земледелию в первой половине XVIII в. значительного количества представителей различных слоев бурятского общества способствовало развитие в Восточной Сибири товарно-денежных отношений, проникновение их в бурятские улусы и увеличение спроса на хлеб, вызванное увеличением населения края. Хлебопашество становится источником денежного дохода, необходимого для выполнения ясачной подати, местных повинностей и сборов, а также удовлетворения растущих хозяйственных и бытовых потребностей.

Уровень развития земледелия в разных частях Восточной Сибири был неодинаковым и еще слабым. Русское земледелие в Забайкалье в ту пору еще не встало на ноги и не могло полностью удовлетворить местные потребности в хлебе. Темпы перехода бурят к земледелию были также различными для разных районов губернии и отличались не только в рамках одного уезда, но и внутри отдельного ведомства, родов и улусов. Все это объяснялось степенью вовлечения бурятских хозяйств в сферу социально-экономической жизни Восточной Сибири, наличием природных условий для заведения пашен и соседством русских пашенных крестьян.

Первыми стали переходить к земледелию балаганские буряты. Их земли располагались по обеим сторонам Московского тракта, по Ангаре и ее притокам Унге, Оке, Зиме, Кимилетью. Это был район наиболее благоприятный для земледелия, и здесь начали селиться первые русские крестьяне.

Еще в 1778 г. Иркутская губернская канцелярия разослала всем бурятским родовым начальникам предписание, в котором указывала, что необходимо склонять к хлебопашеству аборигенов края и «...приложить непреложное старание, сколько возможно советами и благоразумными увещиваниями» [7]. В 1784 г. из Иркутского Нижнего Земского суда поступает Указ Главному шуленге Балаганского ведомства Назару Хубаеву о том, чтобы «...настрожайше подтвердить о наблюдении, чтоб они упражнялись в хлебопашестве» [8].

В конце XVIII в. балаганские буряты довольно интенсивно вовлекаются в сферу земледелия,

и к 1791 г. значительная их масса была занята хлебопашеством. Возрастает также и посевная площадь, хотя темпы ее роста отставали от числа хлебопашцев (табл. 1) [9].

Если в течение 5 лет (1786-1791) число хле-

бопашцев увеличилось с 1372 до 2473 человек, то посевы за это же время увеличились всего на 164 десятины. Это свидетельствовало о небольших размерах запашки и зависимом характере земледелия от скотоводства.

Таблица 1

Состояние земледелия у балаганских бурят в конце XVIII в.

Годы	Число ревиз. душ	Число земледельцев	Число засеянных десятин					Всего
			Ржи озимой	Ржи яровой	Пше-ницы	Ячменя	Овса	
1784	3920	-	193	1610	71,5	16,5	46,5	1937,5
1786	-	1372	224,75	1329,25	248,37	4,5	121,5	1928,37
1787	3921	1824	238	1388	172,5	6,5	49	1854
1789	3925	-	265	1741	64,5	13,5	46	2130
1791	3926	2473	284,5	1692	46,5	9	39,5	2071,5

Таблица 2

Распределение земледельцев и пашен по девяти родам Балаганского ведомства

РОДЫ	1784		1786		1787		1789	
	Количество							
	хлебопашцев	десятин	хлебопашцев	десятин	хлебопашцев	десятин	хлебопашцев	десятин
I Икинатский	-	148	60	135	120	117	-	146
II Икинатский	-	64,5	87	56	130	21	-	61
Холтубаевский	-	400	200	261	220	351	-	402
Быкотский	-	238,5	103	256	139	210	-	256
Шаратский	-	20	15	15	30	5,75	-	22
Онгоевский	-	160	80	136	120	137	-	141
Олзоевский	-	95	200	81	220	61,25	-	120
Кульметский	-	261	261	367	280	310	-	415
Боролдоевский	-	15	8	12	2		-	15
Всего	-	1402	1014	1319	1261	1213	-	1578

В конце XVIII в. заметно возрастает удельный вес хлебопашества и у бурят Идинского ведомства. В 1791-1792 гг. разница в посевах в двух ведомствах составляла более чем 1000 десятин. В динамике посевных площадей в ведом-

стве наблюдаются некоторые колебания, но без существенных признаков ее падения (табл. 3) [11]. Как и в Балаганском ведомстве, здесь довольно быстрыми темпами растет число хозяйств, занимающихся хлебопашеством.

Таблица 3

Динамика развития земледелия в Идинском ведомстве в 1784-1792 гг.

Годы	Число ревизских душ	Число земледельцев	Число засеянных десятин					Всего
			Ржи озимой	Ржи яровой	Пше-ницы	Ячменя	Овса	
1784	-	-	911	2504	48	5,5	37	3505,5
1786	-	1627	832,5	2184	91	12,5	45,5	3165,5
1787	-	1674	903	2072	55,5	6,75	52,75	3090
1792	3620	2374	981	2343	30	3	24	3381

За 6 лет (1787-1792) число хлебопашцев в ведомстве увеличилось на 700 человек и составило в 1792 г. 2374 человека, или более половины всего взрослого мужского населения. Посевы отмечены во всех 10 родах Идинского ведомства, но наиболее хлебосеющими по данным за 1792 г. были Готольский – 1027 десятин и Шаралдаевский – 484 десятин. Небольшие запашки имели буряты первого Онгоевского рода – 131,5 десятин [12]. В Готольском роде в 1787 г. из 876 душ мужского населения хлебопашеством занимались 522, в Шаралдаевском – из 566 и 121 человек [13]. Средний размер пашни не превышал 0,5-1,0 десятин. Представители родовой знати засеивали от 12 до 20 десятин [14]. Господствующей культурой на полях идинских бурят, как и балаганских, была озимая и яровая рожь. В небольшом количестве засеивали пшеницу, овес и ячмень. Урожай хлебов в ведомстве значительно колебался, целиком завися от прихотей природы. В 1786 г. посевная площадь в ведомстве составила 3165,5 десятин. От засухи и ранних осенних заморозков погибло 812 десятин яровой ржи, 45 десятин озимой, 12 десятин овса, 3 десятины пшеницы и 1,5 десятин ячменя [15]. В 1787 г. заморозками было уничтожено 419 десятин посевов [16]. В случае гибели хлебов пашня перепашивалась под посев следующего года.

В конце XVIII в. ощутимых успехов в хлебопашестве добиваются буряты Кудинского ведомства. Местность, занятая ими, представляла собой степь, окруженную со всех сторон горами и примыкающими лесами, с небольшими речками, приносящими немало пользы полям во время весеннего разлива. В 1786 г. шуленга Кудинского ведомства Хабтагай Бутуханов доносил экономии-директору Демину, что в этом ведомстве понемногу увеличивается хлебопашество, причем начинающие земледельцы испытывают большой недостаток в семенах для посева и в земледельческих орудиях. «Моего абаганатского рода... Малан Имыкеев с товарищами, всего десять человек, – доносил шуленга, – имеют хлебопахотную землю и санных покосов с удовольствием, а по недостатку их распахивают к посеву весьма малое количество, потому что имеется как лошадей, так и на посев семян и инструментов крайне малое количество» [17]. Кроме указанных 10 человек, завести земледельческое хозяйство изъявило желание еще 40 человек. Все они просили выдать займы денег «на развитие хлебопашества». Бутуханов и рядовые шуленги поручались за исправность платежа. Характерно, что начинающие земледельцы желали стать настоящими хлеборобами. В этом

отношении интересно указание шуленги: «А хлебопахотную землю втуне запустить не хотят, а желают распространить оную распашку наиболее так, как и лучшие крестьяне».

В 80-х гг. XVIII в. бурятский хлеб в Иркутской губернии начинает, хотя и в небольшом количестве, поступать на рынок. В 1787 г. Демпин писал родовому шуленге I Буяновского рода кудинских бурят, что в его роде «довольное есть количество посевов хлеба», причем предписывалось, чтобы везли на продажу хлеб в казенный Николаевский винокурный завод и не продавали в частные руки до тех пор, пока это предприятие «не удовольствуется». I Буяновским родом было продано Николаевскому заводу 100 пудов ржи и 100 пудов ярицы по 26 копек за пуд [18].

По примеру русских крестьян буряты стали производить также и посевы огородных культур. В 1791 г. в Балаганском ведомстве была посажена 71 грядка картофеля, репы – 96, гороха – 12, капусты – 141, свеклы – 32, лука – 39, огурцов – 35 грядок [19].

В первой половине XVIII в. перешли к земледелию и забайкальские буряты. Наибольшее распространение оно получило у хоринских бурят, кочевавших по реке Чикой, вниз по правую сторону реки Селенги, по рекам Хилок, Тугнуй, Уда и Курба. В «Аттестате», выданном в 1782 г. Удинский воеводской канцелярией Главному тайше хоринских бурят Дамбе Дугар Иринчееву, в числе прочих заслуг отмечалось, что он старался «...подчиненных своих вводить в обряды сходность российским народам, во всей домашней экономии, в постройке домов, в упражнении в хлебопашестве» [20]. В 1796 г. он был избран членом Большого экономического общества за успехи в распространении земледелия среди своих сородичей [21]. Вероятно, это событие имеет непосредственную связь с тем, что сообщал в 1796 г. иркутский губернатор Нагель в своем отчете в Петербург: «...ведения тайши Иринчеева земледельцы, – писал он, – засеяли в 1795 г. яричных семян 7015 пудов, более противу посеву 4846 пудов, ржи засеяно было осенью 1794 г. 3339 пудов, снято минувшей осенью 6620 пудов и таки посеяно того же осенью 5150. Осталось на лицо 1460 пудов». «Такой урожай хлеба, всеавгустейшая монархиня, хотя нельзя почитать еще в изобилии по причине бывшего на местах от засух помешательства, но благодарение богу, что против всемилостивейше пожалованных семян, как-то яричных 5400 пудов и такого же числа ржаных, нарочитая оказывается прибыль. И, несомненно, полагаю я, что время

от времени показанной Тайша Иринчиев приведет порученное ему хлебопашество в хорошее положение, включая могущих быть нечаянно несчастливых приключений» [22]. К словам губернатора, пожалуй, нечего и добавить. Первые достижения спору нет, были скромными, – пишет Е.М. Залкинд, – но они рождали надежду на будущие успехи. Однако резкого перелома в производстве хлеба произойти не могло. Не только бурятское, но и русское земледелие на рубеже двух столетий все еще не могло обеспечить нужд Забайкалья [23].

По данным Ф.А. Кудрявцева, в 80-90-е гг.

XVIII в. среди хоринских бурят было до 1200 хлебопашцев, успешно сочетавших скотоводство с новым занятием. В официальных отчетах того времени отмечалось, что хоринские и баргузинские буряты «...имеют хлебопашество, не малое, скотоводство, звериный промысел» [24].

Все эти материалы с достаточной убедительностью опровергают бытовавшее в дореволюционной литературе мнение о том, что забайкальские буряты стали заниматься земледелием лишь в начале XIX в. под давлением губернской администрации, в частности иркутского губернатора Н. Трескина.

Литература

1. Машанова Л.В. Начальный этап заселения и земледельческого освоения Забайкалья // Вопросы истории. – 1980. – № 2. – С.169.
2. Машанова Л.В. Роль служилых людей в освоении Забайкалья // Социально-экономическое развитие Бурятии. XVII – начало XX в. – Новосибирск, 1987. С.16.
3. ГАИО. Ф. 534. Оп. 1. Д. 1. Л. 175-176.
4. ГАИО. Ф. 534. Оп. 1. Д. 4. Л. 214.
5. РГИА. Ф. 1341. Оп. 3. Д. 1527. Л. 654.
6. Шунков В.И. Из истории земледелия Бурятии // Записки БМНИИК. – 1958. – Вып. 25.- С.66.
7. ГАИО. Ф. 534. Оп. 1. Д. 1. Л. 992.
8. Там же.
9. ГАИО. Ф. 534. Оп. 1. Д. 2. Л. 2, 3, 8, 11; Д. 3. Л. 70-71, 316,317; Д. 4. Л. 1; *Ким Н.В.* Из истории земледелия у бурят. С.105.
10. ГАИО. Ф.534. Оп. 1. Д. 2. Л. 2, 3, 8, 11; Д. 3. Л. 70, 71, 316, 317.
11. ГАИО. Ф. 534. Оп. 1. Д. 2. Л. 6, 13; Д. 3. Л. 343, 344, 353-354; Д. 4. Л. 389.
12. ГАИО. Ф.534. Оп. 1. Д. 2. Л. 6, 13.
13. ГАИО, Ф. 534. Оп. 1. Д. 3. Л. 326-327.
14. Там же, Д.1. Л. 178-181.
15. Там же.
16. Там же. Л. 326-327.
17. Сборник материалов по истории Бурятии XVIII и первой половины XIX в. – Верхнеудинск, 1926. – Вып. 1. – С.2.
18. Кудрявцев Ф.А. История бурят-монгольского народа. – М.;Л., 1940. – С.111.
19. ГАИО. Ф.534. Оп. 1. Д. 2. Л. 8,11.
20. Там же.
21. Щеглов Н. Хронологический перечень важнейших данных по истории Сибири. – Иркутск, 1883. – С.331.
22. Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в XVIII в. – М., 1970. С.32-33.
23. Там же.
24. Кудрявцев Ф.А. История бурят-монгольского народа. – С.112.

Зандараев Батор Баясхаланович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Бурятии Бурятского госуниверситета, e-mail: zbb-7@mail.ru

Zandaraev Bator Bayaskhalanovich, candidate of historical sciences, associate professor, head of the department of History of Buryatia, Buryat State University, e-mail: zbb-7@mail.ru

УДК 94(571.54)

© Т.Е. Санжиева, Е.Е. Тармаханов, С.Д. Хуташкеева

Особенности торгового предпринимательства в Западном Забайкалье в конце XIX – начале XX в.

В статье рассмотрены региональные особенности и структура купеческого сообщества торговых предпринимателей.

Ключевые слова: Западное Забайкалье, купечество, особенности, структура купечества.

T.E. Sanzhieva, E.E. Tarmakhanov, S.D. Khutashkeeva

Features of trading entrepreneurship in Western Transbaikalia in the late XIX – early XX centuries

The article considers the regional features of the merchant community and the structure of the trading entrepreneurs.

Keywords: Western Transbaikalia, merchants, features, the structure of the merchants.

В Западном Забайкалье торговое предпринимательство было основой хозяйственного развития региона. Низкий уровень развития промышленности, базирующейся в основном на добыче природных богатств и переработке сельскохозяйственного сырья, делал торговлю Западного Забайкалья односторонне развитой. Это было связано, во-первых, с развитием золотопромышленности, предъявившей значительный спрос на предметы личного потребления и средства производства, во-вторых, по мере уменьшения натурального хозяйства и втягивания земледелия в товарно-денежные отношения все более возрастал спрос сельского населения на промышленную продукцию. К тому же были слабо развиты домашняя промышленность и ремесла [1].

Торговая буржуазия в Забайкалье была элитой общества, она располагала значительными материальными и финансовыми средствами, занималась торговлей и промышленным производством, внося значительный вклад в экономическое развитие региона. Однако вся их производственная деятельность была направлена на обслуживание торгового процесса, что сокращало возможности индустриального развития. Поэтому здесь не сформировалась промышленная буржуазия. В трудах, рассматривающих крупную торговую буржуазию, определены их критерии. Л.А. Солопий и Г.Х. Рабинович пишут: «На наш взгляд, к крупным капиталистам можно отнести тех, кто выбирал купеческие свидетельства 1-й и 2-й гильдии. ...гильдейское свидетельство могли выбирать только действительно богатые люди, представители крупной буржуазии..., принадлежность к гильдейскому купечеству после 1898 г. означала и принадлежность к слою крупной буржуазии» [2]. По этой методике Г.Х. Рабинович подсчитал численность крупной буржуазии в Сибири на рубеже XIX-XX вв. – 1100-1200 чел. (без членов семьи), накануне Первой мировой войны – 1300-1400, а с членами семьи около 5-7 тыс. человек с учетом предпринимателей-дворян, богатых крестьян и мещан, живших в городах [3]. Л.А. Солопий отождествила капиталы торгово-ростовщического происхождения с персоналиями купцов-гильдейцев и

определила численность крупной забайкальской буржуазии в 1897 г. – 2170 чел. (без учета членов семьи), группу экономически активной в регионе в 1890-х гг. – до 550-600 чел. [4]. Л.А. Солопий также пришла к выводу, что забайкальские купцы составляли небольшую долю в выбираемых свидетельствах, в то время как Забайкалье стало местом приложения капиталов примерно четвертой части сибирских купцов [5].

В начале XIX в. в Западном Забайкалье насчитывалось не более 60 купцов, а в конце XIX в. численность людей, получивших гильдейские свидетельства, выросла до 137 чел. [6]. Наиболее богатыми были купцы первой гильдии, но большинство предпочитало выкупать свидетельство второй гильдии. В 1915 г. в г. Верхнеудинске население составляло 17 193 чел., из них 356 были купцами (2,07%) [7].

В качестве особенностей Западного Забайкалья можно выделить то, что среди купеческого сословия было 173 купчихи, т.е. почти половина (48,5%) [8]. Купчиха Р. Цыгальницкая была самой богатой горожанкой Верхнеудинска. Если речь шла о купчихах, то их отмечали как «жены», т.е. они становились предпринимательницами в случае отстранения от дел супруга (болезнь, кончина). Например, среди женщин торговые дома открыли верхнеудинская купеческая жена Рива Моисеевна Цыгальницкая [9], жена кяхтинского купца Лея Янкелевна Герштейн, жена верхнеудинского купеческого сына Голда Шлеймовна Герштейн [10]. Кроме купчих торговлей занимались мещанки и крестьянки, например, сельские мещанки Екатерина Ивановна Мельникова, Александра Ашкатьевна Донская, жена крестьянина Пелагея Серапионовна Потемкина и др. В других случаях женщины включались в торговую деятельность, получив капитал или имущество в виде приданного.

Уже к середине XIX в. в руках купцов оказались основные финансовые потоки Западного Забайкалья. Капиталы были сосредоточены у кяхтинских купцов. Об одном из них оставил свои записи американский коммерсант П.М. Риддер. Купец первой гильдии Митрофан Курбатов «очень богат, фактически миллионер...

живет как князь в доме, который может быть назван дворцом» (в Кяхте). Банкир, крупный оптовый торговец, он «занят в обширных коммерческих, промышленных и горнорудных предприятиях, а также имеет контракты на поставки для армии» [11]. Иркутский генерал-губернатор дал высокую оценку купцу, отмечая в первую очередь его честность.

В конце XIX в. контингент купеческого сословия изменился: «Во вторую половину настоящего столетия контингент торгующего в Кяхте купечества коренным образом изменяется. Представители древних, известных чайных фирм вымерли, отчасти переселились в Москву ...поселились и заняли их место новые люди» [12].

«Новые люди» стали торгово-промышленными предпринимателями, т.е. помимо торговых операций занимались промышленным производством. После того как в 1870 г. «Устав о золотопромышленности» разрешил золотодобычу, добывать золото стали купцы, мещане, крестьяне. Самым крупным золотопромышленником в Забайкалье стал Яков Давидович Фризер, начавший свой бизнес с развозной торговли. После смерти Я.Д. Фризера прииски перешли Абраму Хейкелевичу Новомейскому, брату Ципы Хейкелевны Фризер. Бывший ковенский купец А.Х. Новомейский начал поиск и добычу золота в 1880 г., а в 1898 г. стал баргузинским купцом.

А.К. Голдобин был одним из первых купцов, ставших торгово-промышленными предпринимателями. Он прибыл в г. Верхнеудинск в 1880 г. и уже в 1894 г. построил здесь винокуренный завод, в 1899 г. – пивной завод, затем пивные заводы в Чите и Нерчинске, позже стеклоделательный завод в Верхнеудинске.

Одним из «новых людей» был купец 1-й гильдии А.К. Кобылкин, начавший свой бизнес с промышленности – с винокурения – водочным мастером на заводе Голдобина. Впоследствии он стал владельцем самого крупного предприятия Западного Забайкалья по объему производства – винокуренного завода.

Помимо купеческого сословия в торговых операциях стали принимать участие и другие категории граждан: мещане, крестьяне, казаки. Так, в 1908 г. в г. Верхнеудинске торговали примерно 530 мещан и фирм [13]. Из мещан вышли купцы 1 гильдии (оборот более 300 тыс. р. в год) А.С. Кобылкин, И.А. Басов. В Верхнеудинске зарегистрировали торговые дома мещане Лейба и Сарра Иудовичи Гершевич, Михаил Николаевич Шишмаков и Семен Евгеньевич Артамонов, Нафталий Леонтьевич Капельман и

Абрам Израильевич Ваксберг и др.

Из крестьянской среды вышли Михаил Васильевич и Василий Васильевич Хозиёвы, Николай Ананьевич и Лаврентий Николаевич Телешёвы. Крестьяне Забайкальской области Верхнеудинского уезда Куналейской волости Герш Гдальевич и Тувий Гершевич Берковичи и Исай Борисович Яновский и крестьянин из Погроминской волости Абрам Борисович Каллерман отошли от крестьянского труда и стали торговыми предпринимателями. К крестьянскому сословию принадлежали жители Куйтунской волости Верхнеудинского уезда Мартын Ерофеевич Потемкин, жена крестьянина Куйтунской волости Пелагея Серапионовна Потемкина и крестьянин Дмитрий Серапионович Ефимов из Мухоршибирской волости Верхнеудинского уезда, создавшие «Товарищество М.Е. Потемкин и К^о» [14].

Разрешение правительства участвовать в торговых операциях другим сословиям размыло сословную замкнутость на виды деятельности. Крестьяне, как основные налогоплательщики, несмотря на усилия государства, не стали принимать активное участие в торговой деятельности. Традиционные занятия и их консерватизм выделили единицы в число торговых предпринимателей.

Источниковая база не располагает точными данными по численности работников торговых предпринимателей. Самый многочисленный штат служащих в 1915 г. был в товариществе «А.Ф. Второв с С-ми», у них работало 143 человека, в том числе 93 мужчины, 28 женщин, 18 подростков-мальчиков и 4 девочки [15]. В торговых заведениях, принадлежащих потомственному почетному гражданину Александру Козьмичу Кобылкину, работали 20 мужчин и 4 женщины, в том числе при магазине на Большой Николаевской 11 мужчин и 2 женщины, при конторе соответственно 4 и 1, при торговле в п. Нижняя Березовка – соответственно 2 и 1, при мелочной торговле на Батарейной площади – 1 мужчина [16]. При торговом доме «Бр. Клейман и М.И. Родовский» работали 7 мужчин, 1 женщина и 3 мальчика-подростка [17].

Особенностью Западного Забайкалья было то, что купцы были владельцами большинства предприятий обрабатывающей промышленности. Так, пивоваренный завод, завод искусственных минеральных вод при пивоваренном заводе и стеклоделательный завод принадлежали купцу, потомственному почетному гражданину А.К. Кобылкину, лесопильно-мукомольный завод – жене кяхтинского купеческого сына

Е.П. Сердюковой [18]. Паровой пивоваренный завод с суммой производства 40 тыс. р. принадлежал А.А. и К.Л. Коробейниковым, завод искусственных минеральных вод с суммой производства до 2 000 тыс. р. – К.Л. Коробейниковой [19].

Купеческий капитал вкладывался активно в добывающую промышленность, особенно в золотодобычу. Крупные золотопромышленники Фризер и Новомейские, прибывшие в Баргузин из других районов и выкупившие местные гильдейские свидетельства, стали баргузинскими купцами. Однако в добыче угля купцы принимали незначительное участие, поскольку угледобыча в силу экономических причин (строительство железной дороги) сразу создавалась как крупная промышленность, а это требовало вложения значительных средств.

Следующей характерной чертой торгового предпринимательства было «многовладение», когда торговые дома создавались родственниками: отцами с сыновьями, женами, братьями, сестрами, матерью с сыновьями и т.д. Эту ситуацию вызвали право на наследование капиталов и участие в торговых предприятиях. В промышленности такое явление было редким. Предприятия принадлежали отдельному предпринимателю, либо монополистической организации. Случаи «многовладения» встречались у купцов.

В начале XX в. активизировался процесс концентрации денежных средств, выразившийся в создании торговых домов. С 1911 г. торговые дома стали основной формой организации торговой деятельности. Причем, большинство из них оформлялось как торгово-промышленное товарищество. Для открытия торгового дома заключали соответствующий договор, имеющий правоустанавливающий характер. В договоре указывались условия деятельности торгового предприятия. Договор, как правило, был бессрочным. Один из пунктов гласил: «никто из участников Торгового Дома не имеет право требовать возврата какой-либо части внесенного капитала, во все время пребывания его в Товариществе без особого на то согласия всех участников Торгового Дома» [20].

В договоре указывались условия выхода. Так, 24 февраля 1913 г. в г. Верхнеудинске было зарегистрировано полное торгово-промышленное товарищество под фирмой «Торговый дом Р.М. Цыгальницкая с С-мя» с капиталом в 250 тыс. р. Заявка была подана верхнеудинской купеческой женой Ривой Моисеевной Цыгальницкой, верхнеудинскими купеческими сыновьями Исаем и Яковом Евсеевичами Цыгальницкими и женой

присяжного поверенного Фаней Евсеевной Пляшкевич. 89 тыс. р. принадлежали И. Цыгальницкому, 60 тыс. – Ф.Е. Пляшкевич, 55 тыс. – Я. Цыгальницкому и 55 тыс. – Р.М. Цыгальницкой. Все члены торгового дома имели равные права или были «полными товарищами» [21]. 23 августа 1913 г. верхнеудинская купеческая жена Р.М. Цыгальницкая и верхнеудинские купеческие сыновья И. и Я. Цыгальницкие, крестьянин Забайкальской области Верхнеудинского уезда Мухоршибирской волости Бэне Берковна и Вениамин Борисович Цыгальницкие, баргузинский купеческий сын Миней Исаевич Бутлицкий заключили договор об открытии торгово-промышленного товарищества на вере под фирмой «Торговый дом Ривы Цыгальницкой с С-мя и К^о» в Верхнеудинске с капиталом в 300 тыс. р. (96 тыс. р. – Бутлицкий, 72 тыс. р. – И. Цыгальницкий, 48 тыс. р. – Р. Цыгальницкая, 48 тыс. р. – Я. Цыгальницкий, 36 тыс. р. – Б. Цыгальницкая) [22]. Все участники торгового дома были «полными товарищами». Все торговые дома имели по нескольку участников, которые в соответствии с договором имели равные права, несмотря на разные размеры внесенного пая. Большинство торговых домов состояло из родственников.

В Забайкалье около трети крупных коммерсантов в конце XIX в. происходили из семей купцов [23]. Большинство купцов Западного Забайкалья проживало в Троицкосавске, где сохранялись традиции торговой слободы [24].

В начале XX в. В Западном Забайкалье сложился слой потомственных купцов. В реестрах они зафиксированы как «купеческий сын». Например, в Верхнеудинске открыл торговый дом купеческий сын Абрам Шлеймович Герштейн, верхнеудинские купеческие сыновья Исай и Яков Евсеевичи Цыгальницкие и т.д. В документах встречаются «купеческие братья», как, например, читинский купеческий брат Еремей Израелевич Риф [25]. Потомственные купцы обладали значительными капиталами, деловыми связями, семейным опытом, брачными узами и поэтому были могущественной силой в предпринимательском мире.

По архивным данным известно, что среди занимавшихся торговлей, были люди разных национальностей. Большинство торговых предпринимателей составляли евреи. Они появились в Забайкалье в середине XIX в. Для евреев существовали ограничения в видах деятельности, но торговля им разрешалась. Евреи, имеющие средства, стали открывать лавки, а также скупать у населения старые вещи, становясь

«старьевщиками», «барахольщиками». Впоследствии из еврейской среды появились крупные торгово-промышленные предприниматели.

Евреи стали вкладывать свои деньги в торговлю и производство только в 1901-1917 гг. [26]. В Верхнеудинске они составили значительную прослойку среди купцов. И хотя большинство из них не имело «несметных богатств и не могли по состоянию, размаху деятельности, вкладу в развитие города сравниться с кяхтинским купцом Я. Немчиновым, верхнеудинскими купцами П. Труневым, А. Кобылкиным, И Фроловым и др. Но некоторые из них – братья Самсоновичи, Я. Фризер владели миллионными состояниями», – пишут Л.В. Кальмина и Л.В. Курас [27].

Практически одновременно с евреями в Забайкалье появились китайцы. После открытия российско-китайской границы в 60-е гг. XIX в. им было разрешено торговать на территории России. За короткий срок китайские торговцы заняли сферу розничной торговли: в конце XIX в. почти в каждом населенном пункте региона имелась китайская лавка [28]. Китайская торговля обеспечивала население необходимыми товарами по низким ценам: чаем, сахаром, таба-

ком, тканями и утварью. Китайская торговля расширялась также потому, что она осуществлялась беспроцентно и без уплаты каких-либо налогов в российскую казну практически до конца XIX в. [29]. Хотя в Забайкальской области не было крупных китайских торговых фирм с многомиллионным годовым оборотом, торговый сегмент экономики ими был плотно занят.

В начале XX в. в Верхнеудинске также торговали корейцы и японцы, но серьезной конкурентной борьбы между ними не наблюдалось.

Таким образом, в Западном Забайкалье сформировалось торгово-промышленное предпринимательство, при доминировании его торговой составляющей. Особенность региона заключалась в его приграничном положении, что привлекало к участию в торговле иностранных граждан. В результате в городах Забайкалья сформировалась своеобразная многонациональная субкультура сибирских торговых центров.

На рубеже веков структура купечества сильно изменилась вследствие разрешительных мер правительства для участия в торговой деятельности других сословий. Торгово-промышленные предприниматели начинают активно участвовать в общественно-политической сфере.

Литература

1. Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. – Улан-Удэ, 1963. – С. 444.
2. Солопий Л.А., Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия Забайкалья в конце XIX – начале XX вв. // Из истории Сибири. – Вып. 17. – Томск, 1975. – С. 48.
3. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX в. – Томск, 1975. – С. 51.
4. Солопий Л.А. Крупная буржуазия Забайкальской области в XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1978. – С.19.
5. Там же.
6. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 10. Оп. 14. Д. 2720. Л. 59.
7. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 14. Д. 2720. Л. 59.
8. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2874. Л. 85.
9. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2793. Л. 40.
10. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2793. Л. 3-5.
11. Матханова Н.П. Путевые заметки американского коммерсанта П.М. Коллинза о городах Сибири середины XIX в. // Населенные пункты Сибири: опыт исторического развития (XVII – начало XX в.) – Новосибирск, 1992. – С.99.
12. Птицын В.В. Селенгинская Даурия. Очерки Забайкальской жизни. – СПб., 1896. – С. 153.
13. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2492. Л. 59.
14. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2797. Л. 4.
15. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2874. Л. 42.
16. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2874. Л. 58.
17. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2874. Л. 43.
18. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2792а. Лл. 42-46, 58, 60-62.
19. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2792а. Л. 73.
20. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2793. Л. 72.
21. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2793. Л. 40.
22. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2793. Л. 83.
23. Шукин И.А. История купечества Восточной Сибири в XIX в.: формирование и социальное положение: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2000. – С. 19.
24. Паликова Т.В. Города Забайкалья второй половины XIX – начала XX в. (социальное, экономическое, культурное развитие). – Улан-Удэ, 2010. – С. 34.
25. ГАРБ. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1267. Л. 31.

26. Кальмина Л.В., Курас Л.В. Еврейская община в Западном Забайкалье во второй половине XIX в. – февраль 1917 г. – Улан-Удэ, 1999. – С. 93.
27. Кальмина Л.В., Курас Л.В. Еврейская община в Западном Забайкалье во второй половине XIX в. – февраль 1917 г. – Улан-Удэ, 1999. – С. 89.
28. ГАРБ. Ф. 337. Оп. 1. Д. 7781. Л. 1.
29. Башкуева Е.Ю. Китайские мигранты в Забайкальской области (1860–1917): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2004. – С. 18.

Санжиева Татьяна Ефремовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Бурятии, Бурятский государственный университет. Тел. 62-68-85.

Тармаханов Ефрем Егорович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Отечества, Бурятский государственный университет.

Хуташкеева Светлана Дмитриевна, кандидат исторических наук, зам. директора по НИР, Бурятский филиал Академии труда и социальных отношений (г. Москва).

Sanzhieva Tatiana Efremovna, doctor of historical sciences, professor, department of history of Buryatia, Buryat State University. Tel. 62-68-85.

Tarmakhanov Efrem Egorovich, doctor of historical sciences, professor, department of homeland history, Buryat State University.

Khutashkeeva Svetlana Dmitrievna, candidate of historical sciences, deputy director for scientific research, Buryat Branch of the Academy of Labour and Social Affairs (Moscow).

УДК 32.001 (5-015)

© П.Н. Дудин, К.Б.-М. Митупов

Геополитические факторы становления монгольской государственности во Внутренней Азии

В статье рассматривается государственность во Внутренней Азии XX в. Исследуется природа современной монгольской государственности и ее политическая характеристика.

Ключевые слова: государство, государственность, монгольские народы, Внутренняя Азия.

P.N. Dudin, K.B.-M. Mitupov

Geopolitical factors of formation of Mongolian statehood in Inner Asia

The article discusses the statehood in Inner Asia of the XX-th century. The nature of modern Mongolian statehood and its political characteristic is studied.

Keywords: state, statehood, the Mongolian peoples, Inner Asia.

Анализ становления такого ключевого политического института, как государство, сложно сводить к одному фактору, но в данном случае национализм является одним из наиболее значимых. По нашему мнению, именно это обусловило в XX в. дисперсность монгольских народов, слабость и политическую зависимость, например, Монгольской Народной Республики от СССР, а государственных образований Внутренней Монголии – от Японии.

Однако национальная идея не была единственной движущей силой становления государственности. Едва ли не основным противоречием большинства исследований по монгольской государственности XX в. является то, что, акцентируя внимание на национальной консолидации, выпускаются из виду все остальные факторы. В результате образуются определенные исследо-

вательские лакуны, которые предстоит заполнить. При этом необходимо отметить, что в отечественной и зарубежной литературе накоплен большой багаж теорий, объясняющих генезис современных монгольских государственных институтов. Однако они рассматривают данную проблему в отрыве от общего контекста формирования государственности у монгольских народов в границах СССР и КНР. В связи с этим назрела потребность сформировать общую картину, с помощью которой станет возможным объяснить сложные политические процессы во Внутренней Азии.

В то же время на протяжении последних 10 лет, пережив постсоветский и постсоциалистический этап суверенизации, монгольский национализм приобрел новые формы, которые начинают определять ситуацию в регионе. Послед-

нее может быть оценено не только как позитивный, но и как деструктивный процесс, ведущий к социальным катаклизмам. Однако идея государственности опирается на три ключевые составляющие – национальную идею, религию (буддизм), территорию.

На протяжении XX в. практически все национальные регионы России затронула проблема национализма. В той или иной мере это коснулось и Сибири, где так или иначе проявлялись стремления некоторых этнических и субэтнических групп, живущих в пределах заявленных границ, к независимости или автономии. Эта же проблема затрагивала и монголоязычные народы, заселявшие Внутреннюю Азию, которые, не ограничиваясь идейными лозунгами, формировали собственную государственность.

Особый интерес представляет сам регион «Внутренняя Азия» – территория, некогда включавшая в себя фронтир двух империй – Российской и Цин. Сегодня это приграничные субъекты России и КНР, Казахстан, Киргизия, Монголия. С российской стороны это: Алтай, Бурятия, Тыва. Сюда же относятся районы КНР: Автономный район Внутренняя Монголия, Синцзян-Уйгурский автономный район, Автономный район Тибет. Сегодня эта территория относительно стабильна, в сравнении с новыми независимыми государствами Центральной Азии. Первый шаг на пути понимания этого региона как единого целого был сделан в XIX в. Многие географы того времени, начиная с Александра фон Гумбольдта (автора термина Inner Asian), ассоциировали ее едва ли не со всей Центральной Азией включая Афганистан [5, с. 13].

И именно на этом пространстве на рубеже веков монголоязычные народы начинают возрождать свою государственность. В ряде случаев попытки государственностроительства были успешными, как, например, обстояло дело с Внешней Монголией в 1911-1945 гг. Временами вопрос так и не перерос в открытое выступление, оставшись на уровне проектов и идей, примеры тому – «Великая Монголия» Нэйсе-гэгэна и атамана Семенова, попытка провозглашения независимого теократического государства Кодунай Эрхидж Балгасан в границах Хоринского аймака (современные Кижингинский и часть Хоринского района Республики Бурятия, Россия). В ряде случаев успех носил временный характер, как в отношении автономных образований Внутренней Монголии первой половины 1930-х гг., Мэнцзяна [2, с. 111-115] и Алашаньской республики [3, с. 33-42]. В России нацио-

нализм на территориях, относимых к регионам Внутренней Азии, был использован для укрепления российских границ, как это было осуществлено в отношении Бурятии и Тывы, и опыт взвешенной национальной политики руководства страны, регионов и международного сообщества (Коминтерн) требует детального анализа. Не утратил он актуальности и сегодня, что обусловлено ростом национализма в регионе Внутренней Азии. Детальное изучение процесса становления национальной государственности у монгольских народов позволит понять специфику современных этнополитических процессов. В наши дни идеи национализма воспринимаются в соотношении с идеями сепаратизма, в ракурсе тенденций к отделению тех или иных национальных территорий от государства (России, Китая и др.) и провозглашения независимости, и не утрачивают своей актуальности. Так, ряд сибирских СМИ уже публиковал материал на эту тему: сайт Vabg.ru [1], сайт Братска.нет [8] и др. Имеются выступления официальных лиц и представителей научной общественности, признающих наличие проблемы [7].

Национальную окраску имели события 2005-2006 гг. в рамках объединения субъектов РФ: Усть-Ордынского, Агинского автономных округов и др., когда велась речь об утрате государственности коренных народов [6]. И хотя события не носили радикальный характер, угроза дестабилизации сохранялась.

В 2012-2013 гг. проблема вновь приобрела острый характер в связи с ликвидацией Конституционного суда Республики Бурятия как органа государственной власти, наравне с гимном, флагом, гербом и другими официальными атрибутами соотносимого с понятием государственности и самостоятельности [4]. В связи с этим возникает необходимость в исследовании этого процесса с целью прогнозирования его возможных последствий для региона в целом и субъекта в частности. Необходимость исследований продиктована вероятностью того, что подобные тенденции ликвидации органов государственной власти национальных субъектов РФ, имеющих скорее символическое, чем практическое значение, могут быть взяты за образец, в связи с чем федеральным и региональным властям необходимо будет просчитывать последствия этих решений и действий.

Однако подобные выступления не являются абсолютно новыми для региона. Характерной особенностью хода политического процесса является цикличность – определенная периодическая повторяемость формирования и функцио-

нирования способов взаимодействия главных субъектов политики. Во Внутренней Азии национальный сепаратизм в первой половине XX в. вылился в провозглашение ряда государственных образований монголоязычных народов, управление процессами государственностроительства которых не утратило актуальности и по сей день. Актуальность представленной проблемы обусловлена также необходимостью формирования цельного представления о генезисе современных политических институтов у монголов в XX-XXI вв. для прогнозирования националистических настроений и выработки адекватных мер противостояния им с целью предотвращения угрозы национальной безопасности или дестабилизации межнациональных и межконфессиональных отношений.

Одновременно с исследованиями национальных процессов наблюдается большой интерес к геополитическим проблемам. Это объясняется тем, что изменения во внешнеполитическом раскладе внутриазиатского региона, произошедшие в 1990-е гг., как 100 лет назад, привели к коренным переменам в расстановке сил и появлению новых факторов, влияющих на ситуацию в регионе.

Монголосфера в этой новой системе отношений занимала и продолжает занимать важное место в круге пересечения интересов различных государств, особое положение среди которых занимают Россия и Китай. При этом необходимо учитывать то, что начавшая складываться в 1920-1930-е гг. система международных отношений в регионе, именно в этот период формирует свои основные черты: во-первых, в выбранном нами регионе после распада Великих Империй появляются новые участники международных отношений – государства и государствоподобные образования; во-вторых, проявление интересов Японии в регионе и активная, зачастую агрессивная, политика, в том числе и по отношению к Внутренней и Внешней Монголии, борьба за влияние, Вторая мировая война не могли не привести к активизации процесса оформления и закреплению статуса обоих монгольских государств на внешнеполитической арене: одного – в качестве независимого, другого – в качестве автономного района КНР.

Международная политическая система также претерпевает глобальные и зачастую необратимые геополитические изменения, а в мировой политике начинают играть значительную роль не только государства, но и надгосударственные образования и международные организации (Антанта, Лига наций, Коминтерн и т.д.).

Становление монгольской государственности в начале XX в. представляет собой несомненный научный интерес, так как ее образование существенно изменило геополитическую систему Внутренней Азии, алгоритм ее исторического развития. В связи с этим изучение этого процесса как политического феномена, имеющего собственную культурно-историческую природу, представляет собой актуальную и интересную задачу.

Изучение становления государственности у монгольских народов позволяет глубже понять специфику политических процессов в современном мире, роль национального и идеологического фактора.

Сегодня на фоне глобализирующегося мира, интегрирующихся экономик, политических и правовых систем отчетливо наблюдаются национально-государственные процессы. Несомненно, за государствами современного типа в обозримом будущем сохранится роль основных участников мировой политики, на которых лежит ответственность за глобальную безопасность и будущее человечества. Данное понимание предполагает научно обоснованный анализ природы и функций современных государств, исследования исторического процесса их формирования, становления и дальнейшего развития, а также переосмысление принципа суверенитета в условиях современной политики, принципов международного права, их роли и значения в международной жизни.

Сложность изучения становления государственности в истории развития общества, народа обусловлена многофакторностью геополитических процессов, а также отсутствием однозначных теоретических критериев, которые позволяют в достаточной мере выявить соотношение общего и особенного в политических процессах, понять их культурно-историческую природу. Всегда дискуссионным остается вопрос о том, что те или иные ученые вкладывают в понятия «государство», «государственность», «суверенитет», «независимость», какие факторы являются определяющими в историческом процессе формирования государственности, а какие дополнительными, как соотносится объективное и субъективное в процессе выбора политической судьбы народа. Именно поэтому применение междисциплинарного подхода к научно-теоретическому анализу конкретно-исторических условий и предпосылок становления монгольской государственности в геополитическом пространстве Внутренней Азии начала XX в. наиболее точно позволяет выявить, какие исторические и социальные факторы обусловили процесс государственного

строительства, его политико-правовую природу.

На современном этапе назрела потребность обозначить и изучить всю сложность процесса становления монгольской государственности в течение всего XX в., для того чтобы понять, что сама по себе независимость и, как следствие, широкое международное признание, не появляются одномоментно, вдруг, а являются результатом сложных, длительных, противоречивых и, порой, драматических событий.

При изучении процессов государственностроительства у монголоязычных народов важно понимать, что они не всегда шли одновременно на всем пространстве Внутренней Азии: в тех или иных политических образованиях начинались чуть раньше или чуть позднее. Причина тому – совокупность внутренних и внешних факторов, запускающих и поддерживающих эти процессы. Однако вне зависимости от временных рамок, раз запущенные, они уже не подлежали остановке, поскольку и ситуация в регионе, и сам ритм политической жизни диктовали скорость и динамизм. Само двадцатое столетие – самое динамичное в истории цивилизации время, век быстроменяющихся социальных систем, динамических политических и культурных процессов. Острые социальные и экономические противоречия, возрастание межгосударственной конкуренции в борьбе за азиатский рынок – все это стимулировало рост антиколониального, национально-освободительного движения, при этом

выявлена общеисторическая тенденция в эволюции стран Азии. Последовательное осуществление революционных перемен в политической жизни привело к постепенной демократизации всех сторон общественной жизни, формированию новых типов государственности.

Политические процессы происходили одновременно в двух измерениях с разной степенью интенсивности. С одной стороны, это демократические преобразования традиционных политических систем таких стран, как Япония и Китай, и возникновение новых национальных государств, таких как Монголия, а с другой – становление новой международной экономической и политической системы, где Азия начинает играть важную роль.

В связи с этим исследуемая проблематика имеет важное теоретическое и практическое значение, так как историко-политологический анализ событий, охвативших азиатский регион в XX в., позволит более адекватно понимать природу современных региональных политических процессов, определять основные тенденции эволюции мировой политической системы. Монголосфера – это не только регион, территориально граничащий с Россией, но и регион, который по своим этнокультурным и конфессиональным признакам родственен Бурятии, Калмыкии, Тыве и тем самым делает Россию в целом частью цивилизационных процессов Центральной и Внутренней Азии.

Литература

1. Долой сибирский сепаратизм!». – URL: <http://angarsk.babr.ru/?IDE=103373> (дата посещения 1.02.2013 г.).
2. Дудин П.Н. Государственность Мэнцзяна: хронология становления // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. – Вып. 7. – С. 111-115.
3. Дудин П.Н. Монгольская Алашаньская Республика как политический проект 1940-х гг. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2014. – №2. С. 33-42.
4. Конституционный суд Бурятии могут упразднить // Буряад үнэн. – 2012. – 07.06; Почему власть хочет избавиться от Конституционного суда? // МК в Бурятии. 2012. 12.12; Год без Конституционного суда // Информ-полис. – 2013. – 06. 02.
5. Михалев А.В. Монголия в Новой большой игре: борьба за влияние и неформальные институты мягкой силы. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. – С. 13.
6. Монголы выступили против слияния российских регионов // Коммерсантъ. – 2006. – 10.03; Буряты не хотят повторить судьбу эвенков // Новая газета. – 2006. – 13.03; Бурятские шаманы помогли против объединения // Коммерсантъ. – 2006. – 20.03; Национальные элиты тормозят укрупнение регионов // Независимая газета. – 2006. – 29.03.
7. Сибирский сепаратизм в разы сильнее северо-кавказского. – URL: <http://www.nakanune.ru/articles/15366>, дата посещения 1.10.2013 г.
8. «Сибирский сепаратизм» разрывает Россию. – URL: <http://bratska.net/?doc=1823> (дата посещения 1.10.2013 г.).

Дудин Павел Николаевич, кандидат политических наук, доцент кафедры международного права и международных отношений юридического факультета Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ, Россия), e-mail: dudin2pavel@gmail.com

Митупов Константин Бато-Мункич, доктор исторических наук, профессор, директор Института Внутренней Азии Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ, Россия), e-mail: mitupov@inbox.ru

Dudin Pavel Nikolaevich, candidate of political sciences, associate professor, department of international law and international relations, faculty of law, Buryat State University (Ulan-Ude, Russia)

Mitupov Konstantin Bato-Munkich, doctor of historical sciences, professor, Director of the Institute of Inner Asia, Buryat State University (Ulan-Ude, Russia)

УДК 94. (571.5)

© И.А. Бутаев

Национально-освободительное движение в Сибири (начало XX в.)

В статье рассматриваются вопросы зарождения и развития методов политической борьбы в национально-освободительном движении сибирских народов алтайцев, бурятов, хакасов, якутов, тувинцев в начале XX века. Акцентируется внимание на вопросе влияния синхайского революционного движения на примонгольские территории России.

Ключевые слова: Карокорум-алтайская управа, Чорос-Гуркин, Урянхайский край, Алаш-Орда, ихэтуань.

I.A. Butaev

National liberation movement in Siberia (the beginning of the XX century)

The article considers the issues of the origin and development of the methods of political struggle in the national liberation movement of Siberian nations: Altains, Buryats, Khakasses, Yakuts, Tuvinians in the beginning of the XX-th century. The special attention is paid to the issue of the influence of Xinkhai revolutionary movement on the Mongolian side of the Russian territory.

Key words: Kharakorum-Altai department, Choros-Gurkin, Uriankhai area, Alash-Orda, ikhetuan.

Среди бурят и других коренных народов Сибири, этнически связанных с монголами, в начале XX в. получает распространение национально-религиозная идеология, под эгидой которой они объединяются в противостоянии массовому и алчному русскому переселенческому потоку в Сибирь, стремившемуся при поддержке царя отобрать породные земли инородцев. Мы полностью разделяем научное мнение американского профессора Р.А. Рупена, высказанное в его труде «Монголы двадцатого века» [1]. Рупен считает, что буряты в начале XX в. политически активизировались из-за борьбы за свои породные земли, начавшейся в ходе вторжения переселенцев. Полагаем, что это действительно был самый острый вопрос, с которым столкнулся каждый бурят в отличие от влияния русско-японской войны, первой русской революции, строительства Транссиба, первой мировой войны, о которых некоторые буряты возможно даже не слышали. Вследствие развития ситуации в начале XX в. среди ойротов распространяется синкретический бурханизм, вобравший в себя элементы ламаизма, пришедшего к ним от монголов через Чуйскую долину из аймаков Кобдо и соединившийся с ойротским шаманизмом. На этой основе ойротские роды сеоки консолидируются в единую нацию вокруг Улалы (Горно-Алтайск) и поднимают национально-освободительную борьбу за свои права [2], требуя уважения со стороны пришлых русских к их родовым тосам (местам поклонения) и прекращения раскопок курганов. Противостоя культуре многочисленных переселенцев, ойроты идентифицировали себя с ранее существовавшей государственностью западных монголов XVIII в. в лице Джунгарского ханства. Основным политическим требованием

ойротов к царизму являлось образование отдельного ойротского уезда со своими органами управления в виде Карокорум-алтайской управы. В 1904 г. царизму удается жестко временно подавить ойротское движение. Однако идея ойротов о государственности все же была ими реализована после 1917 г. под руководством известного национального живописца Григория Чорос-Гуркина, являвшегося учеником прославленного В.И. Сурикова [3]. Вместе с ойротами значительно активизируется протестная деятельность среди минусинских татар (хакасов) [4]. Свой протест они выражали формированием вооруженных национальных групп, именуемых в народе «хасхын» в труднодоступных горно-таежных массивах вдали от аалов с проживанием в возведенных крепостных сооружениях. Методом борьбы хасхынов, в подавляющем большинстве «улусных людей», или харачы, являлась кража лошадей и скота у переселившегося русскоязычного населения. Причиной недовольства опять-таки выступает земельный вопрос со стороны скотоводов, осуществивших кочевой образ жизни и насильственная христианизация взамен традиционного шаманизма. Однако минусинские татары в своей протестной деятельности, в отличие от ойротов, не имели цели по образованию своего национально-территориального формирования в составе России и тем более независимого государства. Аналогичное ойротам и минусинским татарам национально-религиозное противостояние в конце XIX в. происходило и у забайкальских бурят. Следует отметить, что у бурятов именно буддистское духовенство становится защитником национальной культуры, языка, вековых традиций и открыто вступает в борьбу с притеснением со

стороны царизма. Данная практика сохраняется в народе и в настоящее время и в эпоху любого лихолетья, народ объединяется вокруг религиозных центров – дацанов. Хамбо-лама Сандэлэг Ванчиков, разъезжая по бурятским улусам, лично призывал бурят к отказу от христианизации и руссификации, к сохранению национально-религиозных верований, культурных традиций, родовых обрядов и противодействию насильственной политике российского правительства в этом вопросе [5]. Среди бурят усиливаются свойственные классическому кочевому народу при осложнении политической ситуации настроения, направленные на подготовку к скорому и массовому переселению на неподвластные царскому правительству территории в родственных Китае и Монголии в целях выжидания ситуации и возможного изменения шовинистического политического курса во внутренней политике России, направленного против исконных интересов и прав инородцев-скотоводов.

Подобно бурятам, ойротам, минусинским татарам летом 1906 г., объединившиеся во главе с Амбань-нойоном, урянхи в борьбе за сохранение земель «позорно изгнали со своих территорий» русских пограничников, инженеров и рабочих золотодобытчиков, требуя прекращения раскопок на их родовых землях или выплаты процентных отчислений [6]. В своей протестной деятельности урянхов от остальных инородцев Азиатской России отличала лихость поведения, бесстрашие перед царскими войсками и контроль за своими родовыми землями. Этому способствовало отдаленное расположение Урянхайского края по отношению к столичному Пекину, он являлся северной окраиной цинской империи, на территорию которого ограниченно переселялись русские, располагался в стороне от караванных путей в виде железнодорожных магистралей и проложенных трактов. Хотя здесь же отметим, что как и урянхам, всем сибирским инородцам чуждым явлением была преступность, как заметил иркутский генерал-губернатор [7]. Объединяющим элементом для сибирских инородцев является их культурная, религиозная и расовая общность с Монголией, выступавшей по отношению к ним на протяжении веков метрополией. Ойроты, буряты, урянхи и даже минусинские татары ориентировались и развивались во взаимосвязи с Монголией, исповедуя общий для всех шаманизм с элементами буддизма, в разной степени развитого у каждого из них. Нельзя не учитывать взаимное влияние народов, их стремление к расовому единству и подобию. Более того, известно, что, как и в развитии истории, в

этногенезе ойротов, урянхов, бурятов, минусинских татар приняли участие монгольские племена. Эти же народы использовали старомонгольское письмо и язык как средство межнационального общения. Даже царизм применял по отношению ко всем одинаковую тактику, не разбирая народы и формируя своими реформами основы будущей «тюрьмы народов» для инородцев, успешно заработавшей в СССР, путем закрытия границы, запрещения родственного общения с монголами и преследование за требование соблюдения прав. В свою очередь отметим, что монголы получали информацию о происходящем среди народов Азиатской России от представителей каждого сибирского народа в отдельности. Наиболее видные деятели каждого народа традиционно прибывали в Ургу, Улясутай, Кобдо за поддержкой и благословением, подобно урянхайскому амбань-нойону Оюн Соднам-Балчыру [8], калмыцкому Джа-ламе [9], бурятскому тайше Вандану Жамбалтарову [10]. Инородческие элиты, возможно по согласованию с Монголией, начали призывать свои народные массы к активной борьбе с притеснителями в лице русских. Однако несмотря на повсеместные протесты инородцев, царизм не менял тактику, не воспринимая азиатских инородцев как реальную угрозу и рассчитывал с помощью проверенного средства в виде многомиллионного русского большинства «шапками закидать» недовольные азиатские меньшинства Сибири. Хотя на сегодня национальный вопрос является одним из самых сложных в России [11]. Получившие развитие у монгольских народов Азиатской России в борьбе с русскими национал-патриотические идеи панмонголизма быстро и глубоко проникают в монгольское общество и способствуют в дальнейшем активизации политической борьбы за автономное существование Монголии от Китая. Спустя семь лет, после 1911 г., когда Китай предоставил автономии Внешней Монголии, аналогичные панмонголизму национал-патриотические идеи пантюркизма формируются среди северо-восточных киргизов (казахов) в движении «Алаш» и находят выражение в образовании тюркской республики под управлением «Алаш-Орды». Влияние чингисидова наследия отражалось на всей Азиатской России и представляло угрозу возможной антирусской консолидацией национальных меньшинств на основе исторической памяти бывшего расового единства и управления восточноевропейскими народами.

Обострение противоречий с русскими переселенцами, подстрекаемыми царизмом, за на-

циональные интересы, сводившиеся к породным землям, явилось толчком к совершенствованию форм, методов и целей борьбы в тот период у народов Сибири, сформировавших свою национальную интеллигенцию.

Традиционно образование забайкальских бурят основывалось на монгольских, индо-тибетских, санскритских, китайских учениях. Но к началу XX в. появляется и европейски образованная бурятская интеллигенция, получившая подготовку в русских учебных заведениях Казани, Петербурга и Иркутска, а также в Германии, в основном благодаря содействию именитых бурят, имевших непосредственный выход в царское окружение. Существенную роль в образовательном процессе бурят сыграл придворный императорский врач-тибетолог, крещенный бурят Петр (Жамсаран) Бадмаев, являвшийся уроженцем Агинской степной думы. При его содействии получила образование и становление плеяда известных бурятских просветителей, ученых профессоров и общественно-политических деятелей (Г. Цыбиков, Б. Барадин, Ц. Жамсарано, Б-Д. Очиров и др.). В дальнейшем именно им предстояло возвести фундамент первой бурятской государственности в составе социалистической России.

В мире в целом начало XX в. обуславливается ростом национального самосознания и подъемом национально-освободительного движения в мире. Важнейшей задачей становится расширение прав угнетенных наций. Следует отметить, что в конце XIX в., в 1885 г. в Азии в Мадраसे образовывается первая и старейшая национальная политическая партия, открыто противостоящая европейскому колониализму – Индийский национальный конгресс [12]. Аналогичные движения следом происходят в соседнем для бурят Китае, покрывшемся сетью тайных политических молодежных обществ. Подобным формированием явился «Белый лотос», представители которого именовали себя школой искусств самообороны «ихэтуань» (досл. – «кулак во имя справедливости и мира»). Движение ихэтуаней было направлено на физическое уничтожение последователей христианства. Открытое антиевропейское выступление, переросшее в так называемое восстание боксеров, началось в 1899 г. в провинции Шаньдун и в Маньчжурии и тайно поддерживалось старой императрицей-вдовой Цыси [13]. Индия, Тибет и Китай на протяжении веков оказывали духовное и культурное влияние на народы Северо-Восточной Азии посредством религии, литературы и искусства. Однако Китай установил с ними отношения не

только на уровне культурных и экономических связей, но и политически присоединил к сфере влияния, включив в состав своего государства в XVII в. территории, заселенные монгольскими народами вместе с Урянхайским краем и Внешней Монголией, сформировав единое пространство, руководствующееся общекитайскими ценностями. Устаревшая политическая система управления Китая привела его к кризису, повлекшему развитие национального сепаратизма на окраинах империи и переориентации национальных элит в сторону других государств. Урянхайский край и Внешняя Монголия в конце XIX в. подпадают под интересы России, установившей с ними торгово-экономические связи. Осознавая невозможность образования самостоятельного государства, находясь под всесторонним контролем Китая, монгольские народы цинской империи через взаимодействие с бурятами, калмыками, ойронтами, входившими в состав России с XVII в., все более тяготеют к ней, надеясь на возможную поддержку своих дальних и амбициозных планов обретения самостоятельности. Хотя те же буряты, калмыки и ойроты в конце XIX в. не помышляли об идее образования самостоятельных государств.

Таким образом, решение русского земельного вопроса за счет скотоводческих угодий инородцев Сибири путем переселения безземельных крестьян на их земли явилось конечной точкой активизации антиправительственной борьбы. Борьба инородцев началась повсеместно в Азиатской России, но выражалась по-разному: в виде открытых нападений на российских пограничников и промышленников с их насильственным выселением с родовых территорий как у урянхов, в виде театральные постановки и формирования общественной партии как у якутов, в виде образования вооруженных отрядов «хасхынов» и нападений на русские поселения с целью конокрадства как у минусинских татар, в виде политических выступлений и требования территориальной автономии как у ойротов, в виде народных съездов и предъявления требований правительству как у бурят. Расовую солидарность движениям придавал развернутый Японией внешнеполитический курс под девизом «Азия – азиатам» и антиевропейская компания в странах Восточной Азии. Начало XX в. царизм превратил в период подъема политической борьбы народов Азиатской России за право национальной государственности.

Литература

1. Этническая и национальная политика государства в Бурятии (XIX – начало XXI в.). – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2007.
2. Обручев В.А. Путешествие по Центральной Азии и Китаю // Путешествия по Сибири. – М.: ЭКСМО, 2012.
3. История Тувы: в 2 т. – Новосибирск: Наука, 2007. Т. 2.
4. Кузьмин С.Л. Барон Унгерн в документах и мемуарах. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2004.
5. История Бурятии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. Т. 3.
6. Бабаков В.В. Национально-государственное строительство в Бурятии в 1917-1919 гг. – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2012.
7. Баабар. История Монголии: от мирового господства до советского сателлита. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2010.
8. История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. – М.: Прогресс, 1995.
9. История Якутии. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2006.
10. Елаев А.А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. – М.: Вестком, 2000.

Бутаев Игорь Алексеевич, кандидат политических наук, тел.: 89246568773.

Butaev Igor Alekseevich, candidate of political sciences, tel: 89246568773.

УДК 94(47)(571.54)

© В.В. Бабаков

**Роль Бурнардумы в планах атамана Г. Семенова
по созданию Забайкальской казачьей республики в 1919 г.**

В статье анализируются особенности национально-государственного строительства, осуществляемого Бурнацком (Бурнардумой) в Забайкалье в условиях гражданской войны и иностранной военной интервенции после временного падения Советской власти в 1919 г.

Ключевые слова: национально-государственное строительство, Бурнацком, Бурнардума, Забайкалье, гражданская война, интервенция, атаман Г. Семенов.

V.V. Babakov

**The role of Burnarduma in the plans of ataman G. Semenov
on the foundation of the Transbaikalian Cossack Republic in 1919**

This article analyzes the features of national state building by Burnatskom (Burnarduma) in Transbaikalia in conditions of the Civil war and foreign military intervention, following the temporary fall of the Soviet power in 1919.

Keywords: nation state building, Burnackom, Burnarduma, the Civil war, invasion, ataman G.Semenov.

Процесс и практика политической адаптации национально-государственных органов самоуправления бурят к сложившемуся к концу 1919 г. политическому режиму в Забайкалье представляет исследовательский интерес. Политический террор последних месяцев правления семеновцев не мог не отразиться на взаимоотношениях с Бурнардумой. Забайкальская власть стремилась усилить свои позиции в вооруженной борьбе с наступающими частями Красной армии и партизанами. Для достижения этих целей предполагалось мобилизовать все бурятское население края, создать из него ударные конные отряды, которые бы составили основу семеновской группировки войск. Тем более, что значительная часть бурят до революции 1917 г. была приписана к казачьему сословию. Напрямую, своим приказом по армии атаман Г. Семенов не

мог мобилизовать бурят, так как они юридически ему не подчинялись. Все мобилизационные мероприятия находились в компетенции Бурнардумы, которая всячески оттягивала, а порой и саботировала их. Поэтому во второй половине 1919 г. семеновская администрация преступила к форсированному осуществлению давней идеи лично Г. Семенова о создании Забайкальской казачьей республики, где все население края (включая бурят) являлось бы казаками, с вытекающими отсюда правами и обязанностями. В случае такого развития событий любые приказы Забайкальского атамана подлежали абсолютно беспрекословному исполнению.

На почве взаимных обвинений и претензий взаимоотношения Бурнардумы и администрации атамана Г. Семенова в конце 1919 г. окончательно обострились.

Атаман Г. Семенов к концу 1919 г. в категоричной форме настоял на проведении общебурятских съездов Иркутской губернии и Забайкальской области, практически с одинаковыми требованиями. Требование было одно – самообилизация бурят, только цели ее виделись по-разному у главных участников этих событий.

Бурнардума считала, что созданные военные формирования «...несут охранно-караульную службу, но ни в коем случае – полицейскую...» [1, с. 125]. Особенно акцентировала внимание на том, что «...Западный фронт нас не должен интересовать, туда нечего посылать людей...» [2, с. 168].

Таким образом, бурятский национально-государственный орган рассматривал созданные национальные военизированные формирования лишь в качестве народной милиции, со всеми вытекающими из этого статуса последствиями.

Атаман Г. Семенов в своих корыстных целях устремлениях пошел гораздо дальше. Его заветная идея о создании Забайкальской казачьей республики подразумевала уравнивание всего населения края в своих правах и обязанностях с казачьим сословием, подчинение его организационной структуре и органам управления Забайкальским казачьим войском. Поэтому Бурнардума очень скоро оказалась пешкой в крупной геополитической игре семеновцев, а значит японцев. Она неожиданно для себя столкнулась с перманентно нарастающим процессом оказания всего бурятского населения. Плата за перспективы создания «Великого монгольского государства» оказалась слишком велика.

Оказывание бурятского народа автоматически вело к полной его самообилизации. В случае успеха эта мера могла дать в руки Семенова серьезную военную силу для борьбы с нарастающим партизанским движением в Забайкалье.

Читинский съезд состоялся 22-30 октября, а Боханский (Ангарский аймак Иркутской губернии) – 2-4 ноября 1919 г. [3, с. 127].

Наиболее представительным съездом был Читинский, на который прибыло 178 делегатов от всех аймаков и хошунов Забайкалья. Первым на повестке дня стоял «Доклад Народной думы об общем положении бурятского населения и национальных учреждений».

Съезд в течение нескольких дней обсуждал этот вопрос. В докладе председатель Бурнардумы Д.С. Сампилон нарисовал безрадостную картину состояния национальных учреждений и положения бурят. Он обратил внимание съезда на три основных положения своего доклада.

1. В конце 1918-1919 гг. Бурнардуме, несмотря

на прилагаемые усилия, так и не удалось через колчаковское правительство провести декрет о придании бурятским национальным учреждениям юридически-государственного статуса. Только администрация атамана Г. Семенова в Забайкалье «де факто» признала бурятские учреждения и осуществляла с ними деловой контакт.

2. В означенный период обострились взаимоотношения между тремя группами населения Забайкалья: бурятами, крестьянами и казаками. Особенно между бурятским населением и казачеством ввиду нежелания подавляющего большинства бурят-казаков возвращаться назад в станицы. Вопрос этот стоял крайне остро, часто выливался в насильственные действия «станичников»-«аймачников».

3. Выявились отрицательные отношения многих представителей русского населения и казенных учреждений к идее самоопределения бурят. То есть «панмонгольская идея», лидеров Бурнардумы при поддержке атамана Г. Семенова и Японии вызвала резко негативную реакцию колчаковского правительства и русского населения вообще.

Выход из создавшегося положения председатель Бурнардумы видел в переходе бурят в казачье сословие. Для бурятского населения эти сулили большие выгоды.

1. Казачество в России имеет больше прав по сравнению с другими категориями населения, находится в привилегированном положении, особенно в Забайкалье, где осуществлял власть атаман Г. Семенов.

2. Войти в казачье сословие – значит упрощать за собой права на землю.

3. Быть казаками – значит пользоваться широкой системой органов самоуправления.

Сама идея построения органов национально-самоуправления по типу казачьих принадлежит народникам. Идеология лидеров бурятского национального движения была близка «неонароднической», поэтому они под диктатом Г. Семенова вынуждены были осуществить попытку ее реализации.

В своем выступлении Э.-Д. Ринчино пытался убедить делегатов в демократизме казачьих учреждений ссылкой на то, что в современных казачьих войсках нет прежней единоличной власти наказных атаманов, а происходит ежегодная сменяемость выборных лиц.

Атаман Г. Семенов в выступлении на съезде призвал реорганизовать бурятские национальные учреждения по типу казачьих. В случае успеха он получал неограниченную власть над

Бурнардумой и, значит, над бурятским населением, продвигался еще на один шаг в деле реализации своей заветной идеи «атаманщины» на территории Забайкалья.

Делегаты съезда вносили свои контрпредложения. Предложение лидеров Бурнардумы и Г. Семенова о переходе в казачество было отклонено. Подано: «за» – 55; «против» – 124 голоса.

Боханский съезд также высказался против самооборонения бурят. П.Т. Хаптаев писал: «Читинский и Боханский съезды отвергли план «оказачивания» бурят. Будучи крайне недоволен этим, атаман Г. Семенов прибег к своему обычному методу – репрессиям. Один из видных бурятских деятелей М.Н. Богданов за активное выступление против перевода бурят в казачье сословие был арестован семеновцами и зверски убит. Бурнардума фактически была закрыта...» [4, с. 129]. Был арестован и Н. Дылыков.

Профессор Н.Н. Козьмин писал, что они «оба, почти в один день, погибли в конце 1919 г.» [5, с. 180]. Он объяснял причины этих актов бессмысленного террора: «Убийство М.Н. Богданова (и Н. Дылыкова. – В.Б.) объясняется тем паническим, животным страхом, который овладел офицерством, сосредоточившимся в Чите, Верхнеудинске и Троицкосавске. Одновременно были произведены, как известно, массовые убийства в “Красных казармах” Троицкосавска. Есть основания думать, что убийства были инспирированы теми советниками из иностранных военных отрядов, которые руководили фактически военными действиями и политикой в Чите и которым представлялось необходимым обострить политическое положение в Забайкалье» [6, с. 181].

Даже американский генерал У.С. Грейвс [7], командовавший тогда 10-тысячным экспедиционным корпусом в Сибири, не удержался от уничтожительной характеристики атамана Г. Семенова и развязанного им террора: «В сентябре ко мне явился также Семенов, оказавшийся впоследствии убийцей, грабителем и самым беспутным негодяем. Семенов финансировался Японией и не имел никаких убеждений, кроме сознания необходимости поступать по указке Японии. Он всегда оставался в поле зрения японских войск. Он поступал так потому, что не мог бы продержаться в Сибири и недели, если бы не опирался на поддержку Японии.... Солдаты Семенова и Калмыкова, находясь под защитой японских войск, наводняли страну подобно диким животным, убивали и грабили народ, тогда как японцы при желании могли бы в любой момент прекратить эти убийства» [8, с. 134].

Бурнардума прекратила свою работу, ее ли-

деры, опасаясь возможных репрессий, частным порядком разъехались. М.Н. Козьмин отмечал: «Действительность в то время была далека от каких-либо мечтаний об автономии и культурно-национальном возрождении. Насилие, грабежи, убийства широкими волнами разливались по Бурятии. В Чите царил кошмар, кровавая драма. Власть находилась в руках невежественных и пьяных офицеров во главе с печально известным Семеновым, оказавшимся у власти благодаря действовавшему в крае интервентским военным отрядам. Почти ежедневно совершались политические убийства. Из квартир выхватывали граждан, бросали в тюрьмы и топки паровозов. Семья не бывала уверена, что вышедшие из дома муж или жена возвратятся» [9, с. 180-181].

Бурнардума в сложившейся общественно-политической обстановке фактически самоустранилась от руководства национальным движением.

Причины этого следующие:

1) окончательная потеря контроля над бурятскими массами, особенно после Читинского и Боханского съездов;

2) начавшиеся репрессии семеновцев против бурятских национальных деятелей;

3) падение авторитета центральных органов национального самоуправления из-за поддержки ими непопулярного к концу 1919 г. режима атамана Г. Семенова;

4) пассивный саботаж интеллигенцией текущей работы в местных органах;

5) крах идеи «панмонгольского объединения».

После временного падения Советской власти в Восточной Сибири в августе 1918 г. общественно-политическая обстановка заставила бурятских национальных лидеров пойти на компромисс и сотрудничество с новой властью. Бурнацком, переименованный в Бурнардуму на ноябрьском Верхнеудинском съезде 1918 г., вынужден был отступить от некоторых принципов своей политики. С приходом к власти атамана Г. Семенова, Бурнардума нарушила принцип нейтралитета, создала аймачные отряды «Улан-Цагда» для охраны и защиты бурятских земель. Стихийный протест народных масс против призыва в Цагда вылился в «теократическое движение», которое было подавлено Бурнардумой с помощью семеновской администрации, так как оно отвлекало бурят от борьбы за национальную государственность. Бурнардума использовала любые средства и любые правящие режимы для достижения главной цели – создания бурятской государственности. Неопределенность будущего бурятского народа и его автономии в рамках

Российского государства, раздираемого классово-вой борьбой и гражданской войной, заставила искать Бурнардуму обретение собственной государственности путем объединения монголоязычных народов.

Идеи «панмонголизма» импонировали военным кругам Японии, которые преследовали свои геополитические цели в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Поэтому они поддерживали любые сепаратистские проявления различных политических сил, начиная с атамана Г. Семенова и заканчивая движением «панмонголизма» среди бурят. Идеи политической консолидации монголоязычных народов в единое государство оказались оторваны от реальной жизни, неосуществимы.

Серьезной проблемой на пути к бурятской государственности была проблема бывших бурят-казаков, которых семеновская военщина за-

ставляла переходить обратно в казачество. Борьба между Бурнардумой и атаманом Г. Семеновым за бурятское казачество и послужила формальным поводом, особенно после Читинского и Боханского съездов 1919 г., для фактического свертывания работы Народной думы бурят-монголов. Хотя причины этого гораздо глубже: 1) потеря контроля Бурнардумы над народными массами; 2) недовольство политикой Бурнардумы народных масс; 3) репрессии семеновцев против бурятской национальной интеллигенции; 4) провал «панмонгольского движения». Дальнейшее формирование национальной автономии шло под непосредственным влиянием внешне- и внутривластной обстановки в стране, на которое Бурнардума уже не оказывала существенного влияния.

Литература

1. Э.-Д. Ринчино. Документы. Статьи. Письма. – Улан-Удэ, 1994.
2. Национальное движение в Бурятии в 1917-1919 гг.: документы и материалы. – Улан-Удэ, 1994.
3. Хаптаев П.Т. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Бурятии. – Улан-Удэ, 1964.
4. Там же.
5. Козьмин Н.Н. Михаил Николаевич Богданов // Очерки истории Бурят-Монгольского народа. – Верхнеудинск, 1926.
6. Там же.
7. Был назначен президентом Вильсоном командующим американскими экспедиционными силами в Сибири (АЕФ Siberia), включавшими в себя 27-й и 31-й пехотные полки армии США и большое число добровольцев из 13-й и 62-й пехотных полков, всего 7950 человек. Прибыл во Владивосток 4 сентября 1918 года. Официальной задачей У.С. Грейвса была охрана Транссиба и эвакуация Чехословацких легионов из России.
- У.С. Грейвс объявил, что он будет проводить политику «невмешательства во внутренние дела России» и «полного нейтралитета», то есть одинакового отношения к колчаковским силам и красным партизанам. По межсоюзническому железнодорожному соглашению американцам был назначен для охраны участка Транссиба от Владивостока до Уссурийска и в районе Верхнеудинска. В своей зоне ответственности американцы не противодействовали красным партизанам. В результате невмешательства американцев в Приморье были сформированы крупные красные силы, достигающие нескольких тысяч человек. Это привело к конфликту между У.С. Грейвсом и атаманом Г. Семеновым, ориентировавшимся на японцев. Г. Семенов обвинял У.С. Грейвса в поддержке красных, а У.С. Грейвс Г. Семенова и поддерживающих его японцев в бандитизме и жестокости по отношению к местному населению.
8. Историк-марксист: ежемесячный общественно-политический журнал. – 1931. – № 6.
9. Козьмин Н.Н. Михаил Николаевич Богданов // Очерки истории Бурят-Монгольского народа. – Верхнеудинск, 1926. – С. 180-181.

Бабаков Виктор Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств», e-mail: viktor.babakov@mail.ru

Babakov Viktor Valerevich, candidate of historical sciences, associate professor, department of history East-Siberian State Academy of Culture and Arts, e-mail: viktor.babakov@mail.ru

УДК 94 (571.54)

© Е.Н. Палхаева, Н.Е. Жукова

Власть и общественные организации Бурят-Монгольской АССР в 1920-х гг.

В представленной статье впервые в новейшей отечественной историографии на основе широкого круга источников рассмотрен процесс становления системы региональных общественных организаций в 1920-х гг. Особое внимание уделено анализу взаимодействия государства и общественных организаций в Бурят-Монгольской АССР, в результате которого установлено определяющее влияние институтов государственной власти на общественные организации в республике.

Ключевые слова: общественные организации, массовые организации, добровольные общества, государственная власть.

Power and public organizations of the Buryat-Mongolian ASSR in the 1920s

In the article the process of formation of a system of regional public organizations in the 1920s has been considered for the first time in the recent homeland historiography on the basis of wide variety of sources. The particular attention is paid to the analysis of interaction between state and public organizations in the Buryat-Mongolian ASSR, as a result of which the impact of institutions of state power on public organizations in the republic has been determined.

Keywords: public organizations, mass organizations, voluntary organizations, state power.

Общепризнанной особенностью развития российского общественного «сегмента» является его тесное взаимодействие с органами государственной власти, которые играют роль главного организатора и регулятора общественной жизни. С этой точки зрения различные формы самоорганизации общества никогда не были полностью свободны от государственного вмешательства, однако их значение для развития тех или иных социальных процессов всегда было достаточно высоко.

Безусловно, колоссальные политические, экономические и социальные перемены, произошедшие в XX в., оставили особый след в развитии общественных институтов, позволив иначе рассмотреть проблему взаимодействия государственной власти и общества. Без сомнения, революционные события 1917 г. стали рубежом для деятельности всех негосударственных структур – организаций, обществ, союзов – поставившие их перед необходимостью включения в нарождавшуюся систему диктатуры пролетариата.

В качестве вводного замечания необходимо подчеркнуть тот факт, что на протяжении изучаемого периода для обозначения всей совокупности негосударственных организаций использовались различные понятия, как например, «общества, не преследующие цели извлечения прибыли», «добровольные общества», «массовые организации», «общественные организации». В 1922 г. было принято положение «О порядке учреждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и о порядке надзора за ними» [18], где фиксировался некоммерческий статус обществ. В конце 1920-х гг. законодательством вводилась новая дефиниция «добровольные общества», принципиальное функциональное отличие которых заключалось в их статусе – общества содействия социалистическому строительству [18]. Следовательно, в течении 1920-х гг. политико-правовой статус негосударственных организаций эволюционировал в сторону ограничения самостоятельности негосударственных организаций.

В 1920-е гг. использовался и термин «массо-

вые организации», который распространялся на профсоюзы, комсомольские организации, а также наиболее крупные общества, например международное общество помощи борцам революции, общество «Долой неграмотность», Союз воинствующих безбожников и другие. Ставший привычным термин «общественные организации», хотя и использовался как эквивалентный перечисленным понятиям, получил юридическое закрепление только в Конституции 1936 г. и обозначал некую унификацию существовавшего разнообразия обществ. Итак, процесс законодательного определения понятий, обозначавших разнородные по своему характеру общественные организации, связан с поиском места общественных объединений в системе отношений «власть – общество». С точки зрения законодательства начала 1920-х гг. разнородность природы общественных организаций была подчеркнута их неодинаковым правовым статусом.

Процесс организационного становления общественных организаций в Бурят-Монгольской АССР проходил в описанном правовом поле и начался с введения их обязательной государственной регистрации. Функции по регистрации обществ были возложены на административный отдел НКВД, который также проводил регистрацию религиозных обществ. Так, согласно отчетам в 1923-1924 гг., было «зарегистрировано 10 обществ, из коих 8 экономических и 2 культурно-просветительных» [1, с. 339]. Но уже на следующем этапе с 1 октября 1925 по 1 октября 1926 г. зарегистрировано всего 4 общества, не преследующих цели извлечения прибыли. Всего на 1 октября 1926 г. таких обществ 7, из них экономических – 6 и культурно-просветительных – 1 [2, с. 145]. В приведенных показателях обращает на себя внимание очевидное снижение регистрируемых обществ к середине 1920-х гг., а также преобладание экономических обществ над остальными. Однако возьмем на себя смелость утверждать, что в силу неясности критериев проводимый учет не охватывал все действующие общества, т.к. к 1926 г. на территории республики существовало большое количество неэкономических обществ.

Появление республиканских организаций, которые являлись своеобразными отделениями всероссийских «массовых организаций», произошло после юридического оформления автономной государственности в 1923 г. Одной из первых общественных организаций, созданных в БМАССР, стало «Общество друзей Военно-Воздушного флота» (Бурлет), образованное в октябре 1923 г., которое возглавил М.Н. Ербанов. Целью его образования стала популяризация идей создания ВВФ СССР, поддержка его общественных инициатив. Общество довольно быстро росло и к концу 1923 г. насчитывало «свыше 600 членов организации только по городу Верхнеудинску, было организовано 9 аймачных отделений ОДВФ» [3 с. 1]. В 1924 г. обществом был проведен первый республиканский съезд, назначенный на 20 октября в г. Верхнеудинске, организационно завершивший образование общества [7, л. 123].

В мае 1924 г. в Верхнеудинске возникло добровольное «Общество содействия жертвам интервенции», которое за год своей работы объединило около 2000 членов [4, с. 1]. Общество оказывало помощь пострадавшим в ходе гражданской войны и интервенции, собирая многочисленные претензии граждан к странам-интервентам и передавая их в центральное ведомство. В 1922 г. на основе решения 4-го конгресса Коминтерна была создана Международная организация помощи борцам революции (МОПР). В мае 1924 г. в Верхнеудинске создается обком МОПРа, в котором рост членов происходил более интенсивно, чем в других обществах военно-патриотического толка, и за 8 месяцев составил 12 тыс. человек. В ходе работы первой республиканской конференции МОПР 14-15 ноября 1925 г. были подведены итоги работы организации, выбран новый обком МОПР в составе 18 человек, из которых 12 – русские и 6 – бурят, 12 – члены РКП(б) и 6 – беспартийные. В резолюции республиканской конференции была отмечена необходимость перехода на работу под лозунгом «От количества к качеству», который создавал возможность реализации этого лозунга путем постановки углубленной, воспитательной работы в массах [17, с. 132].

В 1924 г. в республике организовалось общество «Долой неграмотность» во главе с председателем БурЦИКа М.И. Амагаевым. К маю 1925 г. были окончательно сформированы аймачные отделения общества, не было ни одного хошунного или волостного центра без ячейки ОДН. Наиболее крупными организациями являлись Боханское и Тункинское отделения ОДН

[8, л. 234].

В сентябре 1924 г. было организовано Общество друзей химической обороны и химической промышленности (Доброхим), ставившее своей целью содействие государству в развитии химической промышленности, химизации сельского хозяйства. Однако общество не получило широкого распространения в республике, его ячейки действовали в пределах г. Верхнеудинска, где в 1925 г. насчитывалась 31 ячейка (832 члена) [15, с. 40].

2 декабря 1926 г. существовавшие в республике ячейки безбожников, были объединены в Областной совет общества, организованный в Верхнеудинске, который ставил задачей объединение всех трудящихся для организации активной борьбы против религии во всех ее видах и формах [10, л. 2], под председательством В.А. Богданова, заместителя председателя П.А. Янькова, секретаря – Б.Д. Тогмитова [11, л. 5].

Кроме того, к концу 1925 г. завершился процесс организационного становления российского Красного Креста, политкаторжан и ссыльных поселенцев, Друзей детей и др. Все эти общества вели работу по пропаганде своих идей, вовлечению трудящихся в свои общества, формированию республиканских и местных структур.

Таким образом, к середине 1920-х гг. в Бурят-Монгольской АССР основные массовые организации союзного масштаба прошли этап организационного оформления республиканских, аймачных и хошунных ячеек. Очевидно, что на начальном этапе в республике действовало большое количество обществ, работающих в военно-патриотическом направлении. Причина в столь быстром распространении данной категории обществ видится в предании республики роли «плацдарма в развитии мировой революции на буддийском востоке» [16, с. 40]. Подобное положение приводило к повышенной мобилизационной активности населения, проводниками и организаторами которой выступали эти общества, главным образом МОПР.

Существенной характеристикой взаимоотношений органов государственной власти и общественных организаций в республике стало вмешательство госорганов в повседневные дела обществ. Более того, давление на общественные организации, деятельность которых была всецело направлена на решение стратегических задач, являлось тотальным.

Членами руководящих органов общественных организаций становились представители государственного и партийного аппаратов. Например, в сформированном президиуме респуб-

ликанского союза безбожников из 8 его членов только один не состоял в ВКП(б), остальные были кандидатами и членами партии и занимали высокие должности в аппарате [11, л. 5]. М.Н. Ербанов, возглавивший в 1923 г. республиканское отделение ОДВФ, в 1927 г. стал председателем Совета ОСОВИАХИМА [9, л. 30].

Постоянный контроль партийно-государственных органов придавал работе общественных организаций разрешительный характер, сужая тем самым сферу их самостоятельности. Данное положение стало причиной формализации работы обществ, падения членской активности. Недостаточным партийным руководством, представители общественных организаций чаще всего объясняли отсутствие реальной деятельности и ее результатов. На городском совещании руководителей ячеек СБ в 1928 г., председателем ячейки при Винскладе г. Верхнеудинска отмечалось, что «...библиотеки и уголка при ячейке не имеется. Работы никакой нет ввиду того, что нет партруководства со стороны партячейки» [12, л. 23]. В резолюции проходившего 23-27 февраля 1928 г. первого республиканского съезда Союза Безбожников БМАССР, хотя и перечислены некоторые достижения организационного периода, отмечается «почти полное отсутствие систематической, настоящей, массовой антирелигиозной работы, охватывавшей широкие слои населения» [13, л. 58].

Похожая модель внутреннего развития прослеживалась и в республиканском МОПРе, руководство которого отмечало, что «... мопровская семья должна быть дружной и сплоченной. Этого сейчас у нас нет и это, пожалуй, самый серьезный пробел в нашей работе...» [5, с. 4]. Отчеты о мопровской работе в районах республики содержали созвучные по смыслу сведения о не проводившихся по году собраниях ячеек, слабом поступлении членских взносов, нелегкой задаче собрать общее собрание ячеек МОПРа, как например, в Баргузинском аймаке [5, с. 4].

Согласно текущей отчетности общества «Долой неграмотность» его работа была также формализована, особенно в низовых ячейках. Так, в источниках сохранились сведения о том, что «имели место случаи, когда вся работа сводилась к взиманию членских взносов, и то в слабой степени» [14, л. 48]. Кроме того, обращалось внимание на оторванность ячеек ОДН от крестьянских масс и, как следствие, отсутствие у последних интереса к работе общества, формальное отношение членов общества к своим обязанностям [14, л. 48].

Проблематика деятельности общественных

организаций рассматривалась на страницах газеты «Бурят-Монгольская правда», где в одной из статей подчеркивалось, что «Общественных организаций много, но толку от них мало. По докладам председателей Авиахима, Бурцентрокомпома, Деткомиссии МОПР, РОКК и др., аймачные отделения всех организаций бездействуют. В центре о некоторых отделениях уже давно ничего не слышно. Некоторые организации пытались разбудить свои филиалы, но с мест нет «ни ответа не привета»... «В конце концов, что наши общественные организации бездеятельны – общеизвестный факт», – отмечалось в статье [6, с. 6]. Однако причины подобного положения объяснялись не недостатком общественной инициативы, а недостаточным, по мнению БурЦИКа, руководством советских органов, который предлагал бороться с таким положением с помощью административных мер, а именно провести отчетную кампанию обществ перед аймисполкомами.

Следовательно, во второй половине 1920-х гг. взаимоотношения органов государственной власти и общественных организаций характеризовались усилением административного давления, формализацией и отсутствием четко выстроенной внутренней структуры общественных организаций. Однако последние выступали в роли пассивных субъектов таких отношений и не предпринимали попыток, которые бы продемонстрировали их независимость и самостоятельность.

В контексте рассмотрения вопросов диалога власти и общества в образованной автономной республике, необходимо обратиться к проблеме существования в Бурят-Монгольской АССР собственно «местных», не связанных с союзным центром, общественных организаций. В советской историографии данный вопрос не был предметом специального изучения и в случае упоминания о существовании подобных организаций, они получали название «реакционных» [15, с. 24]. Недостаток источников не позволил на данном этапе выявить их природу и прояснить социальный и персональный состав.

Однако некоторые сведения о таких организациях можно почерпнуть из доклада председателя ВЛКСМ Бурят-Монгольской АССР Н.Е. Кузьяна: «За данный период организация выросла значительно, но все же не сумела охватить влиянием всю молодежь. В некоторых районах стали создаваться параллельно комсомолу другие организации молодежи – некомсомольские. В Ольхонском крае, где почти отсутствовала комсомольская работа, создана организация “Гэрэл”. В Аларском аймаке, наиболее компакт-

ном по населению, где комсомольская организация является одной из самых сильных в республике, созданся “Союз дисциплинированной молодежи”, под руководством бывшего эсера. В Троицкосавском аймаке были попытки к созданию кружка “Колчак”, в Верхнеудинском уезде – “Союз христианской молодежи”. Все это показывает, что наши ячейки еще не могут полностью удовлетворить растущие запросы молодежи в деревне» [19, с. 40]. Следовательно, появление некоммунистических организаций в республике руководство ВЛКСМ объясняло недостатками своей работы, а также не объявляло их ни контрреволюционными, ни оппозиционными.

Рассматривая проблему функционирования местных общественных организаций, необходимо обратить внимание на ее постановочный характер, связанный с вопросом о месте и роли их в общественной жизни автономной республики. Можно предположить, что не распространенность местных форм самоорганизации общества связана с унификационными тенденциями в управлении общественной жизнью страны, которые негативно отразились на деятельности общественных организаций.

Таким образом, условия, сложившиеся в первой половине 1920-х гг., способствовали изменению характера взаимодействия государствен-

ных институтов и общественных структур, представленных в данном случае общественными организациями. Изменение правового положения в начале 1920-х гг. создавало условия для подчинения общественных организаций государственной власти, а также подчеркивало различие их правового статуса. Особенностью процесса формирования системы общественных организаций в Бурят-Монгольской АССР, который начался вскоре после образования республики, стало быстрое складывание системы военно-патриотических обществ, что связано с идеей «экспорта» мировой революции на Восток. Республиканские власти пытались поставить перед общественными организациями ряд задач государственного характера, вовлекая их тем самым в систему идеологической пропаганды. Включение общественных организаций в практику решения государственных задач усиливало давление на них со стороны органов государственной власти. Кроме того, становится очевидным, что местные организации, не имея поддержки со стороны органов государственной власти, не вели активную общественную деятельность и постепенно затухали. Указанные явления можно обозначить как новаторские в системе взаимоотношений государства и общественных организаций в первой половине 1920-х гг.

Литература

1. БМАССР: очерки и отчеты, 1923-1924 гг. – Верхнеудинск: Изд-во Госплана БМАССР, 1925. – 339 с.
2. БМАССР: очерки и отчеты, 1925-1926 гг. – Верхнеудинск: Изд-во Госплана БМАССР, 1926. – 145 с.
3. Бурят-Монгольская правда. – 1923. – №92, 21 дек. – 1 с.
4. Бурят-Монгольская правда. – 1925. – 28 апр. – 1 с.
5. Бурят-Монгольская правда. – 1927. – №59, 18 мар. – 4 с.
6. Бурят-Монгольская правда. – 1926. – №125, 5 июня. – 6 с.
7. ГАРБ. Ф. п-1, оп. 1, д. 432, л.123.
8. ГАРБ. Ф. 248, оп. 1, д. 234, л. 66.
9. ГАРБ. Ф. п-1, оп. 1, д. 870, л.30-30(об).
10. ГАРБ. Ф. Р-581, оп. 1, д. 1, л. 2.
11. ГАРБ. Ф. Р-581, оп. 1, д. 1, л. 5.
12. ГАРБ. Ф. Р-581, оп. 1, д. 5, л. 23.
13. ГАРБ. Ф. Р-581, оп. 1, д. 14, л. 58.
14. ГАРБ. ф. Р-571, оп. 1, д. 2, л. 48
15. Данилова З.А. Общественные организации Бурятии (1923-1928 гг.) – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1989. – 40 с.
16. Елаев А.А. Идея мировой революции как фактор внутренней и внешней политики Бурят-Монголии в 20-е гг. XX в. // Вестник Бурятского гос. ун-та. Спецвыпуск В. – 2012. – 42 с.
17. Жизнь Бурятии. – Верхнеудинск. – 1925. № 5-6. – 132 с.
18. Консультант плюс. – URL: www.consultant.ru. (дата обращения: 08.10.20).
19. Пыкин В.М. История комсомола Бурятии: документы, факты, материалы. 1920-1991. – Улан-Удэ: Респ. тип., 2002. – Кн. 1: 1920-1945. – 2002. – 66 с.

Палхаева Елизавета Николаевна, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории, Бурятский государственный университет.

Жукова Наталья Евгеньевна – аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории, Бурятский государственный университет, e-mail: nataliiuik@mail.ru

Palkhaeva Elizaveta Nikolaevna, doctor of historical sciences, associate professor, head of the department of national and world history, Buryat State University.

Zhukova Natalya Evgenjevna, postgraduate student, Buryat State University, e-mail: nataliiuik@mail.ru

УДК 94(=512.31)

© В.В. Номогоева

Повседневная жизнь бурятского населения (1920-1930-е гг.)

В статье рассмотрены вопросы истории повседневности бурятского населения в 1920-1930 гг. Особое внимание уделяется описанию жилищ бурят в этот период, еды, состояние здоровья населения, видов хозяйственных занятий, обрядам и традициям того времени.

Ключевые слова: буряты, история повседневности, быт, обычаи, традиции.

V.V. Nomogoeva

Everyday life of the Buryat population (1920-1930s)

The article discusses the issues of the history of everyday life of the Buryat population in 1920-1930s. Particular attention is paid to the description of the Buryat dwellings in that period, meals, health status of the population, types of economic activities, customs and traditions of the time.

Keywords: Buryats, history of everyday life, mode of life, customs, traditions.

Строительство новой социалистической жизни в Бурятии происходило в условиях трансформации хозяйственных, семейно-бытовых и этнокультурных отношений. В 1923-1930 гг. в регионе в основном преобладало сельское население, которое составляло примерно 90%. Бурятское население Бурятии занималось в основном традиционными видами деятельности, сохраняя при этом патриархальные традиции, обычаи, нравы и привычки.

Семья в Бурятии в эти годы подразделялась на три основные группы:

- семьи с традиционными устоями быта;
- семьи, куда через школу, детскую организацию, комсомол, партию, производство проникала новая советская культура;
- семьи, где уже прижился новый бытовой уклад.

Большинство бурятских семей относилось к первым двум типам.

Основным жилищем бурят являлся в то время срубный дом типа русской крестьянской избы. Были распространены и войлочные юрты, которые сохранились у агинских, еравнинских и закаменских бурят. Замена войлочных юрт срубными домами приводила к изменению бытовых условий населения.

В первой половине 1920-х гг. жилищные условия бурятского населения западных аймаков были построены по русскому образцу, жители Боханского аймака проживали в четырехстенных домах, крытых тесом, драньем. Длина дома была 3½ сажени, ширина – 3, высота – 3¼ аршина, окон было 4-5. Наличники и рамы иногда красили. Летом население жило в восьмиуголь-

ных юртах [1].

По описанию доктора Жинкина, восточные буряты продолжали вести традиционный образ жизни. «Жилище их – войлочная юрта. Она служит и для летнего и для зимнего пребывания. Юрта состоит из деревянного остова, построенного из березовых или ивовых палок, связанных между собой ремнями (канны). Установленная клетка представляет из себя короткий цилиндр, закрытый конусообразной кровлей с отверстием посередине для дымохода. Клетка и кровля по бокам обтянута войлоком и скреплена веревками. Юрты круглые, диаметр от 4,0 до 4,8 м, высота по середине от 2,0 до 2,3 м, полы в основном земляные. Обычными предметами в юрте были один, два или три орона (дощатые кровати), прямо, напротив входа, у стены Богдо Шэрэ (шкаф для бурханов), два или три переносных столика, сундуки под одежду, другой мебели нет. У входа в юрту стоит кухонная посуда. Некоторые юрты оборудованы швейными машинками и железными кроватями. Среднее количество живущих – 4 человека, средняя площадь юрты составляет 15,2 м². Помимо такого рода юрт существуют для жилья еще деревянные строения, представляющие из себя род сараев, сделанных из досок» [2].

Основной пищей бурятского населения являлось мясо (количество которого употреблялось в зависимости от достатка хозяйства), арца (продукт молока), молоко и чай.

По результатам экспедиции в 1926-1927 гг., обследовавшей агинских бурят доктор Жинкин констатирует: «Быт спепняков очень сильно зависел и от влияния религиозных и традицион-

ных предрассудков. Например, существовало поверье, что смывать грязь – значит смывать счастье, а так как каждому человеку естественно стремиться к счастью, то степняки буряты занимаются усердным культивированием грязи. Привычка поддерживать тело в чистоте совсем отсутствует. Бани буряты почти не знают. Мыла также не употребляют. Приготовление пищи своеобразно и в санитарном отношении критики не выдерживает. Чай пьют из деревянных чашек, ими кушают суп, а мясо забирается прямо руками и отправляется непосредственно в рот. Посуда не моется, в лучшем случае вытирается грязным передником или полый тырлыка (верхняя одежда), а ложки и чашки просто облизываются. Немытая чашка от одного переходит к другому. Трубка также часто раскуривается общая. Буряты почти все сплошь, как мужчины, так и женщины, курят табак и лишь некоторые из них жуют его. В результате домашней нечистоплотности распространена передача заразных заболеваний через посуду. Употребление в пищу непроваренного мяса служит одной из причин распространения заболеваний ленточными глистами, а загрязненные источники водоснабжения, надо полагать, служат причиной заболевания аскаридами» [3].

Доктор Нагибин по результатам обследования 1927-1928 гг. бурят Аларского аймака делает обнадеживающие выводы о том, что, начиная с 1924 г., кривая рождаемости у бурятского населения поднимается с каждым годом, в том числе и в результате проведения профилактической работы по оздоровлению бытовой обстановки [4].

В 1928-1929 гг. отделом охраны здоровья детей и подростков Наркомздрава РСФСР и Деткомиссия ВЦИК совместно с Наркомздравом БМАССР была организована экспедиция по изучению состояния здоровья и заболеваемости детей Бурят-Монголии, которая пришла к выводам: во-первых, общее развитие бурятских детей в большинстве случаев зафиксировано как среднее или хорошее; во-вторых, при почти поголовной туберкулезной интоксикации детей средней полосы РСФСР, у бурятских детей симптомы этого заболевания встречаются гораздо реже: нет отставания в развитии, нет субъективных симптомов. Если бы не ряд заболеваний, связанных с бытом (глисты, сердечные расстройства, трахома, трихофития, отиты и пр.), то мы имели бы в Бурят-Монголии исключительно здоровых детей [5].

По итогам работы была дана рекомендация Наркомздраву БМАССР – повысить внимание

охране здоровья детей, (объем во всем бюджете Наркомздрава БМАССР составлял 1%, а по пятилетнему плану предусматривалось его увеличение до 2,5%). В условиях роста школьных учреждений в Бурятии и заболеваемости детского населения, этих средств было явно недостаточно. Хотя необходимо отметить активное участие населения в затратах для нужд детей. Например, жители Ага-Хангинского улуса (подавляющее большинство – бедняки) собрали средства на завтраки, на постройку бани и уборной при школе.

Экспедиция сделала выводы, что бурятские дети питаются неправильно; в их пище отсутствуют овощи и фрукты, имеющие большое значение для правильного развития детского организма. Большинство детей были среднего и хорошего развития, хотя имели невысокий иммунитет. Одной из причин невысокого иммунитета было отсутствие в пище ребенка зелени. Поэтому были озвучены рекомендации, что школа должна стать центром огородничества [6].

В области санитарных мероприятий и борьбы с социальными болезнями особое внимание уделялось профилактике и повышению санитарной культуры населения. Подготовка санитарных инспекторов-уполномоченных проводилась из числа самих трудящихся, прежде всего колхозников. В июне 1935 г. во время проведения культпохода ведущей формой стал месячник санитарии. На местах были созданы санитарные штабы. Проверялась деятельность социально-бытовых секций сельских, сомонных и булучных советов, закладывались сады и палисадники, строились спортивные сооружения и площадки, в быт внедрялись современные предметы санитарии и гигиены, строились бани, уборные и т.д.

Использовалась форма создания отрядов «легкой санитарной кавалерии», по которой медицинские работники и активисты санитарных бригад обучали колхозниц навыкам личной и домашней санитарии и гигиены. Для детей организовывались пионерские лагеря, летние и детские площадки.

Внедрение санитарно-культурных навыков происходило в тесной связи с политическим просвещением. По мнению идеологов, человек «нового типа», соблюдая правила личной гигиены или заботясь о здоровье близких, должен был думать не столько о собственном благополучии, сколько о Советском государстве, заинтересованном в здоровых рабочих и колхозниках и грамотных, социально активных «националках» и домохозяйках.

Основным проводником санитарно-просветительной

работы на местах являлась изба-читальня. В результате ее деятельности развиваются новые формы быта, красные свадьбы, борьба с калымами и т.д. В отдельных деревнях и улусах появляются новые формы развлечений, красные вечеринки, постановки, новые игры, такие как шахматы и футбол.

Осинская изба-читальня сумела организовать досуг молодежи. Была использована новая форма – посиделки, при которой часть избы-читальни была предоставлена девушкам для совместного выполнения работы по рукоделию. Они работают, поют, охотно слушают чтения или рассказы. Сюда же приходят парни играть в шашки, шахматы [7].

Советские праздники, становясь более популярными, начинают постепенно вступать в обиход населения. Результаты обследования Наркомпросом БМАССР политико-просветительных учреждений в Агинском аймаке показало следующее: «В Харашибирской избе-читальне 7 ноября было устроено торжественное собрание, на котором присутствовало 150 человек, на которое женщины пришли в праздничных костюмах, была устроена столовая для собравшейся публики. Были организованы пешие бега, всем присутствующим на празднике были вручены подарки конфетами в честь Октябрьской революции» [8].

В переходе на новый образ жизни бурятского улуса важную роль играло женское движение. Раскрепощение бурятской женщины велось во всех сферах жизни: политической, правовой, экономической, культурной и семейной, особое внимание при этом обращалось на работу среди кочевниц восточных аймаков (Агинский, Хоринский, Селенгинский, Кяхтинский, Баргузинский, Закаменский, Еравнинский, Мухоршибирский, Верхнеудинский и Тункинский).

Основным мероприятием являлась медпомощь для буряток-кочевниц. По данным Наркомздрава БМАССР, уровень смертности детей, зараженности матерей социальными болезнями, смертности женщин производственного возраста был очень высоким. В естественном движении бурятского населения присутствовал неблагоприятный половой состав производственного возраста, а по отдельным аймакам – отрицательный прирост населения. Оставался высоким уровень пораженности бурятского населения, особенно женского, социальными болезнями.

Популярной формой организации женщин стали делегатские собрания. В районах с кочевым и полукочевым населением был внедрен передвижной метод работы женорганизаторов,

создавались передвижные Красные юрты и Дома буряток.

В 1926 г. опытным путем в двух аймаках (Агинском и Хоринском) была введена должность кочевого организатора, который занимался разъездной работой, проводил беседы, собрания, вел работу среди женщин, сопровождавшуюся мероприятиями практической помощи – по обучению домоводству, санитарии, гигиене. Кочевой организатор в течение полугода занимался оказанием практической помощи в области сельского хозяйства, домоводства. Он проводил работу по домоводству (выпечка хлеба, стирка белья, уход за детьми, уборка жилища, гигиена тела, мытье посуды, беседы по животноводству и т.д. В основном курсантки привлекались из различных образовательных учреждений.

В 1927 г. были организованы передвижные Красные юрты в Хоринском, Агинском, Верхнеудинском и Троицкосавском аймаках. Кроме названных форм работы применялись и другие – делегатские собрания и улусные районные массовые женские собрания, красные поляны, а также индивидуальная агитация – беседы по юртам.

Основной задачей Красных юрт являлся охват воспитательной работой «отсталых слоев кочевниц» через наиболее приспособленные формы и методы работы, которые соответствовали передвижному характеру жизни кочевого населения. Проводились мероприятия практической помощи (демонстрация работы швейной машины, сепаратора, выпечка хлеба в русской печи, стирка белья, медконсультация). Обучение женщин практическим навыкам являлось основой работы юрты в деле переустройства улуса на новый образ жизни.

Форму систематической и стационарной работы среди женщин кочевого населения приобрели Дома бурятки. 15 июня 1927 г. в Агинском аймаке для более систематической и углубленной работы среди женщин был организован Дом бурятки, при котором проходили опытные четырехмесячные курсы на 20 человек с объемом 300 часов. Основными предметами являлись естествознание (сельскохозяйственное и животноводческое хозяйство), обществоведение, санитария и гигиена, математика, география. Преподавателями были местные учителя и курсанты Бурпедтехникума и рабфака. Занятия проводились исключительно на родном языке. Кроме учебных занятий шла и клубная работа, были организованы кружки домоводства, ликвидации неграмотности, пения, юридическо-бытовые, рукоделия.

Особой формой работы среди женского коче-

вого населения стало проведение делегатских собраний, программа которых была рассчитана на 7-9 бесед. Делегатские собрания были созданы при всех комячейках в кочевых районах.

Со второй половины 1920-х гг. начинает трансформироваться традиционная бурятская семья. Тем не менее случаи патриархального замужества с калымом встречались в отдаленных аймаках республики и в конце 1920-х гг. Контроль за этими мероприятиями осуществляли аймачные исполнительные комитеты и местные комиссии по улучшению быта женщин. Размер калыма целиком зависел от качеств невесты. П. Капырин в работе «Селенгинская коммуна им. Сталина» указывал, что «за красивую бурятку платили до 20 баранов, за плохую же – 2-3 головы. Согласия девушки не спрашивали, она шла за тем человеком, который ее выкупал... Бедняки не имели возможности жениться, т.к. они не располагали достаточным количеством скота. Зато богачи имели несколько жен» [9].

Новая власть пропагандировала форму брака, совершаемого по обоюдному согласию жениха и невесты. В 1928 г. начинают проводиться Красные свадьбы. Одна из таких свадеб, проведенная в августе 1928 г., подробно описана П.Ф. Требуховским: «Свадебный поезд состоял из семи подвод, дуги которых были украшены колокольцами, флажками, лозунгами: “Красная свадьба – переворот на бытовом фронте улуса”, “Красная свадьба – крах калыму”» [10]. Свадьбы

были безалкогольными, с песнями, играми, беседами, носившими культурно-просветительный характер. По мнению современников, такие свадьбы имели огромное культурное и общественное значение – привлекали внимание населения всех окрестных улусов как яркий пример полной свободы и равенства бурятской женщины.

Большое внимание уделялось оздоровлению детей. Было открыто 11 яслей в 7 аймаках на 300 мест, в Верхнеудинске, Кяхте и Баргузине развернуты женско-детские консультации, организованы краткосрочные курсы по подготовке ясельных сестер. Для осуществления медико-санитарного контроля за образовательными учреждениями были введены должности школьных санитарных врачей при Верхнеудинском горздраве и при санитарно-противоэпидемическом отделе Бурнаркомздрави [11].

Таким образом, в рассматриваемый период традиционные формы организации труда, досуга, праздников соединяются с новыми проявлениями нарождающейся советской культуры. Хотя, в это время Бурятия в большей степени, чем центральные регионы, выступает носителем традиционных представлений о мире и человеке в этом мире, здесь процесс формирования советского быта идет более медленными темпами, нежели в крупных центрах. И, тем не менее, за этот период происходит грандиозная перестройка образа жизни, приведшая к оздоровлению труда и быта населения.

Литература

1. Убугунов А. Улус «Заглик» Боханского хошуна. Боханского аймака // Жизнь Бурятии. – 1926. – № 10-12. – С. 86.
2. Жинкин Н.В. Опыт изучения социально-бытовых заболеваний среди кочующих бурят Агинского аймака // Жизнь Бурятии. – 1927. – №1-3. – С. 56-57.
3. Жинкин Н.В. Указ. соч. – С.60-61.
4. Нагибин Г. Туберкулез и сифилис среди бурят и русских Аларского аймака // Жизнь Бурятии. – 1928. – №4-6. – С.135-136.
5. Гранат Е.Е. Состояние и заболеваемость детей Бурят-Монголии // Жизнь Бурятии. – 1929. – №6 – С. 57-58.
6. Гранат Е.Е. Состояние и заболеваемость детей Бурят-Монголии // Жизнь Бурятии. – 1929. – №6. – С. 60-61.
7. НАРБ. Ф. Р-60. Оп. 3. Д. 22. Л. 20.
8. НАРБ. Ф. Р-60. Оп. 3. Д. 22. Л. 22.
9. Капырин П. Селенгинская коммуна им. Сталина. – М.: Книгосоюз, 1930. – С. 58.
10. Требуховский П.Ф. Свадьба балаганских бурят в прошлом и настоящем // Просвещение Бурятии. – 1930. – №1. – С.114.
11. Очерки истории культуры Бурятии. – Улан-Удэ, 1974. – Т.2. – С. 277.

Номогоева Виктория Владимировна, доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета Бурятского государственного университета, e-mail: nomogoeva67@mail.ru

Nomogoeva Viktoria Vladimirovna, doctor of historical sciences, associate professor, Dean of the faculty of history, Buryat State University, e-mail: nomogoeva67@mail.ru

УДК 398(=512.31)

© М.Н. Балдано

Проект нациестроительства: сводный вариант эпоса «Гэсэр»

Статья посвящена истории создания сводного варианта бурятского героического эпоса «Гэсэр», ставшего инструментом национальной консолидации и конструирования единой общей традиции.

Ключевые слова: бурятский эпос «Гэсэр», нациестроительство, конструирование, культура, национализм, национальная политика.

M.N. Baldano

Nation-building project: consolidated version of the epic «Geser»

The article is devoted to the history of creation of consolidated version of the Buryat heroic epic «Geser» which became the tool of national consolidation and construction of uniform general tradition.

Keywords: the Buryat epic «Geser», nation-building, construction, culture, nationalism, national policy.

Бурятский героический эпос «Гэсэр» – вершина многогранного устного творчества бурятского народа и выдающийся памятник эпической поэзии мирового масштаба. Он является уникальным произведением устного народного творчества, выражением нравственных и эстетических идеалов бурятского общества, своего рода энциклопедией народного бытия. Буряты всегда любили свой эпос, именами героев называли детей, устраивали спортивные игры в честь славных баторов, поклонялись заповедным местам, связанным с легендами о Гэсэре. И сегодня современные бурятские художники, писатели, композиторы в поэмах, картинах, в музыкальных произведениях обращаются к образам своего великого эпоса. Вполне закономерно, что это героическое сказание, бытующее практически на всей территории Байкальского региона в течение столетий, оказало мощное влияние на менталитет бурятского народа, формирование его национального самосознания.

В начале XX в. к эпосу «Гэсэр» обратились сразу несколько бурятских ученых – М. Хангалов, Ц. Жамцарано, Б. Барадин и др., начав записывать различные его варианты. После Октябрьской революции начавшееся научно-литературное освоение народного творчества было приостановлено. Вместе с тем с победой большевиков начался грандиозный эксперимент по созданию «новых» национальных культур и идентичностей, новых в том смысле, что все они конструировались в контексте социалистической идеологии. Возглавляла процесс конструирования правящая партия, руководство которой как в центре, так и на местах определяло основные параметры и критерии нациестроительства. По словам И. Сталина, большевики предпринимали действия, направленные на «максимальное развитие национальной культуры, с тем, чтобы она

исчерпала себя до конца, а затем была создана база для организации международной социалистической культуры» [8, с. 211].

Э. Хобсбаум, вслед за Э. Гелнером, подчеркивал ту роль, которую играют в процессе формирования наций искусственное конструирование, целенаправленное изобретение и социальная инженерия: «Нации как естественные, Богом установленные способы классификации людей, как некая исконная... политическая судьба – это миф; национализм, который превращает предшествующие культуры в нации, иногда сам изобретает подобные культуры, а порой полностью стирает следы прежних культур – это реальность» [10, с. 32].

В официальном советском дискурсе национально-культурного и национально-государственного строительства активно конструировалась новая, «национальная по форме, социалистическая по содержанию» культура. И надо сказать, что интересы национальной элиты иногда совпадали с решениями власти, а иногда круто расходились. Так произошло и с эпосом «Гэсэр».

В 1940 г. была проведена Декада бурят-монгольского искусства в Москве. В том же году Правительство СССР приняло решение о подготовке сводного поэтического варианта героического эпоса «Гэсэр». В статьях секретарей Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) С. Игнатьева и А. Хахалова, опубликованных в центральной и местной печати, особо подчеркивалось значение самобытного эпоса бурятского народа в духовной культуре прошлого и настоящего.

Составление сводного варианта эпоса было по существу частью проекта нациестроительства. По словам известного гэсэроведа Б. Дугарова, «необходимость создания сводного варианта эпоса “Гэсэр” на литературном бурятском языке наряду с научными изысканиями и академиче-

скими публикациями наиболее самобытных сказительских версий Гэсэриады была понята как самими учеными-исследователями эпоса, так и представителями писательского цеха в силу особой значимости данного улигера как национального достояния номер один. Такая насущная задача была обусловлена самой идеологией становления и развития национальной литературы и бурятского литературного языка как двуединого словесно-художественного процесса, в котором героический эпос “Гэсэр”, испокон веков существовавший на различных диалектах и говорах бурят-монгольского языка и широко известный бурятам, живущим по обе стороны Байкала, был призван соединить великую многовековую устную традицию эпического слова с общепринятым литературным языком бурят двадцатого века» [2, с. 7-8].

Заказ советской власти на создание письменной версии эпоса (наряду с калмыцким «Джангаром», каракалпакским «Кырккызом» и др.) совпал с устремлениями модернизирующейся бурятской элиты, обладавшей письменным национальным языком (литературным и административным, созданным на основе хоринского диалекта), образцами современной литературы и искусства. Говоря о языке, позволим себе вновь обратиться к Э. Хобсбауму, который пишет: «общий язык... не возникает “сам собою”, но создается искусственно, а в особенности после того, как он становится языком печатной литературы, приобретает повышенную устойчивость и начинает казаться более “неизменным”, а значит (вследствие своеобразного обмана зрения), и более “вечным”, чем он был на самом деле» [10, с. 84].

Что касается эпоса, то была поставлена задача не просто собрать и систематизировать различные устные версии, а создать письменный, литературный, канонический текст, единый для всех бурят. Фактически инструмент национальной консолидации, создания (конструирования) единой общей традиции. Кроме того, канонический письменный текст – это также свидетельство древности и силы культуры как основы нации. Поэтому решалась задача не только и не столько культурная. Выстраивался фундамент нации, версия общей древней и великой истории и культуры. Без апелляции к этому трудно, а то и невозможно выстроить новую этническую общность из партикуляристской племенной стихии. Переход от традиционных устных сказаний к письменному литературному тексту – это символ современности.

В организации работы по сбору и изучению

бытовавших версий эпоса «Гэсэр» приняли активное участие директор Института языка, литературы и истории (ГИЯЛИ) Г. Бельгаев, его заместитель Б. Санжиев, ученый секретарь Н. Зугеев, сотрудники Д. Хилтухин, С. Балдаев, И. Мадасон, А. Уланов, писатели М. Шулушкин, Х. Намсараев, Н. Балдано, Ц. Галсанов, А. Шадаев [12, л. 25]. Уже к весне 1941 г. был подготовлен еще не обработанный свод материалов «Гэсэра», состоявший из 115 тысяч стихотворных строк.

6 мая 1941 г. вышло постановление Совнаркома СССР, подписанное И. Сталиным, о проведении в ноябре 1942 г. юбилея эпоса «Гэсэр», но в это время уже шла Великая Отечественная война. Часть писателей и научных сотрудников ГИЯЛИ были мобилизованы на фронт, остальные перестраивали направление своей деятельности в соответствии с военными задачами. Однако работа по сбору и изучению версий эпоса не прекращалась, наоборот, ей придавалось особое значение. Составление сводного текста «Гэсэра» было поручено Намжилу Балдано, одному из основоположников бурятской советской литературы и национального театрального искусства. Его пьесой «Прорыв» в 1932 г. был открыт Бурятский драматический театр (ныне академический). На либретто Н. Балдано в 1940 г. были созданы первая национальная опера «Энхэ-Булат Батор» (муз. М. Фролова) и позже (в 1959 г.) – первый бурятский балет «Красавица Ангара» (муз. Л. Книппера и Б. Ямпилова). Несмотря на молодость (ему было всего 32 года), Н. Балдано имел опыт поэтической обработки фольклорных произведений, среди которых были такие жемчужины народного творчества, как улигер «Хараасгай-мэргэн».

Работа над «Гэсэром» требовала максимальной отдачи. Кроме того, ряд наиболее полных сказительских вариантов Гэсэриады, например, П. Петрова, П. Тушемилова, не были еще к тому времени введены в научный оборот. Поэтому Н. Балдано приходилось самому «открывать» первоисточники, работать в архивах, где хранились записи улигерных текстов, знакомиться лично со сказителями-улигершинами, прикасаясь к тогда еще не угаснувшей живой традиции исполнения старинных улигеров.

Однако какой бы феноменальной памятью не обладали сказители, за века накапливались «разночтения» и «разнопения». Перед составителем сводного текста стояла сложнейшая задача по сведению воедино различных устных вариантов сказания о Гэсэре, для того чтобы осуществить его издание на языке, понятном для всех бурят. И здесь очень важным было то, что

Н. Балдано сам был актером, режиссером и драматургом, человеком театра, где во многом выработывались и устанавливались языковые нормы.

В 1943 г. поэту М. Тарловскому был поручен перевод эпоса на русский язык. Н. Балдано и М. Тарловский подготовили записку для Бурят-Монгольского обкома партии, в которой были изложены сюжет и фабула эпоса, что позволяло оценить эпос о Гэсэре как произведение высокохудожественное и истинно народное. Записка была передана в ЦК ВКП(б) секретарем обкома Б. Санжиевым, который позже пострадал из-за своей заинтересованности в публикации эпоса. А тогда известные писатели, поэты и ученые широко пропагандировали эпос, сравнивая бойцов Красной Армии с Гэсэром. В июле 1944 г. состоялась конференция писателей и улигершинов Бурят-Монгольской АССР с участием представителей Москвы, Иркутска, Читы, на которой с докладом «Об издании бурят-монгольского эпоса “Гэсэр”» выступил М. Шулушкин [12, л. 48].

В 1946 г. Н. Балдано представил сводный текст в 25 тыс. стихотворных строк, в котором были использованы материалы большинства известных и записанных к тому времени вариантов эпоса. Но именно в это время советская внутренняя политика сделала резкий поворот, характеризовавшийся сменой ориентиров национальной политики. Новая программа национально-культурного строительства подразумевала изъятие и уничтожение целых пластов традиционной этнической культуры – тех, что были объявлены представителями официальной идеологии «феодално-религиозными пережитками» и «образчиками культуры эксплуататорских классов».

Типичным явлением конца 1940-х гг. в стране стали так называемые «проработочные» кампании в научных, вузовских и творческих коллективах, создававшие напряженную обстановку. Еще в 1944 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», в котором резко критиковались «ошибки националистического характера», «приукрашивание Золотой Орды в ханско-феодалном эпосе о Едигее» [5, с. 326-329]. А уже после войны начались открытые нападки на такие шедевры фольклора, как среднеазиатский «Алпамыс», каракалпакский «Кырккыз», огузский «Китаб-и дэдэм Коркут», немного позже на киргизский «Манас» и многие другие произведения устного народного творчества. Гонениям подверглись и представители

культурной элиты, являвшиеся главными носителями и «производителями» пережитков.

Идеологические кампании, постоянный поиск врагов и их разоблачения поддерживали в обществе атмосферу страха. Показательной можно считать дискуссию, развернувшуюся среди творческой интеллигенции и партийного руководства республики по поводу бурятского эпоса «Гэсэр», начало которой было положено Бурят-Монгольским обкомом ВКП(б) в 1948 г. На совещании по вопросу о Гэсэриаде, состоявшемся в мае того же года, заведующий сектором литературы и фольклора Научно-исследовательского института культуры и экономики (НИИКЭ) М. Хамаганов отмечал, что изучение и пропаганда «Гэсэра» – дело рук «буржуазных националистов», сам эпос характеризовался как «военно-феодалный, нойонатско-аристократический», а придание ему статуса народного эпоса проводится «с целью усиления борьбы против советского народа». «Идеализация дореволюционного прошлого, отождествление дореволюционного и советского патриотизма, представление о бурятском народе как о едином и неделимом на классы в феодальную эпоху, – говорилось в докладе, – это орудие борьбы в антинародных целях. Гэсэра отличают... сильные антирусские настроения, основная идея «Гэсэра» – воспитание трудящихся масс в духе добровольного подчинения ханам и феодалам» [13, л. 39]. Хотя буквально несколькими месяцами ранее он же писал о бурятском фольклоре следующее: «Из поколения в поколение создавалась богатая по социальному содержанию и красочная по своему узору устная народная поэзия, улигеры и сказки. Фольклор составляет органическую часть бурят-монгольской советской литературы» [9, с. 83].

В период подготовки к совещанию по «Гэсэру» с отдельными энтузиастами была проведена «работа», в результате которой они были вынуждены признать «эпос неоригинальным, а образ Гэсэра – лишенным благородства». 20-21 мая 1948 г. состоялось совещание, на котором присутствовали члены бюро ОК ВКП(б), ответственные работники обкома партии, Совета Министров БМАССР, сотрудники НИИКЭ, Педагогического института, писатели, представители прессы. Мнение партии представлял первый секретарь обкома партии А. Кудрявцев. Его участие практически исключало возможность свободного обсуждения проблем, а реплики и выступления воспринимались как руководящие указания. В заключительном слове А. Кудрявцев, сославшись на мнение всех выступивших, подвел итоги совещания, объявив «Гэсэр» «фео-

дально-ханским эпосом, якобы никогда не бытовавшим в бурятском народе, а научных работников, занимавшихся его изучением и популяризацией, – буржуазными националистами или слепым орудием националистов» [1, с. 241].

24 мая 1948 г. по итогам совещания было проведено партийное собрание Союза писателей БМАССР, оценившее как политическую ошибку работу Н. Балдано, А. Уланова, Ц. Галсанова, А. Шадаева, «не уяснивших ранее истинные социальные корни эпоса». Отдельно было указано на «политическую беспечность» Н. Балдано, длительное время работавшего над сводным текстом эпоса.

А в начале 1949 г. началась кампания против «безродных космополитов», которая повлекла за собой разрушительное вмешательство в судьбы ряда ученых, работников литературы и искусства. Что касается эпоса, то на пленуме Союза писателей республики в феврале 1949 г. в докладе председателя правления Ц. Галсанова «Гэсэру» была дана следующая оценка: «Эпос “Гэсэр” никогда не являлся самобытным бурят-монгольским эпосом. Он происходит из тибетско-монгольской версии и некоторых позднейших наслоений, продиктованных сначала ламами, а затем шаманами, во всех случаях кулацко-нонатовской знатью в угоду эксплуататорским классам... Смысл “Гэсэра” – отрицание внутренних противоречий, классовой борьбы, установка только на борьбу против внешних сил... Политическая подоплека эпоса – ориентация на империалистический Восток, отрицание значения материальной и духовной культуры русского народа, антирусская направленность, обозначенная борьбой Гэсэра – небесного посланца против социального зла – мангатхаев» [13, л. 31].

ЦК ВКП(б) так и не высказал своего отношения к тому, что эпос «Гэсэр» стал объектом политических манипуляций. По крайней мере, каких-либо документов обнаружить не удалось. В этом контексте любопытно мнение бурятского писателя В. Митыпова, высказанное им по поводу борьбы республиканской партийной элиты против «Гэсэра». Отрицание ею всенародной значимости эпоса он связывает с «излишним рвением местной партийно-чиновничьей верхушки, стремившейся высказать перед Москвой свою недремлющую «марксистскость», а также с «междоусобной грызнёй местной же ученой братии, снедаемой сугубо личными амбициями» [4, с. 4]. По нашему глубокому убеждению, гонения на эпос и его создателей – далеко не местная инициатива. Скорее, это была стратеги-

ческая общегосударственная линия, о чем свидетельствуют гонения на многие другие произведения устного народного творчества в других республиках. А на местах решались и местные проблемы.

В марте 1951 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О недостатках и ошибках в работе Бурят-Монгольского обкома ВКП(б)». Произошли изменения в республиканском руководстве – на смену первому секретарю обкома партии А. Кудрявцеву пришел А. Хахалов. Как отмечает А.А. Елаев, «впервые после 1937 г. изменилась этническая принадлежность главы обкома партии республики, что оказало определенное влияние на развитие общественных и этнокультурных процессов в Бурятии. В частности, смена руководства республики повлияла на судьбу бурятского эпоса “Гэсэр”: уже в апреле 1951 г. по просьбе обкома партии и по указанию ЦК ВКП(б) состоялось обсуждение вопроса о его характере в Институте востоковедения АН СССР, а затем на объединенной научной сессии Института востоковедения и Бурят-Монгольского НИИКЭ в г. Улан-Удэ» [1, с. 242]. В результате «был признан его народный характер и опровергнута оценка как феодально-ханского произведения. Эпос “Гэсэр” был признан культурным наследием бурятского народа» [6, с. 447].

Реабилитация «Гэсэра», как и предшествовавшая ей попытка его идеологической дискредитации, скорее, свидетельствовали о новом резком повороте генеральной линии. И кадровые перемены в тот период происходили в русле этого поворота. Хотя, как утверждает П.К. Варнавский, «победу Хахалова в его противостоянии с Кудрявцевым логичнее было бы объяснять в контексте борьбы между различными группировками советской партийно-государственной элиты, а не как смену политического курса в отношении этнонациональных территорий» [7, с. 71].

Сводный текст эпоса «Гэсэр» стал знаковым явлением для бурятской интеллигенции, на нем воспитывалось не одно новое поколение. Впервые он был издан в 1959 г. на бурятском языке. Подстрочный перевод сводного текста эпоса был выполнен крупным специалистом по фольклору монгольских народов, одним из основателей фольклористической науки в Бурятии доктором филологических наук А. Улановым. Далеко не в полном виде «Гэсэр» был опубликован на русском языке в Москве, в издательстве «Художественная литература» в 1968 и 1973 гг. Перевод был осуществлен признанным мастером переводов эпических текстов С. Липкиным.

Все девять «ветвей», пролог и эпилог эпоса, завершённые Н. Балдано в начале 1980-х гг., были также переведены С. Липкиным на русский язык. Однако полный текст литературного свода тогда так и не был издан, как не был издан и первый перевод эпоса, выполненный М. Тарловским в 1940-х гг. Полный художественный перевод, осуществлённый поэтом В. Солоухиным, был издан в двух томах большим тиражом в 1986 г. в Улан-Удэ и в 1988 г. в Москве. Вокруг авторства переводов в советские годы шла настоящая борьба, и это был вопрос не литературный, а политический. По крайней мере так он воспринимался и так решался.

В официальном дискурсе национально-культурного и национально-государственного строительства активно конструировалась новая «национальная по форме, социалистическая по содержанию» культура, что достигалось, по словам Т. Мартина, также «посредством агрессивного стимулирования символических маркеров национальной идентичности: национального фольклора, музеев, одежды, еды, костюмов, оперы, поэзии, культа прогрессивных исторических событий и классических произведений литературы» [3, с. 71]. Он справедливо полагает, что в СССР был осуществлён первый в истории эксперимент политики положительного действия, то есть политики спонсирования этнических меньшинств, поощрения этнонационализма за исключением национализма «господствующей нации»... Такая политика получила довольно точное название политики национализации – формирования социалистических наций с наделением их своими «национальными территориями», столичными городами, экономической базой, письменными языками, профессиональной культурой [3, с. 69].

С конца 1980-х гг. в Бурятии, как и в других национальных регионах России, бурно шли про-

цессы национально-культурного возрождения. Обсуждались проблемы родного языка, культуры, создавались новые версии национальной истории. Дискуссии о сохранении, возрождении, развитии национальной культуры органично переходили в обсуждение вопросов государственности, характера власти. Иными словами, вновь формировался «проект» – проект нациестроительства. Резко возросла роль бурятского эпоса «Гэсэр» в конструировании общепурятского социокультурного пространства. В 1991-1995 гг. праздновалось 1000-летие эпоса. Во всех районах этнической Бурятии был проведён ритуал водружения знамени Гэсэра, многочисленные фестивали, конкурсы гэсэрчинов, одним из основных организаторов и идеологов которых стал народный поэт Бурятии Б. Дугаров. Актуализированный мир эпоса со всеми его ритуальными коллективными действиями, обрядами, обычаями, объединяющими род, племя, коллектив, рождает у каждого представителя этноса ощущение единства и сплочённости, а это, безусловно, сказывалось на процессе консолидации бурятского народа.

В 2007 г. к 100-летию Н. Балдано литературный свод «Гэсэра» в переводе С. Липкина был опубликован на двух языках – бурятском и русском. А в 2009 г. «Гэсэр» был издан в переводе В. Солоухина в трехтомнике «Эпосы» с предисловием С. Михалкова.

Таким образом, донесённый и сохранённый колоссальный памятник устного народного творчества продолжает по-прежнему участвовать в активной национально-культурной и духовно-исторической жизни этноса. Драматическая история создания его литературной версии демонстрирует огромную (и вполне осознаваемую) роль культурной традиции, исторического мифа в деле нациестроительства, в выборе и реализации его проектов.

Литература

1. Елаев А.А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. – М., 2000. – 293 с.
2. Дугаров Б.С. Бурятская Гэсэриада – песнь во времени и пространстве. Вступ. статья к «Абай Гэсэр Богдо хан». – Агинское, 2007. – С. 5-11.
3. Мартин Т. Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма? // *Ab Imperio. Theory and History of Nationalism and Empire in the Post-Soviet Space.* – 2002. – № 2. – С. 55-87.
4. Митыпов В.Г. Месопотамская одиссея бурят // Угай зам. – 2002. – № 4. – С. 4-5.
5. О партийной и советской печати: сб. док. – М., 1954. – 431 с.
6. Очерки истории Бурятской организации КПСС. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. – 612 с.
7. Скрынникова Т.Д., Батомункуев С.Д., Варнавский П.К. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – 216 с.
8. Сталин И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. – Л.: Госполитиздат, 1939. – 296 с.
9. Хамаганов М.Н. Бурят-монгольская советская литература: к вопросу о роли великой русской литературы в формировании и развитии бурят-монгольской советской литературы. – Иркутск: Ирк. обл. гос. изд-во, 1951. – 132 с.
10. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. – СПб.: Алетейя, 1998. – 306 с.
11. Martin T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939.* – Ithaca: Cornell University Press, 2001. – 528 p. ISBN: 9780801486777

12. НАРБ. Ф. 1, оп. 1, д. 4829, л. 25.

13. НАРБ. Ф. 1, оп. 1, д. 4764, л. 39.

Балдано Марина Намжиловна, доктор исторических наук, профессор, зав. отделом истории, этнологии и социологии ИМБТ СО РАН, e-mail: histmar@mail.ru

Baldano Marina Namzhilovna, doctor of historical sciences, professor, head of the department of history, ethnology and sociology IMBTS SB RAS, e-mail: histmar@mail.ru

УДК 94(47).084.9

© Р.Г. Кирсанов

Состояние потребительского рынка в СССР (конец 1970-х – начало 1990-х гг.)

В статье анализируется состояние потребительской сферы экономики СССР с конца 1970-х гг. до момента распада Советского Союза. Отмечается, что несмотря на предпринимаемые партией и правительством меры по увеличению производства и повышению качества товаров широкого потребления, дефицит многих видов товаров и услуг не только не уменьшался, но приобрел тенденцию к увеличению. Увеличивавшийся разрыв между находящейся в обороте денежной массой и товарным предложением только усиливал диспропорции на внутреннем рынке.

Ключевые слова: рынок потребительских товаров, дефицит, денежная масса, товарное обеспечение, платежеспособный спрос, перестройка, денежная реформа 1991 года в СССР.

R.G. Kirsanov

State of the consumer market in the USSR (late 1970s – early 1990s)

The article examines the state of the consumer sectors of the USSR economy since the end of the 1970s until the collapse of the Soviet Union. It is noted that despite the efforts made by the Communist party and the government to increase production and improve the quality of consumer goods, the shortage of many types of goods and services was not only not diminished, but acquired a tendency to increase. The widening gap between circulation of money and commodity supply imbalances only strengthened imbalances in the domestic market.

Keywords: consumer goods market, shortage, money supply, commodity providing, effective demand, restructuring, the monetary reform of 1991 in the USSR.

На рубеже 1970–1980-х гг. Советский Союз находился на вершине своего развития. Налицо были важные социальные достижения: доступное практически каждому бесплатное образование, дешевый транспорт, система различных льгот и социальных гарантий. Значительных объемов достигло жилищное строительство. В 1960-1970-е гг. национальный доход вырос в 4 раза, а по душевому ВВП СССР входил в первую тридцатку наиболее развитых стран мира [4, с. 14].

Однако при всем при этом по уровню производства товаров потребления СССР неизменно на протяжении 1970-х гг. отставал не только от стран Запада, но занимал последнее место даже среди стран Восточной Европы. Торговля развивалась исходя из пресловутого остаточного принципа. Во многих районах страны периодически наблюдался острый недостаток продовольствия. И только экспорт сырьевых ресурсов – нефти и газа – давал некоторую возможность за счет импорта потребительских товаров поддерживать относительно удовлетворительное снабжение крупных промышленных центров. Как и прежде, отличительными чертами эконо-

мики СССР оставались высокая ресурсоемкость, милитаризованность и неоправданно большая доля отраслей сырьевого сектора и их первичной переработки. Изменений пропорций в структуре производства в сторону расширения группы «Б» не происходило. Инвестиции в этой сфере носили «случайный характер и были явно недостаточными» [5].

Во многом такая ситуация объяснялась политикой правящей Коммунистической партии, полагавшей, что потребительская корзина советских граждан должна формироваться на 80% из так называемых первичных жизненных потребностей. Исходя из этого, задавались общие границы сферы материального потребления в СССР. Повышение народного благосостояния руководство страны видело в первую очередь в возрастании номинальных денежных доходов, интенсивном развитии жилищного строительства, увеличении производства и повышении качества продуктов питания. Роль товаров народного потребления в удовлетворении платежеспособного спроса населения долгое время игнорировалась.

Дефицитность в потребительской сфере при-

водила к увеличению разрыва между денежной массой и товарным обеспечением. Из-за недостатка товаров и услуг на внутреннем рынке граждане не имели возможности потратить заработанные деньги, переводя их в личные накопления. Уже к концу 1970 г. излишек денег в обращении оценивался в 4 млрд р.

Увеличение денежной массы у населения неминуемо привело бы к эскалации инфляционных процессов, если бы советская плановая экономика не сумела предложить весьма эффективное, хотя и в краткосрочной перспективе, решение: приученное хранить деньги на сберегательной книжке население охотно доверяло свои сбережения сберкассам. Резкое увеличение поступления денег на вклады в сберегательных кассах стало отмечаться со второй половине 1960-х гг. Если за 1961-1965 гг. прирост остатка вкладов составил 7,8 млрд р., то за 1966-1970 гг. – уже 27,9 млрд р.

Остаток вкладов населения за десятую пятилетку увеличился на 65 млрд р. и к 1981 г. достиг 156,5 млрд р., а количество счетов по вкладам превысило 142 млн [7, л. 13].

Ученые-экономисты направляли в директивные и плановые ведомства информацию о размерах неудовлетворенного спроса на товары и услуги. Реакция этих органов выражалась в ежегодных постановлениях о «повышении эффективности и увеличении» производства товаров широкого потребления, но практически ни одно из этих постановлений выполнено не было. «Статус» дефицитных приобретали различные продукты питания, а также непродовольственные товары – изделия легкой промышленности, хозяйственные товары, мебель, товары культурно-бытового назначения.

В июне 1981 г. было принято совместное постановление Совмина СССР и ЦК КПСС № 548 «О мерах по увеличению производства товаров первой необходимости в 1981-1985 годах и более полному удовлетворению спроса населения на эти товары». Однако Минторг СССР вынужден был признать, что из 50 товарных позиций, по производству которых этим актом устанавливались задания на 1981-1985 гг., может быть ликвидирована дефицитность только по 25 товарам [7, л. 6].

Предпринятое во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг. повышение розничных цен на отдельные виды товаров помогло немного уменьшить избыточную денежную массу: с 5 января 1977 г. выросли цены на ковры и ковровые изделия, ткани из натурального шелка, изделия из хрусталя, книги, с 1 марта 1978 г. были

повышены цены на ювелирные изделия, ремонт и техническое обслуживание легковых автомобилей, запасные части к ним, на бензин, натуральный кофе, шоколадные кондитерские изделия, с июля 1979 г. – на изделия из драгоценных металлов, ковры, легковые автомобили, мебель, также выросли цены в ресторанах и кафе в вечернее время, с 15 сентября 1981 г. – на водку, табак, ювелирные изделия, ковры, мебель, с августа 1985 г. – на водку и вино. Правда, с сентября 1984 г. было произведено некоторое снижение цен на ковры и некоторые хозяйственные товары. С 1 апреля 1977 г. были введены новые тарифы на пользование такси и воздушным транспортом [10, л. 100].

Наряду с этим происходило повышение цен на импортные товары и на товары отечественного производства под видом улучшения их качества. Кроме того, прекращались производство и поставка в торговлю дешевых товаров [10, л. 100].

Между тем круг дефицитных товаров расширялся. По-прежнему продолжал ощущаться недостаток продуктов питания, овощей, фруктов и многих непродовольственных товаров. Показательно, что за 1966–1987 гг. план товарооборота был выполнен всего пять раз. В 1985 г. степень дефицитности по разным товарным группам составляла от 78 до 84%, а удельный вес производства предметов потребления в общем объеме продукции промышленности составил 25,2 против 26,6% в 1970 г.

В целом за период 1971–1986 гг. производство предметов потребления выросло в 2,1 раза, а количество денег в обращении – в 3,1 раза. Отложенный спрос населения из-за недостатка товаров и услуг в наличных деньгах и на вкладах к концу 1985 г. определялся в 70-75 млрд р. Таким образом, в народном хозяйстве накапливалась большая сумма денежных средств, которым не противостоял материальный эквивалент. «Лишние» деньги давили на рынок, дестабилизируя поведение всех его участников – и производителей, и работников, и конечных покупателей, вызывали стихийные всплески ажиотажного спроса, ведущего к дефициту отнюдь не дефицитных товаров (стиральный порошок, мыло, зубная паста).

С началом перестройки ЦК КПСС и Советом министров СССР был предпринят ряд мер по укреплению материально-технической базы отраслей, предприятий и цехов, выпускавших товары народного потребления, оснащению их высокопроизводительной техникой и внедрению передовых технологий. В 1985 г. Госбанк СССР предоставил долгосрочные кредиты на сумму

1,5 млрд р. для создания и совершенствования производственно-технической базы предприятий, производивших товары и оказывавших услуги для населения, на развитие торговли, связи и кино, а также на проведение мероприятий по повышению качества выпускаемых изделий. По сравнению с 1981 г. предоставление долгосрочных кредитов на перечисленные цели увеличилось в 1986 г. в 1,5 раза [9, л. 2].

В результате принятых мер промышленность увеличила производство потребительских товаров и несколько расширила их ассортимент, однако спрос населения на многие товары по-прежнему не мог быть полностью удовлетворен. Поставка товаров в торговую сеть в 1987 г. оказалась ниже плана на 17 млрд р., в том числе продовольственных и непродовольственных товаров – на 10 млрд р. Торговля получила меньше плана: картофеля и плодоовощей – на 3,4 млрд р., товаров легкой промышленности – на 2,3 млрд р., товаров культурно-бытового и производственно-технического назначения – на 4,6 млрд р. [10, л. 119]. Кроме того, советское правительство с 1986 г. стало уменьшать импорт потребительских товаров. В связи с уменьшением импорта изделий легкой промышленности, поступление этих товаров в торговые сети в 1987 г. сократилось по сравнению с 1986 г. на 3 млрд р. [10, л. 119]. Не спасал ситуацию даже интенсивный выброс на рынок товарных запасов (к слову, неходовых и залежалых).

Таким образом, дефицит многих видов товаров и услуг не только не уменьшился, но приобрел тенденцию к увеличению. Проблема заключалась в том, что торгующие организации слабо изучали конъюнктуру рынка, а их заказы на поставку продукции зачастую не были обоснованы. Соответственно министерства и предприятия получали искаженную картину экономической ситуации, складывавшейся на потребительском рынке. Как следствие, продолжался выпуск не пользовавшихся спросом изделий, которые оседали на складах, нанося большой материальный ущерб государству.

Во второй половине 1980-х гг. Советский Союз продолжал заметно уступать капиталистическим странам в размерах розничной торговли. Даже в Москве, куда стекались покупатели со всей страны (до 3 млн в день), на 1000 постоянных жителей приходилось лишь 200 м² торговой площади. В целом по РСФСР обеспеченность населения торговыми площадями находилась на уровне 86% нормативной потребности, а сам этот норматив был в 1,5-2 раза ниже европейского.

Как показали данные изучения общественно-

го мнения, половина покупателей московских протоварных магазинов не могла совершить покупки по причине отсутствия в продаже требуемого товара либо из-за очередей. В 1989 г. обеспеченность товарами крупного столичного универмага «Москва» составляла лишь на 83% от заявленной им потребности. Население было вынуждено постоянно носить при себе крупные суммы денег на случай, если нужные вещи появятся в продаже. Многие граждане выезжали для покупки товаров в областные, республиканские центры, столицу. Например, по данным ГУМа, удельный вес покупок, производимых приезжими покупателями, превышал 60%, в том числе по швейным изделиям он составлял 76%, обуви – 61%, трикотажным изделиям – 62%, посудно-хозяйственным товарам – 62%, фотокинотоварам – 79%. В филиалах ГУМа – магазинах «Прага», «Лейпциг», «Белград», удельный вес приезжих покупателей в товарообороте был еще выше – 70-74%, в том числе по трикотажным изделиям – до 83%.

В условиях тотального дефицита особое значение приобретала проблема качества товарных изделий. Вот как выглядит динамика показателя изменения качества продукции по числу принятых претензий потребителей: с 1980 по 1986 г. их количество возросло по радиоприемным устройствам в 6,6 раза, по телевизорам – в 5,1 раза, магнитофонам – в 3,6 раза, стиральным машинам – в 2,2 раза, электропылесосам – в 2,5 раза, швейным изделиям – в 1,6 раза, трикотажным изделиям – в 1,9 раза, обуви – в 1,2 раза [1, с. 238].

Как свидетельствуют результаты выборочной проверки, в первом полугодии 1988 г. торговые инспекции понизили в сортности и забраковали 12,5% тканей, 18% швейной и 13,4% трикотажной продукции, 16,5% кожаной обуви. Достаточно часто брак стал встречаться даже в импортных товарах. За девять месяцев 1989 г. в универмаге «Москва» было забраковано импортных швейных изделий на сумму 526 тыс. р., галантерейных изделий – на 44 тыс., покупатели вернули до истечения гарантийного срока 234 пары иностранной обуви на сумму 13,7 тыс. р.

На этом фоне по меньшей мере странным выглядело утверждение в июле 1988 г. правительством «Положение о поставках товаров народного потребления» [11]. Теперь при понижении сортности товара штраф с поставщика не взимался. Вместо возврата некачественного изделия допускалась его замена, был отменен двухпроцентный штраф с поставщика за исправление брака на месте. Штрафные санкции за по-

ставку не соответствующих стандартам качества ювелирных изделий были понижены с 20 до 5%. Если раньше недопоставка товара штрафовалась в размере 7% (если штраф не был уплачен в течение 30 дней, то он увеличивался в 1,5 раза), то теперь этот штраф составлял только 4%. В случае восполнения в следующих сдаточных периодах года недопоставленного количества товаров размер подлежащей взысканию неустойки за просрочку поставки и недопоставку снижался на 50%.

Состояние основных производственных фондов легкой промышленности не претерпело каких-либо существенных изменений. Замедлялись темпы ввода производственных мощностей. В течение 1986–1988 гг. в среднем ежегодно устанавливалось на 3,2 тыс. станков меньше, чем в 1981–1985 гг. Приобретение зарубежных технологий вскрывало новые проблемы: нехватку сырья, недостаточную квалификацию кадров, трудности с эксплуатацией и ремонтом оборудования, поиском запчастей. К тому же нормативные сроки освоения новых производственных мощностей в СССР были гораздо продолжительнее западных.

Переходя на хозрасчетную основу, предприятия легкой промышленности для увеличения своей прибыли должны были выбирать между снижением себестоимости и повышением цен. Второй путь оказывался для них более привлекательным, что в скором времени приводило к вымыванию дешевого товара. Среднедоходным слоям населения приходилось делать покупки по более высокой цене, но и те, кто имели возможность покупать дорогие высококачественные товары, тоже не могли в полной мере удовлетворить свой спрос.

Нехватка товаров в торговой сети все чаще вызывала недовольство населения. За 1986–1989 гг. количество денег населения в обращении увеличилось на 53% при росте расходов на покупку товаров и оплату услуг на 24%. После введения в 1988 г. новых тарифных ставок и окладов в производственных областях более 50 млн человек получили прибавку к зарплате. А вот подумать о подкреплении денежной массы необходимыми материальными ресурсами советское руководство вновь забыло.

В 1989 г. розничный товароборот увеличился по сравнению с 1988 г. на 10,2% и составил 403,5 млрд р. (даже немного превысив плановый показатель) [10, л. 156]. Однако около 62% указанного прироста приходилось на рост средних розничных цен (примерно 9 млрд р.), увеличение продажи алкогольных напитков (10 млрд р.),

рост продажи товаров предприятиям, организациям и учреждениям по безналичному расчету и за наличные деньги (более 4 млрд р.) [12, с. 92].

В продаже наряду с продуктами питания недоставало многих изделий легкой промышленности, товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода. Из 115 наименований товаров, по которым проводилось наблюдение в 100 городах СССР, лишь при продаже 10 видов товаров не было отмечено существенных перебоев. Это, в свою очередь, приводило к ажиотажным и паническим покупкам. Увеличилась продажа соли, спичек, хозяйственного мыла, крупы, муки. Люди всерьез опасались за «завтрашний день». О неустойчивости положения свидетельствовала и интенсивная покупка неходовых и залежалых товаров, запасы которых, мало изменявшиеся в прошлое время, стали резко сокращаться в последние годы. За 1988–1989 гг. они понизились более чем в 2 раза [8, л. 134]. В отношении отдельных групп населения была зафиксирована усиленная скупка дорогостоящих товаров. Так, продажа ювелирных изделий в 1989 г. увеличилась по сравнению с предыдущим годом на 2 млрд р., т.е. почти в полтора раза. Появились очереди за коврами и ковровыми изделиями, хрусталем, телевизорами, дорогими мебельными гарнитурами. Часто люди покупали ненужные им вещи, а затем начинались обмен и перепродажа.

В связи с нарастающим товарным голодом, во многих регионах некоторые продукты питания, такие как мясо, масло, сахар, чай, стали отпускаться по талонам, а продажа непродовольственных товаров производилась только местным жителям, в связи с чем при покупке требовалось предъявление паспорта. Организовывалась выездная торговля на предприятиях. Например, в Москве в первом полугодии 1989 г. на выездной продаже и через систему заказов было реализовано 13% трикотажных изделий, 26% обуви, 7% хозяйственного мыла. Были случаи, когда промтоварные магазины были закрыты в течение нескольких дней для «рядовых» покупателей, поскольку обслуживали работников предприятий, которые поставляли продукцию в эти магазины (т.е. собственных поставщиков). Автомобильный завод имени Ленинского комсомола продавал новые марки автомобиля «Москвич» в первую очередь своим сотрудникам. «Натуральное стимулирование» практиковалось и в строительной сфере – во вновь возведенных домах заселялись семьи строителей.

Подобная несправедливость вызывала вполне объяснимое недовольство населения и, что еще

хуже, подрывала стимулы к повышению производительности труда (в то время как от роста производительности труда во многом зависела ликвидация товарного голода).

Общая несбалансированность потребительского рынка привела к резкому росту теневой экономики. Именно на годы двенадцатой пятилетки пришлось существенное расширение масштабов спекулятивных сделок, валютных операций, нелегального производства товаров и услуг. Тотальная дефицитность провоцировала разрастание организованных криминальных экономических структур, которые становились серьезным фактором дестабилизации социально-экономической и политической ситуации в обществе.

Потребительская сфера характеризовалась не только острой дефицитностью, но и низкой конкурентоспособностью производимой продукции. Как и прежде, значительная часть «гражданской» продукции – телевизоры, стиральные машины, пылесосы и проч. – производилась на предприятиях оборонного комплекса: в 1989 г. объем производства «мирной» продукции в рамках ВПК составлял 40% от общего объема его производства. Однако на военных предприятиях сохранялось пренебрежительное отношение к выпуску потребительских товаров как чему-то «второстепенному и непрестижному». Такое отношение вкупе с высокими издержками не могло не отражаться на качестве изделий.

Растущее кооперативное движение, дорогу которому открыл принятый в мае 1988 г. закон «О кооперации в СССР», также не оказывало существенного влияния на потребительский рынок. С одной стороны, количество кооперативов продолжало увеличиваться. Если в конце 1988 г. в стране существовало 77 тыс. кооперативов, то к началу 1990 г. их число составило 193,1 тыс., в которых работало более 4 млн человек, включая совместителей [8, л. 103].

С другой стороны, удельный вес кооперативов по производству товаров народного потребления и бытовому обслуживанию населения составил в целом по СССР в 1989 г. всего 34% от общего количества действовавших кооперативов по сравнению 51% в 1988 г., а выручка от реализации продукции составила соответственно 25,8 и 48% [8, л. 103].

Произведенный кооперативами объем товаров широкого потребления и услуг не являлся целиком дополнением к тому, что ранее производили государственные предприятия. Это объяснялось тем, что в значительной мере кооперативный сектор прирастал в результате преобра-

зования в кооперативы действовавших государственных предприятий и их подразделений, т.е. происходило перемещение в кооперативную форму того, что раньше производили государственные предприятия.

Более того, кооперативы, созданные таким путем, обеспечивали дополнительный доход, как правило, не за счет снижения издержек производства, а посредством удорожания своей продукции.

По данным Госкомстата СССР, цены на товары, реализованные кооперативами, были в 1,7 раза выше государственных розничных цен. Коэффициент цен кооперативного рынка по отношению к госторговле по верхней одежде и транспортным услугам составлял 150%, обуви и услугам автосервиса – 150–200%, трикотажу – 150–170% и т.п. По этой причине значительная часть потребителей считали недоступными для себя кооперативные товары и услуги, хотя испытывали нехватку многих из них.

Кроме того, усиливалась ориентация кооперативов на обслуживание предприятий и организаций, а не населения. Закон о кооперации давал право кооперативам производить не только товары народного потребления и услуги, но и продукцию производственно-технического назначения. Используя это право, многие кооперативы стали выполнять заказы предприятий в ущерб насыщению потребительского рынка. Таким образом, определенные надежды по преодолению возрастающей диспропорции между денежными доходами и товарным покрытием, связанные с возрождением кооперативного движения, не оправдались.

Опрос общественного мнения, проведенный ВЦИОМ в 41 городе страны в апреле 1989 г., показал, что 91% респондентов считает цены на кооперативные товары и услуги слишком высокими. Почти половину участников опроса не устраивали качество и ассортимент продукции кооперативов.

К осени 1990 г. объем товарных запасов в розничной торговле был на 27% ниже установленного плана. Перспективы на IV квартал года выглядели удручающе: недостаток валютных ресурсов ставил под вопрос поставку импортных товаров, в ряде регионов страны отдельные продукты (сахар, мясо, крупа, макаронные изделия, чай, конфеты) стали отпускаться по талонам.

В связи с этим нельзя не упомянуть денежную реформу В.С. Павлова, проведенную в январе 1991 г. Как известно, одной из целей этой инициативы премьер-министра СССР было уменьшение давления денежной массы на по-

ребительский рынок. Не углубляясь в подробности павловской реформы, отметим, что по итогам обмена денежных знаков объем наличных денег, по разным оценкам, был сокращен всего на 6–10 млрд р., что едва ли повлияло на избыток денег в обращении, поскольку текущая эмиссия намного превышала объем изъятых денег [2; 3, с. 338]. Полки магазинов не опустели полностью, но неудовлетворенный спрос на товары и услуги существенно возрос, усилилась спекуляция. Потребительский рынок, несмотря на рост цен, характеризовался дефицитностью практически по всем видам товаров. Летом 1991 г. проблема обеспечения продовольствием настолько обострилась, что правительству при-

шлось начать активные переговоры о поставке кукурузы из ЮАР и риса из Южной Кореи.

В целом можно констатировать, что предпринимавшиеся на государственном уровне меры по стабилизации потребительского рынка не смогли существенным образом изменить ситуацию в этой сфере. В 1991 г. наблюдался полный развал потребительского рынка и тотальный дефицит практически всех видов товаров – как продовольственных, так и промышленных. Ажиотажный спрос во многих районах страны приобрел устойчивый характер. Люди были вынуждены тратить много времени на поиск товаров первой необходимости, простаивание в очередях и отоваривание карточек и талонов.

Литература

1. Завельский М. Теневая экономика: враг, друг..? // Через тернии: пролог. Что дальше? – М.: Прогресс, 1990. – 790 с.
2. Илларионов А. Попытки проведения политики финансовой стабилизации в СССР и в России // Вопросы экономики. – 1995. – № 7. – С. 4–37.
3. Кротов Н.И. Жизнь и удивительные приключения банкира Виктора Герашенко, сына банкира Владимира Герашенко, рассказанные им самим, его друзьями и коллегами, внимательно выслушанные и записанные летописцем Николаем Кротовым. – М.: Экономическая летопись, 2010. – 584 с.
4. Лигачев Е.К. Кто предал СССР? – М.: Эксмо, Алгоритм, 2009. – 285 с.
5. Нит И.В. Что же с нами происходит? // Московский листок. 1990. Декабрь.
6. Павлов В.С. Упущен ли шанс?: финансовый ключ к рынку. – М.: Терра, 1995. – 316 с.
7. РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 32. Д. 1654.
8. РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 32. Д. 3888.
9. РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 33. Д. 584.
10. РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 33. Д. 741.
11. Собрание постановлений Правительства СССР. 1988. № 24-25, ст. 70.
12. СССР в цифрах в 1989 г.: крат. стат. сб. / Центр. стат. упр. СССР. – М.: Финансы и статистика, 1990. – 319 с. : табл.

Кирсанов Роман Геннадиевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, г. Москва, e-mail: romankirsanov@yandex.ru

Kirsanov Roman Gennadevich, candidate of historical sciences, senior researcher, Institute for the Russian History RAS, Moscow, e-mail: romankirsanov@yandex.ru

УДК 39(091)

© З.Е. Цыренова

Этносоциальное развитие в советском и постсоветском пространстве

В статье рассмотрены проблемы истории и современности через призму этносоциальных процессов, проходивших в СССР, РФ. Дан сравнительный анализ национальной политики советского и постсоветского государства.

Ключевые слова: этносоциальное развитие, национальная политика, образовательная система межнациональной культуры.

Z.E. Tsyrenova

Ethnic and social development in the Soviet and post-Soviet space

The article deals with the problems of history and modernity through the ethnic and social processes aspect that took place in the USSR and the RF. A comparative analysis of the national policy of the Soviet and post-Soviet state has been made.

Keywords: ethnic and social development, national policy, educational system of interethnic culture.

Анализ основных исторических событий XX в. свидетельствует о возрастании роли национального фактора в культурно-историческом процессе. Этнические процессы являются основой национальных движений, и прошлый век по праву считается веком национальных идеологий, национальных движений, веком национализма и экстремизма.

Межэтнические конфликты как способы разрешения назревших противоречий в области национальных отношений внутри государства и между государствами в условиях перехода к рынку стали в России наиболее частым явлением. В стране имеют место все типы конфликтов, которые выделены этнологами, но наибольший удельный вес занимают статусные конфликты. Статусные конфликты, переросшие в борьбу за независимость, привели к распаду СССР. Статусные конфликты, содержанием которых является борьба национальных сил за повышение статуса своих национально-государственных образований, за создание национально-территориальных образований, получили широкий размах сразу после распада СССР и до принятия Конституции 1993 г. Это относится к борьбе национальных сил Татарстана, Башкортостана, Чечни и других республик. Свидетельством этого является, как образно выразились журналисты, «парад суверенитетов», который продолжался, как цепная реакция, после распада СССР. Причиной таких конфликтов была неудовлетворенность народов своим правовым статусом, они имели «усеченную» форму государственного суверенитета. По сути, это был конфликт с властными структурами государства.

С принятием Конституции 1993 г. удельный вес статусных конфликтов значительно уменьшился, но не прекратился, изменились и формы его проявления. С распадом СССР обострились

и этнотерриториальные конфликты, их число превысило 180, из них до настоящего времени сохраняют свою актуальность 140. Споры идут из-за права проживать на той или иной территории, владеть или управлять ею. Одной из причин подобных конфликтов были территориальные преобразования, проведенные в годы советской власти. Так, в честь 300-летия вхождения Украины в состав России указом Президиума Верховного совета СССР от 19 февраля 1954 г. Крымская область была передана Украине. По переписи населения 1979 г. в Крымской области проживало 1,46 млн русских, 547 тыс. украинцев, 43 тыс. белорусов, 22,6 тыс. евреев, 15 тыс. татар. Десятки тысяч татарских семей стали возвращаться в Крымскую область после реабилитации. Все это привело к острейшему очагу национальной и социальной напряженности в этом районе, а также между Россией и Украиной, и которая в XXI веке привела к новой расстановке на геополитическом пространстве.

Подобных территориальных преобразований было достаточно много. Так, часть Мурманской области была передана Карелии; отдельные районы Псковской и Ленинградской областей – Эстонии и Латвии; часть Магаданской области – Якутии; несколько областей России – Казахстану; часть территории Бурят-Монгольской республики – Иркутской и Читинской областям, где были образованы Усть-Ордынский и Агинский Бурятские округа. Четких границ между республиками не было. Все это в настоящее время является предметом острых дискуссий, межнациональных и межгосударственных осложнений.

Не уменьшается и число этнодемографических конфликтов в постсоветском пространстве. Типичным примером такого конфликта являются события в Казахстане. В 1989 г. казахи в составе населения республики составляли 39,7%, а

доля русских достигла 37,8%, то есть почти приблизилась к удельному весу титульного этноса. Если учесть, что 78,4% населения владела русским языком как вторым языком, то можно понять силу этнокультурного влияния русских. Это представляло опасность для размывания титульного этноса республики, что очень хорошо осознавала национальная интеллигенция, но не имела достаточно сил самостоятельно выступить против иноязычного влияния. Обстановка распада СССР способствовала торжеству этнонационализма. Такова природа конфликтов в Прибалтике, Молдове, Украине. Это подтверждается последовавшими после выхода из СССР событиями в этих государствах. В них проводится политика массированного вытеснения русских, представляющих опасность для этнического смещения титульного населения, а также предпринимаются все меры для возвращения населения титульной этничности в свои государства.

В постсоветское время вспыхнули конфликты между этносами, отношения между которыми были нормальными, их отличало взаимопонимание, сотрудничество. К ним относятся конфликты между осетинами и ингушами, узбеками и киргизами, русскими и молдаванами, русскими и якутами, тувинцами и русскими. Основой для разрешения таких конфликтов, как показал опыт, является правовое урегулирование, демократические условия сосуществования, экономическая стабильность, культурное и экономическое сотрудничество. Наиболее трудноразрешимые конфликты возникают, когда к территориальным или статусным спорам добавляются религиозные.

Одной из причин этнических конфликтов на территории бывшего СССР, как отмечают специалисты в области конфликтологии, является русофобия. Она имеет исторические основания. В условиях Российской и Советской империи так или иначе происходила частичная этнокультурная денационализация, особенно она коснулась малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири, Дальнего Востока, затронула родственные славянские народы – украинцев и белорусов, то есть происходил процесс аккультурации. Наиболее заметным это было в языке. Основным языком в сфере образования во всех республиках СССР был русский язык, он вытеснил родные языки из делопроизводства и профессионального общения. Местные языки уходили в семью и быт, оставались функционирующими преимущественно в сельской местности. Языковая денационализация характерна была для Ук-

раины, Казахстана, Белоруссии. С потерей языка уходили национальные обычаи и традиции. И когда обострилась социально-политическая ситуация в СССР в период перехода к рыночным отношениям, некоторые народы стали обвинять русских в великодержавном шовинизме, великорусском национализме, в целенаправленной русификации инонациональных народов, забыв даже о том, что через русский язык они коснулись достижений мировой культуры. Русофобия дополнилась советофобией, то есть неприятием всего советского, которое в массовом сознании других народов связывалось с русскими, с Москвой – центром советской страны. Мотивы русофобии и советофобии различались по уровню в разных республиках бывшего Союза, они подогревались национальной элитой в борьбе за политическую власть. В результате борьба с русификацией стала одним из движущих и объединительных мотивов в этнических конфликтах.

В условиях перехода к рыночным отношениям, когда на бывшей территории СССР произошел распад старой государственности и началось становление новой, осуществляется перераспределение политической власти, собственности, земли, во всех видах конфликтов как одна из причин их присутствует этнонационализм, и проявляет он себя не конструктивными качествами, а наоборот, этноразделительными устремлениями, ведет к человеческим жертвам, экономическим потерям, способствует росту беженцев, вынужденных переселенцев.

Межнациональные отношения в Российской Федерации, как свидетельствуют об этом факты, переживают кризис. Причины его обусловлены наследием тоталитарного режима, последствиями распада СССР, социально-политическими и экономическими трудностями переходного периода. Наличие территориальных споров, неурегулированность земельных отношений, безработица, политическая борьба – все это ухудшает и усложняет ситуацию. Межнациональную напряженность порождают национал-сепаратистские и националистические движения, факты дискриминации и нарушений конституционных прав граждан по национальному признаку.

В России по-прежнему существует некая фигура умолчания относительно этнической политики, отсутствует ясное определение, что считать «нацией», что считать «этносом», что считать «народом», а что считать «национальностью» и т.д. Все ограничивается известными понятиями о «многонациональном», «полиэтническом», «многокультурном» обществе. Глубинные моменты человеческой психологии, свя-

занные с этнической идентификацией, выбрасывались на обочину истории человеческого процесса, не рассматривались и не обсуждались открыто.

В современной России почти четверть века спустя после распада СССР нет последовательной этнической политики, четкого представления о том, что такое «российская идентичность», нет культурного воспитания людей в соответствии с той или иной национальной моделью, и как следствие возникает неумение и нежелание выстраивать правильным образом систему межэтнических отношений. Слова о толерантности ничего не значат, тем более, что это не юридическая категория. При отсутствии определенной этнической политики, знания истории и основ той или иной этнической проблемы, образовательной системы, которая готовила бы россиян, особенно молодежь, существовать в обществе, где живут представители разных этносов, невозможно требовать от людей, чтобы они действовали в соответствии с какими-то правилами, которым их не обучили и не сформировали.

Вместо продуманной этнической политики каждый человек на уровне своего понимания может выстроить себе, от себя, по умолчанию от официальных структур экстравагантную, почти экстремистскую концепцию, которая будет оправдывать любые противоправные действия (например, лозунги лидера либерально-демократической партии «Россия – для русских, Москва – для москвичей» и т.п.).

И здесь весьма актуально обратиться к советскому периоду нашей истории, когда впервые в истории мировой практики была разработана национальная политика большевистской партии в условиях многонационального государства. Если не акцентировать внимание на издержки решения проблем, то были осуществлены грандиозные планы.

Советская власть в российской истории существовала 74 года. С точки зрения истории это очень небольшой промежуток времени. Но этот период настолько сложен и противоречив в этносоциальной истории России, что его нельзя приравнять ни к одному из предшествующих. В 1917 г. в результате двух революций была уничтожена не только российская монархия, но и разрушена многонациональная Российская империя. Получили независимость Польша, Финляндия, прибалтийские государства, начался новый этап национально-государственного строительства.

В процессе становления и утверждения советской власти в области национальных отно-

шений ставилась задача обеспечить победу во всех национальных регионах бывшей Российской империи, восстановить российскую государственность в ее территориальных рамках и укрепить единство народов в борьбе за осуществление идеалов большевистской партии. В 1917 г. был создан административный орган по осуществлению национальной политики большевиков – Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац) во главе со И. Сталиным, были приняты первые документы советской власти в этой сфере деятельности: «Декларация прав народов России» и обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» (ноябрь 1917 г.). В июле 1918 г. на V Всероссийском съезде Советов была принята «Конституция РСФСР», которая закрепила федеративный принцип государственного устройства России, провозгласила право наций на самоопределение и равноправие всех национальностей.

В 1919 г. на VIII съезде РКП(б) была принята вторая Программа большевистской партии, в которой были определены контуры национальной политики на перспективу, включавшие: признание права наций на самоопределение, создание единого многонационального государства; федеративное устройство государств советского типа; руководство единой централизованной Коммунистической партии, выражающей интересы пролетарских и крестьянских масс всех национальностей. Признание права наций на самоопределение в сочетании с пониманием необходимости единства всех народов бывшей Российской империи способствовало победе Советской власти в гражданской войне.

В годы войны сложился военно-политический союз большинства народов Российской империи, что явилось важнейшим условием образования СССР. На этом этапе осуществлялось национально-территориальное и национально-государственное размежевание, определялся статус каждого народа. Объединяла этнические общности борьба с национальным угнетением и декларируемое большевиками право наций на самоопределение. Все это привело к консолидации этнических групп, племен, народов, оживлению национально-культурной и политической жизни.

Создание СССР, принятие Конституции СССР в 1924 г. резко изменили положение национальных республик в составе РСФСР. Право выхода из СССР получили только союзные республики, так что возможность самоопределения вплоть до отделения субъектов Федерации в этих условиях исключалась. Национально-

государственная структура СССР закрепляла за каждым народом определенный статус: автономной республики, автономной области. Этот «статус» ставил их в неравноправное положение и не давал никакой возможности при любом напряжении сил вырваться из него. Впоследствии он был закреплен Конституциями 1936 и 1977 гг.

В середине 30-х гг. завершился процесс социально-государственного строительства. В РСФСР ряд национальных образований получил статус автономных республик – Марийская, Калмыцкая, Кабардино-Балкарская, Чечено-Ингушская, Северо-Осетинская, Коми. Были ликвидированы автономные районы и национальные сельсоветы. Национально-государственная структура по существу оставалась неизменной до 1992 г.

Если на первом этапе советского государства главные задачи национальной политики были связаны с национально-государственным строительством и объединением всех народов в единое государство, то после образования СССР национальная политика была направлена на вовлечение всех народов в борьбу за построение социализма в одной стране, за осуществление тех принципов, которые были заложены в программных документах и решениях партийных съездов. Широкая программа национально-культурного строительства в СССР была намечена в решениях X съезда РКП(б) (1921 г.). Возрождение национальной культуры, коренизация советской власти, выравнивание социально-культурного уровня всех народов страны – таковы были основные направления национальной политики. Тезис «коренизация советской власти» означал: перевод партийных и государственных документов, партийной печати, русской и мировой литературы на национальные языки, подготовку кадров национальной интеллигенции и прежде всего партийно-советских кадров, умелую их расстановку на местах. В этом плане сделано было довольно много. Из 130 языков народов СССР письменность имели только 20, а для 50 народов была создана письменность. В 20-е годы начался перевод письменной графики российских народов Востока с арабской на латинскую, т.к. считалось, что латинская графика станет основой всех языков народов мира. Пре-

подавание в школах стали во многих местах вести на национальном языке. В 1925 г. учебники издавались на 34 языках народов СССР.

В 1930-е гг. началась новая реформа в области языка, теперь письменность с латинской стали переводить на славянскую графику, шел активный процесс образования письменности у бесписьменных народов. В 1929/30 учебном году учебники были изданы на 56 языках народов России. Ушло из жизни арабское, старомонгольское и древнеуйгурское письмо и утвердился повсеместно алфавит на русской графике. Латинская графика осталась у литовцев, латышей, эстонцев; сохранили традиционное письмо грузины и армяне.

Развернувшиеся индустриализация и коллективизация привели к тому, что многие народы Сибири, Севера и Востока страны, которые вели кочевой и полукочевой образ жизни, стали переходить на оседлый, начали овладевать рабочими профессиями. В результате росло городское население, утверждался новый советский образ жизни, осуществлялось широкое приобщение к русскому языку и русской культуре всех народов страны. За период с 1926 по 1959 г. число лиц нерусской национальности, указавших русский язык своим родным языком, увеличилось с 6,5 млн до 10,2 млн. Эти данные подтверждают начало процесса языковой смены у народов СССР, который в дальнейшем получит значительное ускорение.

Современная Россия по-прежнему остается полиэтничным государством. Для решения проблем национального благополучия необходимы:

- бережное отношение и изучение этнических корней;
- создание инфраструктуры духовного сотрудничества между этносами страны;
- раннее прогнозирование, знание ситуации;
- урегулирование диалога противостоящих сторон, переговорного процесса с участием нейтральной стороны.

И главное – все задачи и проблемы должны решаться в русле правового поля и государства, формирование гражданского общества, воспитания культуры межнационального общества.

Цыренова Зинаида Егоровна, доктор исторических наук, доцент кафедры истории Бурятии Бурятского госуниверситета, e-mail: kafbur@mail.ru

Tsyrenova Zinaida Egorovna, doctor of historical sciences, associate professor, department of history of Buryatia, historical faculty, Buryat State University, e-mail: kafbur@mail.ru

УДК 94(571.54)

© А.Н. Балакирев

Деятельность комсомола по организации пионерского движения в Бурятии

В статье, посвященной 90-летию комсомола Бурятии, проанализирована деятельность коммунистического союза молодежи в рамках становления пионерского движения в стране в первой половине 1920-х гг.

Ключевые слова: комсомол (РКСМ, ВЛКСМ), пионерская организация.

A.N. Balakirev

Komsomol activities on organization of Pioneer movement in Buryatia

In the article devoted to the 90-th anniversary of the Komsomol in Buryatia, the activities of the Communist Union of Youth have been analyzed within the formation of the Pioneer movement in the country in the first half of the 1920s.

Keywords: the Komsomol (Communist Union of Youth), Pioneer organization.

В мае 2014 г. комсомол Бурятии отмечает 90-летний юбилей. Однако актуальность изучения проблемных вопросов формирования и развития комсомольской организации по-прежнему велика, ведь не секрет, что современная молодежная политика во многом основывается на историческом опыте ВЛКСМ. Одним из главных направлений деятельности комсомола с первых дней существования стала работа с детскими общественными организациями и объединениями, а с 1922 г. – руководство Всесоюзной пионерской организацией.

В первые послереволюционные годы в стране действовали детские, молодежные организации как социалистической ориентации, так и антисоциалистической – антисоветской. За молодежь и детей шла борьба. По подсчетам А.Я. Лейкина, в 1917–1925 гг. оформилось более 35 молодежных союзов и около 20 молодежных объединений. По классовому составу 6 были буржуазными, почти 30 – мелкобуржуазными. К ним добавилось еще более 60 клерикальных организаций, из которых только сионистских было – 28, исламских – 6, остальные – других религий и верований. Итого более сотни различных союзов [1]. Часть из них, едва вспыхнув, сгорала в огне борьбы, часть из-за малочисленности или ухода руководителей распалась, просуществовав год-два, некоторые же объединились. Все существовавшие партии, даже перейдя в подполье, продолжали готовить себе смену. А так как революция взбудоражила все социальные слои общества, за революционной фразой в программах партий их истинную сущность сразу определить было трудно, особенно детям и молодежи, не искушенной в политике.

В условиях подобного противостояния решающее значение в сплочении разрозненных детских коммунистических организаций в стране принадлежит V Всероссийскому съезду

РКСМ, состоявшемуся в октябре 1922 г. Именно его решения впервые определили цели и задачи детского движения в Советской России, наметили его формы, содержание и методику работы.

Делегаты съезда считали, что их деятельность проходит в условиях обостренной классовой борьбы, поэтому детское движение, как и всякое пролетарское движение, должно прежде всего ставить перед собой цель сплочения, воспитания и подготовку к борьбе за интересы пролетариата. Решения съезда определяли две задачи достижения этой цели: во-первых, детские коммунистические группы всесторонне развивают характер, ум ребенка, во-вторых, содержание работы исходит из классовых интересов пролетариата. И все это должно проходить не в засушенных, казенных формах, а в виде интересной увлекательной игры. «В основу пролетарского детского движения, – подчеркнул съезд, – должна быть положена длительная игра детей, опирающаяся на особенности детского возраста и поэтому воздействующая на чувства и втягивание детей в общественную жизнь, в борьбу и строительство рабочего класса» [2]. При этом особое внимание было обращено на классовое воспитание, для чего предполагалось воспроизводить в играх детей яркие эпизоды революционной борьбы и борьбы человека с природой, утверждая и объясняя истоки единства трудящегося человечества. В этой игре дети должны быть основными действующими лицами, конкретно воспроизводящими в своих повседневных занятиях жизнь общества. Каждый участник должен чувствовать себя пионером нового общества. На этом основании в решениях съезда было записано: «Мы, пионеры, боремся во всем мире за создание нового трудового общества», – вот идея, которая должна тщательно культивироваться, которая романтикой своих отдельных эпизодов и грандиозностью своего

размаха должна покорять себе все чувства детей» [2].

Съезд так определил содержание и методы работы: у каждой группы детей должен быть свой герой, идеал, которому бы она подражала. Это может быть и В.И. Ленин, и Спартак, и Эдисон, и Нансен. Для сплочения группы культивируется святость знамени, честь звена. А для того, чтобы подчинить личную жизнь ребенка целям движения, устанавливаются моральные обязательства в виде Законов юных пионеров, Торжественного обещания. Съездом были утверждены и элементы Программы деятельности пионеров. Всю программу пионер должен выполнять самостоятельно, ведь лично приобретенный опыт – это путь накопления знаний и навыков. Программа имела несколько направлений: знакомство с окружающей жизнью, важными фактами политической жизни страны и молодежи, развитие классового самосознания через знакомство с романтическими эпизодами революционной борьбы.

В пионерской организации ребенок должен получить историко-географические сведения о родной местности, стране, как по рассказам исследователей, путешественников, так и в результате своих собственных походов. Художественное воспитание рекомендовалось проводить через вечера, инсценировки, спектакли, выпуски стенгазет, журналов и т.д. В содержание работы включался и коллективный труд через организацию детских площадок, охрану природы, работу сельскохозяйственной дружины, а также помощь партии и комсомолу при проведении различных демонстраций и манифестаций. Программа предполагала освоение гимнастики, игр на воздухе, развитие выносливости, настойчивости и терпения в ходе лагерной и походной жизни, изучение топографии и сигнализации «разведки», развитие посредством игр органов чувств (зрения, осязания, обоняния), памяти. Предполагалось и практическое усвоение правил гигиены труда и отдыха, медицинской помощи. Рекомендовалось проводить проверку усвоения пионерами этой программы, разделяя ее достижения по степени сложности на 3 разряда. Как программа, так и система разрядов во многом исходили из аналогичных скаутских. По этой причине летом 1923 г. их отменили и заменили системой этапов.

Кроме того, в принятом V съездом РКСМ специальном положении о пионерской организации было подчеркнуто, что руководство движением должно принадлежать комсомолу. Пионеры входят в звенья по 8-10 человек, которые

объединяются в группу во главе с советом и инструктором, назначаемым ячейкой или райкомом РКСМ. Все группы города или поселка объединяются в «организацию юных пионеров» при местной организации РКСМ. Руководит ею Совет, назначаемый комсомольским комитетом, ему же подчинены и все местные группы [3].

Надо отметить, что до V съезда РКСМ численность пионерской организации в стране росла медленно и составляла около 10 тыс. человек. После съезда обстановка резко изменилась, детское коммунистическое движение начало быстро распространяться в СССР. Так, если проследить этот процесс по молодым советским республикам, то он выглядит следующим образом.

В РСФСР движение началось в столице, затем перекинулось на крупные губернские города. В Москве в 1922 г. в июне существовало 6 отрядов (300 чел.), в июле – 600 чел., в январе 1923 г. было уже 16 отрядов (1500 пионеров), а в январе 1924 г. – 112 отрядов (в т.ч. в губернии – 46), и в них 7500 детей. В январе 1923 г. пионеры провели даже Первую общегородскую конференцию, направив на нее по одному представителю от звена – всего 150 человек. На конференции присутствовала Н.К. Крупская. В зале Центрального Дома коммунистического воспитания были заслушаны два доклада: секретаря ЦК РКСМ О. Тарханова «Детское движение и комсомол» и члена Центрального Бюро деткомгрупп (ЦБ ДКГ) И. Жукова «О работе пионеров в школе».

В Петрограде первые отряды были созданы при фабрике «Красное знамя», типографии «Монетный двор», трамвайном парке. На первом городском празднике пионеров 3 декабря 1922 г. присутствовало 220 пионеров и 10 инструкторов-комсомольцев.

В Курске первый отряд был организован 1 июля 1922 г. при детском доме. Осенью 1922 г. пионерский отряд появился в Перми, на базе «Муравейника» – допионерского детского коммунистического объединения, созданного учителем Шулеповым. В 1923 г. пионерские отряды появились в Воронеже, Казани, Костроме, Мурманске, Майкопе, Новороссийске, Тамбове, Ставрополе, в Уфе, на Алтае, на Кубани. К концу 1923 г. на Урале было более 8 тысяч пионеров. В 1924 г. пионерские отряды появились в Якутии и Петропавловске-Камчатском, в 1925 г. – на Чукотке.

На Украине было своеобразие в наименовании и структуре детских групп. В сентябре 1922 г. появились детские ячейки, детские коллективы (так назывались отряды пионеров), в

Харькове при детском доме № 6, в Екатеринославе (ныне Днепропетровск) при детском доме №20, а также во 2-м детгородке в Луганске. В ноябре 1922 г. были созданы такие коллективы в Юзовке (Донецке), в январе 1923 г. – в Киеве. К началу 1924 г. пионерия Украины насчитывала свыше 50 тыс. детей.

Развивалось детское движение и в Белоруссии. Так, в Минске 20 июня 1922 года был создан 1-й отряд, а появившиеся впоследствии другие отряды объединились в Белорусскую дружину «Юный Спартак имени К. Либкнехта». К середине 1924 г. в республике было более 5 тыс. пионеров.

В Грузии первый пионерский отряд был организован в Тбилиси осенью 1922 г., а через год отряды уже объединяли 8300 ребят в различных городах республики: Батуми, Гори, Кутаиси, Сухуми.

Возникли такие отряды и в Азербайджане, сначала в крупных городах, а уже потом в провинции. Так, в Баку отряды появились в 1922 г., а с начала 1923 г. – в других районах Азербайджана, причем их деятельность стало направлять Бюро детской коммунистической организации, созданное в конце 1923 г. при ЦК КСМ Азербайджана. И если к этому времени в Азербайджане было 2265 пионеров, то к августу 1924 г. насчитывалось уже 10922.

В Армении еще в 1921 г. были созданы организации «Юные коммунары», а в конце 1923 г. им было дано общесоюзное наименование «Юные пионеры имени Спартака».

Появлялось и развивалось пионерское движение и в Средней Азии. Так, в Узбекистане, в Ташкенте первый пионерский отряд появился в мае 1922 г., а 30 ноября того же года возник отряд, состоявший только из узбеков – ребят коренной национальности.

В Казахстане первый отряд был создан в ноябре 1922 г. в г. Петропавловске Акмолинской губернии.

Летом 1922 г. 64 подростка были объединены в отряд в г. Полторацке (ныне Ашхабад), к осени их стало уже 200 человек. Этим было положено начало развития пионерского движения в Туркмении.

В 1923 – начале 1924 г. возникли пионерские отряды в Киргизии и Таджикистане. Всего во всей Средней Азии в 1925 г. было уже около 50 тыс. пионеров [4].

В большинстве районов страны пионерские отряды создавались преимущественно при комсомольских ячейках фабрик и заводов, действовали они на основе «Временного положения ор-

ганизации юных пионеров» [2]. Отрядами руководили комсомольцы и перешедшие на их позиции бывшие скаутмастера. Все они активно использовали опыт скаутизма. Партия влияла на детскую организацию через комсомол, ведь по возрасту именно комсомольцам и нужно было работать с детьми, осуществляя непосредственное руководство пионерским движением. На это же указывал и Циркуляр Президиума исполкома Коминтерна центральным комитетам коммунистических партий о руководстве движением детских коммунистических групп от 5 августа 1922 г.: «Там, где работу детских групп на местах ведут преимущественно или исключительно члены партии, следует дать указание о безусловной передаче руководства этой работой в руки организации молодежи» [5]. Таким образом, уже на начальном этапе своего существования пионерская организация сумела создать себе положительную, авторитетную репутацию. Дети по всей стране тянулись в пионерские отряды, их привлекала и завораживала новая, жизненная форма общения.

Примечательно, что сначала рост пионерской организации шел в основном в центральных районах, промышленных центрах, слабо затрагивая массу крестьянских детей и детей на окраинах. Это выдвигало задачу подготовки национальных кадров пионерских работников, а также кадров для работы в деревне и направление их в отдаленные районы для создания организации.

В первых числах марта 1923 г. прибайкальский Губком РКСМ провел совещание, на котором решался вопрос о детском движении. Было принято решение: «Организовать отряд инструкторов по детдвижению при Губкоме РКСМ из комсомольцев г. Верхнеудинска. Распустить скаутскую организацию и приступить к организации отрядов юных пионеров» [6]. 18 марта 1923 г. по специальной программе, присланной из Москвы и рассчитанной на 4 месяца, начались занятия первого отряда инструкторов юных пионеров в г. Верхнеудинске. В процессе занятий определились наиболее подготовленные комсомольцы, которым и предстояло сделать первый шаг.

Организатором первого пионерского отряда стала инструктор Губкома комсомола Мила Славина, первыми вожатыми были назначены Газис Урманчеев, бывший скаутмастер, и Феня Ершова. Для работы первого отряда была отведена комната в здании Комсомольского клуба (ныне здание на ул. Каландарашвили).

27 апреля Газис Урманчеев, выйдя на крыльцо клуба, подал первый в истории бурят-

ской пионерии звонкий горн. Из воспоминаний пионера первого отряда П.И. Соколова: «Собрались нас человек 60 прямо на улице. Мила Славнина рассказала нам о пионерской организации, что значит быть пионером, чем будем заниматься. Тогда в пионеры просто записывали, но многие побоялись записаться. Осталось нас 22 человека» [7]. Первый отряд был разбит на два звена: звено мальчиков – «Сокол» и звено девочек – «Лисица».

Через три дня после создания первого отряда, т. е. к Первомайскому празднику, были организованы еще два. Один – на Стеклозаводе, другой – на железной дороге. Таким образом, к 1 мая 1923 г. при рабочих центрах города было создано 3 отряда юных пионеров общим числом 102 человека. К моменту образования БМАССР существовало уже 6 отрядов, в которых состояло 160 детей в возрасте от 8 до 15 лет. Нововведение вызвало сильнейший интерес у детворы, тяга в отряды была столь велика, что вызывала серьезные затруднения в работе первых вожатых.

Посещаемость отрядов всегда значительно превышала фактический состав пионеров, а иногда доходила до 100 и более человек. В одном из отчетов Прибайкальского Губкома РКСМ говорится: «Посещаемость отдельных отрядов доходит до 180 человек детворы, которая втягивается в работу с пионерами. Но запись в отряды не производится из-за отсутствия подготовленных руководителей» [8]. 1 июня 1923 г. при Детдоме №2 г. Верхнеудинска был организован еще один отряд юных пионеров в количестве 60 человек. Однако отсутствие кадров пионерработников тормозило так великолепно начавшееся дело. Движение нуждалось в организаторах. 15 июня начались занятия инструкторского отряда в Петровском заводе. 5 июля в Верхнеудинске был создан второй инструктивный отряд, члены которого помимо теории проходили и практику в уже существовавших отрядах. Кроме того, в городе для подготовки вожатых были организованы специальные двухнедельные курсы. Первым вожатым приходилось крайне сложно: не было четкой программы деятельности, отсутствовала методическая литература, очень остро стояла проблема подготовки национальных кадров. Но было огромное желание и вера в то, что все это делается во имя детей.

По окончании занятий инструкторских отря-

дов началась организация детей в пионерские отряды. По составу первые отряды формировались почти исключительно из детей рабочих и служащих того предприятия, при котором создавался отряд. Предприятие же отводило в рабочем клубе комнату или уголок для занятий пионеров, оказывало необходимую материальную помощь (снабжение литературой, закупка пионерских принадлежностей, атрибутов и пр.). Первые пионерские отряды делились на звенья отдельно для мальчиков и девочек, каждое звено имело свое название – «Сокол», «Тигр», «Олень», «Ласточка» и т.п. Но уже в 1924 г. начинают появляться смешанные звенья, изменяются и их названия – «Самолет», «Красная звездочка», «Красный боец», «Путевая звезда» и т. д. Отрядам, вначале называвшимся просто по номерам, стали присваивать имена популярных политических деятелей – «Отряд имени Карла Либкнехта», «Отряд имени Розы Люксембург», «Отряд имени Михаила Фрунзе» и пр.

1 октября 1923 г. при Буробкоме РКСМ было организовано Бюро деткомгруппы, в котором с этого момента сосредоточилось руководство детским движением в БМАССР. Председателем Бюро стал М.П. Беляев, секретарем М. Славнина, кроме того, в состав Бюро входил постоянный представитель Наркомпроса. Пионерское движение постепенно проникает и в сельские районы республики, в первую очередь туда, где были более сильные партийные и комсомольские организации. Уже во второй половине 1923 г. пионерские отряды существовали в городах Верхнеудинске и Троицкосавске, а также в Тункинском, Эхирит-Булагатском, Боханском, Аларском аймаках. В селах и улусах пионерские отряды возникали главным образом на базе школ. Для руководства деткомгруппами в аймаках организовывались аймачные бюро юных пионеров. Работа на местах осуществлялась через инструкторов по детскому движению, подготовленных на специальных курсах. К 1924 г. в Бурятии было 17 инструкторов, некоторые из которых прошли усиленные курсы в г. Иркутске по направлению Буробкома РКСМ.

В январском отчете 1924 г. Бурбюро ДКГ докладывало: «Общее количество пионеров по республике – 550, в городах – 166, в деревнях – 253, при заводах – 111» [9].

Литература

1. Лейкин А.Я. Против ложных друзей молодежи. – М., 1980.
2. Директивы и документы по вопросам пионерского движения. – М., 1962.
3. Пятый Всероссийский съезд РКСМ: стенографический отчет. – М., 1927.

4. Кудинов В.А. Общественные организации детей и молодежи в России в XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. – Кострома, 1994.
5. Коминтерн, КИМ и молодежное движение (1919-1943): сб. докл.: в 2 т. – М., 1977.
6. ГАРБ. Ф. 36, д. 36, л. 43.
7. Дуринова Г.А. Пионерское движение в Бурятии. – Улан-Удэ, 1962.
8. ГАРБ. Ф.36, д.155, л. 4.
9. ГАРБ. Ф. 36, д.106, л. 6.

Балакирев Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Отечества, Бурятский государственный университет. Тел. 21-70-86.

Balakirev Alexey Nikolaevich, candidate of historical sciences, senior lecturer, department of homeland history, Buryat State University. Tel. 21-70-86.

УДК 94(571.54)

© В.А. Гельман

Развитие промышленности Бурятии в условиях трансформации российского общества

Статья рассматривает историю развития промышленности Республики Бурятия, его место и роль в развитии региона. Изучение экономических процессов в период трансформации дает возможность, понимание характера происходящих в них изменений, факторов и перспектив развития промышленности для проведения необходимых социально-экономических преобразований в регионе. Дальнейшие перспективы развития промышленности будут зависеть от возможностей найти стратегическое направление развития Республики Бурятия в экономики России в целом.

Ключевые слова: промышленность, банкротство, реформы, материальное производство, динамика развития.

V.A. Gelman

Industrial development of Buryatia in the conditions of transformation of the Russian society

The article considers history of the development of industry in the Republic of Buryatia, its place and role in the region development. Studying of economic processes during transformation gives the chance, understanding of nature of changes that occurred in them, factors and prospects of the development of industry for conducting the necessary social and economic transformations in the region. Further prospects of the development of industry will depend on opportunities to find the strategic direction of the development of the Republic of Buryatia in economy of Russia as a whole.

Keywords: industry; bankruptcy; reforms; production of goods; dynamics of development.

В девяностые годы в Бурятии была создана база рыночной экономики, сформировалась принципиально новая экономическая ситуация. В экономике республики произошли значимые структурные сдвиги, характерные для системы, основанной на рыночных принципах организации и функционирования. Но под влиянием изменений в политических и экономических сферах производительные силы республики, удваивавшиеся каждые десять лет за послевоенный период, в условиях экономической реформы оказались разобщенными и дезорганизованными, где с особенно серьезными трудностями сталкивается промышленность Бурятии.

В Республике Бурятия в 1991 г. насчитывалось 2147 промышленных предприятий и колхозов, в которых работало 105 239 человек. В их числе промышленные предприятия, состоящие на балансе непромышленных организаций (промышленность подсобных предприятий) – 1426;

колхозы – 486, из них 19 – межхозяйственные организации; 427 – предприятия сельскохозяйственных колхозов; 40 – рыболовные колхозы; промышленные предприятия на самостоятельном балансе – 235, общая численность работающих 92 598 человек [1]. По отраслевой принадлежности: 22 предприятия союзного подчинения общесоюзных и союзно-республиканских министерств и ведомств (45 517 работающих); 6 предприятий республиканского подчинения союзно-республиканских министерств и ведомств (641 работающих); 207 предприятий республиканских министерств и ведомств (46 440 работающих) и 1 министерство энергетики (5 181 чел.) [2].

За годы реформ в республике наиболее стабильно функционировал только топливно-энергетический комплекс, что связано с освоением предельных мощностей и давлением социальных требований. В то же время во многих

отраслях лесохозяйственного комплекса, производстве стройматериалов, легкой, пищевой, комбикормовой промышленности производство сокращается. В 1994 г. промышленное производство в республике сократилось почти на 20%, при этом уменьшился выпуск 43 (из 48) важнейших видов промышленной продукции. В июне 1994 г. не работали 11 предприятий, на 22 остановлено производство. В июне 1994 г. остановлено производство на стекольном заводе, АО «Завод Эмальпосуды», АО «Новая Бряньсельмаш», АО «Туяна» [2].

За 1994 г. по отношению к уровню 1993 г. производство целлюлозы сократилось до 11%, пиломатериалов – 51%, деловой древесины – 59%, цемента – 65%. Резко упало производство в машиностроительном комплексе – до 37%. Большое беспокойство вызывает неуклонное сокращение производства потребительских товаров. В 1994 г. выпуск продовольственных товаров снизился на 27%, а непродовольственных – на 48% [3].

В 1994 г. полностью остановлено производство на двух крупных предприятиях АО «Бурятфермаш», ОАО «Улан-Удэнский стекольный завод», на последнем из 1389 списочного состава осталось 52 человека [2]. Сокращение производства во всех секторах экономики республики серьезным образом сказывается на транспортных перевозках, объем которых за годы реформ существенно снизился. Только за 1994 г. перевозки грузов железнодорожным транспортом снизились на 18%, автомобильным – на 51%, авиационным – на 52%. Значительное удорожание стоимости проезда привело к снижению объема пассажирских перевозок на 16% [3].

При спаде производства значительно ухудшается финансовое положение в республике, уменьшаются налоговые поступления, вместе с этим падает платежная дисциплина, быстро растут взаимные неплатежи, уменьшается финансовая поддержка республики из федеральных источников. Обостряется в республике проблема убыточности предприятий. Падение объемов производства началось с 1990 г. и в последующем наблюдалось ежегодное снижение объемов промышленного производства. Так, в 1998 г. объем промышленного производства составил 44% уровня 1990 г. [2]

В результате распада прежней системы хозяйствования и недостатков в ходе реализации реформы происходит спад производства, который ослабил экономическую жизнь на уровне предприятий, поселков, городов, районов и сопровождающую социальную инфраструктуру.

В 1997 г. на АО «Бурятфермаш» водится внешнее управление, в 1999 г. – банкротство и ликвидация предприятия [4]. В 2002 г. ОАО «Улан-Удэнский стекольный завод» объявлен официальным банкротом. Большие трудности испытывали и другие крупные предприятия, так в 1997 г. признан банкротом АО «Джидинский вольфрамово-молибденовый комбинат» [2].

ОАО «Улан-Удэнская фабрика верхнего трикотажа» 13.01.1999 г. признано банкротом, а 17.12.2003 г. ликвидировано как предприятие (насчитывало 1386 чел. на 1994 г.) [5]. В 2000 г. ликвидирован ОАО «Холбоджинский» (в 1992 г. численность персонала составляла 2975 чел.) [2].

В 1999 г. наблюдается тяжелая ситуация для ликеро-водочной промышленности, основного налогоплательщика республики. В связи с падением объемов сельскохозяйственной продукции акционерное общество «Бурятспирт» не выполнило задание по производству спирта. Все предприятия ликеро-водочной промышленности республики оказались в тяжелейших условиях. Выросла задолженность сельскохозяйственным предприятиям со стороны АО «Бурятспирт», которая превысила 17 млн р. Для стабилизации работы АО «Бурятспирт» правительство Республики Бурятия выделило средства в размере 42,6 млн р., но они были использованы неэффективно. Это отразилось и на работе АО «Ливона», которая в 2000 г. сумела произвести всего 60% продукции к уровню 1999 г. Производственные мощности предприятия были использованы лишь на 26%. Убытки от производства, по итогам одиннадцати месяцев, превысили 9 млн р. и возросли в 9,7 раза по сравнению с показателями 1999 г. В итоге в 2001 г. эти предприятия обанкротились. При этом задолженность АО «Ливона» составила 88 млн р., что привело к аресту имущества завода и было вынесено постановление о его продаже в счет погашения недоимки. Все наиболее ценные активы предприятия реализует МНПО «Байкалфарм», а предприятие перестает существовать и уходит с рынка продажи и изготовления винно-водочной продукции. Доминирующее положение захватывает МНПО «Байкалфарм» [11].

К началу XXI в. состояние российской и бурятской экономики было непростым. Продолжается спад производства, возрастает кризис в бюджетной и инвестиционной сфере, увеличивается инфляция. В отчетном докладе в 2000 г. и.о. президента СПП К. Альцман отмечено, что рост физических объемов производства в 1999 г. в промышленности составил 14% (крупные и средние предприятия увеличили объем произ-

водства на 13%). Доля крупных и средних предприятий в общем объеме производства составила 93%, что говорит о неразвитости в Бурятии малого бизнеса, условия, для развития которого пока еще не созданы. В структуре промышленного производства продолжает доминировать энергетика – 32% (в 98 г. – 48%). На втором месте – машиностроение (15%). Но объем промышленного производства в 1-м квартале 2000 г. составил лишь 46% к уровню 1990 г. и, несмотря на рост производства, финансовое состояние предприятий остается критическим – отсутствие оборотных средств, огромные долги по налогам (недоимки, штрафы, пеня). На 1 апреля долги по зарплате составили в промышленности 280 млн, в строительстве – 46 млн р. По данным налоговых служб, на законных основаниях можно было обанкротить 80% бурятских предприятий [10].

Начало 2000-х гг. для бурятской промышленности было непростым, но наметившийся подъем в российской экономике отразился и в Бурятии. С одной стороны, продолжается закрытие одних предприятий, а с другой – весь промышленный потенциал республики начинает входить в крупные российские холдинги и подчиняться московским головным компаниям. В 2001 г. ЛВРЗ стал базовым предприятием Сибири по ремонту подвижного состава и сервисному обслуживанию Министерства путей сообщения России. После преобразования этого министерства в ОАО «Российские железные дороги» первенец индустриализации Бурятии автоматически перешел в вышеназванную коммерческую структуру и полностью подчинился Москве. ОАО «Улан-удэнский авиазавод» вошел в государственную корпорацию «Вертолеты России», которая включает в себя Московский, Казанский и Улан-Удэнский вертолетные заводы. Улан-Удэнское производственное приборостроительное объединение с 2000 г. по постановлению правительства России входит в корпорацию «Аэрокосмическое оборудование», чей головной офис находится в Санкт-Петербурге. Селенгинский целлюлозно-картонный комбинат перешел под контроль крупной финансово-промышленной группы «Базовый элемент», возглавляемой О. Дерипаской. Черемшанский кварцитовый рудник, крупнейший в России по запасам кварцита, является филиалом зарегистрированного в Иркутске ЗАО «Кремний» – лидера в России по объемам производства и качеству кристаллического кремния, входит в состав финансово-промышленной группы ОАО «СУАЛ-холдинг». ОАО Разрез «Тугнуйский» входит в состав

крупнейшей российской угольной компании – ОАО «Сибирская угольная энергетическая компания». Канадская золотодобывающая компания High River Gold становится собственником 84,9 процента акций ОАО «Бурятзолото», которое являлось для HRG основным добывающим активом. В 2008 г. активы перекупает российская ОАО «Северсталь». В 2005 г. право управления ОАО «Каменским цементным заводом» получила холдинговая компания «Сибирский цемент». Положительные примеры вхождения в российские холдинги увеличивают конкурентность предприятий, возможности переоснащения и дальнейшего стратегического развития.

Меняется картина на других предприятиях Бурятии, происходит смена собственников в ОАО «Бурятские авиалинии», для вывода из предбанкротного состояния предприятие продается московской ООО «Медиа Групп», которая приводит к потере контроля над воздушными воротами республики. Происходит объединение ЗАО «Заудинский мелькомбинат» и ОАО «Улан-Удэнская макаронная фабрика» в крупный перерабатывающий холдинг. Кризис 2008 г., к сожалению, внес свои коррективы, и в 2009 г. в отношении ЗАО «Улан-Удэнская макаронная фабрика» («Макбур») рассматривается дело о признании ее банкротом. В то же время продолжается закрытие не сумевших найти своих инвесторов отраслевых предприятий. Так, в 2003 г. закрывается АО «Завод Электромашина», 29.12.2003 г. возбуждено дело о несостоятельности завода, 16.06.2004 г. вводится внешнее управление, а 27.12.2004 г. завод признан несостоятельным (банкротом) (1824 среднесписочного состава на 1994 г.) [6].

14 июля 2003 г. объявлено несостоятельным (банкротом) ОАО «Улан-Удэнский завод «Теплоприбор»», открыто конкурсное производство, на территории завода работает несколько самостоятельных предприятий [7].

В 2004 г. начинает испытывать трудности один из флагманов бурятской экономики ЗАО «Улан-Удэнская тонкосуконная мануфактура», 12 июля 2006 г. введено конкурсное производство и признание предприятия банкротом, в декабре 2006 г. признано банкротом, а предприятие ликвидировано (в 1993 г. на предприятие работало 1852 работника) [8].

В 2006 г. признано банкротом ОАО «Эмальпосуда» – завод по производству кухонной утвари, а имущество реализовано индивидуальному предпринимателю А. Попову.

В 2005 г. рост производства сохраняется благодаря трем отраслям: цветной металлургии (за

счет золотодобычи в северных районах), электроэнергетике, угольной промышленности и распределению электроэнергии. В 2005 г., по данным Союза золотопромышленников РФ, ОАО «Бурятзолото» вышло на 5-е место по объему добычи среди золотодобывающих компаний России (4911,6 кг). Производство электроэнергии достигло 1434 млн кВт/ч, или 109% к 1-му кварталу 2004 г. На ОАО «Разрез Тугнуйский» объем добычи угля в 2005 г. составил около 5 млн т.

На флагманах промышленности – ЛВРЗ, ОАО «У-ППО», ОАО «Улан-Удэнского авиационного завода», ЗАО «Улан-Удэстальмост» – за годы реформ происходит типичная ситуация предприятий, оказавшихся без государственных заказов и вынужденных на значительное сокращение персонала и поиск своей ниши производства. Вместе с тем промышленные предприятия, унаследовав деформированную структуру, характеризуются низким уровнем производства и практически полным отсутствием наукоемких производств. Рост производства и модернизация данных предприятий происходят лишь благодаря вхождению в общероссийские корпорации, наиболее перспективным становится экспортно ориентированное ОАО «Улан-Удэнский авиационный завод» – главный налогоплательщик республики.

Отрицательные тенденции в развитии промышленности республики связаны с сокращением объемов промышленного производства, разрывом хозяйственных связей, вызванными экономическими и политическими факторами, которые резко усилились после распада СССР, в результате чего многие предприятия республики потеряли как партнеров по поставке для них сырья и комплектующих изделий, так и постоянных потребителей своей продукции.

Объем капитальных вложений в экономику Бурятии на душу населения был ниже, чем в среднем по России, причем значительные средства расходовались на охрану природы. Немалую роль на экономические проблемы оказало и разрушение традиционных экономических связей Восточной Сибири, в том числе и проблема энерготарифов, поставившая в неравные условия предприятия Бурятии и Иркутской области. Тарифы на электроэнергию, устанавливаемые по АО «Бурятэнерго», являются одними из самых высоких по сравнению с другими энергосистемами РФ. Средний тариф (по состоянию на январь 1999 г.) по АО «Бурятэнерго» составил 29,73 коп./кВтч, для промышленности – 48,8 коп./кВтч (по сравнению с АО «Иркутскэнерго» 8,58 и 9,22 коп./кВтч и средними по России

23,99 и 27,01 коп./кВтч соответственно) [11].

В период мирового кризиса 2008 г. по оценке министерства экономики РБ падение валового регионального продукта республики в 2009 г. составило 5%, или 130 млрд р. Наибольший спад происходит в лесоперерабатывающем комплексе, строительной отрасли, таких как ЗАО «Улан-Удэстальмост», ОАО «У-ППО», Селенгинский ЦКК и др. Процедуру банкротства проходят ОАО «Бурятмясопром», Судостроительный завод, ЗАО «Улан-Удэнская макаронная фабрика», под вопросом – ЗАО «Амта».

К концу 2011 г. состояние бурятской экономики продолжало оставаться непростым. Реформа экономики в условиях недостаточного нормативно-правового и законодательного обеспечения, а также неэффективность местной власти дали толчок к активизации процессов, которые способствовали обострению социальных противоречий в республике. Именно прошедшие экономические реформы девяностых годов предопределили социально-политические процессы, происходящие в 2000-2011 гг. в республике, и стали причиной серьезного отставания от других регионов.

В 2013 г. подъем промышленности происходит благодаря ОАО «Улан-Удэнский авиазавод», АО «Бурятзолото», филиалу ОАО «ОГК-3» «Гусинозерская ГРЭС», СП «Байкальская лесная компания», ООО «ТимлюйЦемент», ОАО «Молоко». На других предприятиях в конце 2013 г. происходит спад производства, особенно заметным он становится на Улан-Удэнском локомотивовоноремонтном заводе – филиале ОАО «Желдорремаш», ОАО «У-ППО», ЗАО «Улан-Удэстальмост», где происходит сокращение рабочей недели и сокращение персонала. Приостанавливается производство на Селенгинском ЦКК, на котором происходит смена собственников. Объявляют о банкротстве бывший лидер бурятского бизнеса МНПО «Байкалфарм» и кондитерская фабрика «Амта», окончательно ликвидируется Судостроительный завод, на территории которого возводятся торговые комплексы.

Таким образом, для выработки дальнейшего социально-экономического пути развития Республики Бурятия необходимо поддержка крупных предприятий производителей. В целом по республике, несмотря на наследие экономических реформ и социальных потрясений, потенциал развития есть, но необходима последовательность и стратегическая направленность на реформы самих республиканских властей.

Литература

1. ГАРБ Ф.Р. 196. Оп. 1/12. Д. 774. Л. 1-2
2. Гельман В.А. История становления и развитие предпринимательской деятельности в Бурятии (1991-2010 гг.): дис. д-ра ист. наук. – Улан-Удэ, 2012. – 387 с.
3. Найданова С. Б. Качество жизни населения Бурятии в условиях реформ. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999.
4. ГАРБ. Ф.Р. 1745. Оп. 1. Д. 100. С. 1-8.
5. ГАРБ. Ф.Р. 1979. Оп. 1. Д. 929. С. 1-24.
6. ГАРБ. Ф.Р. 1745. Оп. 1. Д. 100. С. 1-8.
7. ГАРБ. Ф.Р. 1990. Оп. 1. Д. 841. С. 32
8. ГАРБ. Ф.Р. 427. Оп. 1. Д. 926. С. 12.
9. Промышленность Республики Бурятия (стат. сб. № 09-05-11). – Улан-Удэ: Госкомстат РБ, 2010. – С. 19.
10. Анготкин А. В конце века экономика Бурятии притормозила // Информ Полис. 2001. 21 февр.
11. Гельман В.А. Развитие предпринимательской деятельности в Бурятии (1991–2010). – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. – 188 с.

Гельман Вячеслав Александрович, доктор исторических наук, доцент кафедры «Культурология и социокультурная антропология» Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, e-mail: wigdan@mail.ru

Gelman Vyacheslav Aleksandrovich. doctor of historical sciences, associate professor, department of cultural and sociocultural anthropology, East-Siberian State University of Technology and Management, e-mail: wigdan@mail.ru.

УДК 94 (571.54)

© Л.Г. Власов

Социально-демографические процессы в районах нового освоения Сибири (начало XXI в.)

В статье рассматриваются социально-демографические процессы восточных районов страны, ее новых районов освоения в начале XXI в. Особое внимание обращается на имеющее место снижение населения, действие социально-экономических факторов на этот процесс.

Анализируются проблемы международного миграционного обмена Сибири с государствами Юго-Восточной Азии, необходимости государственного правового регулирования этой политики.

Ключевые слова: Сибирь, новый район освоения, социально-демографические процессы, трудовая сезонная миграция, страны Юго-Восточной Азии, КНР.

L.G. Vlasov

Socio-demographic processes in the areas of new development of Siberia (beginning of the XXI century)

In this paper the socio - demographic processes in the eastern regions of the country, its new areas of development in the early XXI century are considered. The special attention is paid to the reduction of population, influence of socioeconomic factors on the process.

The problems of international migration exchange between Siberia and states of the South-Eastern Asia, the necessity for state legal regulation of this policy are analyzed.

Keywords: Siberia, new area of development, socio- demographic processes, seasonal labor migration, the countries of South-Eastern Asia, the CPR.

Проблема заселения восточных районов страны вообще и в частности ее районов нового освоения является весьма сложной в экономическом, организационном и социальном плане. Более того, велико также и геополитическое значение. Тем более, что в условиях одновременного сокращения уровня рождаемости и роста смертности население этих территорий России с 1993 г. вошло в зону отрицательного естественного прироста. К настоящему времени, несмотря на рост с 2000 г. показателей рождаемости, естественный прирост населения Сибири только на 60-70% обеспечивает уровень просто-

го воспроизводства [11 с. 50].

С одной стороны, это проявление общероссийских и общемировых перемен, свойственных промышленно развитым странам и регионам, имеющим высокую долю городского населения, вследствие высокого образовательного уровня населения и высокого показателя занятости женщин в общественном производстве. Острота этих проблем в регионе обусловлена также особенностями формирования населения (в том числе и миграции), сложившимися в прошлом, в частности тем, что динамика прироста численности населения Сибири, в особенности Запад-

ной, в значительной степени определялась структурой и характером размещения производительных сил в регионе.

С другой стороны, демографический кризис в Сибири связан с недостаточной модернизацией социальных и экономических институтов, с наличием серьезных кризисных явлений в обществе. Именно они обуславливают низкий уровень здоровья, высокий уровень смертности от несчастных случаев, отравлений и травм, инфекционных заболеваний и т. д.

Высокая вероятность смертности по различным причинам в относительно молодом возрасте получила выражение в многочисленных демографических потерях. По нашим оценкам, ежегодные потери городского населения Сибири в 1989-1995 гг. (в годы роста показателей смертности) составляли 10,5 млн, а сельского населения – 3,6 млн потенциальных лет (человеко-лет) жизни, из них около 40% – из-за несчастных случаев, отравлений и травм, что в 3-4 раза выше уровня потерь по аналогичным причинам в развитых странах [12].

Только за 1997-1999 гг. потери жизненного потенциала населения Сибири привели к ежегодному снижению внутреннего регионального продукта (ВРП) в сибирских регионах на 6,5-7,0 млрд р. в год [3].

В административно-плановой экономике основополагающим принципом прогнозирования потребности нового региона освоения в трудовых ресурсах является приоритет народохозяйственного уровня планирования над региональным. Поскольку для районов с высокими темпами развития, а тем более для районов пионерного освоения, величина перспективной потребности, как правило, превосходила ожидаемую величину собственных трудовых ресурсов, принимались различные меры – от экономических до административных – по привлечению дополнительных трудовых ресурсов в эти районы.

Миграционные процессы, происходившие в стране и захватившие Сибирь в прошедшем периоде, носили противоречивый характер, поскольку вызывались в основном разнообразными административно-политическими решениями. Привлекательность зон нового освоения обеспечивалась в первую очередь высокой зарплатой, которая перекрывала издержки, вызванные неблагоприятным воздействием климата, тяжелыми условиями труда, слабым социальным обустройством территории. Прирост общей численности работников достигался за счет высокого оборота прибывающего и выбывающего населения, что требовало от государства нема-

лых затрат. Так, Сибирь в результате межрайонной миграции населения с 1959 по 1972 г. потеряла свыше 1,1 млн чел. [9, с. 155-156]. Причем значительная доля мигрантов переселялась в обжитые и, как правило, трудоизбыточные районы страны. В 1960-х гг. восточные районы имели отрицательное сальдо миграции до 150 тыс. человек ежегодно, что привело к определенному снижению удельного веса населения Сибири в общей численности населения СССР с 8,5% в 1959 г. до 8% в 1970 г. (а удельного веса с 10,8 до 10,6%) [4, с. 7].

Бурное индустриальное освоение восточных районов, увеличение льгот для проживающих в Сибири и на Дальнем Востоке приостановили этот процесс. С 1971 по 1975 г. численность населения восточных районов страны увеличилась на 1,2 млн чел. [1, с. 59], что составило 5,5% (по РСФСР на 2,9%) [6, с. 15]. Однако заселенность территории на Востоке оставалась к концу 1970-х гг. низкой. В 1979 г. 57,1% площади СССР в Сибири и на Дальнем Востоке проживало лишь около 11,3% населения [10, с. 79].

В этой связи необходимо подчеркнуть, что само по себе прогнозируемое снижение численности населения России, в том числе в Сибири и в особенности такого огромного неосвоенного его района, как регион БАМа, – еще не катастрофа.

Катастрофа состоит в том, что прогнозируемой численности и плотности населения в таком огромном районе, как Сибирь, недостаточно не только для того, чтобы освоить свое геополитическое пространство, но даже для того, чтобы удержать его в будущем.

Кроме того, реализация новых проектов еще больше обостряет кадровую проблему. Так, сооружение нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан потребует привлечения около 17 тыс. строителей; поставлена задача удвоения (к 2010 г.) объемов ввода в эксплуатацию жилья. Сейчас на объектах Сибири занято порядка 500 тыс. строителей. Посмотрим, как решалась эта проблема в советские времена.

В недалеком прошлом для Сибири ключевой была профессия строителя. На ее территории действовали крупнейшие специализированные строительные организации: БратскГЭСстрой, БАМстрой, подразделения Миннефтегазстрой, Сибкадемстрой и т. п. До 1990 г. строительных организаций с численностью до 100 человек в РФ и Сибири не было вообще. В настоящее время в РФ существует более 100 тыс. таких организаций [5, с. 15].

Другая серьезная проблема – привлечение эксплуатационников. Например, реализация Ко-

выктинского нефтегазового проекта в полном объеме приведет к созданию порядка 40 тыс. новых рабочих мест. Эксплуатация нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан потребует привлечения 3 тыс. работников. Требуется специальная достаточно длительная подготовка. Нужна комплектация служб безопасности объектов и многое другое.

Перекосы в системе расселения страны приведут к скоплению значительной части россиян в относительно благополучных мегаполисах и запустению провинций. К сожалению, этот процесс происходит уже в настоящее время, и, таким образом, на сибирских территориях и в новых районах освоения будут утрачены демографические условия нормального социально-экономического развития страны, а ее территории будут заселены представителями из Юго-Восточной Азии.

С начала 1990-х гг. численность китайцев на территории России увеличилась почти в 20 раз [8]. Этот рост существенно выше, чем в любой другой стране мира: так, например, в США за 20 лет с 1970 г. их число выросло только в 8 раз. И в будущем нет оснований для сокращения этого потока, поскольку факторы, способствующие выталкиванию населения с территории Китая, многочисленны. К ним относятся огромное демографическое давление в КНР, безработица, невозможность обеспечения занятости по месту жительства, демографический и социально-экономический дисбаланс между Китаем и Россией, существенные ограничения демографической политики по отношению к рождению детей второй и третьей очередности. Способствуют китайской иммиграции также близость границы России и относительная свобода ее пересечения. Авторы многих работ, анализирующие процессы внутреннего развития Китая, отмечают, что китайское миграционное давление будет со временем возрастать, причем вне зависимости от сценария социально-экономического развития самого Китая.

Восточным территориям России нужно быть готовыми к принятию на свои региональные рынки труда мигрантов из Юго-Восточной Азии. Необходимо разработать определенную стратегию их расселения с учетом опыта развитых стран мира, имеющих давние традиции по принятию иммигрантов, а также слабой социокультурной интегрированности мигрантов из Китая в принимающее общество, их замкнутости и ориентации на проживание анклавами. По мнению Ж.А. Зайончковской, китайцев «надо расселять равномерно, перемежая места

их компактного проживания общинами корейцев, вьетнамцев и т.д. Делать «микст» – это снимет угрозу отторжения частей нашей территории в дальнейшем... Все это надо продумать и действовать соответственно, вместо того чтобы дожидаться, пока территория совсем обезлюдеет и туда хлынет мощный поток, с которым мы не сумеем справиться» [2].

Серьезные шаги в регулировании процесса международного миграционного обмена осуществлены российским руководством с принятием с 01.11.2002 г. нового Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Этот закон определяет все правовые вопросы въезда и пребывания на территории России: порядок оформления приглашения на въезд, регистрацию и учет мигрантов, контроль за пребыванием и проживанием на территории въезда, прописывает ответственность за нарушение закона. Таким образом, создается реальный механизм по формированию иностранной составляющей на российском рынке труда.

Наступило время, когда на смену стихийному характеру миграционных процессов иностранной рабочей силы на территории России должен прийти регулируемый, легализованный, основанный на четкой правовой основе характер перемещений. Основными ограничителями приема иммигрантов должны стать не административные ограничения и различного рода запреты на въезд, а регулируемые масштабы спроса на рабочую силу, которая должна стать инструментом развития региона. Если Сибирь в соответствии со стратегией социально-экономического развития региона в будущем рассматривать не только как район с высоким природно-ресурсным потенциалом, но и как полигон для размещения высокотехнологичных наукоемких производств, то решение этих задач потребует привлечения большого числа специалистов самых разных областей знаний. Началу такой деятельности должна предшествовать большая совместная работа Министерства иностранных дел РФ по сотрудничеству со всеми государствами – участниками миграционного взаимодействия. Большое место в такой работе должно быть отведено:

- выявлению регионов России, предпочтительных для проживания мигрантов;
- согласованию квоты по приему мигрантов с территориальными администрациями и региональными миграционными службами территорий вселения мигрантов;
- разработке прогнозов миграционных потоков;

• изучению особенностей адаптации иностранцев на российском рынке труда, защите не только их прав, но и прав россиян.

Такая работа могла бы проводиться в рамках реализации региональных программ миграции. Все это должно упорядочить миграционные потоки, а самое главное – снизить материальные и моральные издержки самих мигрантов, а также дать возможность территориям вселения подготовиться к приему мигрантов определенного демографического и профессионального состава и решить ряд проблем, связанных с их принятием и обустройством.

Как показывают наши исследования, проводимые в рамках исследовательского проекта Сибирского отделения РАН «Миграция и этнокультурная ситуация в восточных регионах России в контексте этнополитической стабильности в Евразии», сибирские территории отнюдь не пугают мигрантов из стран Юго-Восточной и Средней Азии, климат которых, как известно, сильно отличается от сибирского [12]. Экономические характеристики – отраслевая структура, возможности для ведения предпринимательской деятельности, развитость и мультимодальность сибирских городов – являются важными факторами при принятии ими решения о миграции.

Преобладающий вид миграции для стран ближнего зарубежья – трудовая сезонная миграция в теплое время года (весна, лето и ранняя осень) титульного населения, а для дальнего зарубежья – трудовая миграция на продолжительный срок. Динамика обоих видов миграции в последние годы идет по нарастающей. При этом подавляющее большинство прибывающих в регионы Сибири из стран Средней Азии не предпринимали попыток осуществить трудовую миграцию в какие-либо другие страны (среди опрошенных в исследовании таких оказалось 94%), что свидетельствует об устойчивости в сознании титульного населения этих стран представления о России как о территории, где они могут решить, по крайней мере, свои экономические проблемы. Важным фактором является также знание русского языка и определенная близость культур.

Мигранты едут не «в Россию вообще», а заранее выбирают, как правило, при помощи своих друзей и знакомых целевой пункт. Влияет на выбор места работы в Сибири также опыт проживания в городах, куда они стремятся во время учебы или службы в рядах Советской Армии еще до распада СССР. Играют роль также тер-

риториальная близость и транспортная доступность. Свыше 72% иммигрантов, приехавших на заработки и опрошенных нами, первым местом своего пребывания в России выбрали именно Сибирь.

Безусловно, на принимающей территории вновь прибывшие испытывают определенные трудности. Это, прежде всего, трудности с пересечением границы, с пропиской. Однако всего 4,3% опрошенных отметили специфику погодных условий в качестве «трудности», мешающей им в работе. Для большинства же те проблемы, с которыми они встретились, были вполне решаемы и преодолимы, о чем свидетельствует тот факт, что 61,1% намерено продолжать свою работу в России, а 39% из них видит себя в будущем жителями и потенциальными гражданами России. При этом 71% опрошенных отмечали улучшение своего положения за время работы в России. Действительно, 58,7% удается на заработанные здесь средства содержать на родине семью, сделать сбережения (25,1%), улучшить жилищные условия (14,9%) или купить машину (8,5%). Поэтому неудивительно, что только 10% опрошенных жалеют о том, что стали работать в России.

В целом почти 90% опрошенных заявили, что привыкнуть к жизни в Сибири им было несложно или сложно только в первое время после прибытия.

Таким образом, Сибирь в целом и новый район освоения – регион БАМа в частности нуждается в рациональной государственной демографической политике, учитывающей сложности и проблемы этого края.

Хотя решение о разработке такой стратегии было принято руководством государства еще в конце 1999 г. и отнесено к числу важнейших задач правительства, в 2004 г. страна не имеет стратегии своего социально-экономического развития, публично принятой к исполнению ее государственной властью. Более того, делаются попытки теоретически обосновать негативное воздействие подобных стратегий на экономический рост [7, с. 11].

Для преодоления подобной ситуации нужны политики, обладающие горизонтом видения, выходящим за пределы их очередного выборного срока. Задачей же российской экономической науки является настойчивая и, видимо, более активная деятельность как по дальнейшей разработке такой стратегии, так и по донесению ее необходимости и сути до общественного сознания.

Литература

1. Алимов Ю.П., Жохова В.П. Анализ эффективности размещения производительных сил Сибири и Дальнего Востока. – М., 1979. – С. 59.
2. Архангельский Н. Западный дрейф // Эксперт. – 2003. – №39.
3. Бабанко А.И. Концепция развития и сохранения населения Сибири на долгосрочную перспективу (медико-демографический аспект). – Новосибирск, 2001.
4. Железко С.Н. Социально-демографические проблемы в зоне БАМ. – М., 1980. – С. 7.
5. Кулешов В.В. Экономика России и Сибири: «стартовые площадки» и «точки роста» // ЭКО. – 2006. – №3. – С. 15.
6. Лифанчиков А.И., Настенко А.Д. Продовольственный комплекс Сибири и Дальнего Востока. – М., 1982. – С. 15.
7. Мау В. Посткоммунистическая Россия в постиндустриальном мире // Вопросы экономики. – 2002. – №7. – С. 11.
8. Миграция и безопасность в России / под ред. Г. Вигковской и С. Панарина; Моск. центр Карнеги. – М.: Интердиалект, 2000.
9. Проблемы теории и практики размещения производительных сил СССР. – М., 1976. – С. 155-156.
10. Подсчитано на основании источников: Народное хозяйство СССР в 1979 г.: стат. ежегодник. – М., 1980. – С. 7; *Народное хозяйство РСФСР в 1979 г.*: стат. ежегодник. – М., 1980. – С. 79.
11. Соболева С.В. Чтобы Сибирь не обезлюдела // ЭКО. – 2004. – №8. – С. 50.
12. Соболева С.В. Настоящее и будущее населения Сибири // Сибирь на пороге нового тысячелетия. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1999.
13. Соболева С.В. Чтобы Сибирь не обезлюдела // ЭКО. – 2004. – №8. – С. 63.

Власов Леонид Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент, филиал ИГПС, г. Братск, e-mail: lasov@rk.ru
 Vlasov Leonid Gennadevich, candidate of historical sciences, associate professor, branch of IGPS, Bratsk, e-mail: vlasov@rk.ru

УДК 392.3

© И.Б. Батуева, В.В. Кондратьева

Современные семейные традиции татар Бурятии

Процесс сохранения и воспроизводства устоявшихся элементов материальной и духовной культуры осуществляется с помощью традиций. Особую роль в поддержании и передаче опыта и традиций предшествующих поколений последующим поколениям играет семья. Татарская семья всегда выступала и выступает оплотом национального духа, символом незыблемости и сохранности семейных устоев, носителем высоких, нравственных и эстетических начал, хранилищем культуры, традиций и языка.

Ключевые слова: традиции, обряды, обычаи, татары, семья, Бурятия.

I.B. Batueva, V.V. Kondrateva

Modern family traditions at Tatars in Buryatia

The process of preservation and reproduction of the established elements of material and spiritual culture is conducted by means of traditions. A family plays a special role in maintenance and transfer of experience and traditions of previous generations to future generations. Tatar family always favored a stronghold of national spirit, a symbol of permanence and preservation of family values, the carrier of high moral and aesthetic principles, a keeper of culture, traditions and language.

Keywords: traditions, rituals, customs, Tatars, family, Buryatia.

Семья на сегодняшний день является оплотом традиционной культуры. Именно в семье происходит формирование личности человека, устанавливаются идеалы, культура поведения, вырабатываются ценностные установки и жизненные ориентиры, то есть осуществляется становление этноса.

Институт семьи всегда высоко ценился у татар, а вступление в брачный союз считалось обязательным. Традиционно татары всегда стремились иметь как можно больше детей. Недаром татары говорят «*Балалы ей – базар, баласыз ей – мазар*» (дом с детьми – базар, дом без детей – кладбище) [1]. Средняя численность семьи составляла 8-10 человек. Данное обстоятельство характерно для всех народов, у кото-

рых основным занятием является сельское хозяйство.

Как и у других народов, у татар главным событием в семье были рождение детей и свадьба. «Раньше в татарской семье особо радостным событием было появление сына. Поэтому до сих пор существует обычай одаривать тех, кто первый приносит отцу весть о рождении сына – *сийюнчу* (дают деньги и сладости). Рождение первой девочки в доме отмечали особо, потому что считалось, что на дом «снизошел ангел». Первой пеленкой была рубашка отца» [4].

На праздник по случаю рождения ребенка мужчин приглашали отдельно от женщин. Когда собирались все гости, ребенка, лежащего на подушке, подносили мулле, тот задавал родителям

вопрос об имени ребенка. После мулла располагал ребенка ножками в сторону Мекки и читал молитву. После он трижды произносил фразу «Пусть твоим бесценным именем будет» и называл выбранное имя. Каждому гостю после подносили поднос с маслом и медом. Беря угощение, гость клал на поднос деньги – подарок [3]. Сегодня эта церемония претерпела некоторые изменения, но основная суть обряда остается прежней.

Важнейшей функцией каждой семьи является воспитание подрастающего поколения. Распределение ролей между родителями в трансляции детям национальных традиций имеет свою специфику. Отцы в большей степени участвуют в привитии национального самосознания, тогда как за матерью остается передача особенностей национальной культуры и быта на содержательном уровне. Уважение к труду у детей воспитывают с младенчества. За мальчиком, как правило, закрепляется работа, считающаяся мужской. Девочки приучаются к домашней работе, во всем помогая матерям. На них лежит обязанность ухаживать и воспитывать младших братьев и сестер. В процессе труда дети не только приобретают трудовые навыки, но и воспитывают такие моральные качества, как ответственность, долг, забота и внимание по отношению к окружающим, уважение к старшим, чувство коллективизма. Сегодня в татарской семье сохраняется традиция использования специальных терминов-обращений к старшим братьям и сестрам, даже при небольшой возрастной разнице между детьми. К старшей сестре принято обращаться *ана*, а к старшему брату *абый*. Также эти обращения используются при обращении к братьям и сестрам родителей. Существующий возрастной ранг между детьми способствует тому, что младшие должны слушаться старших, которые, в свою очередь, обязаны оберегать младших и заботиться о них [6, с. 108].

Приобщение к семейным традициям дает представление о формировании мотивационно-ценностного отношения детей и их родителей к традициям семьи, о механизме передачи социокультурных ценностей на основе принципа преемственности традиций с учетом возрастных особенностей детей. Через семейные традиции передаются подрастающему поколению знания о хозяйственных обязанностях членов семьи, правилах поведения в супружестве, подготовке к материнству, отцовству и т.д. Одной из главных функций семьи в ходе воспитания детей по-прежнему остается передача этнокультурных традиций, воспитание этнонационального само-

сознания. Именно в семье дети приобщаются к национальным обычаям, обрядам, праздникам, узнают народные предания, получают первые религиозные представления [7, с. 58].

У татар, как и у других народов, исповедующих ислам, вступление в брак всегда являлось священной обязанностью мусульманина: «Человек, сочетающийся браком, имеет перед Богом большие заслуги, чем самый набожный мусульманин, оставшийся холостяком» [1].

В конце XX в. сложился новый тип свадебной обрядности, в котором успешно сочетаются сохраняемые (иногда возрождаемые) традиционные обряды и новые веяния времени. Присущей им чертой является свадебный выбор обрядов, который сегодня, как правило, зависит только от желания брачующихся и их родных [2, с.193].

Традиционная татарская свадьба, как правило, начиналась со сватовства. Невесту выбирали родители жениха, смотрели ее происхождение, умение и желание работать, а после отправляли сватов. Обговорив все детали предстоящей свадьбы, родственники невесты начинали готовиться. Накануне заключения брака семья со стороны жениха направляла семье невесты выкуп (*калым*) и подарки (*махр*). Калым – это самая современная часть обряда, подарки и выкуп всегда отвечали духу времени. Раньше это были предметы домашнего обихода или живность, а теперь в качестве калыма могут подарить автомобиль или квартиру. Традиционными для татарской свадьбы являются выкуп невесты (*калым*), получение приданного невесты (*бирнэ*), религиозный обряд свадьбы (*никах*) и другие [8, с.85-87].

Самым подходящим временем для празднования свадьбы считался ноябрь, когда завершается пора сельскохозяйственных работ. В общих чертах татарская свадьба похожа на русскую. Но есть и особенности. Например, на татарской свадьбе родители невесты едут за женихом и привозят его к невесте – в помещение *кияу-кияэте*, где проходит первая брачная ночь. Невеста на татарской свадьбе должна вести себя крайне скромно: не улыбаться, не есть и не пить, не разговаривать и не целоваться с женихом, тем самым проявляя уважение к будущему супругу. Самым главным таинством татарской свадьбы является *никах*. Этот обряд, как правило, проводит имам в мечети или дома, молодым объясняют о правах и обязанностях супругов, о ценности брака и семьи, после брачующиеся отправляются в загс [3].

Сегодня 100% информантов считают *никах* в

брачном обряде обязательным [5].

По приезду домой из загса в домах родителей жениха и невесты отдельно накрывались столы для молодых и гостей постарше. На самое почетное место сажают молодоженов и их свидетелей. Рядом с ними усаживают родителей жениха и невесты, а не бабушку и дедушку, как это было ранее. Трансформируется сам стиль свадебного торжества за счет включения в него бесчисленных игровых моментов. Некоторые из них заимствованы из свадебных обычаев других народов, другие – из практики масовиков-затейников. Это, как правило, различные шуточные состязания молодоженов и гостей [2, с. 193].

При проведении свадебного обряда татары Бурятии стараются придерживаться традиционной формы, но в последнее время она все чаще подвергается влиянию местных национальных элементов. Это посещение во время свадьбы сакральных мест (бурятский элемент), приглашение тамады (русский элемент), произошло смешивание свадебных блюд, приготавливаемых к торжеству, и т.д. В обрядах появляются единые и интернациональные черты, свойственные разным народам. Общемировые глобалистские тенденции, проникающие в культуру, приводят к потере культурно-национальных особенностей свадебных обрядов татар [2, с. 193-194].

К следующим обрядам, которые занимают особое место в структуре семейно-бытовой обрядности, относятся похоронно-поминальные. Их можно разделить на две группы: похоронные обряды татар-мусульман и похоронные обряды татар-кряшен. Они имели общие черты и много существенных отличий. Традиционный похоронный обряд татар-мусульман называется *Джаназа*, который является обязательным для всех верующих татар. «После смерти на грудь умершего клали тяжелый металлический предмет – нож или ножницы («чтобы грудь не вздулась, чтобы джинн не тронул»). Женщину покрывали платком, а мужчину – полотенцем. Сверху укрывали еще одним платком или полотенцем, предназначавшимся тому, кто будет обмывать умершего. Эту часть обряда *остенэ ябу* (тат. – покрывать) должен был провести самый близкий человек» [3].

«Умершего не принято оставлять одного, около него постоянно должен был кто-то находиться». Посидеть возле покойного непременно приходили старики и старухи. Пришедшие на бдение обязаны были читать молитвы и изречения из Корана. Им раздавали куски ситца, монеты, мыло, ложки. Этот обычай называется *уле*

саклау (тат. – охранять умершего). Могилу копали только молодые мужчины. Могила должна быть по размеру умершего, с боковой нишей внизу – *лэхет*. При сыпучей почве нишу не выкапывали, а на дне могилы посередине делали небольшое углубление, куда укладывали покойного, а сверху укрывали досками. Возле готовой могилы находился человек либо в нее клали что-нибудь железное (лопату, лом, топор). Оставлять могилу одну или пустой запрещалось. Все необходимое для похорон готовили женщины. Особым знаком внимания считалось участие в «сшивании» савана – *кэфен*. Полотнища белого ситца (холста) сшивались на руках, и каждая участница похорон стремилась сделать хотя бы несколько стежков. Шили, не завязывая на нитке узелков, держа иголку «от себя». Умершего омывали лишь после того, как приходили с известием о том, что могила готова. Мужчин омывали только мужчины, женщин – женщины. Хозяин дома в колоду для омывания клал серебряную монету, которую забирал себе омывающий. Все участники ритуала за свой труд получали одежду (рубашку, платье, обувь). Затем умершего обряжали в белую нательную рубашу из белой ткани, согнутой пополам и вырезом для головы, после заворачивали в саван, а поверх него – в одеяло. На кладбище умершего чаще всего несли на руках или на специальных носилках, которые там хранились и являлись предметом общего пользования так же, как принадлежности для омывания. В могилу умершего опускали самые близкие. Его укладывали в нишу (*лэхет*), которую закрывали досками, иногда закладывали необожженным кирпичом. Если нишу не делали, то по углам могилы ставили небольшие столбики, на них настилали доски, тем самым создавая навес над умершим. Все обряды, связанные с захоронением, сопровождались многократными молитвами и изречениями из Корана [3].

После выноса умершего из дома необходимо было истопить печь, вымыть полы, обтереть стены, потолки, выстирать одежду и все остальное, что было около умершего.

В настоящее время большая часть татар Бурятии исполняет этот обряд именно как национальную традицию, норму поведения. Он осознается прежде всего как последние почести умершему, направленные на оказание внимания, поддержки людей, которых постигло большое горе. Следует отметить, что все предпогребальные и погребальные обряды, связанные с обмытием, обряжением умершего, рытьем могилы, требованиями к поведению живых в данной ситуации, детально расписаны в шариате – ком-

плексе юридических норм, принципов и правил поведения мусульманина. Ранее обряды проводились под руководством знающих, обучившихся этому людей, которые по своему желанию или убеждению получили эти знания, а главное, навыки от людей старшего поколения. Сегодня передача обрядовых действий и их соблюдение почти точные, несмотря на то, что действительность 20-го и 21-го столетий внесла свои поправки.

Отсутствие религиозного воспитания и обучения сказывается на скудном познании в вопросах религии. Характерной особенностью современных похоронно-поминальных обрядов является, как правило, безоговорочное подчинение требованиям и указаниям этих «знающих» людей, которые добровольно берут на себя организацию и подготовку умершего к захоронению, дают советы, как необходимо вести себя, когда, кому и что отдавать в виде саадака и т.д. С началом строительства мечети в Республике Бурятия в 2008 г. все эти функции стали отходить имаму. Погребения, как и прежде, стремятся провести как можно быстрее – до захода солнца или на следующий день после смерти, если нет уважительных причин для их откладывания, т.е. ожидание приезда родных и т.д. В

последнем случае они могут состояться и через 2-3 дня после смерти, и это не осуждается (но и не желательно). Поминальные обряды предполагают проведение многократных поминок. Они подразделяются на поминки, проводимые по конкретному человеку, и общие поминки. Поминки, проводимые по конкретному умершему, включают в себя поминки на третий день после похорон, седьмой, сороковой и через год. Следует отметить, что особых поминальных блюд у татар нет, т.е. при угощении подаются те же блюда, что и во время любого званого обеда. Необходимо отметить, что те татары Бурятии, которые приняли христианство, исполняют похоронно-поминальный обряд в соответствии с русскими традициями [2, с. 194].

Таким образом, исследование семейных традиций татар является актуальным, поскольку обряды являются важным компонентом традиционной культуры народа. Семейные традиции татарского общества неразрывно связаны с религией. Сегодня многие семейные обряды возрождаются, трансформируются, приобретают новые черты. Важную роль в поддержании и передаче опыта и традиций предшествующих поколений последующим поколениям играет семья.

Литература

1. URL: <http://www.mahalla1.ru>
2. Кондратьева В.В. Традиционная культура татар Бурятии на современном этапе // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. – 2011. – № 1(1). – С.190-195.
3. Полевые материалы автора (ПМА). Гизатуллин Айрат Шарифуллович, 1988 г., уроженец д. Новый Бурнак Удмуртской республики. Имам мечети г. Улан-Удэ.
4. Полевые материалы автора (ПМА). Саттарова Накия Рахимовна, 1930 г., уроженка д. Шика Кзыл-Юльского района Татарской АССР.
5. Полевые материалы автора (ПМА), собранные в ходе социологического исследования в 2010, 2011, 2012 гг. в Заиграевском и Мухоршибирском районах Республики Бурятия, а также г. Улан-Удэ.
6. Сагитова Л.В. Этническая культура в контексте глобализации: проблемы выживания // Современная татарская нация: концептуальные исследования. – Казань, 2004. – С. 99-110.
7. Уразманова Р.К. Современные обряды татарского народа. – Казань: Изд-во тат. книгоиздат, 1984. – 144 с.
8. Харисова Л. А. Культура народов Татарстана. – Казань, 2005. – 367 с.

Батуева Ирина Батоевна, доктор исторических наук, профессор, директор Гуманитарно-культурологического института ВСГАКИ, e-mail: i.batueva@mail.ru

Кондратьева Виолетта Владимировна, преподаватель кафедры истории ВСГАКИ, e-mail: kondrateva-viole@mail.ru

Batueva Irina Batoevna, Doctor of History, Professor, Director, Institute of Humanities and cultural studies East Siberian State Academy of Culture and Arts, e-mail: i.batueva@mail.ru

Kondrateva Violetta Vladimirovna, teacher, department of history, East Siberian State Academy of Culture and Arts, e-mail: kondrateva-viole@mail.ru

УДК 930.85 (571.54)

© А.Д. Цыбиктаров

«Загадка» культуры херексуров и оленных камней в Забайкалье

В статье рассмотрена история изучения культуры херексуров и оленных камней с конца XIX до начала XXI в. Показан вклад различных исследователей в культурную диагностику и датировку материалов этой культуры, в исправление ошибок в процессе ее изучения.

Ключевые слова: археология Забайкалья, история науки, историография, культурная диагностика, датировка, типы археологических памятников.

A.D. Tsybiktarov

The «secret» of the culture of Khereksurs and deer stones in Transbaikalia

This article considers the history of the study of the culture of Khereksurs and deer stones from the late XIXth to the early XXIst centuries. The author shows the contribution of different archaeologists into cultural diagnosis and dating of materials of this culture, correcting errors in the course of its study.

Keywords: archaeology of Transbaikalia, history of archaeology, historiography, cultural diagnosis, dating, types of archaeological monuments.

Одними из наиболее ярких древностей степей Южной Бурятии являются курганы-херексуры. Термин для их обозначения ввел в 80-х гг. XIX в. один из представителей блестящей плеяды членов ИРГО второй половины XIX – начала XIX вв., внесших основополагающий вклад в изучение географии и этнографии Центральной Азии, известный путешественник и исследователь этого региона Г.Н. Потанин. Он первым подробно описал эти археологические памятники Монголии и Южного Забайкалья и обозначил их термином «херексур» [11, с. 48-64, 230-237]. В специальной археологической литературе после исследований Г.Н. Потанина в XIX в. и Г.И. Боровко в середине 1920-х гг. [1] под термином «херексуры» принято считать археологические памятники Центральной Азии в виде объектов сложной конструкции, состоящих из каменной курганной насыпи, заключенной в ограду разных форм (в виде круга, квадрата, прямоугольника, трапеции), и поминально-жертвенных сооружений, расположенных вокруг нее. У некоторых херексуров центральная насыпь соединяется с оградой каменными вымостками, дорожками и т.д. Херексуры настолько эффектны на местности, что их по данному описанию легко вспомнит любой наблюдательный человек, не имеющий отношения к археологии, но неоднократно бывавший в степях Монголии и Бурятии.

В целом херексуры характерны для археологического ландшафта северной части обширного региона, который еще со времен деятельности экспедиций ИРГО под руководством Н.М. Пржевальского, Г.Н. Потанина, М.В. Певцова,

В.И. Роборовского, В.А. Обручева и других исследователей известен под названием Центральной Азии. Херексуры распространены в Монголии и сопредельных с ней областях севера Центральной Азии – Южной Бурятии, Туве, Юго-Восточном Алтае, Северо-Западном Китае.

История изучения херексуров в Бурятии прошла путь, полный загадок, непредсказуемых поворотов в интерпретации материалов по ним и противоположных научных взглядов на решение связанных с ними проблем. Позволим себе несколько комментариев по этому поводу, прежде чем перейти к их изложению. Во-первых, любой тип археологических памятников относится к какой-либо археологической культуре региона, на которой он распространен. Во-вторых, на основе анализа полученных из них источников реконструируются хозяйственные занятия, социальные отношения, общественный строй, жизнь и быт, мировоззрение, идеология населения, оставившего данную культуру. В-третьих, всесторонняя обработка материалов выявленной археологической культуры позволяет определить ее историческое место и населения, стоящего за ней, в истории региона. Устанавливается, было ли это население автохтонным, если нет, то откуда появилось, какой вклад внесло оно в историю региона.

По указанным выше аспектам изучения, повторимся, херексуры прошли путь, полный противоречивых толкований и разногласий. После открытия учеными они, как впрочем и другие виды археологических памятников сибирских регионов, на протяжении нескольких десятиле-

тий не получали привязки к какой-либо археологической культуре. Это объяснялось особенностями развития исторической науки, в том числе археологии в дореволюционной России. Сибирские народы наряду со многими другими народами дореволюционной России, образно выражаясь, не имели право на свою историю. Поэтому в царской России историческая наука в основном изучала историю Российской государственности и русского народа, а история других народов попадала в поле зрения ученых по мере их вхождения в состав Русского государства. В соответствии с этим процессом в архивах России откладывались разнообразные сведения большей частью этнографического характера, которые в настоящее время имеют большую источниковедческую ценность. В дореволюционной же России археология национальных окраин в основном изучалась местными краеведами и отделениями ИРГО. Но после образования СССР изучение древней истории различных территорий и истории народов бывшей Российской империи было выделено в специальные направления советской исторической науки. Такое кардинальное изменение в структуре исторической науки не замедлило сказаться на качественном состоянии этих аспектов в истории СССР. В результате в 1920-1930-е годы были созданы региональные хроностратиграфии археологических древностей на территории страны от берегов Балтийского и Черного морей на западе до Тихоокеанского побережья на востоке. При этом советские ученые активно помогали и единственной на то время социалистической стране – Монголии.

В 1920-е годы в Монголии в составе Монголо-Тибетской экспедиции 1923-1926 гг. ГГО (РГО), а в Бурятии – Первой Бурят-Монгольской археологической экспедиции АН СССР 1928-1929 гг. работали крупные советские археологи Г.И. Боровко, С.А. Теплоухов в Монголии и Г.П. Сосновский в качестве руководителя экспедиции в Бурятии. Каждый из них, авторитетных специалистов, осуществил полевые исследования херексуров и высказался об их датировке, а также отчасти этнической привязки. Однако мнения оказались диаметрально противоположными. В 1927 г. Г.И. Боровко датировал эти памятники средневековьем, VI-VIII вв. н.э., и связал с турками-огузами [1, с. 74-75]. Г.П. Сосновский отнес херексуры ко времени на тысячу лет раньше и определил время их существования IV-III вв. до н.э., входящими в скифскую эпоху по археологической периодизации раннего железного века Великого пояса степей Евразии от

Причерноморья на западе до Монголии на востоке. Его точка зрения стала нам известна благодаря Г.Ф. Дебецу, крупному советскому антропологу, автору первого обобщающего труда по палеоантропологии СССР [7, с. 118]. Таким образом появилась первая загадка, связанная с херексурами, – какое время в древней истории края они отражают – средневековье, связанное с кочевыми государствами Центральной Азии, или эпоху родоплеменного строя, которое характеризует первобытность. Впоследствии большинство археологов поддерживало точку зрения Г.И. Боровко и лишь некоторые – Г.П. Сосновского. Мнение Г.И. Боровко получило значительную поддержку сначала в середине 1920-х гг. со стороны начинавшего тогда свою научную деятельность Г.Ф. Дебеца [6, с. 8], а в конце 1940-х гг. – крупного и авторитетного археолога, впоследствии академика, А.П. Окладникова, который после раскопок херексуров в долине Селенги интерпретировал их как захоронения знати селенгинских уйгуров [8, с. 327]. Эта точка зрения на многие годы, вплоть до середины 1980-х гг., господствовала среди специалистов, занимавшихся археологией Забайкалья, в том числе Бурятии, например, Е.А. Хамзиной, П.Б. Коновалова, С.В. Данилова и др. [18; 5]. Мнение Г.П. Сосновского никем из забайкальских специалистов поддержано не было. Но его разделяли археологи, занимавшиеся монгольской и южносибирской тематикой, а также палеоантропологией, – Г.Ф. Дебеч, который в 1940-х гг. изменил свою прежнюю точку зрения [7, с. 118], В.В. Волков и Л.Р. Кызласов [2, с. 46; устное сообщение Л.Р. Кызласова автору статьи].

В 1982 г. нами впервые после раскопок в Бурятии А.П. Окладникова в 1940-х гг. был раскопан херексур в долине Чикоя и высказано мнение о датировке данных курганов еще более ранним временем, чем это полагал Г.П. Сосновский, VII-VI вв. до н.э., но также в рамках скифского времени [20, с. 248-249]. Затем в 1986 г. на могильнике Улзыт VI нами был изучен случай перекрытия ограды херексура кладками двух плиточных могил. Время существования последних тогда определялось VIII-III вв. до н.э. Данный факт убедительно указывал либо на то, что херексуры должны датироваться более ранним временем, чем плиточные могилы, либо на то, что оба типа памятников могли существовать одновременно, но никак не средневековьем [21]. Помимо этого в результате работы в архивах и с литературой нами была осуществлена сводка материалов о раскопках 40 херексуров в 22

пунктах Южного Забайкалья, Северной и Центральной Монголии. Проведенная работа позволила скорректировать датировку херексуров в указанных областях концом II – началом I тыс. до н.э., т.е. временем позднего бронзового века и начальным периодом скифской эпохи [22]. Так, на протяжении почти шести десятилетий устанавливалась правильная датировка этих интереснейших археологических памятников Бурятии.

Такой же длительный и сложный путь познания по пути правильной атрибуции прошли и другие памятники археологической культуры, которую характеризуют херексуры. К ним относятся не менее яркие, чем они, статуарные изваяния, получившие название «оленных камней», наскальные рисунки-петроглифы, курганы монгун-тайгинского типа (МТТ). Оленные камни стали известны науке также с 80-х гг. XIX в. благодаря Г.Н. Потанину [11, с. 64-72]. Они представляют собой стелы с выбитыми на них изображениями стилизованных оленей с мощными ветвистыми рогами, разнообразного оружия: кинжалов, боевых топоров, ножей, щитов, парадных поясов, ожерелий и других ярких атрибутов воинского снаряжения [характеристику оленных камней см. 1, 12]. Но самыми эффектными из них являются колоритные фигуры оленей, которые и дали название этим изваяниям. Оленные камни представляли собой скульптуру воина – героизированного вождя, мифического первопредка, и устанавливались на святилищах и в сакрализованных местностях.

Первоначально оленные камни увязывали с плиточными могилами, которые были им синхронны, но характеризовали совершенно другую археологическую культуру плиточных могил Центральной Азии [13, с. 307-308]. Основанием для такой культурной привязки этих стел послужило то обстоятельство, что они в ряде случаев входили в состав конструкции плиточных могил. Лишь в середине 1980-х гг. известный новосибирский археолог Ю.С. Худяков выявил сопряженность оленных камней с херексурами на территории Монголии и Забайкалья и на основании этого предложил их объединить в рамках одной культуры, назвав ее «культурой херексуров и оленных камней» [19]. Таким образом, и культурная атрибуция другого типа памятников этой культуры первоначально была определена неправильно, а ошибка была исправлена примерно одновременно в 1980-х гг. Такая же ситуация, как это не парадоксально, сложилась и еще с двумя другими типами памятников культуры херексуров и оленных кам-

ней – наскальными рисунками-петроглифами и другим видом погребений – курганами так называемого МТТ.

Наскальные рисунки культуры херексуров в Бурятии представлены петроглифами. Рисунки наносились в технике выбивки или шлифовки. Сюжеты представлены изображениями диких козлов с загнутыми рогами, оленей, лошадей, верблюдов, волков, кабанов, солнечных кругов и т.д. Эти своеобразные рисунки были открыты в конце 1940 – начале 1950-х гг. Р.Ф. Тугутовым, директором Кяхтинского краеведческого музея им. акад. В.А. Обручева, и датированы эпохой бронзы [17]. Руководитель Второй Бурят-Монгольской археологической экспедиции А.П. Окладников выделил их в особую группу петроглифов Забайкалья и назвал «кяхтинской». Ученый датировал их VI-III вв. до н.э. [9, с. 24-25; 10, с. 141, 159]. Однако привязка этих своеобразных петроглифов в какой-либо археологической культуре А.П. Окладниковым определена не была [Там же]. Петроглифы кяхтинского типа (ПКТ) неоднократно рассматривал в своих работах хорошо известный в нашей стране исследователь наскальных рисунков А.В. Тиваненко. При этом он неоднократно менял свои взгляды по их датировке и культурной принадлежности. Сначала исследователь соглашался с точкой зрения А.П. Окладникова, затем датировал их рубежом эр и соотносил с хунну. Затем ПКТ он отнес к первым векам н. э., а впоследствии – к средневековому времени [15, с. 82-86; 16, с. 49-50].

Таким образом, на протяжении более сорока лет для изучения ПКТ, равно как и для херексуров, была свойственна дискуссионность в определении их датировки и культурной принадлежности. В начале 2000-х гг. после завершения дискуссии о датировке херексуров в Бурятии и Монголии и уточнения облика петроглифов этой культуры В.А. Цыбиктаров обосновал принадлежность ПКТ в Южной Бурятии к археологической культуре херексуров и оленных камней [24]. В результате ПКТ нашли свое место в древней истории края и расширили источниковую базу для изучения рассматриваемой в статье культуры.

Еще одной группой памятников культуры херексуров являются курганы МТТ. Как своеобразная группа памятников бронзового и раннего железного веков Западной Монголии, Тувы и Горного Алтая они стали известны с 50-х гг. XX в. сначала в Туве, а затем и в соседних с ней областях [4, с. 146; 2, с. 46-47]. Позже памятники МТТ были выявлены и в Центральной Монго-

лии в окрестностях Кара-Корума, столицы средневековой Монгольской империи. Восточнее же, а тем более в Забайкалье, их наличие даже не предполагалось. Но в конце 1990-х гг. на могильниках Старая Капчеранка и Тэмэ-хад в Кяхтинском районе Бурятии на границе с Монголией экспедицией археологической практики студентов исторического факультета БГУ были раскопаны своеобразные курганы, ранее не встречавшиеся на территории края. Они имели вид уплощенной каменной насыпи. Внутри них располагались погребальные камеры, сооруженные на уровне древней поверхности. По своим особенностям эти погребения из Старой Капчеранки и Тэмэ-хада были аналогичны курганам МТТ из Тувы, Горного Алтая, Западной и Центральной Монголии [23]. Предпринятая проработка материалов раскопок на территории Южного Забайкалья начиная с 30-х гг. XVIII в. показала, что несколько таких курганов было раскопано на могильнике Сухой Ключ в долине р. Селенги в конце XIX в. троицкосавским уездным врачом, правителем дел Троицкосавско-Кяхтинского отделения ИРГО Ю.Д. Талько-Грынцевичем, внесшим основополагающий вклад в археологию Бурятии [14, с. 21-23]. Однако отсутствие находок и невыразительный вид курганов обусловили их забвение и оставили на долгое время вне поля зрения ученых. На протяжении без малого ста лет они оставались своего рода научным «мертвым капиталом». Истинная же культурно-историческая оценка значению раскопок Ю.Д. Талько-Грынцевича в Сухом Ключе стала возможной только после работ студенческой практики исторического факультета БГУ на указанных выше могильниках.

В целом особенности погребального обряда населения, оставившего курганы МТТ, с одной стороны, и херексуры – с другой, свидетельствуют о единой концепции погребальной обрядности. Для обеих групп населения характерен безинвентарный обряд погребения. Умерших хоронили на уровне древней поверхности или в очень неглубоких могильных ямах, устанавливая могильные камеры из камня. Единообразие погребального обряда групп населения, оста-

вивших херексуры и курганы МТТ, свидетельствует об единстве их верований и мировоззренческих представлений, идеологии. Различия же во внешнем устройстве надмогильных конструкций, проявляющиеся в наличии или отсутствии оград вокруг насыпи кургана, позволяют рассматривать их, как погребения разных социальных слоев в среде единокультурного населения.

Таким образом, культура херексуров – одна из самых ярких культур бронзового века не только степной зоны Южной Бурятии, но всего региона Центральной Азии и Великого пояса степей Евразии – в целом прошла очень сложный и своеобразный путь изучения в нашем крае. Долгое время ее неправомерно относили к совсем другой средневековой эпохе, к которой она не имела никакого отношения. Эффектные памятники культуры в виде оленных камней причисляли к совершенно другой культуре плиточных могил. Наскальные же рисунки культуры херексуров в виде ПКТ сначала эпохально правильно отнесли к бронзовому веку, затем – к одному из периодов скифской эпохи, но после этого без особых на то оснований связывали то с племенами хунну, то со средневековыми общностями региона. Другой тип погребальных памятников рассматриваемой культуры, курганы МТТ, выявленные почти одновременно с херексурами еще в конце XIX в., долгое время не получали какой-либо культурной атрибуции и вышли из состояния «мертвого капитала» спустя более века. Тем не менее, пройдя длительный полный всевозможных коллизий путь изучения, эта яркая своеобразная культура бронзового и начала раннего железного веков обрела свое законное место в древней истории как нашего края, так и всего региона Центральной Азии через сто с лишним лет после своего открытия. Более глубокое и всестороннее изучение ее разнообразных памятников обещает преподнести исследователям разнообразные сведения об историческом содержании указанных выше периодов не только в Забайкалье и Монголии, но и в сопредельных с ними областях Южной Сибири – Туве, Горном Алтае, а также в Северном и Северо-Западном Китае.

Литература

1. Боровко Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Вып. II. – Л.: Изд-во АН СССР, 1927. – С. 43-88.
2. Волков В.В. Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1967. – 148 с.
3. Волков В.В. Оленные камни Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. – 254 с.
4. Грач А.Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге // Труды ТКАЭЭ. – М;Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 1. – С. 73-150.
5. Данилов С.В., Коновалов П.Б. Новые материалы о курганах – херексурах Забайкалья и Монголии // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. – Улан-Удэ: Изд-во БФ СО АН СССР, 1988. – С. 71-79.

6. Дебец Г. Ф. Итоги и задачи доисторической археологии в Западном Забайкалье // Жизнь Бурятии. – Верхнеудинск, 1926.
7. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. – ТИЭ. Нов. сер. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – Т. IV. – 392 с.
8. Окладников А.П. Археологические исследования в Бурят-Монголии // История и культура Бурятии. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – С. 315-329.
9. Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. – Л.: Наука, 1969. – Ч. 1. – 220 с.
10. Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. – Л.: Наука, 1970. – Ч. 2. – 264 с.
11. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб.: Типография Киришбаума, 1881. – Т. II. – 272 с.
12. Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. – 208 с.
13. Сосновский Г.П. Плиточные могилы Забайкалья // ТОИПК ГЭ. – 1941. – Т. I. – С. 273-309.
14. Талько-Грынцевич Ю.Д. Материалы к палеознанию Забайкалья // Протокол № 8 ТКО ПО РГО за 1896 год. – М.: Тов-во типографии А.И. Мамонтова, 1896. – С. 14-31.
15. Тиваненко А.В. Древнее наскальное искусство Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1990. – 208 с.
16. Тиваненко А.В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху раннего средневековья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 150 с.
17. Тугутов Р.Ф. Наскальные изображения в Кяхтинском аймаке // Записки БМ НИИК. – Улан-Удэ: Бурят-Монг. гос. изд-во, 1951. – Вып. XII. – С. 109-114.
18. Хамзина Е.А. Археологические памятники Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1982. – 153 с.
19. Худяков Ю.С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 136-162.
20. Цыбиктаров А.Д. Исследования на юге Бурятии // АО 1983 г. – М.: Наука, 1985. – С. 248-249.
21. Цыбиктаров А.Д. Работы Кяхтинского краеведческого музея // АО 1986 г. – М.: Наука, 1988. – С. 251-252.
22. Цыбиктаров А.Д. О датировке херексуров в Южной Бурятии, Северной и Центральной Монголии // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во ИИФиФ и АГУ, 1988. – С. 130-132.
23. Цыбиктаров А.Д., Кузнецов Д.В. Открытие курганов монгун-тайгинского типа на юге Бурятии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы год. юбилейной сессии ИАЭ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 429-434.
24. Цыбиктаров В.А. О культурной принадлежности и датировке писаниц «кяхтинской» группы Юго-Западного Забайкалья // Человек, среда, время. – Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2003. – С. 158-163.

Цыбиктаров Александр Дондопович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории, Бурятский государственный университет, e-mail: kafedra-vist@bsu.ru

Tsybiktarov Alexander Dondopovich, doctor of historical sciences, professor, department of world and homeland history, Buryat State University, e-mail: kafedra-vist@bsu.ru

УДК 930.1 (517.3)

© *О.Н. Полянская*

Научные направления в российском монголоведении (начало XX века)

Статья посвящена одному из периодов развития российской научной школы монголоведения. Начало XX в. в монголистике было ознаменовано становлением нового лингвистического направления, известными представителями которого в России были В.Л. Котвич, А.Д. Руднев, Б.Я. Владимирцов. Одновременно продолжалось развиваться и традиционное монголоведение, в основном представленное практическим направлением во главе с А.М. Позднеевым, который организовал работу Практической восточной академии при Императорском обществе востоковедов; это направление критиковалось со стороны лингвистов.

Ключевые слова: научная школа монголоведения в России, монголоведение в России в начале XX века, Санкт-Петербургский университет, Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, Общество востоковедения, Восточный институт во Владивостоке.

O.N. Polyanskaya

The scientific trends of the Russian school of the Mongolian Studies (beginning of the XXth century)

The article is devoted to one of the periods in development of the Russian scientific school of the Mongolian Studies. The beginning of the XXth century was marked by the development of a new linguistic trend, which was represented by V. Kotvich, B. Vladimircov, A. Rudnev. At the same time the traditional Mongolian studies went on developing, especially the practical trend represented by A. M. Pozdneev who organized the work of the Oriental Practical Academy of the Imperial Oriental society. This trend was criticized by linguists.

Keywords: the scientific school of the Mongolian Studies in Russia, the Mongolian Studies in Russia at the beginning of the XXth century, Saint Petersburg University, the Russian Committee for research of the Middle and Eastern Asia, the Imperial Oriental society, Oriental Institute in Vladivostok.

Санкт-Петербург – всемирно признанный центр востоковедения. Российская научная школа востоковедения должно развитие получила именно здесь, беря свои истоки еще с петровских времен, когда первые посольства Российского государства привозили «пробные» сведения, фрагменты материальной и духовной культуры далеких, совершенно неизвестных стран Востока. Все это было призвано систематизировать и сохранить для потомков, в чем значимую роль сыграла Кунсамера, а позже и Азиатский музей (1818) и различные научные общества, получившие свой старт во второй половине XIX в. при которых, как правило, работали музеи. Значительно усилил свои позиции Санкт-Петербург как востоковедный центр в середине XIX в., когда в Санкт-Петербургский университет ввиду разных причин был переведен восточный разряд Казанского университета. В Казани значимых успехов достигло университетское востоковедение и монголоведение в том числе. В России в первой половине XIX в. действовали два практически равнозначных по значимости востоковедных центра: Санкт-Петербург, где в большей степени развито было академическое монголоведение и Казань – университетское, а с середины XIX в. в Санкт-Петербурге развивается и академическое и университетское востоковедение, которые имели и взлеты, и падения. Востоковедение, как никакая другая наука, напрямую и полностью зависело от государственной политики России, что определяло приоритет того или другого востоковедного направления. Рубеж XIX-XX вв. был обусловлен дальневосточной политикой России, в связи с чем новый импульс развития получили монголоведение, синология, корееведение и японистика. Практически все эти дисциплины были широко представлены в новом учебном заведении на Дальнем Востоке России – Восточном институте во Владивостоке (1899), директором которого стал блестящий ученый с мировым именем, монголовед Алексей Матвеевич Позднеев (1851-1920), оставив кафедру монгольско-калмыцкой словесности в Санкт-Петербургском университете. И на некоторое время Владивосток становится центром монголоведения, а Петербург в этом смысле переживает кризис. Молодое поколение монголистов еще не сформировалось: старший из этого поколения Владислав Людвигович Котвич (1872-1944) был еще студентом восточного факультета Санкт-Петербургского университета, а два других – Андрей Дмитриевич Руднев (1878-1958) и Борис Яковлевич Владимирцов

(1884-1931), которые станут его учениками и соратниками, были еще совсем молоды. Тем не менее начало XX в., несмотря на все трудности, это очередной значимый этап в российском научном монголоведении, ознаменовавший появлением фундаментальных трудов В.Л. Котвича, А.Д. Руднева, Б.Я. Владимирцова; они не только преподавали монгольский язык, историю, литературу монгольских народов студентам восточного факультета Санкт-Петербургского университета, но и были активными сотрудниками различных научных обществ, где было представлено востоковедное направление. Особое место в их биографиях занимает Русский комитет по изучению Средней и Восточной Азии (1903) под непосредственным руководством академика В.В. Радлова. Комитет осуществлял взаимосвязь ученых-востоковедов различных научных учреждений и государственных ведомств, связанных с Востоком. Благодаря тесному сотрудничеству монголоведов В. Котвича, А. Руднева, Б. Владимирцова стало возможным осуществление многих исследовательских проектов, научных командировок в Монголию, калмыцкие и бурятские кочевья, принесших богатейшие коллекции рукописей, собрание фольклорного наследия монгольских народов. Ими к исследовательской работе были привлечены представители национальной интеллигенции, в дальнейшем ставшие известными учеными: Цыбен Жамсарано, Базар Барадийн, Ноха Очиров.

В. Котвич, А. Руднев, Б. Владимирцов относили себя к совершенно новому направлению монголоведения – лингвистическому, которое начало развиваться в начале XX в. «независимо от русской науки, где до той поры монголоведение главным образом и развивалось», и связано оно с именем финляндского ученого G.J. Ramstedta [2, с. 306]. Это направление – чисто лингвистическое, только с некоторым уклоном в область фольклора. Монголоеды-лингвисты представляли так называемое диалектологическое направление, главной задачей которого было исследование современных живых говоров, обыденного, «небрежного языка, точное знакомство с которым было его высшим стремлением, осуждавшего несколько возвышенный, как бы «идеальный язык», считая его чем-то искусственным» [2, с. 307]. Лингвисты-монголисты являлись при этом историками-компаративистами, что было свойственно духу научной мысли второй половины XIX в. «Монголисты новой школы», – так они еще себя называли, – не то, что бы «не интересовались, а были настроены не

интересоваться филологией, лингвистической палеонтологией, общей теорией языка, вопросами взаимодействия монгольского и других языков, раз это выходило за границы вопросов обоснования родства между членами алтайской семьи языков или даже монгольских говоров» [2, с. 307]. И противопоставляли себя предыдущим поколениям российских монголоведов, особенно А.М. Позднееву, который, по мнению Б.Я. Владимирцова, занялся изучением Монголии «во внутрь», и поэтому его период деятельности характеризуется «разрывом связей со смежными областями знания, которые, хотя и слабо, но все-таки были завязаны раньше с тибетоведением, туркологией». «Монголия как-то поворачивается своим новым маньчжурским чиновничьим ликом, – пишет Б.Я. Владимирцов, – на котором ничего нельзя прочесть другого, ничего о пережитом в ином состоянии, в иное время. И «буддийский лик позднеевской Монголии оказался каким-то захолустным и обособленным» от всего другого буддийского мира. В общем надо признать, что этот период монголоведения, несмотря на некоторые положительные приобретения, которые им были сделаны, «можно охарактеризовать, по мнению Б.Я. Владимирцова, как период известного регресса этой ветви знания, оказывающего свое роковое влияние и по сие время. Разрыв с тибетоведением ... особенно дорого обошелся монголоведению» [2, с. 306]. И вот эта так называемая лингвистическая незаинтересованность А.М. Позднеева способствовала тому, что монголисты стояли в стороне от важнейших событий востоковедной науки, одно из которых – расшифровка орхонских надписей. И снова, подчеркивая значимость лингвистического направления, Б.Я. Владимирцов говорил о достижениях «в противоположность позднеевскому периоду, что новое монголоведение сделало чрезвычайно много»: за короткий срок собрало громадный материал и, если не для других, то для себя, для своих адептов, изучило большинство монгольских наречий, прочно обосновало родство монгольского языка с турецким и отчасти с маньчжуро-тунгусскими наречиями...» [2, с. 307]. Монголисты-лингвисты должны были теперь заявить, что они знают монгольские наречия, старые и новые, знают в общих чертах историю монгольского языка, что в их распоряжении находятся письменные памятники, восходящие к эпохе начала «исторических монголов» и почти непрерывной нитью тянущиеся до наших дней. Несомненно, это бесспорный факт, однако, зачем противопоставлять «новое монголоведение» и предыдущие этапы

развития научной школы монголоведения. Ведь все эти знания монголистами древних памятников стало возможным благодаря продолжительным, блестящим научным изысканиям основоположников научного монголоведения: И.Я. Шмидта и О.М. Ковалевского, А.В. Попова, Д. Банзарова, К.Ф. Голстунского и, конечно, А.М. Позднеева, совершивших неоднократные научные командировки в кочевья монгольских племен. И благодаря тому, что предшественниками В. Котвича, А. Руднева и Б. Владимирцова были собраны богатейшие коллекции рукописей на монгольском, тибетском, санскрите, стало развиваться новое лингвистическое направление. Б.Я. Владимирцов в своей критике ссылается на рецензию востоковеда-индолога И.П. Минаева (1840-1890) на книгу А. Позднеева «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу» (СПб., 1887) [6], где рецензент находит один недостаток – незнание автором тибетского языка, отсюда некоторое неправильное понимание доктрин буддизма. В.П. Васильев (1818-1900) – востоковед, академик, который прожил в Китае в течение десяти лет (1840-1850), изучал философию буддизма, называл работу А.М. Позднеева «Очерки буддийских монастырей...» превосходной, восхищался скрупулезностью автора и новизной материала, который представлял собой «новый вклад в науку», изложенный «с такой картинностью», как не смог сделать бы никто другой, как это осуществил А.М. Позднеев [1]. Обвинять российское научное монголоведение в изолированности от других отраслей востоковедной науки не совсем правильно. Тем более что А.М. Позднеев пропагандировал практическое монголоведение, которое было призвано, кроме всего, изучать современную его поколению страну. С его точки зрения главное – практические знания, т.е. с помощью языка добывать достоверные сведения о монгольских народах, сделать центрально-азиатский регион более понятным и открытым для большинства, для проведения грамотной государственной политики. И называть лингвистов-монголистов XX в. как «новая школа» не совсем верно, правильно то, что это одно из направлений в научном монголоведении, основанное на предыдущих достижениях, одновременно с которым продолжало развиваться и практическое монголоведение под эгидой А.М. Позднеева. Ученый после возвращения из Владивостока, где был директором Восточного института, убедил правительство в создании центра «практического востоковедения» и в Санкт-

Петербурге, а не только во Владивостоке, где Восточный институт готовил «востоковедо-практиков», хорошо владеющих языками и вопросами, связанными с современным состоянием восточных государств. В 1909 г. по его инициативе при Императорском обществе востоковедения (1900) была создана Практическая восточная академия, чтобы готовить кадры для службы «на восточных окраинах и сопредельных с ними странах». В учебную программу Академии наряду с китайским, японским, монгольским, персидским и тюркским языками были включены исторические, политические и экономические дисциплины [9]. А.М. Позднеев был и автором учебных программ для Академии и пособий по монгольскому языку, а также преподавателем для ее слушателей. Читал лекции по политической ситуации в Монголии начала XX в. дипломат и востоковед Н.Я. Коростовец [9].

Новым поколением монголоведов XX в. (В. Котвичем, А. Рудневым, Б. Владимирцовым) было сделано много, и они обратили внимание на то, что монгольский язык «необычайно архаичный и богатый и в то же время благодаря различным историко-социальным условиям необычайно легкий для проникновения в него разных иноязычных элементов» [2, с. 308]. Лингвистическому направлению в российском монголоведении дает старт В.Л. Котвич, исследования в области сравнительно-исторической алтаистики были начаты им еще в 1902 г. при подготовке лекций по грамматике монгольского языка. В дальнейшем он продолжил эти исследования и создал полную картину сходства и различия основных групп языков алтайской семьи: тюркской, монгольской и тунгусо-маньчжурской и показал общий ход их развития, говоря о степени их взаимного проникновения [8]. Владислав Котвич, хотя и изучал монгольский язык у А.М. Позднеева, однако своим учителем считал О.М. Ковалевского (1801-1878), придававшего большое значение изучению эволюции языка [8]. Вслед за В. Котвичем продолжили развивать лингвистическое направление в монголоведении его ученики А.Д. Руднев и Б.Я. Владимирцов. На А.Д. Руднева значительное влияние оказали труды и личное знакомство с такими учеными, как финн Г. Рамстедт, В. Радлов, К. Залеман, С. Ольденбург. А. Руднев восхищался работами Г. Рамстедта и пропагандировал его научные идеи, сделал первые шаги на пути изучения разговорного монгольского языка со студентами восточного факультета Санкт-Петербургского университета. Одной из его первых научных работ ста-

ли «Материалы для грамматики монгольского разговорного языка» (1902). В 1905 г. А.Д. Руднев издал «Лекции по грамматике монгольского письменного языка, читанные в 1903-1904 академическом году», где отмечал, что «невозможно составить грамматику монгольского языка, вполне удовлетворяющую современным научным требованиям, ввиду неизученности диалектов живого языка» [11, с. III.]. Много времени он уделял экспедиционной работе: и к калмыкам Астраханской губернии, и бурятам Забайкалья, и в Монголию. Результатами его научных командировок стали фундаментальные работы: «Материалы по говорам Восточной Монголии» (1911), «Хори-бурятский говор (опыт исследования, тексты, перевод и примечания)» в трех выпусках (1913-1914), совместно с Ц. Жамсарано подготовил работу «Образцы монгольской народной литературы» (Вып. 1. 1908) и другие, собрал коллекцию рукописей на монгольском языке, записал фольклорный материал монгольских народов. А. Руднев и Ц. Жамсарано были активными сотрудниками Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии (1903), который брал на себя организации экспедиций на Восток, в том числе и в Монголию [9].

После Октябрьской революции А.Д. Руднев вынужден был уехать в Финляндию. Однако условий для плодотворной работы там не было: в стране, где с обретением независимости закрылись кафедры русского языка, обосновать важность изучения монгольского, тюркского было трудно. А. Рудневу, как и многим другим эмигрантам, пришлось зарабатывать на жизнь другим способом: занятиями музыкой. В эмиграции ученый не опубликовал фактически ни одной работы по монголистике, одна из причин его «молчания» – ярко выраженные антирусские настроения, царившие в среде финских ученых, а также то, что ему пришлось оставить в Санкт-Петербурге все свои материалы [13].

Приведенные выше выдержки из работ Б.Я. Владимирцова о лингвистическом направлении в монголоведении и о предыдущих исследованиях монгольского языка позволяют сказать о том, что он своими работами вывел монголистику на широкий исследовательский простор, тогда как прежде монголоеды редко выходили за рамки изучения самих монгольских языков. Этому предшествовала кропотливая, планомерная экспедиционная работа: в 1907 г. еще студентом был направлен к калмыкам Астраханской губернии, в 1908 г. – в Западную Монголию – изучать дэрбэтов, в 1911 г. – к баитам. Все эти экспедиции начинающий исследователь осуще-

ствлял под руководством своих наставников В.Л. Котвича и А.Д. Руднева, которые в качестве членов Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии способствовали организации командировок для изучения языка монгольских народов [9]. Собранный в экспедициях материал лег в основу ряда лингвистических работ ученого [2, 3, 4]. В 1920-е годы Б.Я. Владимирцов был дважды командирован в Монголию: в 1925 г. он обследовал районы Кэнтея и верхнего Керулена, а в 1926 г. посетил Улан-Батор, а также Пекин [12, с. 189] с целью этнолого-лингвистических исследований, по итогам этих командировок он написал подробный отчет [5].

Литература

1. Васильев В.П., Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. – СПб., 1887 // Журнал Министерства народного просвещения. – 1888. – Ч. CCLVII. – С. 417-434.
2. Владимирцов Б.Я. Об отношении монгольского языка к индо-европейским языкам Средней Азии // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук. – Л.: Госиздат, 1925. – Т. I. – С. 305-341.
3. Владимирцов Б.Я. О двух смешанных языках Западной Монголии // Яфетический сборник. – Пг., 1923. – Вып. II.
4. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. – Л.: Изд-во Ленингр. Восточного ин-та им. А.С. Енукидзе, 1929.
5. Владимирцов Б.Я. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах // Северная Монголия. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году. – Л.: Изд-во АН СССР, 1927. – Вып. II.
6. Минаев И.П. Апология ламства // Журнал Министерства народного просвещения. – 1888. – Ч. CCLVII. – С. 434-448.
7. Полянская О.Н. Монголоведение в университетах России в XIX – начале XX в. Восточный институт во Владивостоке // Гуманитарный вектор. – 2011. – № 3 (27). – С. 48-52.
8. Полянская О.Н. Монголоведные исследования В.Л. Котвича (1872-1944). К 140-летию со дня рождения // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – Вып. 7. История. – С. 108-114.
9. Полянская О.Н. Монголоведные направления в исследованиях Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. – Вып. 7. История. – С. 123-130.
10. Полянская О.Н. Поездка В.Л. Котвича в Монголию в 1912 г. По материалам Польской академии наук // Буддийская культура: история, источниковедение, языковедение и искусство: Пятое Доржиевские чтения. – СПб.: Гиперион, 2013. – С. 334-338.
11. Руднев А.Д. Лекции по грамматике монгольского письменного языка, читанные в 1903-1904 академическом году. – СПб., 1905.
12. Улымжиев Д.Б. Монголоведение в России во второй половине XIX – начале XX в.: Петербургская школа монголоведов. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1997.
13. Янхунен Ю. Г.Й. Рамстедт и А.Д. Руднев – основатели современной монголистики // Петербург – окно на Восток, 1809-1914 гг.: программа и тезисы XII российско-финляндских гуманитарных чтений (Санкт-Петербург, 24-25 октября 2002 г.). – Хельсинки: Ин-т России и Восточной Европы, 2002.

Полянская Оксана Николаевна – кандидат исторических наук, доцент Бурятского государственного университета, e-mail: PolGrab@mail.ru

Polyanskaya Oksana Nikolaevna – candidate of historical sciences, associate professor, Buryat State University, e-mail: PolGrab@mail.ru

УДК 323 (571.5)

© Г.С. Митынова

Сведения об участниках Первой мировой войны в региональных архивах

Статья посвящена предварительным научным изысканиям в региональных архивах на предмет увековечивания памяти участников и героев Первой мировой войны, о возможности выявления персональных данных, дислокации войсковых соединений в регионе, деятельности буддийских иерархов в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: память, участники и герои войны, фронт, ратники, лазарет, общество, эмчи – ламы, буддийские иерархи, реквизиция, тыловые работы, награды.

Information about the participants of the First World War in regional archives

The article is devoted to preliminary research findings in the regional archives on the subject of perpetuating the memory of participants and heroes of the First World War, a possibility of revealing personal data, dislocation of military units in the region, Buddhist hierarchs activities in the First World War.

Keywords: memory, participants and heroes of the war, front, warriors, hospital, society, ёмчи Lama, Buddhist hierarchs, requisition, rear works, awards.

Масштабы Первой мировой войны несоизмеримы, закон «О внесении изменений в ст. 1.1 Федерального закона “О днях воинской славы и памятных датах России”» предусматривает введение новой памятной даты. 1 августа – памятная дата устанавливается в целях увековечения памяти и отражения заслуг российских воинов, погибших в годы Первой мировой войны (1914-1918 гг.). Глава государства обратился к теме Первой мировой войны в ходе обращения к Федеральному собранию 12 декабря, напомнил, что Первая мировая война была вычеркнута из памяти по ряду политических соображений. Стране нужны памятники героям Первой мировой войны. «Наши предки называли ее великой войной, но она была незаслуженно забыта», – указал тогда В. Путин. Безусловно, не все однозначно относятся к оценке мотивов, результатов Первой мировой войны, сегодня в публицистической литературе можно встретить и такие мнения: «Знание собственной истории начинается ни с панегириков и патриотических восхвалений солдат той войны, а с осознания людских мотивов. Можно ли разделять солдата Первой мировой и красного революционера? Нет, нельзя! Нужно помнить, что на войне происходит переоценка ценностей. Человек отказывается от традиционного взгляда на вещи и, наделяя себя моральным правом, перестраивает окружающую действительность так, как ему хочется. В 17-м хотелось стрелять, уничтожать, взрывать всех, кто имел отношение к 14-му году, кто нес ответственность за приношение на «алтарь Отечества» кровавых жертв, оказавшихся абсолютно напрасными» [2].

Сегодня научная общественность России готовит к изданию новые материалы о войне и ее участниках, поскольку многие вопросы преданы забвению, появляется необходимость увековечения памяти героев, участников Первой мировой войны. Региональные архивы свидетельствуют о многих вопросах, таких как дислокация войсковых соединений в Бурятии, отправленных с началом войны на фронт, о ратниках первого разряда Государственного ополчения, о деятельности бурятского общества в связи с на-

чавшейся войной, о реквизируемых бурятах.

Работниками государственного архива Бурятии скопированы материалы из Архангельска о реквизируемых бурятах в годы войны, есть архивные документы о солдатах, ополченцах, призванных на фронт в годы Первой мировой войны из Забайкалья.

В Забайкалье дислоцировался ряд дивизий и батальонов, например, 5-й Сибирский стрелковый батальон, 48-й Сибирский стрелковый полк, 5-й Стрелковый, 29-й Сибирский стрелковый полк, 5-й Сибирский стрелковый запасной батальон, 37-й Сибирский пехотный полк, 6-й Сибирский стрелковый запасной батальон, 54-й Сибирский стрелковый полк и др. Поиски были проведены по косвенным документам. Например, по мобилизации населения во время гражданской войны, где имелись подписи руководящего состава армии, на телеграммах и других документах. Приведем несколько примеров:

А. Войска Отдельной Восточно-Сибирской армии возглавлял в 1919 г. генерал Лукин; в Иркутске дислоцировались 14-й Сибирский стрелковый артиллерийский дивизион, Сибирские стрелковые полки, 14-й инженерный дивизион, 14-й Егерский батальон; в Нижнеудинске – 55-й Сибирский стрелковый полк; в Красноярске – Сибирский стрелковый полк, Егерский батальон; в Ачинске – Сибирский стрелковый полк. Сибирских стрелковых полков было несколько, они шли под разными номерами.

Б. Во многих документах фигурируют фамилии руководства армии: начальник штаба округа Приамурского генерал-майор Соколов, командующий 5-м Приамурским корпусом генерал-майор Миссюра, начальник-бригадный генерал майор Симонов, начальник штаба Главацкий, начальник главного штаба генерал-майор Марковский, войсковой лейтенант Артемьев и другие. Есть подпись Председателя Верхнеудинского управления воинского присутствия Корвина, 1919 г.

В. Есть подписи на мобилизацию командира 5-го Стрелкового полка Томского губернского полка, комполка Полякова, командиров 31-го, 29-го Сибирских стрелковых полков (неразбор-

чиво), командира 2-го Забайкальского стрелкового полка Степанова, командира 53-го Сибирского стрелкового полка, подполковника, командира отдельного тяжелого артиллерийского дивизиона подполковника Тихонравова и других.

Списки погибших и пропавших без вести на фронтах Первой мировой можно найти в перечне следующих дел: «Список лиц, находящихся на военной службе белой армии 1918-1919 гг.», «Список лиц Верхнеудинского военного присутствия. Списки офицеров с 1918 по 1922 г.», «Штаты частей и управлений Восточно-Сибирской армии», 1919 г. и других.

Списки погибших и пропавших без вести множество, только одно дело просмотрено на 258 листах, есть журналы с именами солдат более чем на 600 страницах, и так по всем региональным архивам России имена наших соотечественников, отдавших свои жизни «За Веру, Отечество и Царя» [2, л. 1-218], а сколько бурят погибло в болотах Архангельска, заболевших цингой, отправленных на тыловые работы (буряты на действительную службу в армию не призывались, так же как и все «инородческое население» Российской империи. – Г.М.).

Среди архивных документов имеются и неопубликованные материалы, к ним можно отнести и свидетельства деятельности буддийских иерархов Бурятии во время Первой мировой войны. Это документы Петроградского лазарета за май 2015 г. (т. 3, всего 123 л.) и фонда награжденных материалов хамбо лам и ширетуев (настоятелей), хранящиеся в музее истории Бурятии, о деятельности буддийских иерархов в годы войны по устройству лазарета, по организации помощи реквизированным.

На третьем году войны правительство ввело воинскую повинность для малочисленных народов России. 25 июня 1916 г. царь издал указ о «реквизиции инородцев» (о принудительной мобилизации) на тыловые работы по созданию укреплений в прифронтовых районах. Мобилизации подлежали лица, рожденные в 1885-1897 гг., в возрасте от 19 до 31 г. По данным мобилизационного отдела штаба Иркутского военного округа, количество мобилизованных бурят составляло 20 878 человек, в том числе по Забайкальской области – 11 817 человек; по Иркутской и Енисейской губерниям – 9 061 чел. Из Забайкалья были реквизированы урульгинские звенки [3, с.47].

С конца 1916 г. основной рабочей силой в Архангельском порту и на железнодорожных строительных работах становятся ратники ино-

родческой (бурятской) дружины.

Всего с 9 августа 1916 г. по 28 марта 1917 г. шестью эшелонами в Архангельск было доставлено 6131 человек, в основном это были буряты Иркутской губернии и Забайкальской области. 29 августа 1916 г. был подписан приказ о формировании Архангельской Инородческой дружины, которая подразделялась на эшелоны в том составе, в котором рабочие-инородцы прибыли. Каждый эшелон подразделялся на сотни во главе с выборными из среды дружинников. Значительная часть бурят работала кочегарами на поездах Архангельской железной дороги. В самом Архангельске труд «инородцев» использовался при разгрузочных работах в порту, при строительстве железнодорожных веток «Смольный буян – Экономия» и «Экономия – Мудьюг». Всего за восемь месяцев существования дружины 289 бурят умерли от разных болезней; 677 рабочих были признаны неспособными к труду и отправлены на родину [4, с. 118-120]. При реквизиции бурят на тыловые работы большую роль для поддержания их морального духа сыграли эмчи-ламы, врачеватели. Бурятский лазарет в Петрограде открыли на средства Общебурятского общества с содержанием в 3000 руб. ежемесячного ассигнования, уполномоченными при лазарете явились цаннид-хамбо Агван Доржиев и Н.А. Ханхасаев, старшим врачом был известный исследователь, окружной врач Троицкосавска Ю.Д. Талько-Грынцевич, профессор антропологии Краковского университета, младшим врачом – Гончиг Жабэ [5].

Значительный вклад в поддержку воинов на фронтах Первой мировой войны и призвавших бурятскую общественность пожертвовать на нужды войны, строительство и содержание лазаретов внесли цаннид-хамбо Агван Доржиев, хамбо-ламы Чойнзон-Доржи Иролтуев, Даши-Доржи Итигелов и ширетуи (настоятели) бурятских дацанов. Д.-Д. Итигелов как глава буддистов Восточной Сибири и общественные деятели организовали «Общебурятское общество» по сбору пожертвований на нужды войны. К концу января 1915 г. бурятами было пожертвовано около 150 тыс. рублей. На эти деньги «Общебурятское общество» содержало 21 койку в лазарете на Кавказском фронте, несколько коек в лазарете на Западном фронте и лазарет в 30 коек в Петрограде.

В начале Первой мировой войны буряты, состоявшие в казачьем сословии, были мобилизованы на фронт. Забайкальские казачьи части находились в основном на двух фронтах: на Юго-Западном и Кавказском. Буряты-казаки служили

в 1-м и 2-м Верхнеудинских и в 1-м и 2-м Читинских полках Забайкальского казачьего войска. В первых полках служили казаки, призванные на действительную военную службу, их сразу же отправили на фронт, во вторых полках состояли казаки, находившиеся в запасе. В начале войны вторые полки находились в тылу. Так, например, 2-й Верхнеудинский полк с 1914 по 1916 г. охранял русское консульство в Монголии, Урге (Улан-Баторе) и Улясутае. В 1916 г. он был отправлен на фронт.

Первые сибирские полки прибыли на фронт в район Варшавы в середине августа 1914 г., в самое критическое время, когда немецкие войска стояли на подступах к городу. Сибирские полки выбили немцев из с. Трушкова (в 12-ти верстах от Варшавы) и в составе других частей армии разгромили 17-й Армейский корпус, а затем отбросили далеко назад 20-й Армейский корпус немцев. 1-я Забайкальская казачья дивизия участвовала в боях с противником в 1915-1916 гг. в Галиции и Польше. В ее составе воевала часть бурятских казаков. Забайкальские казаки успешно воевали и на русско-турецком фронте.

В деле укрепления российской государственности на востоке страны значительную роль сыграли буддийские ламы, их активное участие в жизни российского общества. Показателем позитивного отношения России к буддистам является приведенный небольшой список награжденных буддийских лам за заслуги перед Отечеством. Это свидетельство особого уважения и признания заслуг буддийского духовенства в Российском государстве в имперский период истории:

Государь Император во внимание к особым трудам и заслугам, оказанным пандито хамбо ламой Д.-Д. Итигеловым по состоящему под Августейшим председательством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны Верховному Совету по призрению семей, лиц, призванных на войну, а также семей раненных и павших, всемилостивейшее соизволил пожаловать ему 26 апреля 1916 года орден Святой Анны II степени [6, с.34].

Примечания

1. История первой мировой войны: в 2 т. – М., 1975; *Игнатъев А.В.* Россия в империалистических войнах начала XX в. // Россия, СССР и международные конфликты первой половины XX в. – М., 1989; *К 75-летию начала Первой мировой войны.* – М., 1990; *Писарев Ю.А.* Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914-1915. – М., 1990; *Кудрина Ю.В.* Обращаясь к истокам Первой мировой войны. Пути к безопасности. – М., 1994; *Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории.* – М., 1994; *Первая мировая война: страницы истории.* – Черновцы, 1994; *Бобышев С.В., Сергеев С.В.* Первая мировая война и перспективы общественного развития России. – Комсомольск-на-Амуре, 1995; *Первая мировая война: пролог XX века.* – М., 1998.

2. Григорий Баварский. Пафосная дата. Региональная Россия. 2013. 12 нояб. – URL: <http://regruss.ru>

Ранее за активную деятельность были награждены серебряной медалью за усердие на Станиславской ленте для ношения на груди Ч.-Д. Иролтуев и 8 ширетуев дацанов и лам, серебряную медаль за усердие для ношения на шее на Аннинской ленте имел ширетугуй Гусиноозерского дацана Цынгунжап Баниев, гылун Болакского дацана Цырен-Дамба Васильев-Азараев из казачьего сословия, поступивший в хувараки в 1902 г., имел Георгиевский Крест и Бронзовую медаль в память об участии в русско-китайской войне, серебряной медалью на Владимирской ленте за спасение погибавших во время русско-японской войны награжден гэлун Джидинского дацана Базаржап Цыденов-Гуружапов в 1907 г., медалью Красного Креста за труды во время русско-японской войны – Ч.-Д. Иролтуев и 29 ширетуев дацанов и лам [7]. Настоятели дацанов совместно с приходами принимали самое активное участие в делах общества и государства российского. Только приведенные материалы о ламах свидетельствуют, что ламы и жители бурятских улусов были вовлечены в крупные и значительные дела государства как верноподданные российского государства. Наиболее значимые события в жизни государства и общества, таких как Всеобщая перепись населения 1897 г., Русско-японская война 1904-1905 гг. и Первая мировая война, не обошли стороной и бурятское общество, во главе которой был и хамбо-лама Д.-Д. Итигелов.

Таким образом, материалы региональных архивов проливают свет на различные стороны жизни общества в годы Первой мировой войны, о дислокации воинских формирований, об участии солдат, ратников, принявших участие в военных действиях, можно выявить и персональные данные о героях и участниках войны, о реквизированных на тыловые работы, а также можно отметить и деятельность лам бурятских дацанов, внесших свой вклад в судьбе солдат в нелегких условиях войны. Есть надежда, что в Бурятии будет сооружен достойный памятник героям и участникам войны, будут выявлены неизвестные документы о солдатах и офицерах Первой мировой войны, о подвиге народа.

3. История Бурятии. XX в. – нач. XXI в.: учеб. пособие /отв. ред. Т.Е. Санжиева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. – 274 с.
4. Трошина Т.И. Великая война... Забытая война... Архангельск в годы Первой мировой войны (1914-1918 гг.). – Архангельск, 2008. – С.118.
5. Фотодокументальный фонд музея истории Бурятии. Д. «Бурятский Петроградский лазарет». 1916.
6. Чимитдоржин Д.Г. Пандито хамбо-ламы: 1764-2010. – Улан-Удэ, 2010. – С. 190.
7. Фотодокументальный фонд музея истории Бурятии. Ф. «Наградные дела». 1911.

Митыпова Гунсыма Сандаковна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культуры Бурятии Бурятского государственного университета, e-mail: kafbur@mail.ru

Mitypova Gunsyma Sandakovna, doctor of historical sciences, professor, department of the history of Buryatia, Buryat State University, e-mail: kafbur@mail.ru

УДК 94(100) «(914/19)» (093)

© Т.В. Паликова

М.В. Танский о пребывании русских в Германии в начале Первой мировой войны

Верхнеудинский врач М.В. Танский, путешествуя по Европе летом 1914 г., оказался свидетелем начального этапа Первой мировой войны, полтора месяца провел в Берлине в ожидании отъезда на родину, о чем оставил свои воспоминания, хранящиеся в Государственном архиве Республики Бурятия. Записки воссоздают повседневный быт российских подданных, вынужденно пребывавших в Германии, рисуют образы столиц воюющих держав, восприятие войны немцами и русскими. Документ расширяет представления о первых неделях войны.

Ключевые слова: воспоминания, Первая мировая война, образ города, повседневный быт.

T.V. Palikova

M.V. Tansky on staying of Russians in Germany in the early days of World War I

M.V. Tansky, medical doctor from Verkhneudinsk, while travelling through Europe in summer of 1914, witnessed the initial phase of the First World War, he spent six weeks in Berlin waiting for leaving home. His memories of that period are kept in the State Archives of the Republic of Buryatia. The notes reconstructed the everyday life of Russian citizens who were forced to stay in Germany, the images of capitals of the belligerent powers, perception of the war by the Germans and Russians. The document extends the knowledge of the first weeks of the war.

Keywords: memories, the First World War, the image of the city, everyday life.

Сто лет отделяет нас от начала Первой мировой войны, накоплен значительный опыт ее изучения, сформировался обширный комплекс разнообразных исторических источников, отражающих это важнейшее событие мировой истории начала 20-го столетия. В то же время еще неостребованные историками документы, хранящиеся в региональных архивах, могут дополнить наши представления о ней.

Документ, предлагаемый вниманию читателя, – «Впечатления о путешествии по Европе в 1911-1914 гг. (Путевые заметки, изложенные в 8 записных книжках)», хранится в фонде 1778 семьи М.В. и Е.А. Танских Государственного архива Республики Бурятия. Несмотря на авторский подзаголовок, записных книжек семь (8-я – коллекция афоризмов) в виде блокнотов размером 10 на 15 см, 488 страниц которых исписаны бисерным почерком [1]. Мы обратимся к двум из них (№ 1-2). Первая записная книжка «От Берлина до Верхнеудинска» (48 л.) охватывает события с 25 августа по середину сентября 1914 г., вторая – «В немецком плену в 1914 го-

ду» (76 л.) – с 23 июня по 25 августа (к сожалению, хронология документа нарушена при обработке материала). Интерес, на наш взгляд, эти записки представляют и тем, что это воспоминания очевидца событий, написанные по истечении небольшого срока, когда испытанные переживания «улеглись» и появилась возможность описать произошедшее относительно объективно, и тем, что написаны они в разгар войны, когда пришло осознание ее масштабов и значимости. Не менее важен и тот факт, что автор воспоминаний уже умудренный опытом человек, имевший два высших образования (!), известный в Верхнеудинске врач и общественный деятель, потомок Н.В. Гоголя по отцовской линии. Обладая даром художественного слова (об этом свидетельствуют документы фонда), М.В. Танский не только оставил точное и конкретное описание реальных событий, быт российских подданных в Берлине, но, тонко подметив тончайшие нюансы окружающей действительности, создал образы столиц двух враждующих держав, передал «настроение» этих городов.

Маршрут второго европейского путешествия супругов Танских охватил Англию, Францию, Швецию, Норвегию, Швейцарию. Возвращение на родину, которому суждено было сбыться лишь спустя полтора месяца, планировалось через Штральзунд – Рюген.

Сообщение о том, «что отношения России и Германии натянутые настолько, что вот-вот начнется война» [1, л. 52], путешественники получили в швейцарском Берне. «Физиономия города, пишет М.В. Танский, резко изменилась: куда девалось прежнее спокойствие, беспечность?... вокзальные платформы загромождены багажом, места в вагонах берутся с боя, и билеты продаются только до швейцарской границы», курс рубля резко упал, затем прекратились обменные операции, золото и серебро исчезло из обихода [1, л. 53]. Единственным удобным и быстрым путем возвращения домой был путь через Берлин.

23 июля Танские прибыли в Берлин. Это был второй приезд в столицу Германии (сначала в 1911 г.), но как разительно отличались эти два пребывания. В 1914 г. нахождение в городе омрачалось тревогой, а «самым насущным вопросом ... являлся вопрос о ... выезде из Берлина. ...Для этого необходимо было направиться в Испанское посольство, под покровительство которого были отданы русские» [1, л. 5-5]. На самом деле оказалось, что «посольство только визирует паспорт (ставит на нем свой штампель и этим как бы берет официально под свою защиту)» [1, л. 9]. В последующем «заботы о русских подданных были возложены по договоренности на датское посольство в Берлине», оно решало вопросы о возвращении их на родину, но для этого требовалось время. Жизнь русских в Берлине осложнялась тем, что «немцы в первые дни войны буквально все болели шпиономанией», поскольку «само правительство внушило народу, что Берлин полон шпионов и призывало толпу следить за всеми иностранными подданными. Кайзер чуть ли не ежедневно обращался к народу со своими воззваниями, которые в форме афиш большого формата с неизменно надписью ... “К моему дорогому народу” с государственным одноглавым с распростертыми крыльями орлом, с подписью «Вильгельм» расклеивались на всех перекрестках. В результате такого патриотического сыска немцы тащили в участок не только чужих, но и своих... Даже самые элегантные дамы сыском не стеснялись; в то же время все проявляли крайне грубое отношение» [1, л. 21]. И наши герои на следующий же день своего пребывания в городе стали жертвами та-

кой политики. Инцидент разрешился благополучно, но супруги еще долго находились под впечатлением шума большой, «угрожающей», «обозленной толпы, способной на всякие эксцессы», «ругань и нелестные эпитеты» вслед. Когда шпиономания достигла угрожающих размеров, кайзер обратился к подданным с новым воззванием, напоминая, что «большинство русских в Берлине – больные с курортов, что немцы ведут войну не с мирными гражданами, а на полях сражений ... После таких воззваний, а главным образом и потому, что миновали первые, особенно острые, дни войны, отношение немцев стало ровнее, покойнее, можно уже было более свободно ходить по улицам, ездить в трамваях, по железной дороге – никто не трогал, нужно было только избегать говорить по-русски» [1, л. 21об].

Постепенно Танские привыкли к сложившемуся положению, поселились на Auguststrasse, расположенной вдалеке от центра Берлина, и вернулись к традиционному, выработанному годами ритму повседневной жизни в Верхнеудинске (утренний кофе, обед «в час дня, а затем в большинстве случаев я оставался один и предавался чтению всяких случайных книжнок... Часов в 5-6 вечера пили чай, затем довольно часто засаживались играть в тетку... В 10-11 часов ужинали и день заканчивался. Одним из постоянных развлечений в особенности во время усиливавшейся тоски было раскладывание какого-нибудь немудреного пасьянса ...») [1, л. 34, 43-45]. Ни мебель («комната наша окнами выходила на улицу, уютная, просторная с хорошей мебелью, такой работы и отделки, какой в России можно найти только у лучших мастеров – диван, письменный стол, шкафчик, умывальный столик, гардероб, две кровати»), ни продуктовый набор («мясо для супа или 2 котлетки, бутылка молока, картофель, квашеная капуста, хлеб, коренья, крупа, масло, фрукты для компота, селедка, яйца») не отличались от домашних. Жизнь «в немецком плену» была скромной («жили экономно на 2 марки (обмен вышел марка 1 рубль 30 коп.) – не знали, сколько времени придется здесь пробыть») и «протекала в большом однообразии, с раннего утра до поздней ночи, окрашенная гнетом пленения и тоскою по родине». Можно с уверенностью говорить о том, что так протекало пребывание в Берлине первых месяцев войны многих средней руки путешественников.

Несмотря на тяжесть и неопределенность ситуации, М.В. Танский не потерял чуткого взгляда, остроты восприятия, фиксируя особенности

жизни Берлина с первых дней войны. С уважением отмечает Михаил Владимирович любовь немцев к чистоте, в том числе и города: «внешний вид улицы, как и вообще всех берлинских улиц, был опрятный, красивый. Асфальтовые мостовые, хорошее по ночам освещение», особое удивление вызывало то, что «улица при помощи особо устроенных автомобилей смывалась и вычищалась щетками» [1, л. 34об]. Традиционный уклад небольшой улочки с началом войны не изменился: «Жизнь на нашей улице началась рано. ... появлялся фургон с молоком, хлебом, углем,.. затем хозяйки..., ученики с сумочками, направлявшиеся в школы,.. торговцы зеленью, овощами, фруктами... С часу дня на улице появлялись ребятишки всех возрастов и улица наполнялась шумом и гамом... Самая любимая забава у детей бегать на роликах..., так же как и у нас играют в классы, чертя по мостовым мелом, в пятнашки и проч. Вечером улица хорошо освещалась... появлялись взрослые спортсмены на роликах, которые проделывали сложные фигуры. Затем движение понемногу ослабевало и улица затихала» [1, л. 36-38].

Отдаленность улицы способствовала тому, что здесь образовалась «маленькая русская колония», с течением времени изменилось отношение к русским: «Обращались с нами вежливо, были дружелюбны», «В общем-то, хозяева наши относились к нам хорошо... Нередко проглядывалось даже сочувствие к нашему тяжелому положению, и мы за доброе отношение были признательны и благодарны» [1, л. 39]. Наблюдая за «хозяевами» Танский подмечает глубокую привязанность их друг к другу и наивные знаки внимания, проявлявшиеся «с какой-то трогательной детскою наивностью и простоватостью». Такой же наивной простоватостью было пронизано и отношение к императорской чете: мужчины «боготворили» кайзера, женщины преклонялись перед императрицей, ездили к дворцу, чтобы «увидеть проезд императрицы и думать потом, что именно ей императрица махнула платочком и подарила улыбку» [1, л. 39об-40].

Сам город не стал объектом исследования, слишком узким было пространство русских «пленников». Но в рамках возможного Танский сумел подметить различные проявления жизни Берлина, который «с началом войны оказался в трагикомическом положении. Пришлось сразу из патриотических побуждений перекрашивать, замазывать... массу вывесок, так как Германия оказалась в войне с пятью государствами. Не переделывать же было нельзя хотя бы из чувства

самосохранения: так гостиницу “Харьков” толпа разрушила» [1, л. 50]. Неприятно поразил вид здания английского посольства: «в окнах не было ни одного целого стекла... посольство толпа разгромила», как только немцы узнали об объявлении Англией войны Германии. Удивление путешественника вызвал факт того, что «для большинства немцев объявление войны Англией было большой неожиданностью». Здание русского посольства погрому не подвергалось, но от него «тоскою веяло... как от покойника, среди живых... оно выглядело мертвецом» [1, л. 23].

В условиях информационного голода россияне жили «самыми разнообразными слухами,... которые фабриковались по разным пансионатам и отелям», и историями, которые порой превращались в своеобразные мифологические рассказы о страданиях, испытанных по пути в Берлин [1, л. 27, 28-29]. Эпицентром слухов было посольство, здесь же завязывались знакомства, с некоторыми соотечественниками Танские будут долго переписываться, вспоминая эти дни. Нужно отдать должное здравому смыслу автора воспоминаний, критическому восприятию подобных сообщений: «Если даже верить на половину всем рассказам, то и тогда немцы проявили много грубости... почти никто без неприятностей не доехал до Берлина, счастливое исключение, по видимому, представляли только мы одни» [1, л. 28об]. То же было и с противоборствующей стороной – информационная война всегда была одним из эффективных средств мобилизации нации: «...все немцы были уверены, что войну начала Россия, что Германии ничего больше не оставалось, как только защищаться. Россия первая начала мобилизацию, Вильгельм войны не хотел и предложил России мобилизацию прекратить и после того, как Россия этого не сделала, Германия подняла брошенную ей перчатку и объявила войну» [1, л. 42]. Созданию мифа о войне способствовала пресса: «газетчики,... выкрикивали название газет с сенсационными новостями с театра военных действий, сводившимися всегда к одной версии «большая победа», иногда вызывая раздражение немцев против русских, «газетные листки приносили... тенденциозные вести о зверствах казаков и проч. ... писали, что русские совершенно разбиты [на Мазурских озерах. – Т.П.], что взяты в плен 10 000, потом 40 000 и кончили цифрой 90 000» [1, л. 58об]. Когда немцы «широкою волною влились во Францию и война эта почти докатилась до Парижа», каждый «газетный выпуск в Берлине нес извещение в таком виде: 20 часов

до Парижа, 18 часов, 12 часов и, кажется, последние вести были – 5 часов до Парижа» [1, л. 57об]. Из немецких газет Танские получали «вести с родины еще менее радостные, еще более печальные. В Петрограде революция, в Варшаве – тоже поляки восстали, уничтожили русские войска, русские власти свернуты. В Одессе тоже революция, флот черноморский разгромлен» [1, л. 57об]. И если они «к таким сообщениям... относились подозрительно, но тем не менее они оставляли большой осадок в душе», то немцы верили им безоговорочно. Более всего «душевный гнет... увеличивался от ликования немцев с самых первых дней войны. Сначала шумные овации, восторженные проводы войск на войну, затем вскоре же празднование победы», «сплошные манифестации, собирались тысячные толпы, показывались трофеи побед». Берлин принял праздничный вид, «разукрасился флагами» и в таком виде остался до конца пребывания Танских [1, л. 57].

Наконец, к концу августа 1914 г. «слухи о вывозе русских из Берлина начали принимать более реальную форму» [1, л. 59]: «Утро 25 августа 1914 года навсегда останется памятным: после пятидневного немецкого пленения мы покидали Берлин» [1, л. 1].

Сколь описание жизни в Берлине бессобытийно, столь стремительно разворачивается действие после: «В положенный час и минуты дверцы вагона *быстро* захлопнулись, поезд *сорвался* и *полетел* над улицами Берлина, *унося* нас на родину... Радостное чувство охватило всех... А поезд уже *бешено мчался*... навстречу нам *бежали* поля, усадьбы, маленькие городки. Войны нигде не замечалось, воинских поездов не встречали; путь был свободный и, так как поезд был *скорый*, то мы *безостановочно мчались* к Штральзунду¹» [1, л. 3]. Это не просто стремительность передвижения в пространстве, переданная вербально (выделенные нами слова), это ощущение вновь приобретенной свободы – слово, которое часто употребляется на первых страницах этой записной книжки. Это и свободный путь, и свободное или открытое море. Дальше была паромная переправа на остров Рюген², затем небольшой приморский городок Засниц³, где «пароход, окрашенный в темный цвет, на корме которого развивался шведский флаг, дымил всеми своими трубами», «вскоре впереди во мраке ночи заблестали... огни Треллеборга⁴» и, наконец, «Гефле⁵,... где надлежало пересечь на пароход, чтобы переплыть в Финляндию и высадиться в Раумо⁶» [1, л. 4об, 5об, 9об, 11об].

«Встретили нас шведы радушно... Наступивший день и то сердечное отношение и даже больше – овации, которые мы встречали на своем пути со стороны шведов, стряхнули угнетенное настроение и оживили. Не только в городах, в местечках, на станциях поезд наш встречали и провожали толпы народа, но и на полях, на дорогах, всюду, всюду посылали нам приветствия, махая платками, шляпами. Шведы в этом отношении исключительный и, вероятно, единственный народ в мире. Еще в прежний путь, когда мы плыли от Стокгольма к Гетеборгу⁷ по Гетеканалу⁸, они изумляли нас своей приветливостью» [1, л. 10, 12-12об].

Здесь в Евле пути супругов разошлись: мужчинам из-за опасностей военного времени был предложен путь через Торнио⁹, а дамы могли безбоязненно плыть морем [1, л. 15, 16].

Если на юге страны русских встречали восторженно, то «на севере страны – уже никто не махал платками и шляпами. Бросалось в глаза то обстоятельство, что чем ближе мы подъезжали к России, тем больше встречали войск... на небольших станциях всюду солдаты и офицеры... Швеция значительную часть... войск двинула на границы России, хотя казалось странным и невероятным, чтобы в... болотах могла проходить война. Но шведы издавна были запуганы немцами, что Россия стремиться к свободному морю и может отхватить для этого север Швеции, и эта идея глубоко запала в народ и долгое время поддерживала недружественное отношение шведов к русским» [1, л. 30].

И вот, наконец, супруги прибыли в столицу. Петербург, который в «прежний путь... казался нам очень красивым городом, и мы ... несколько раз любовались Невским и делились своими впечатлениями», теперь «поразил ... своею мертвенностью, ... и главное, темнотою (обратим внимание на идентичность описания русского посольства в Берлине и Петербурга). Когда выехали на Невский... особенно удивительной показалась его мрачность. После залитых светом берлинских улиц даже таких, как... залустная Augustrasse, после блестящих асфальтовых мостовых, в которых как в зеркале отражаются фонари, люди, дома, после того большого движения толпы, экипажей и, особенно, автомобилей, что было в Берлине, освещение в Петрограде и весь вид улиц являлось почти жалкими» [1, л. 40об-41]. Это разительное отличие внешнего вида столиц воюющих держав отражало «громадную разницу» в переживании войны двумя народами, которую нельзя было не заметить: «Там сплошной праздник, флаги, иллюми-

нация, шумные манифестации, торжество побед, пьянство, иное здесь сдержанное, сосредоточенное настроение, сознание серьезности переживаемого момента, отсутствие всякой шумихи, полная трезвость вследствие запрета торговли спиртными напитками» [1, л. 43об]. Выдержанное отношение к происходящему рождало надежду: «что эта серьезность восторжествует над немецким легкомыслием» [1, л. 43об].

Оставшийся путь до Верхнеудинска прошел без осложнений. Навстречу им «буквально неудержимо лился поток людей... на запад, на театр военных действий, где смерть косила нещадно тысячи людей, поджидала и требовала новых жертв. А жертвы эти шли беспечно: поезда воинские мелькали мимо нас с песнями, часто под гармошку, лица солдат веселые, жизнерадостные, слышны смех, остроты, оживленный говор... Мы постоянно беседовали с солдатами и уныния в них никакого не замечали... Каждый верил в судьбу свою, думая, что он-то уж не-

пременно вернется домой и, конечно, судьба многих жестоко обманула. Сибирские войска не успели даже отдохнуть от долгой дороги, из вагонов прямо пошли в бой под Варшавою и своим героизмом и самоотверженностью спасли Варшаву» [1, л. 44].

Так закончилось второе заграничное путешествие супругов М.В. и Е.А. Танских. Но события, пережитые ими летом 1914 г., еще будут напоминать о себе перепиской с людьми, с которыми их свела война в Берлине, новостями о судьбе тех из них, кто не смог выехать на родину первыми тремя поездами. Скорее всего, потому что это было самое яркое на впечатления путешествие, переживания уже улеглись (записки написаны в 1915 г.), Михаилу Владимировичу захотелось описать его в своих воспоминаниях, и потому, что слишком различны восприятие и образы столиц воюющих держав, увиденные и прочувственные автором воспоминаний.

Примечания

1. Штральзунд (нем. Stralsund) – город на берегу Балтийского моря земельного подчинения на севере Германии, в земле Мекленбург-Передняя Померания.
2. Рюген (нем. Rügen) – крупнейший в пределах Германии остров в Балтийском море.
3. Засниц (Засниц) (нем. Sassnitz) – город в Германии, в земле Мекленбург-Передняя Померания. Входит в состав района Рюген.
4. Треллеборг (швед. Trelleborg) – самый южный город в Швеции на берегу Балтийского моря.
5. Гевле (Gefle), современный Евле (швед. Gvle) – торговый порт на востоке центральной Швеции на берегу Ботнического залива Балтийского моря, административный центр провинции Эстрикланд лена Евлеборг.
6. Раумо – современный город-порт, расположен на берегу Ботнического залива в провинции Сатакунта (Финляндия). В 1914 г. – город в Ульвсбюском уезде Або-Бьернборгской губернии (Финляндия) Российской империи.
7. Гетеборг (швед. Göteborg) – город на юго-западе Швеции в лене Вестра-Геталанд, в устье р. Гета-Эльв.
8. Гета-канал, Йета-канал (Göta kanal) – судоходный канал, соединяющий западное (г. Гетеборг) и восточное (г. Седерчепинг) побережье Швеции.
9. Торнио – город на полуострове (Ботнический залив Балтийского моря) у западного берега реки Торниойоки, на границе со Швецией, в Южной Лапландии (Финляндия). В 1914 г. – город Кемиского уезда Улеборгской губернии (Финляндия) Российской империи.

Литература

1. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 1778. Оп. 1. Д. 35.

Паликова Татьяна Вадимовна, доктор исторических наук, доцент Бурятского госуниверситета, e-mail: palikova@mail.ru
Palikova Tatyana Vadimivna, doctor of historical sciences, associate professor, Buryat State University, e-mail: palikova@mail.ru

УДК 930 (571.5)

© С.В. Васильева, В.Ю. Минаева

Источники по истории иностранной интервенции в Забайкалье (1918-1921 гг.)

Главная задача статьи состоит в том, чтобы проследить историю складывания комплекса письменных материалов об иностранной военной интервенции в Забайкалье в фондах Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ), показать его состав и содержание. Основное внимание уделяется вопросу: каким образом и в силу каких причин в фондах Государственного архива Республики Бурятия отложилось большое количество архивного материала о военной интервенции, какова методика работы по систематизации и классификации указанных фондов.

Ключевые слова: гражданская война, военная иностранная интервенция, Забайкалье, барон Унгерн, народно-революционный комитет, анализ состава и содержание архивных материалов, государственные хранилища Республики Бурятия.

Sources on the history of foreign intervention in the Transbaikalia (1918-1921)

The main objective of the paper is to trace the history of forming a complex of written materials on the foreign military intervention in the Transbaikalia in the State Archives of the Republic of Buryatia (SARB), to show its structure and content. The main attention is focused on the question: how and why a great amount of archival material concerning military intervention are deposited in the funds of State Archives of the Republic of Buryatia, what techniques work is conducted on systematization and classification of these funds.

Keywords: the Civil War, foreign military intervention, Transbaikalia, Baron Ungern, People's Revolutionary Committee, analysis of composition and content of archival materials, state funds of the Buryat Republic.

Воссоздание исторического прошлого всегда связано с вовлечением в процесс познания новых фактических данных, почерпнутых из различных источников, в том числе архивных документов. Наша задача – выделение архивных документов по истории иностранной военной интервенции в Забайкалье как отдельного объекта исследования с источниковедческой позиции его ценности, которая обусловлена присутствием в этих документах чрезвычайно разнообразного материала: официального и частного характера.

В свете обозначенных проблем достаточно актуальным представляется исследование моделей политического устройства России, выдвинутых антибольшевистскими силами в ходе гражданской войны. В рамках изучения процесса борьбы за постреволюционное устройство страны большой интерес имеет анализ альтернатив политического развития Забайкалья в 1920-1922 гг. Исходя из международной обстановки, Советская Россия была вынуждена пойти на создание в регионе буферной демократической Дальневосточной республики (ДВР) под руководством большевиков, характерными чертами политического и социально-экономического устройства которой были многопартийность, парламентаризм, отказ от системы Советов, тесное сотрудничество с оппозиционными партиями и группировками.

Анализ архивных документов по истории взаимоотношений государства и оппозиции на примере забайкальских государственных образований 1920-1922 гг. может быть использован при изучении современных проблем российской политической культуры и выработке стратегии развития страны. Именно поэтому предложенная проблема нам видится достаточно актуальной.

Отмечая информационную насыщенность сохранившихся и подвергнутых описанию документов, можно предложить классификацию представленных документов по предметно-тематическому признаку. Такой подход позво-

ляет выделить преимущественно наиболее крупные предметно-тематические блоки, каждый из которых вполне может стать объектом самостоятельного исследования.

Первый блок включает в себя документы официального характера общим объемом более 80 ед. хр. Эти материалы отражают различные стороны временного падения советской власти в Забайкалье и захватом г. Верхнеудинска семеновцами и интервентами. В данном контексте интересны фонды: Р-38 «Верхнеудинский уездный исполнительный комитет советских организаций», который функционировал с 1917 г., ликвидирован в августе 1918 г. Фонд содержит телеграммы о ходе Великой Октябрьской социалистической революции, декреты, циркуляры ЦИК Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Сибири, постановления Совета о реорганизации полиции и др. [1]. Фонд Р-709 «Верхнеудинский уездный эmissар» функционировал в 1920 г. Документы фонда представлены группой делопроизводственных документов, в которых отражена переписка по снабжению продовольствием народно-революционной армии и населения [2]. Отметим информацию об американских «подарках». Американское правительство отправляло в Забайкалье большое количество одежды: фуфаяк, детских костюмов, рубашек мужских и женских, шарфов, тюков со светло-серым драпом. Одежда в количестве 650 шт., простыни – 650 пудов и суконный товар в 650 пудов. При проверке американского имущества выяснилось, что никаких книг учета по имуществу не ведется, также не ведется учет медикаментов в лазарете. Всему Верхнеудинскому земству было передано семь вагонов с разным имуществом и теплой одеждой для раздачи населению [3]. Переписка по установлению советской власти в Баргузине представлена в фонде Р-9 «Баргузинский уездный народно-революционный комитет», который функционировал с 28 июля 1920 г. по март 1922 г. Здесь имеются сведения о хозяйственных вопросах по установлению советской власти, охране общест-

венного порядка, сбора продовольствия для населения и армии, поставка подвоза на военные нужды [4]. Так, в письме командира партизанского отряда мы узнаем, что «...высшая власть в городе Баргузине и уезде принадлежит мне, а до прибытия моего отряда власть в городе Баргузин принадлежала товарищу Эренрайсу и Козулину. Шлю привет и сообщаю, что у меня достаточно сил и оружия, дабы подавить тех лиц, кои идут против нас. Имеем сведения, что из города Читы отправляется отряд 40 человек для занятия Карафтита. Приняты меры, навстречу вышлю отряд» [5]. Таким образом, исходя из письма Морозова, можно сделать вывод, что партизанские отряды четко координировали действия между собой, постоянно проводилась мобилизация среди населения, все оружие военного образца, патроны, бомбы и другое оружие были приготовлены и передавались строго по приказам.

Большой интерес вызывает второй блок материалов, посвященных деятельности органов революционной власти в уездах до создания Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Это фонды Р-38 «Верхнеудинский уездный исполнительный комитет советских организаций», Р-360 «Троицкосавский уездный народно-революционный комитет (1920-1921 гг.)», Р-1593 «Троицкосавский уездный революционный комитет Прибайкальской губернии ДВР» (1920-1923 гг.), которые включают организационно-распорядительные документы уездного нарревкома о комиссии и снабжении города и войск гарнизона продовольствием, сведения о личном составе нарревкомов, сбор средств в пользу пострадавших от гражданской войны, о положении семей народоармейцев, а также переписку с МВД об остром кризисе в г. Троицкосавске [6]. Отметим содержание телеграммы председателя Троицкосавского Унарревкома Аботурина, в которой говорится, что «15 ноября 1920 г. Красная армия окончательно разбила армию Врангеля. Гибель армии Врангеля произвела большое впечатление в странах Запада, что «Японско-семеновская авантюра в Забайкалье, принеся незначительные бедствия всему населению, усилиями партизан Забайкалья была ликвидирована и изгнана из своих гнезд». Он также сообщает, «...что армия барона Унгерна после ряда сражений изгнана китайцами из культурного и административного центра Монголии – Урги и подвергнута беспощадному террору всех жителей Урги и окрестностей [7]. Так же фонд содержит постановления, приказы, циркуляры, инструкции губревкома, протоколы

заседаний, планы, отчеты ревкомов, в частности, для нашего исследования интересна информация, представленная в отчете Троицкосавского уревкома об экономическом положении уезда, в которой даны статистические данные об ущербе, причиненном нашествием барона Унгерна [8]. Документы фонда Р-260 «Центральный комитет бурят-монголов Восточной Сибири, г. Иркутск» (1921 г. – январь 1922 г.) интересны потому, что центральный комитет являлся координирующим органом в области политического, экономического, культурного и государственного строительства бурят-монголов в период подготовки образования БМАО РСФСР. Он был образован 25 апреля 1921 г. в г. Иркутске на основании решения съездов трудящихся бурят-монголов ДВР (май – июнь 1920 г.) и бурят-монголов РСФСР (октябрь 1920 г.). В состав комитета входили М.Н. Ербанов, Ц. Жамцарано, Э.-Д. Ринчино, кандидаты – М.Н. Амагаев, Дашипилов. Комитет состоял из 5 отделов: общий, организационно-инструкторский, издательский, культурно-просветительский, экономический. В функции комитета входило ознакомление бурят-монголов с деятельностью и всеми мероприятиями Советской власти и правительства ДВР, агитация и пропаганда социалистических идей среди бурят-монгольского народа, вовлечение его в советскую работу. Интересны протоколы о деятельности Центрального комитета бурят-монголов восточной Сибири по оказанию помощи населению Селенгинского аймака, пострадавшему от нашествия барона Унгерна, о продовольственном налоге, сведения о составе, количестве населения, описании границ аймаков БМАО.

ФР-477. «Революционный комитет Бурят-Монгольской автономной области (БМАО) РСФСР», который был образован 28 октября 1921 г. на Учредительном съезде трудящихся бурят-монголов в г. Иркутске. При нем были образованы комиссии по экономическому совещанию, помощи голодающим, по улучшению быта красноармейцев, содействия Иркутскому госуниверситету и др. В фонде хранятся документы об оказании помощи голодающим, кавалерийской бригаде, красноармейцам, проведении продналоговой кампании, ликвидации неграмотности, борьбе с массовыми заболеваниями и др.

Кроме указанных фондов в документах ГАРБ имеется ряд не аннотированных фондов и коллекций документов по данной проблеме. Например, ФР-1737 «Коллекция документов участников революционного движения и гражданской войны в Бурятии» (1917-1974 гг.) в количе-

стве 68 дел содержит переписку партизанских отрядов времен гражданской войны и документы, в которых запечатлены воспоминания участников гражданской войны, очевидцев тех трагических событий. ФР-392 «Коллекция фотоальбомов по истории Бурятской АССР», (1846-1971 гг.) состоит из 47 дел. В данном фонде имеются фотографии участников революционных движений: барона Унгерна, атамана Г.М. Семёнова, партизанских отрядов и их командиров, таких как В.М. Рогозин, Ф.С. Соснин, П.А. Буланенков, Н.А. Каландаришвили, С. Лазо и др. ФР-329 «Коллекция документов участников социалистического строительства и Великой Отечественной войны» (1920-1971 гг.) состоит из 5 дел и содержит коллекции фотодокументов личного происхождения. Все эти фонды содержат сведения и иллюстративную информацию о нахождении иностранных интервентов на территории Забайкалья.

Таким образом, ГАРБ содержит солидный информационный потенциал по истории гражданской войны и иностранной военной интервенции в Забайкалье. Результаты анализа состава и содержания представленных архивных комплексов свидетельствуют о том, что ценность указанных фондов очевидна, т.к. они являются в ряде случаев единственным письменным свидетельством об истории иностранной интервенции в Забайкалье, и дают возможность историку существенно расширить представление о происходящих событиях. Степень читабельности и сохранности этих документов в источниковедческом плане вполне высокая и может активно использоваться в исторических исследованиях.

Необходимо заметить, что документы нахо-

дятся в «смешанных комплексах» вместе с документами (постановлениями, протоколами, переписками) об организации земельных органов, промышленности, изменении границ уездов и волостей, ремонте электростанций и др. Отличительной особенностью обработки и описания документов по истории гражданской войны и иностранной военной интервенции является то, что дела фондов расположены хаотично, не соответствуют современным архивным требованиям, заголовки не отражают в полной мере содержание самих дел. Используемый корпус документальных свидетельств позволяет констатировать, что архивные материалы в значительной степени отличаются друг от друга происхождением, функциональной направленностью и степенью объективности в освещении изучаемой проблемы. Все это ведет к росту латентной информации, для извлечения которой требуется применение новых методов, а изменение видовой структуры исторических документов ставит перед исследователем проблему тщательного компаративного анализа.

Принимая во внимание высокие информативные возможности архивных документов, как по характеру, так и по содержанию передаваемых сведений, их неповторимости в отражении исторических событий, необходимо отметить, что они, как и другие исторические источники, независимо от своей видовой принадлежности должны быть подвергнуты источниковедческой критике. Ее суть состоит в том, чтобы выявить степень и уровень достоверности и полноты заключенной в них информации, а также определить их реальные возможности в качестве полноценного исторического источника.

Литература

1. ГАРБ. ФР-38. Оп. 1.
2. ГАРБ. ФР-709. Оп. 1.
3. ГАРБ. ФР-709. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.
4. ГАРБ. ФР-9. Оп.1. Д. 28. Л. 2.
5. ГАРБ. ФР-9. Оп. 1. Д. 28. Л. 3об-4.
6. ГАРБ. ФР-360. Оп. 1. Д. 28. Л. 7.
7. ГАРБ. ФР -360. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.
8. ГАРБ. ФР-1593. Оп. 1.

Васильева Светлана Владимировна – доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Бурятского госуниверситета.

Минаева Вера Юрьевна – аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории Бурятского госуниверситета, e-mail: kaf_isto@bsu.ru

Vasilyeva Svetlana Vladimirovna – doctor of historical sciences, associate professor, department of homeland and world history, Buryat State University.

Minaeva Vera Yurevna – postgraduate student, department of homeland and world history, Buryat State University, e-mail: kaf_isto@bsu.ru

УДК 930.25(571.54)

© *Е.Т. Протасов*

Архивные источники по истории становления государственного аппарата Бурятии в 1920-е – 1990-е гг.

Статья посвящена выявлению и анализу документального комплекса письменных источников, освещающих историю формирования и становления номенклатурных кадров и государственных структур в Республике Бурятия.

Ключевые слова: Бурят-Монгольская АССР, народное представительство, Бурревком, Бурисполком, Народный Хурал, письменные источники, характеристика разновидностей, видовая структура документальных комплексов, ГАРБ (Государственный архив Республики Бурятия).

Е.Т. Протасов

Archival sources on the history of formation of the state staff in Buryatiya in 1920-1990

The article is devoted to revealing and analysis of documentary complex of written sources illustrating history of formation and development of nomenclature workers and governmental institutions of the Republic of Buryatia.

Keywords: Buryat-Mongolian ASSR, people's representatives, Buryat Revolution Committee, Buryat Executive Committee, People's Khural, written sources, characteristic of varieties, specific structure of documental complexes, SARB (State Archive of the Republic of Buryatia).

Преобразование системы законодательной (представительной) власти в Российской Федерации и ее субъектах требует научного объяснения на основе исторического анализа прошлого опыта ранее существовавших форм народного представительства. В связи с этим изучение исторического опыта становления и развития органов государственной власти Республики Бурятия в период существования единой республики не вызывает сомнения.

Первым научным опытом обобщения и анализа работы государственного аппарата нового типа стали небольшие исследования [14]. Статьи содержали ряд актуальных для того времени оценок и выводов о специфике государственного строительства в Бурятии. В 1960-1970-е гг. в сибирской историко-партийной историографии формируется направление, целью изучения которого является кадровая политика КПСС. Только в начале 1990-х гг. появляется значительное число работ по истории государственного строительства Бурятии, авторы которых пытаются проанализировать процесс создания госаппарата БМАССР с учетом новых подходов [15]. В этот период происходит переосмысление ранее известных событий. В частности, В.В. Бабаков [1] приходит к заключению, что территориальное объединение областей Бурятии – закономерный и логичный шаг – негативно сказалось на хозяйственном механизме, административном устройстве и системе управления Бурятии, так как буряты не составляли большинства и не занимали сплошной территории. Вместе с

тем за 1917-1919 гг., несмотря на сложную общественно-политическую ситуацию в регионе, была фактически создана и успешно развивалась система национальных органов самоуправления бурятского народа.

Особенности функционирования политической элиты Бурятии в контексте исторического развития бурятского народа рассмотрены в работе А.А. Елаева [10], где анализируется роль различных факторов в процессе государственного строительства. Наряду с современным видением проблем исторического развития бурятского народа автором подробно рассматриваются вопросы развития системы представительных органов власти в республике. Автор подвергает сомнению решающую роль партийной организации на начальном этапе в создании государственного аппарата, так как, по его мнению, в этот период парторганизация сама находилась в стадии становления [11].

Исследование формирования аппарата президентской власти в Республике Бурятия проведено в работе О.Н. Каткова [12]. Автор достаточно подробно и обстоятельно описал компании по избранию высшего должностного лица республики 1994 и 1998 гг., реконструировал психологическую, экономическую и политическую атмосферу выборов. Наряду с анализом причин выбора президентской модели политического режима в республике автор продемонстрировал эволюцию президентской власти в Бурятии 1990-х гг. и представил взаимоотношение законодательной и исполнительной ветвей власти в

Бурятии в изучаемый период.

Несмотря на значительный корпус научной литературы, отражающей различные аспекты становления государственного аппарата власти, как на общероссийском, так и региональном уровнях, следует сделать вывод о том, что в бурятской историографии на редкость мало работ, объектом исследования которых был комплекс вопросов, связанных с историей формирования и становления государственного аппарата власти в Бурятии. Историография конкретных аспектов данной темы остается крайне узкой.

На основе вышеизложенного считаем, что история становления государственных структур и номенклатурных кадров аппарата власти в Республике Бурятия требует более углубленного изучения. Для воссоздания целостной картины формирования и дальнейшего функционирования государственного аппарата и номенклатурных кадров, на наш взгляд, важным является изучение всего совокупного ряда документальных материалов, постижение которых требует взвешенного и непредвзятого подхода. Источниковая база рассматриваемого периода обширна, представлена корпусом опубликованных и неопубликованных материалов. Приступая к характеристике выделенных разновидностей источников, следует отметить, что ни одна из групп не может рассматриваться как самостоятельная основа. Их использование следует проводить комплексно, с учетом постоянных сопоставлений и взаимопроверок.

Основным фондохранилищем архивного комплекса источников заявленной темы стал Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Большая часть материалов по истории формирования и функционирования высшего законодательного органа Республики Бурятия отложилась в фонде Президиума Верховного Совета Республики Бурятия¹, который насчитывает 7332 ед. хр., хронологически охватывает период за 1923-1994 гг.

Основу документального наследия фонда составили проекты законов, Конституций СССР, РСФСР, Бурятской АССР и документы по их обсуждению [3. Д. 2, 4, 53, 55, 65, 67, 68]. Помимо вышеперечисленного в фонде отложились постановления Президиума ВЦИК, СНК РСФСР, Верховного Совета СССР по образованию БМАССР, переименованиям республики, границам и территориям республики, образованию аймаков и сельсоветов, административному Кодексу БМАССР, подготовке и проведению выборов народных депутатов [3. Д. 94, 100, 318, 338, 379, 390, 475, 477, 487, 496].

С 1994 г. высшим представительным и законодательным органом государственной власти Республики Бурятия становится Народный Хурал Республики Бурятия, который был образован на первой сессии Хурала 19 июля 1994 г. Он завершил полномочия бывшего Верховного Совета и деятельность Президиума Верховного Совета Республики Бурятия, стал правопреемником Верховного Совета Республики Бурятия. Возглавляет Народный Хурал Председатель и Совет Народного Хурала. Основная часть документов о деятельности аппарата Народного Хурала РБ отложена в фонде Р-2024, состоящем из 749 ед. хранения и охватывающем период 1994-2002 гг.

В сфере интересов нашего исследования оказались документы законодательного характера: законы, постановления Народного Хурала первого созыва, протоколы заседаний Совета НХ, распоряжения председателя НХ, стенографические отчеты сессий НХ, протоколы заседаний комитетов, протоколы и рекомендации парламентских слушаний, планы работы комитетов, переписка с комитетами Государственной Думы и Советом Федерации, Федеральным Собранием, переписка с Аппаратом Президента и Правительства РБ, письма, заявления, обращения и жалобы граждан, документы (акты, отчеты, справки) о проверке учреждений и организаций Счетной палаты, сметы расходов и штатное расписание, годовые бухгалтерские отчеты [8. Оп. 1. Д. 4, 12, 39, 108, 134, 189, 235, 295, 332].

Для реконструкции внутриноменклатурных отношений органов государственной власти привлекают внимание исследователей документы фондов Бурят-Монгольского представительства при Президиуме ВЦИК РСФСР, которое являлось представительным органом БМАССР при ВЦИК РСФСР в г. Москве и было образовано 1 января 1923 г. В структуру нового органа вошли следующие отделы: административный, промышленности, сельского хозяйства, коммунального хозяйства, строительства, народного образования, торговый, финансовый, бюджетный, транспорта и связи, труда и соцобеспечения. Главными функциями созданного представительного органа являлось исполнение заданий Бурревкома, Бурисполкома, решение вопросов наркоматов; участие в заседаниях, совещаниях по бурят-монгольским вопросам; согласование вопросов с заинтересованными ведомствами, возбуждение ходатайств перед центральными органами. Состав документов фонда представлен в основном делопроизводственными документами организационно-распорядительного

вида: проекты постановлений, приказы, распоряжения, обращения, циркуляции, протоколы совещаний при отделе национальностей, общих собраний представительства о штатах учреждений, предприятий, обслуживании национальных меньшинств, развитии кустарной промышленности БМАССР и др. Всего фонд насчитывает 437 архивных дел и охватывает период с 1923 по 1932 г.

Еще одним важным для нашего исследования источником явился фонд Р-283 «Бурятское представительство в г. Иркутск (Бурпредставительство)». Представительство было образовано 1 сентября 1923 г. и проработало до августа 1925 г. Созданная структура являлась представительным органом западных районов БМАССР (Аларского, Боханского, Эхирит-Булагатского, Тункинского) и ячеек наркоматов Бурятской республики и подчинялась Ревкому БМАССР. В составе представительства находилось 10 чел.: полномочный представитель, его заместитель, назначенный Ревкомом БМАССР; технические сотрудники. Отделы представительства были сформированы следующим образом: уполномоченный отдел Бурнаркомторга, сессия Бурглавсуда, нотариальная контора, уполномоченный отдел Бурнаркомзема и Бурнаркомздрава, отделение Буркоопсоюза. Основные функции Бурятского представительства в г. Иркутск: защита интересов и прав Бурятской республики в целом и отдельных ее граждан в частности; исполнение распоряжений ревкома БМАССР; контроль за деятельностью отдельных учреждений Бурятской республики в г. Иркутске; информирование и инструктаж аймачных учреждений; оказание содействия отдельным гражданам Буреспублики, обращающихся за помощью (юридическая помощь, прием жалоб). Бурпредставительство в г. Иркутске как самостоятельная организация было ликвидировано в конце августа 1925 г. Для рассмотрения вопроса становления государственного аппарата в БМАССР нами привлекались следующие виды делопроизводственных документов: постановления, приказы, распоряжения, обращения, циркуляры, инструкции, положения, протоколы заседаний, планы, а также доклады об организации аппарата, работе подчиненных ему районов, отдельных учреждений, список сотрудников представительства [6. Д. 6, 13, 15, 83, 90].

Особое место в группе документов законодательного характера имеют нормативно-правовые акты. Материалы данной подгруппы позволили изучить особенности нормативно-правового регулирования всех элементов зако-

нодательного процесса в республиках, исследовать взаимодействие законодательного органа республики с центром, а также проанализировать практику реализации права законодательной инициативы республик в Государственной Думе РФ.

Важное значение для характеристики механизма управления, применявшегося для решения дел, связанных с компетенцией отделов аппарата государственных структур республики, имеет использование огромного массива распорядительной и организационно-распорядительной документации делопроизводственных документов, находящихся в Государственном архиве Республики Бурятия. С точки зрения формы, характера и происхождения в делопроизводственной документации для нашего исследования были значительны две из них – распорядительная и организационно-распорядительная документация.

В ходе исследования для характеристики условий функционирования кадров партийного аппарата использовались постановления ЦИК и СНК БМАССР 1923 г., отчеты наркомисариатов, материалы переписки с наркомисариатами о реорганизации аппарата в 1930 г., протоколы заседания коллегии НК РКП от 30.04.1927 г., постановления ЦИК и СНК БМАССР за 1932 г. Указанные документы отложились в фонде Совета Министров Бурятской АССР [2. Оп. 1. Д. 234, 235, 437, 694, 841].

Процесс формирования профессионального облика партийного аппарата можно проследить на основе протоколов заседаний Президиума ВЦИК, ЦИК БМАССР, сессий ЦИК Бурятской АССР, аймисполкомов, выдвижении и регистрации кандидатов в депутаты в местные и союзные органы [2. Оп. 1. Д. 600, 601, 604, 929, 940, 940а, 984, 985]. Стенограммы сессий Верховного Совета БМАССР, отчет правительства БМАССР на IV съезде Советов (1934), бюджеты республики, планы работы президиума и его отделов позволяют выявить взаимодействие руководителей в экономической области. Данный тип архивных источников сосредоточен в материалах фонда Президиума Верховного Совета Бурятской АССР [4. Д. 10, 23, 35, 18, 75, 77]. Также наибольший интерес для представленной темы представляют архивные документы указанного фонда о мероприятиях по всенародному обсуждению проектов конституций, отчетно-выборным кампаниям, коренизации и чистке советского аппарата, борьбе с социальными болезнями, соблюдению социалистической законности, охране общественного порядка [5. Д. 6, 2, 3, 7].

Органом исполнительной власти, обеспечивающим конституционные полномочия Президента и Правительства Республики Бурятия, с 19 июля 1994 г. являлся Аппарат Президента и Правительства Республики Бурятия, а с 25 февраля 1997 г. – Администрация Президента и Правительства Республики Бурятия. В ходе нашего исследования приоритетное значение в изучении стиля и методов управленческой деятельности приобрело изучение формирования и функционирования указанной структуры. Солидный пласт архивных документов данного ведомства представлен в Ф.Р-2028, состоящем из 1461 ед. хр. и охватывающем 1994-2003 гг. Значительный объем фонда занимают архивные материалы комитета государственной службы и кадровой политики, комитета по работе с территориям, комитета по вопросам межнациональной политики, государственно-правового управления, контрольного управления, управления делами Правительства РБ [9. Д. 6, 11, 12, 20, 21, 26, 28, 29, 57, 73, 169, 346].

Таким образом, анализ документального

комплекса, хранящегося в ГАРБ, позволил понять и реконструировать специфику становления номенклатурных и государственных кадров в сложнейший период. Разбор делопроизводственной документации фондов дал возможность рассмотреть организационное обеспечение деятельности конституционных полномочий Президента и Правительства РБ. Проследить процесс взаимодействия с федеральными органами государственной власти и местного самоуправления РБ. Анализ информации о выполнении указов, постановлений, распоряжений Президента и Правительства РБ способствовал выявлению региональных особенностей в деятельности консультативных и совещательных органов при Президенте РБ. Работа с протоколами заседаний и совещаний правовых комиссий позволила нам охарактеризовать реализацию права законодательной инициативы и проследить изменения в организации информационного и правового обеспечения института президентства республики.

Примечание

1. С декабря 1923-1937 гг. Центральный исполнительный комитет БМАССР (БурЦИК), с 1938-1992 гг. – Президиум Верховного Совета БМАССР (с 1958 г. – Бурятской АССР, с 1990 г. – Бурятской ССР), с 26 марта 1992 г. – 19 июля 1994 г. – Президиум Верховного Совета Республики.

Литература

1. Бабаков В. В. Национально-государственное строительство в Бурятии в 1917-1919 гг. – Улан-Удэ, 2012. – 147 с.
2. ГАРБ. Ф. Р-248. Оп.1.
3. ГАРБ. Ф. Р-475. Оп.1.
4. ГАРБ. Ф. Р-475. Оп.2.
5. ГАРБ. Ф. Р-475. Оп.6.
6. ГАРБ. Ф. Р-283. Оп.1.
7. ГАРБ. Ф. 1980. Оп.1.
8. ГАРБ. Ф. Р-2024. Оп.1.
9. ГАРБ. Ф. Р-2028. Оп.1.
10. Елаев А.А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. – Улан-Удэ, 2007.
11. Елаев А.А. Бурятия: путь к автономии и государственности. – М., 1994.
12. Катков О. Н. Формирование президентской власти в Республике Бурятия: дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1999. – 180 с.
13. Кудрявцев Ф.А., Гирченко В.П. От свержения царизма к автономной Бурят-Монгольской АССР // От царской колонии до советской республики / под ред. М. А. Гудошникова, А.И. Убугунэ. – Иркутск, 1933.
14. Санжиев Г. Л. Образование и развитие Республики, ее значение // Республике Бурятия – 70 лет. – Улан-Удэ, 1993.
15. Сордохонов Н.Д. Деятельность Бурятской партийной организации по подбору, расстановке и воспитанию руководящих партийных кадров в период между XXIII и XXIV съездами КПСС: автореф. дис... кад. ист. наук. – Иркутск, 1974.

Протасов Евгений Тарасович, кандидат исторических наук, доцент Бурятской сельскохозяйственной академии имени В.Р. Филиппова, e-mail: protasov-evg@mail.ru

Protasov Evgeniy Tarasovich, candidate of historical sciences, associate professor, Buryat State Agricultural Academy named after V.R. Filippov, e-mail: protasov-evg@mail.ru

УДК 323 (571.5)

© Т.В. Будаева

Материалы по истории переселенческой политики России (начало XX в.)

В статье рассматривается переселенческое движение в Забайкалье в начале XX в., законы, на основе которых происходила крестьянская миграция, а также приводятся архивные данные по землеустройству.

Ключевые слова: переселение, крестьяне, землеустройство, Забайкалье, инородцы.

T.V. Budaeva

Materials on the history of resettlement policy in Russia (the early 20th century)

The resettlement movement in Transbaikalia in the early 20th century as well as legislation which regulated the peasants' migration are discussed in the article. The archival data on land regulation are also given.

Keywords: resettlement, peasants, land regulation, Transbaikalia, indigenous population

До начала XX в. переселение в Восточную Сибирь не носило массового характера, но после издания в 1881 г. «Временные правила для переселения», которые разрешали переселение для всех лиц сельского состояния, и утверждения 13 июля 1889 г. «Правила о переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли», которые с 1892 г. стали распространяться и на Забайкалье, процесс переселения пошел гораздо интенсивней. На их основе были изданы законы: 23 мая 1896 г. «О главных основах поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской», в 1898 г. «Правила о порядке определения земельных наделов и производства поземельно – устроительных работ в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской до 1917 г.».

Столыпинская реформа усилила переселенческое движение в Забайкалье из Европейской России. В 1906 г. для содействия переселенцам были учреждены Комитет по землеустроительным делам и губернские и уездные землеустроительные комиссии, которые состояли в ведении Главного управления землеустройства и земледелия. В 1896 г. было создано Особое переселенческое управление при Министерстве внутренних дел, за счет средств которого строились школы, больницы, церкви, организовывалась перевозка крестьян и их семей, горячее питание, молоко для детей, врачебные пункты и переселенческие участки, выдавались путевые и хозяйственные ссуды, разрешалась бесплатная заготовка леса [11]. Крестьяне, желающие переселиться, отправляли в Сибирь ходока, который зачислял за ними земельные участки. На основании документов о зачислении выдавались проходные свидетельства. Недоимки и выкупные платежи переходили в обязательства общи-

ны, из которой вышли переселенцы, за это община получала земли, оставленные переселенцами. На новом месте крестьяне подавали прошение на имя заведующего подрайоном, в котором говорилось об осмотре местности, выделенной под переселенческие участки, и что данная местность оказывалась вполне удобной для образования нового поселка. Для заселения понравившегося участка необходимо было явиться в канцелярию г. Верхнеудинска с документами, удостоверяющими личность просителя и число душ мужского пола. Денежную ссуду выдавали только по возведении построек и окончательного устройства на участке.

В первые три года переселенцы полностью освобождались от денежных сборов, на следующие три года – наполовину, т.е. через 6 лет с момента заселения крестьяне несли повинности в полном объеме. Согласно ст.3, п.3 Временного правила о переселении сельских обывателей вводилась льгота по отбыванию воинской повинности, переселенцам, достигшим 20 лет, срок службы отсрочивался на три года [4].

Для переезда необходимо было получить проходное переселенческое свидетельство, в котором указывались срок действия, станции, предъявитель, именной список переселяющихся членов семьи мужского и женского полов, кто остался на родине. По прибытии на крупные пункты свидетельство предъявлялось для отметки переселенческому чиновнику, а по прибытии на место назначения – крестьянскому начальнику или его заменяющему для прописки по месту водворения. На оборотной стороне проходного переселенческого свидетельства имелись подробные инструкции:

«1. Настоящее проходное свидетельство может выдаваться лишь домохозяевам, переселяющимся на зачисленные за ними доли на пе-

реселенческие участки или на земли, принявших их по приговорам старожилов обществ.

2. Проходные свидетельства заменяются для переселенцев видом на жительство и должны включать в себя поименный список всех членов семьи с указанием возраста, пола и семейного положения каждого.

4. На основании настоящих проходных свидетельств выдаются удостоверения на удешевленный проезд (четверть стоимости билета 3-го класса по всем железнодорожным дорогам) от станции, ближайшей к месту жительства переселенцев, до станции, ближайшей к месту нового водворения.

5. По удостоверению на удешевленный проезд можно получить билет или накладную только в течение того срока, на который оно выдано, и лишь для следования между теми станциями, которые указаны в удостоверении.

6. Переселенец, не использовавший удостоверения на удешевленный проезд в течение срока его действия, может беспрепятственно заменить его новым у того же должностного лица для проезда в другой срок.

7. Перевозка переселенцев, имеющих удостоверения на льготный проезд, производится в вагонах 4-го класса, а при недостатке последних – в особо приспособленных для сего товарных вагонах – теплушках в поездах, предназначенных для переселенцев.

9. Переселенческая кладь грузиться в одном поезде с самим переселенцем и оплачивается по весу, по одной сотой коп. с пуда и версты. Перевозка зерна по льготному тарифу в количестве более 10 пудов на каждое лицо не допускается.

11. Продовольствуются за свой счет. Помощь при заболеваниях, горячая пища и молоко для детей до 10-летнего возраста только на переселенческих пунктах, на тех станциях, где имеются для этого врачи или фельдшеры и особые кухни для переселенцев.

12. Больные с заразными болезнями, обнаруженные в поездах, удаляются с них и помещаются в больницы, остающимся при них родным выдаются особые разрешения на продолжение пути по льготному тарифу» [3].

Согласно тем же «Временным правилам» образованные поземельно – устроительные партии должны были создавать переселенческие и запасные участки для будущих поселенцев из фонда казенных земель. Процесс землеустройства предварялся проведением обследований хозяйственной деятельности и землепользования коренных народов. Переселенческие участки довольно часто граничили с землями бурятского

населения, и не всегда соседство это носило дружелюбный характер. В случаях массового недовольства и сопротивления «инородцев» работы приостанавливались. Из докладной Верхнеудинскому уездному начальнику «инородцы Харганатской инородческой волости стараются воспрепятствовать новоселам, водвориться на переселенческом участке». Так, местные буряты выкосили траву на участке, выделенном переселенцам, тогда последние «предпочли выкосить некоторые луговые пашни. Узнав об этом, инородцы умышленно выгнали на эти места скот и лошадей в несколько дней и вытоптали и стравили всю траву» [1]. Жалоба бурятского населения на переселенцев из прошения уполномоченного от инородцев Аракижинского общества Ж.Д. Зодбова на имя военного губернатора Забайкальской области «из земель фактического пользования моих доверителей, а отчасти из постоянных угодий запроектировано три переселенческих участка. Жилые строения новоселов расположены на весьма близком расстоянии от зимников инородцев не более 100-150 сажен, сенокосы соприкасаются, изгороди между владениями не установлено. Скот инородцев попадает на земли переселенческого участка, такой скот новоселы забирают и взыскивают с инородцев потраву в весьма высоком размере, обещают калечить скот. Инородцы полагают, что переселенцы как пришлый элемент, нарушивший владения инородцев, сами должны заботиться об ограждении своих владений. Устройство изгороди не должно лежать на обязанности инородцев как коренных жителей и без того потерпевших некоторые лишения отчуждением у них под переселенческие участки не только земель фактического пользования, но и отчасти постоянных их угодий» [4]. Иногда сами крестьяне не могли найти общий язык друг с другом, таких примеров больше всего наблюдалось на Бага-Горхонском участке. Из заявления А. Павлинова заведующему Верхнеудинским переселенческим подрайоном следовало, что его обвинили воров (якобы украл корову) и обещали застрелить. Жена Т. Кислякова, у которого и пропала корова, «накануне угрожала моей жене, что убьют мое дитя, а вы его не найдете, затем у меня оказалась убита корова» [5]. Донесение от временно назначенного старосты п. Бага-Горхон: ... один из переселенцев «взял берданку и пытался застрелить крещенного инородца О. Решикова, когда он заготавливал дрова из валежника». При сходе виновник происшествия некий Подцепня объявил, что «никаких законов не признаю и застрелил бы его» [6].

Для хозяйствования переселенцев на выделенных участках производился осмотр для устройства колодцев. Одновременно чертежники поземельно-устроительных партий производили перепись построек, инвентаря и хозяйства новоселов. Переселенцы часто покупали юрты у бурят: «В. Зоновым куплена и перевезена на усадьбное место юрта размером 10 на 10 аршин для постройки теплой сундучной мастерской. У Петра Угодникова построена изба из старой бурятской юрты размером 8 на 8 аршин, высота внутри 1 сажень, русская печь из обожженного кирпича, печь и кирпич своей работы. У Михаила Жилова построена изба из старой бурятской юрты 7 на 6» [2].

Некоторым крестьянам отказывали в заселении на переселенческие участки, причинами были, например, что крестьянин подавший прошение о зачислении за ним долей проживал в Тобольской губернии, т.е. в Восточной Сибири, следовательно, он не мог претендовать на зем-

лю, поскольку переселение было предназначено для крестьян из Европейской России [3]. Иногда уже от выделенных участков приходилось отказываться, например, на прошение крестьян Матвеевых о переселении было получено предписание «из-за имеющихся протестов инородцев предоставить весь участок бурятам» [7]. Мещане, желающие получить землю, могли это сделать, если предоставят удостоверение о том, что лично занимались земледелием.

Столыпинская реформа увеличила число желающих переселиться в Забайкалье, большую роль в этом сыграло и строительство Сибирской железной дороги. С 1896 г. в Иркутской губернии стали создаваться переселенческие участки, в начале XX в. крестьянская миграция была самой многочисленной за всю историю страны, в т.ч. благодаря правительству: льготы, денежные ссуды, помощь в дороге, землеустроительные работы, дешевый железнодорожный проезд, бесплатный лес для строительства и др.

Литература

1. ГАРБ. Ф. 148, оп. 1, д. 1, л. 8.
2. ГАРБ. Ф. 148, оп. 1, д. 1, л. 19.
3. ГАРБ. Ф. 148, оп. 1, д. 1, л. 23.
4. ГАРБ. Ф. 148, оп. 1, д. 1, л. 33.
5. ГАРБ. Ф. 148, оп. 1, д. 1, л. 126.
6. ГАРБ. Ф. 148, оп. 1, д. 1, л. 129.
7. ГАРБ. Ф. 148, оп. 1, д. 1, л. 136.
8. ГАРБ. Ф. 148, оп. 1, д. 6, л. 3.
9. Скляр Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. – Л., 1962.
10. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.). – СПб., 1999. – Т. 2.
11. Храмов А. А. Земельная реформа в Сибири (1896-1916 гг.) и ее влияние на положение крестьян. – Барнаул, 1994.
12. История Сибири. – Л., 1968. Т. 3.
13. Сибирские переселения: документы и материалы / отв. ред. М. В. Шиловский. – Новосибирск, 2003. – Вып. 1. С. 165.

Будаева Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова, e-mail: tan.budaeva@gmail.com

Budaeva Tatyana Vladimirovna, candidate of historical sciences, associate professor, department of history, Buryat State Agricultural Academy named after V.R. Filippov, e-mail: tan.budaeva@gmail.com

Героический эпос бурят как мифопоэтическая основа тэнгрианской религии

В статье содержатся результаты анализа мифопоэтической основы тэнгрианской религии бурят, особое внимание уделяется героическому эпосу, в частности Гэсэриаде. Рассматривая истоки культа священных гор, а также героического эпоса бурят-монголов как одного из основных источников тэнгрианской религии, автор выявляет этногенетические корни бурят-монгольского тэнгрианства, определяет его как локально-региональный вариант гунно-булгарского, саяно-алтайского «тэнгризма», который одновременно стал монгольским вариантом «Белой веры», называемой также «бурханизмом».

Ключевые слова: мифопоэтическая основа, тэнгрианская религия, культ священных гор, саяно-алтайский «тэнгризм», героический эпос.

N.V. Abaev

Heroic epic of the Buryats as a mythopoethic basis of the Tengrian religion

The article provides the results of the analysis of the mythopoethic basis of the Tengrian religion of the Buryats, special attention is paid to heroic epic, in particular to Geseriada. Considering the cult of sacred mountains and the heroic epic of the Buryat-Mongols as one of the main sources of the Tengrian religion, the author reveals ethnogenetic roots of the Buryat Mongol Tengrianism, defines it as a locally regional version of the Hun-Bulgarian, Sayan-Altai «Tengrism» which simultaneously has become the Mongolian version of «the White Faith», also called as «Burkhanism».

Keywords: ethnogenetic roots, the Tengrian religion, cult of sacred mountains, the Sayan-Altain «Tengrism», heroic epic.

В трудах многих авторитетных ученых – Д.С. Дугарова, С.Ш. Чагдунова, Т.М. Михайлова, Д.А. Бурчиной и других отмечается, что героический эпос бурят, в первую очередь Гэсэриада, объединившая многие народы Центральной и Внутренней Азии (тибетцев, тангутов, монголов, тувинцев и др.), сказочным героем которых был Гэсэр, стал основным источником тэнгрианской религии, особого религиозно-философского и этического учения «тэнгризма». Когда мы говорим «источник», то имеем в виду не только письменный «первоисточник», т.е. свод священных текстов или канонических произведений (как, например, Библия, Коран, буддийские сутры и трактаты, произведения Лаоцзы и Чжуанцзы), большинство которых излагает философию своего Учения в письменной форме, а имеем в виду прежде всего характерную для тэнгрианства своеобразную эпическую форму устного народного творчества.

И такая форма изложения религиозных идей полностью соответствует сугубо народному характеру и духу этой религии и ее специфической мифопоэтической форме, содержащей в себе и адекватно передающей слушателю мощную энергетику «небесной» религии, которую, как и эпос Гэсэр, создал не какой-то Великий Учитель или проповедник, а сам народ, выразивший свои думы и чаяния о высшей справедливости и счастливой жизни, о мироздании и универсальной духовной силе Небесного Бога Тэнгри.

Иначе говоря, эпос Гэсэр является и Библией,

и Кораном этой сугубо народной религии, которая была теснейшим образом связана с народным бытом и с окружающим ландшафтом, ключевыми элементами которого были священные горы и источники, реки и озера. Поэтому горы Таряты, Улаан, Удагтай и другие объекты тэнгрианского культа упоминаются и в трудах Т.М. Михайлова, С.П. Балдаева, Д.С. Дугарова, М.Н. Хангалова, а также других маститых бурятских ученых, которые при этом отмечали, что многие священные горы приангарских бурят связаны с предшествующими монгольской эпохе периодами Тюркских и Уйгурского каганатов, особенно с курыканами, предками сахаураанхайцев (якуты), а также с уйгур-урянами Транс-Саянии.

Так, название горы Удагтай явно связано с тюркско-уйгурским «ыдыгтыг» («священный»), которое имеется в языке потомков древних телеуигуров Саяно-Алтая, в том числе восточносаянских уйгур-урянов (тувинцев, сойотов, хакасов, тофаларов). Вместе с тем бурят-монгольское «улаан» несомненно связано с названием священной горы протомонгольского племени ухуань – Чишань, которое означает «красная» (ср. гору Чесан в Кижингинском аймаке Бурятии). У подножия горы Улаан местные буряты из деревни Ехэ-Ялга, принадлежащие к булагатским родам онхотой, онгой, хогой, которые произошли от общих предков, трех братьев (соответственно Онхотой, Онгой, Хогой), потомков самого Булагата, пришедших сюда из

окрестностей горы Байтог (от тюрко-уйгурского «Бай-таг» – «Священная гора»), совершали самый главный общественный тэнгрианский молебен – тайлган, тоже связанный с культом гор и добрых «западных» небесных божеств-тэнгриев, возглавляемых Гэсэром, сыном Хормуста-тэнгри, верховного солнечного божества сибирских скифо-ариев (тув. Курбусту, алт. Корбустан, древнеарийский Ахура-Мазда, более поздний вариант Хормазд, от которого происходит название «Народ Хор», т.е. «Народ Солнца», «Солнечный народ», «Дети Бога-Солнце»). Тайлган – это был настоящий большой праздник для всего родоплеменного коллектива, с танцами, стрельбой из лука, борьбой, конными скачками и т.д. В связи с саяно-алтайскими, теле-уйгурскими «тюркскими» и скифо-сибирскими («ираноязычными») топонимами и этнонимами бурят-монголов, имеющих отношение к тэнгрианской обрядности, следует отметить прежде всего корневую основу «тай», которая несомненно присутствует в слове «тайлган» и обозначает обряд поклонения Небу («тайы») на священной горе, а также саму гору («тау», «тайга»).

В другой стороне от этих священных гор (Улаан и Удагтай), в самой дальней, «верхней» части Улейской долины, имеется остроконечный конусообразный холмик, называемый Орголи и образовавшийся от земли, которую Гэсэр якобы стряхнул с наконечника своей стрелы. Мифологическая основа этих топонимов находит буквальное подтверждение в фундаментальном коллективном труде «Буряты» из серии «Народы и культуры» (Москва: Наука, 2004), изданном под редакцией Л.Л. Абаевой и Н.Л. Жуковской. Так, В.Ш. Гунгаров и Н.Л. Жуковская в связи с топонимическими легендами и преданиями бурят отмечали: «Образование рек, озер, горных перевалов связано с именем главного героя бурятского эпоса Гэсэра. Например, в погоне за Лобсогоддой-мангадхаем Гэсэр проезжал через водораздел рек Иды и Осы, его конь сделал выбоины на хребте и образовались озера Оншоо и Доншоо. Когда Гэсэр очищал стрелу от земли, образовалась гора, Орголи. Все эти места находятся в Иркутской области» [Буряты, с. 266].

Наряду с почитанием Гэсэра, главного культурного героя бурят, гора Орголи была несомненно связана и с общемонгольским культом священных гор, одним из главных, универсальных и ключевых тэнгрианских культов, воплотившем в себе древнейшие космологические, религиозно-мифологические представления об Axis Mundi (Ось Мира), сакральной вертикали, пронизывающей все мироздание и соединяющей

Небо-Отца с Матерью-Землей [4]. Универсальное значение культа гор в монгольском тэнгрианстве обуславливалось тем, что каждая священная гора, пусть даже самая маленькая (или вообще представленная камнем, скалой, небольшой пирамидальной кучкой камней, называемая монголами и забайкальскими бурятами «обо», а тюркоязычными народами Транс-Саянии – «оваа»), символизировала Мировую Гору как вертикальный космический центр Вселенной, соединяющий все три главные равновеликие космические сущности – Небо, Земля, Человек.

Сакральное значение горы Орголи и всей прилегающей местности усиливалось тем, что неподалеку находился священный источник (булаг), возле которого совершался родовой обряд жертвоприношения «зүхэли», заключавшийся в том, что шкура жертвенного животного вместе с головой и ногами насаживалась на длинный березовый шест, закрепленный комлем в земле, причем голова, увешанная разноцветными лентами, с втиснутой в зубы пихтовой корой, была направлена в сторону восхода солнца, в чем проявляется связь с древнеарийским культом Солнца, сохранившимся в тэнгрианской религии как у тюрков, так и у монголов. Этот обряд у монголов Чингисхана считался столь важным для поддержания и укрепления генеалогической линии его «золотого», т.е. «царского, рода» (алтан ураг), что от него отстраняли тех сородичей, родословная которых вызывала какие-то сомнения.

Как и священные горы и источники, березовые шесты с жертвенными животными зүхэли служили своеобразными маркерами сакральной этнической территории, наглядными средствами сакрализации самой Матери-Земли – главной святыни бурят, тесно связанной с почитанием Хухэ Мунхэ Тэнгри (Вечно-Синее Небо), его сына «светлого» солнечного божества Эсэгэ Малаан-Тэнгри, «мудрого отца-небожителя» и старшего божества из класса добрых «светлых» западных тэнгриев – Хормуста-тэнгри, небесным сыном которого и считался Абай Гэсэр-Хубуун, хотя он был рожден земными родителями, как и Чингисхан.

В этом также можно усмотреть тэнгрианский смысл обряда зүхэли, поскольку он должен был поддержать идею небесного происхождения «золотого рода» и его генеалогические связи с древнейшими царскими (ханскими, каганскими) родами гуннов-хунну, скифо-ариев (племенное название сака), тохаров, уйгур-уряхов, тюрков Ашина и тугю, а также жужаней, ухуаней и сяньбийцев – непосредственных предков монголов.

Важно подчеркнуть, что «Белая вера» алтайцев и хакасов, этногенетически связанная с «религией ариев» (кстати, это словосочетание можно буквально перевести «белая вера») и в этноконфессиональном отношении представляющая собой более древний вариант последней, является также более древним вариантом монгольского тэнгрианства или, по крайней мере, его религиозно-философских, метафизических основ. Академики Л. Дашням и Ш. Бира считают, что тэнгрианство как национальная религия западных бурят представляет собой локальный и региональный вариант гунно-алтайской традиции евразийского тэнгрианства.

Следуя этой точке зрения, мы обнаружили у осинско-боханских бурят этноконфессиональные традиции, восходящие к хорско-гурскому субстрату гунно-булгарского племени басмилов, которое стало этническим ядром булагатского союза племен. В Приангарье существовало даже тэнгрианское государство Бома («пегие лошади»; бур.-монг. алагуй), которое в VII в. стало известно при Танском дворе как «Владение Бома». Его связь с саяно-алтайскими племенами «хоров» (гуры), потомков сибирских скифо-ариев, очевидна и проявилась в этнониме-эпониме «Хор» – «Хорай» – «Хонгорай», ставшем метаэтнонимом Саяно-Алтайских народов и восточно-тибетских «хоров», а также хоро-монголов и хоро-якутов. Кроме того, предки булагатов басмилы были непосредственно связаны с протоболгарами, в свою очередь, этногенетически связанными с сибирскими скифо-ариями, от которых и происходит название Хакасии – Страна Солнца (Хорай//Хонгорай).

В этнокультурной традиции ираноязычных скифо-ариев термин «хор» происходит от имени Бога- Солнце, вообще символизирующего мужское начало (эр, эрэ, ир, ар, ур: ср. Ра, Ярило), и включает в себя целый ряд религиозно-мифологических, космологических и метафизических понятий: космический вселенский круг, небесный круг, бесконечность, вечность, вечный циклический коловорот времени, календарный круг, безграничная пустота и т.д. Как символ солнечного, небесного дневного света, который является диалектической противоположностью ночной тьмы, теоним «Хор» вошел также и в более общее обозначение светоносного, небесного, мужского начала «Небо-Тэнгри», состоящего из двух корнеслов тэн//тан//тянь (ср. слав. «день») и хор-гар-гур-гар-гор.

Эта религиозно-философская концепция была зафиксирована в имени общего Верховного Бога древних скифо-ариев, иранцев, согдийцев и

«туранцев», в том числе бурят-монголов – Хормуст-Тэнгэри, одного из главных действующих лиц в героическом эпосе «Гэсэр», который вообрал в себя и соединил мифопоэтические и религиозно-космологические традиции как тюрко-монгольских и ираноязычных (скифо-сакский круг этносов), так и тибетцев, тангутов и других народов Центральной и Внутренней Азии. Теоним «Хор» вошел также во многие этнонимы народов Саяно-Алтая, особенно Транс-Саянии и Циркумбайкалии (хакасский метаэтноним Хорорай//Хонгорай, бурят-монгольские этнонимы хонгодор, хори-тумат, хурхууд, гуран, дагур, хуннусский «хун-горай»//хунгар, а также саяно-алтайские, тюркские и монгольские этнонимы «уйгур», «урянь», теонимы Курбусту, Корбустан, айракан//Хайрхан//Хайракан//Хээраган//Хайыракан, скифо-арийский и иранский теонимы Хормазд//Урмаздэ//Ахура-Мазда//Ормузд и т.д.).

Рассматривая синергетическую роль и функции духовно-культурных факторов (в частности, тэнгрианства) в процессе саморегуляции сложноорганизованных систем, каковой являлась «кочевая» цивилизация, следует иметь в виду, что высокий уровень самоорганизации в «кочевых» обществах сохраняется и в период перехода к имперским формам государственности, в которых стремление к жесткой централизации в руках верховного правителя (кагана, хана, царя) диалектически сочеталось и совмещалось с тенденциями к саморегуляции на более «низких» уровнях властеотношений, где сохранялись общинные формы самоуправления.

Появление в Центральной Азии имперских государственных образований с соответствующими институтами высшей власти и формирование «тэнгризма» как идеологии преимущественно монотеистического характера или тяготеющей к монотеизму и подавляющей изначальные политеистические интенции народной религии тюрко-монголов мы рассматривали как кооперативный, синергетического типа процесс, вызванный к жизни не столько ролью внешних факторов, сколько обусловленный существенными изменениями в культурно-историческом бытии традиционных обществ.

Важнейшим критерием цивилизации вообще, в том числе и «кочевнической», является наличие качественно определенной духовности, выходящей за пределы своей первобытности (а затем и этничности), приобретаая в процессе развития институционально оформленный интерэтнический, надплеменной или наднациональный характер, присущий таким национально-государственным (имперским) и мировым рели-

гиям, как тэнгрианство, которое еще в глубокой древности, по крайней мере, в эпоху хунну (III в. до н.э.) или даже ранее, в период возникновения древнеарийской «кочевой» цивилизации в начале 3-го тысячелетия до н.э., получило распространение по всей центральной части Евразии.

Тибетоязычные, скифо-сакские, тюркские и монгольские народы Центральной Азии и Саяно-Алтая в своем историческом развитии прошли, как и многие другие народы мира, все известные этапы. В процессе перехода к цивилизации они сформировали и государственные образования в различных исторических формах, многоукладность натуральных хозяйственных систем, создали руническую и многие другие формы письменности, а также претерпели трансформацию системы традиционного религиозно-мифологического мировоззрения, которая привела к переходу от архаичных, ранних форм религии (анимизм, тотемизм, магия, «шаманство» и др.), т.е. от первобытности к формам, характерным именно для «кочевой» цивилизации.

К ним относится прежде всего утверждение в традиционном мировоззрении тюрко-монгольских народов в качестве системообразующего элемента тяготеющей к монотеизму религии, получившей в научной литературе наименование «тэнгрианство» (тюрк. Хан-Тигир, Тангара, Кудай-Дээр, Тэнгри, Тэнгрихан; монг. – Тэнгэр, бур.-монг. Тэнгэри – «Небо», «Небесный Бог», «Всевышний», «Верховный Бог-Отец»). Соответствующую тэнгрианской религии идеологию принято называть «тэнгризмом», и мы тоже допускаем этот термин как некую общепринятую условность, осознавая, что никаких «измов» в то время на Востоке не существовало вообще, а то, что на Западе стало называться «религиозной идеологией», было принято называть «Учением», «Путем», «Законом» и т.д. Поэтому по-русски название этой общей тюрко-монгольской религии, которая стала господствующей национально-государственной религией гуннов-хунну, более грамотно было бы обозначать термином «тэнгрианство».

Наиболее глубокие корни тэнгрианства мы обнаруживаем в космогонических мифах тюрко-монгольских народов, в которых отчетливо прослеживается борьба упорядоченного космического начала против изначального хаоса и деление всех вещей и явлений, всех противоборствующих сил на дуальные пары противоположностей, в основе которых лежит так называемая

двоичная классификационная система.

Таким образом, в процессе исторического развития у предков тюрко-монголов, в том числе у гуннов-хунну, сяньбийцев, скифо-ариев и других, складывается дуальная религиозно-мировоззренческая система (Небо-Отец – Мать-Земля) как специфическая форма социальной самоорганизации (упорядочение «объективного» в сознании на уровне субъективного духа). Из первоначального космического хаоса рождается определенный порядок, складывается картина религиозно-мировоззренческой упорядоченности и связанная с ней упорядоченность социального и природного бытия.

В скифо-сарматский период в Центральной Азии и Саяно-Алтае, когда возникают самые ранние государственные образования «кочевников», различные формы тэнгрианства, в том числе и так называемая религия ариев (самая известная из них – древнеиранский зороастризм), приобретают характер национально-государственных религий. Тюрко-монгольское тэнгрианство имеет тесные историко-генетические связи не только с «религией ариев» (древних иранцев, скифо-ариев Саяно-Алтая, саков и согдийцев Средней Азии и Восточного Туркестана, индо-ариев и др.), но и с религиозными верованиями древних шумеров, тибетским бон, китайским культом Неба (тянь), японским синтоизмом, «авраамическими религиями» Передней Азии и т.д.

Судя по имеющимся источникам, предки тюрков и монголов – гунны-хунну имели весь набор цивилизационных признаков (признаков критериального характера). К ним относились формы государственности; стремящаяся к высококоразвитому монотеизму религия – тэнгрианство; дипломатическая традиция с идеологическими компонентами в своем содержании; рунические и другие письменные системы; монументальная архитектура и скульптура; частная собственность на скот как главное богатство в обществе кочевников-скотоводов; система властных отношений в форме традиционного господства (отношения господства и подчинения – один из характерных признаков цивилизации); постепенно самоусложняющаяся стратификация общества; многоукладное натуральное хозяйство, включавшее в себя и использование монет во внешнеторговых отношениях; города земледельческих стран, интегрированных в результате завоеваний в кочевнические общества и другие.

Литература

1. Абаев Н.В. «Тэнгрианство» и «Ак Чаян» как духовно-культурная основа кочевнической цивилизации тюрко-монгольских народов Саяно-Алтая и Центральной Азии // *Mongolica*. – 2004. – Vol. 15 (36).
2. Абаев Н.В. Особенности этноэкологических традиций бурят // Буряты. – М., 2004.
3. Абаев Н.В. О некоторых тэнгрианских эпонимах, этнонимах и политонимах монголов // Социальные процессы в современной Западной Сибири. – Горно-Алтайск, 2012. – Вып. 13. – С. 3-5.
4. Абаева Л.Л. Культ гор и буддизм в Бурятии. – М., 1992.
5. Бира Ш. К изучению истории культа ТЭНГРИ у монголов // Тэнгризм ба монголнууд. – Улаанбаатар, 2011.
6. Дашням Л. Отражение воззрений монголов о Тенгер в «Сокровенном сказании монголов» // Тэнгризм ба монголнууд. – Улаанбаатар, 2011.
7. Абаев Н.В., Аюпов Н.Г. Тэнгрианская цивилизация в духовно-культурном и геополитическом пространстве Центральной Азии. – Абакан: Март, 2009. – Ч. 1.
8. Абаева Л.Л. Небо и Земля как сакральные и пространственные маркеры у скифов и в этнокультурных традициях народов Центральной Азии и Саяно-Алтая // Вестник Восточного государственного университета. Сер. 16. Политология, культурология. – 2004. – Вып. 1. – С. 180-187.
9. Абаева Л.Л. Этническая культура монгольских народов в контексте буддийских традиций и современной науки // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 6. Философия, социология, политология, культурология. – 2011.
10. Аюпов Н.Г. Натурфилософия тэнгрианства // Тэнгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (9-10 октября 2013 г.). – Улан-Батор, 2013. – С. 38-44; МФиТ. – URL: tenrifund.ru.
11. Байжумин Ж. История рождения, жизни и смерти пастуха Авеля. Арийский лексикон. – Алматы, 2009. Кн. 1. – 368 с. Кн. 2. – 352 с.
12. Бурятские народные сказки. – Новосибирск, 1993.
13. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. – Тбилиси, 1984. – Т.2.
14. Дугаров Д.С. Исторические корни белого шаманства. На материале обрядового фольклора бурят. – М., 1991.
15. Дугаров Д.С. К проблеме происхождения хонгодоров // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1993.
16. Иванов В.В. Тохары // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. – М., 1992.
17. Котожеков А.И. «Алтын Арчол» как понятие высшего пути в тэнгрианстве // Тэнгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (09-10 октября 2013 г.). – Улан-Батор, 2013. – С. 179-187.
18. Котожеков А.И. Проблемы изучения Тенгри в аспекте мировоззренческой культуры // Тэнгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (9-10 октября 2013 г.). – Улан-Батор, 2013; МФиТ. – URL: tenrifund.ru
19. Павлов Е.В. Семантика хоринского этногонимического мифа. К этимологии этнонима «Хор» // Угай Зам. – 2011. Спецвыпуск. – №32, нояб.
20. Скрынникова Т.Д. Типология традиционной культуры монгольских народов // Мир Центральной Азии. – Улан-Удэ, 2002. – Т.3.

Абаев Николай Вячеславович, доктор исторических наук, профессор Бурятского госуниверситета, e-mail: kol-bugra@yandex.ru

Abaev Nicholas, Doctor of Historical Sciences, Professor Buryat State University, kol-bugra@yandex.ru

УДК 93

© А.А. Кружалина

Христианизация аборигенного населения Сибири (вторая половина XIX в.)

В статье отражены проблемы, с которыми сталкивались сибирские духовные миссии, динамика процесса христианизации сибирских аборигенов, а также перспективы последней в оценках корреспондентов «Иркутских епархиальных ведомостей» и «Томских епархиальных ведомостей».

Ключевые слова: Сибирь, XIX век, сибирские аборигены, христианизация, епархиальная печать

A.A. Kruzhalina

Christianization of native population of Siberia (the second half of the XIX-th century)

The article highlights the problems which faced the Siberian spiritual missions, the dynamics of the process of Christianization of the Siberian natives, as well as prospects of the latter in the estimations of the correspondents of «Irkutsk diocesan statements» and «Tomsk diocesan statements».

Keywords: Siberia, XIX-th century, the Siberian natives, Christianization, diocesan printing.

Широкомасштабная акция по освоению необъятных просторов Сибири, стартовавшая в XVII в., в XIX в. обрела всепоглощающий характер. Стремительное продвижение русских на просторы Сибири и Дальнего Востока в рамках стратегии Российского правительства по инкорпорации окраинных территорий дополнялось широко развернувшимся миссионерским движением, направленным на христианизацию инородческого населения региона.

Многочисленные этнические группы Сибири, обозначаемые единой категорией «инородцы», находились на разных уровнях социально-экономического развития. Во многом их жизненный уклад обуславливался системой взглядов и верований, передаваемых из поколения в поколение, а также нормами обычного права. Последние зачастую отличались от основ морали, привычных для российского христианского общества. В связи с массовым притоком в регион русских, а также в результате осуществления широкомасштабной политики инкорпорации региона в общеимперскую систему коренные народы Сибири подверглись всестороннему влиянию русского христианского населения. XIX век относится к периоду активной миссионерской деятельности в регионе. По всей Сибири осуществляли миссионерскую деятельность как организованные миссии (Иркутская, Забайкальская, Амурская и т.д.), так и отдельные проповедники христианского учения. Вопросы «христианизации» находились в тесной взаимосвязи с вопросами развития системы образования (повышение уровня грамотности среди инородцев, открытие школ для инородческого юношества и т.п.).

Статистические сведения, публикуемые епархиальными ведомостями губернских центров, свидетельствуют о том, что процесс христианизации инородцев протекал хоть и медленно, но относительно стабильно. Вместе с тем качество работы, проделанной каждым отдельным миссионером, значительно отличалось: как в силу специфики личности последнего, так и в результате объективных причин. В общем же от каждой миссии ежегодно прибавлялось примерно по 300-700 новокрещенных инородцев. Для примера приведем данные Алтайской духовной миссии за 1880 год. В соответствии с последними данными за год сотрудниками миссии был крещен 301 инородец, причем «на долю двух кузнецких миссионеров пришлось новообращенных почти две трети общего числа (196), тогда как прочие миссионеры бийского крестили немного более одной трети (105)» [26, с. 258]. Той же миссией были обращены в христианство в 1881 и 1882 гг. 739 инородцев [27, с. 210] и

427 инородцев [22, с. 278] соответственно.

Очевиден тот факт, что более подробно отражены данные проблемы в официальных епархиальных изданиях. В контексте нашего исследования мы использовали «Иркутские епархиальные ведомости» и «Томские епархиальные ведомости». Количественный подсчет публикаций по теме христианизации инородческого населения подтверждает устойчивый интерес корреспондентов епархиальных ведомостей к данной проблеме («Иркутские епархиальные ведомости» – в среднем по 15-20 публикаций в год; «Томские епархиальные ведомости» – в среднем по 8-10 публикаций в год). Однако следует отметить, что к числу выделенных в результате анализа статей относятся в основном отчеты миссий, записки корреспондентов фактического характера, статистические сообщения о новокрещенных инородцах. Авторами большинства статей по проблеме христианизации были сами сотрудники миссий, отдельные миссионеры.

Тематика статей, невзирая на их зачастую излишне формализованное выражение, довольно разнообразна. Это отчеты, этнографические записки миссионеров, очерки о национальных праздниках, о постепенном проникновении христианских верований и праздников в быт инородцев, распространившихся у некрещенных инородцев «на всякий случай» христианских обрядах, неприятии ламаистами миссионеров и новокрещенных инородцев, чудотворном действии учения Христова на новокрещенных инородцев, о том, как распространение христианства способствует повышению общего уровня грамотности инородческого населения и т.д.

В результате анализа отобранных статей удалось выделить основные проблемы, которые, по мнению авторов, препятствовали широкому распространению христианства среди инородческого населения Сибири.

Прежде всего это всяческое противодействие, а в некоторых местностях и активное противостояние лам, шаманов и просто местного населения. Наиболее острое сопротивление миссионеры отмечали у бурят, тогда как, например, нарымские остяки, а также тунгусы вполне охотно принимали христианскую веру. Так, по данным одного миссионера (конец XIX в.), «все инородцы Нарымского края – христиане», хотя подлинными сведениями о времени крещения последних язычников этого района автор не обладает. Но факты, приведенные им, подлинно свидетельствуют о глубоком проникновении христианского учения, обрядов и традиций в жизнь нарымских остяков. Так, например, последние знают все «важные праздники, называют их русскими именами, а для некоторых есть

особые народные названия. Так, праздник Рождества Христова называется у них Колета. ... есть и другое название: Торым-котыл – Божий день. ... Пасха называется Христос или валгым котыль, ... Троица – Ливана пирьнальта котыль (букв. – с ветвями молиться день). ... Петров день – Васик питта котыль (буквально утки летят день)» [15, с. 23-25]. Вторые, «не удерживаемые никакими внешними препятствиями, ни от начальства, которое крещено, ни от ламства, от которого спаслись благодаря своей бедности и непроходимой горной тайге, они [тунгусы] охотно идут ко крещению. Только трудно отыскать их в непроходимой местности и бродячая жизнь служит препятствием к приведению всех их в единое стадо Христово» [3, с. 148].

Действительно, кочевой образ жизни большинства инородцев сильно препятствовал возможному их приобщению в «лоно христианства». Иногда миссионеры неделями и месяцами пытались добраться до кочующих стойбищ инородцев, бывало, что совсем безрезультатно: «опять отправились разыскивать на удачу стойбища орочен. Сперва направились к озеру Баунту (в 50 верстах), где они чаще всего бывают, но здесь не оказалось ни одной юрты. Отправились вниз по реке Цын, проехали верст семьдесят, но и здесь их не было. ... В мае дошел до миссионера слух, что на реке Сиво стоят орочен и между ними есть язычники. Немедленно поспешил он туда, но там уже не застал их; они откочевали неизвестно куда» [1, с. 339-340].

В случае с киргизами, кроме труднодоступности миссионерской проповеди, мешало также широкое распространение магометанской веры. В результате киргизы в основной своей массе «враждебно смотрят на переход своих соплеменников в христианство, и лишь только прибежит к миссионеру из степи киргиз для крещения, как тотчас на улице поселка является ватага киргизов, всюду рыскающих, чтобы словить бежавшего и умчаться в степь» [11, с. 2]. Однако подобная ситуация характерна не для всех представителей этого степного народа, в чем сам автор убедился по прошествии некоторого времени его пребывания среди киргизов. Подобная практика дала ему право заключать, что есть киргизы, которые «не только не чуждаются миссионера, благовенствующего им слово спасения, но и принимают его охотно и почтительно. Пусть будет в этом приеме выражаться то общее гостеприимство, которое так обычно у степняков, но уже то отрадно, что, принимая миссионера как гостя, киргизы в то же время слушают внимательно и предлагаемую им беседу. По-

следнее не имеет места в обычае или приличии киргизов по отношению к гостю» [12, с. 10].

«Носовые же чукчи (живущие на Чукотском носу), по свидетельствам миссионеров, наоборот, мало имеют искреннего расположения к христианству, хотя всегда готовы к крещению, даже без убеждения, за какой-нибудь ничтожный подарок» [13, с. 172-173].

Нередко корреспонденты-миссионеры сообщают о фактах следующего характера, препятствующих крещению у бурят: «буряты чужались нас, изыскивали случаи уехать из улусов на целый день и более, а некоторые относились к нам [миссионерам] очень враждебно» [24, с. 444]; «ложно настроенные людьми неблагонамеренными, имеющими выгоду держать народ в тьме суеверия, а ныне, может быть и по дикости, буряты нередко бегут при первой встрече с миссионерами» [3, с. 143]; «оглашаемые учением евангелия инородцы до того выказывают сопротивление призыванию, до того иногда ожесточаются, что готовы или прогнать миссионера, или сами бежать от него; и убегают, гонимые невидимой силою» [17, с. 221]; «ламы для поддержания своего суеверия постоянно распускали слухи о полученных будто ими указах с предписанием запрещать бурятам принимать христианскую веру и тому подобное» [6, с. 267]. Вообще, по единому мнению корреспондентов «Епархиальных ведомостей», «назойливость и дерзость лам весьма вредит живущим в кочевьях христианам» [4, с. 565]. А по сообщению иеромонаха Паисия, «куда бы он ни отправился с проповедью, всегда предшествуют ему и сопровождают его ламы, чтобы предостерегать от убеждений бурят и истреблять все посеянное миссионером» [2, с. 161].

Проанализировав ситуацию с инородцами на Алтае, корреспондент «Томских епархиальных ведомостей» приводит целый список мер, которыми языческие власти пытались «преследовать новокрещеных инородцев», а именно: «крестившихся возвращали в стойбища некрещеных, где... доводят до забвения христианства; пытками принуждали их отречься от христианства, заставляли есть идоложертвенное; иногда в присутствии полицейского чиновника срывали с христиан кресты и плевали на них; позволяли себе в присутствии новокрещеных смеяться над воспринятой ими святой верой; кощунствовали над святыми иконами; угрожали разорением церкви; разлучали супругов, отбирали у мужей жен; крестившихся лишали общественных должностей, отбирали у них имущество; жестоко наказывали розгами и нагайками, морили го-

лодом, подвергали пыткам ...; взыскивали с новокрещеных излишние подати» [14, с. 8-9]. Подобным преследованиям, по заверениям автора, подвергались как крестившиеся, так и содействовавшие крещению других. Поэтому вполне не удивительно, что многие инородцы, будучи готовыми принять христианство, отказывались, поясняя это тем, что «когда крестятся камбо и ламы, крестимся и мы» [28, с. 268]. А другие, крестившись, обрекали себя на незавидную жизнь. Так, по сообщению миссионера Ф. Альбицкого, встретившийся ему новокрещеный бурят Арманов, вызвавший его содействовать ему в деле проповеди, не справился с задачей, так как «по принятии им христианства они [некрещеные буряты] возненавидели его, так что трудно было ожидать чего-нибудь для христианства от его влияния на инородцев» [9, с. 100].

Вместе с тем очень часто проблема принятия христианства являлась серьезной внутрисемейной проблемой, так как «случалось встречать бурят, давно расположенных к христианству, даже перенесших много оскорблений за свои убеждения и все еще остающихся некрещеными, потому что или переселение было бы для них разорением, или не могут убедить креститься свое семейство» [5, с. 141]. Случалось, что семья отворачивалась от новокрещеного, оставляя его на произвол судьбы. В подтверждение приведем лишь несколько наиболее ярких примеров: «Новокрещеная А. Б-ва была покинута своими родственниками на произвол судьбы» [8, с. 373]; «Каждый раз, когда Назрыт, увлекаясь силою благодати ко Христу Спасителю, высказывала перед мужем [служителем дацана] желание свое и просила у него дозволения принять святое крещение, была жестоко увечена за свое исповедание христианской веры; а при покушении жены отправиться к миссионеру для принятия крещения фанатик-хворок с яростью бросался, как тигр на жену свою, таскал ее за косы по юрте, бил во что попало, ... что измученная Назрыт давала клятву мужу умереть в ламском суеверии» [20, с. 221].

Еще одним обстоятельством, препятствующим активному распространению христианства среди инородцев, особенно в Западной Сибири, на Алтае, стало значительное присутствие переселившихся туда раскольников, которые еще «при самом начале [Алтайской] миссии встретили недружелюбно православных благовестников». Так как «число их в Сибири все умножалось», то у авторов статей, посвященных Алтайской миссии, возникало беспокойство, что «должно возрасти и вредное значение их по от-

ношению к православным и язычникам, а все это требовало и потребует особых трудов от тех же миссионеров в противовес этому вредному влиянию» [26, с. 255], так как «раскольники живут смешанно с крещеными инородцами и оказывают на них весьма неблагоприятное влияние. Отношение их к православным до того враждебно, что они уничтожают всякую меру терпения последних». А миссионерам, как следствие, приходится обращать язычников в христианство «ценою продолжительных убеждений и объяснений превосходства христианства пред язычеством, ценою тех нравственных мучений, которые уже невольно рождались антагонизмом раскольников» [10, с. 2-3].

Не менее остро стояла проблема социально-экономического существования новокрещеных инородцев в привычной языческой среде. Специфически негативное восприятие бывшими соплеменниками в своей среде новокрещеного инородца (особенно у бурят) толкало его либо к уходу, выселению из привычных мест обитания, либо превращало его в некоего мученика. «Понятие о вере как о всем народном быте со всею его обстановкою, обыкновенное у всех младенствующий народов, у бурят – шаманцев и ламайцев – могло сложиться и вследствие местных обстоятельств, потому что доселе всякий крещеный бурят выселялся из своего улуса к русским и делался русским не по вере только, но и по всему образу жизни; и вы сделали бы тяжкое оскорбление крещеному буряту, назвавши его бурятом, а не русским. Переселение это делается сколько по естественному расположению, с переменою веры, переменить и жизнь, сколько же и по нужде. Крещеный бурят среди некрещеных есть всегдашний исповедник, если не мученик, особенно среди ламского населения, и самая бдительная и благонамеренная полиция не может защитить его от притеснений бурятских начальников и простых бурят» [5, с. 140]. Безусловно, последнее суждение несколько гипертрофированно, однако подобные случаи имели место быть. Подтверждение этого находится уже в самих основах азиатского права: «Владение землей обуславливается силою человека, и земли, раз захваченные сильными, переходят к их потомкам как законное наследие; христиане со дня крещения большею частью выходят из языческих семейств, к которым принадлежали и с которыми пользовались землею. Как же им теперь получить земли? Опять по милости язычника – тайши или языческого общества: в степных законах ничего не найдут в свою пользу» [6, с. 270]. Вместе с тем на уровне государ-

ственного законодательства вопрос улучшения быта новокрещенных инородцев, предоставления им каких-либо льгот не находил широкого отражения, за исключением предоставления трехлетней льготы от платежей и податей, предоставляемой всем новокрещеным, вне зависимости от этнической принадлежности [29].

Бывали также случаи, когда вопрос престижа, высокого социального положения противостоял стремлению принять христианство; в подобном случае предпочтение зачастую отдавалось первому. Так, один корреспондент «Иркутских епархиальных ведомостей» сообщает, что знакомый ему еще ранее верхоленский бурят Номогоев всегда считался «не только грамотным, но и очень рассудительным инородцем; читал книги, имел понятие о христианстве и даже был расположен к принятию христианства»; но не соглашался долгое время принять христианство, аргументируя это тем, что этот факт могли сочти «за домогательство должности тайши». Однако когда ему посчастливилось вступить в управление, «он сделался сам, ради удержания за собою власти, гонителем расположенных к христианству в своем ведомстве. Презревший ради шаманистов христианство, получил достойную мзду от самих шаманов» [16, с. 180-181].

Миссионеры проявляли всяческие старания, чтобы привлечь и удержать в вере Христа новокрещенных инородцев: строили церкви и храмы в инородческих поселениях, проводили беседы с некрещеными и новокрещеными инородцами, «во время поездок по инородческим улусам учили их кратким молитвам, убеждали твердо хранить православную веру, объясняли Символ Веры и десятословие, изложенные на монгольском языке, рассказывали жизнеописания угодников божьих, в особенности всеми инородцами чтимых святителя Николая и мученицы Параскевы, и в некоторых юртах служили молебны с водосвятием» [7, с. 774]. Однако влияние «языческих предрассудков», из поколения в поколение передаваемых примет, сказаний, обычаев, которые шли вразрез с официальным христианским учением, всячески препятствовало распространению православной веры среди инородческого населения.

Весьма затрудняло распространение христианства и отсутствие глубоких знаний учения у новокрещенных инородцев, которые могли бы сами стать распространителями учения в привычной им среде. В связи с этим важно было, чтобы христианские проповеди и богослужения проводились на родном для инородцев языке.

Так, например, миссионеры Алтайской духовной миссии с самого начала «вели богослужение на местных языках» [23, с. 387]. Однако подобные меры полностью не стабилизировали ситуацию в регионе. И проблема вовсе не в отсутствии у инородцев желания постигать учение, «новокрещенные инородцы внимают с послушанием проповеди евангельской, с покорностью относятся ко всему, что от них требуется в отношении к христианской жизни; но по своей неразвитости, в особенности те, которые живут в большом разобщении с русскими, они с трудом воспринимают понятия христианской веры и жизни. Это неудивительно, потому что проявление их прежней религиозной жизни до крещения выражалось не более, как в приложении соединенных вместе ладоней ко лбу и поклонам, а религиозные познания ограничивались, и то не у всех, некоторыми суеверными бессвязными сказаниями» [18, с. 245].

Вместе с тем, как показал опыт «обучения вере до крещения, согласно правилам, встречается множество затруднений», «угрозы и притеснения со стороны начальства, насмешки и прижимки соседей, умаливания и слезы родных, все соединяется для того, чтобы остановить в решимости принятия христианства человека, еще не утвержденного в вере благодатного крещения» [2, с. 164]. Многие миссионеры активно использовали «расположение к грамотности» в интересах своей практической деятельности: снабжали желающих обучаться грамотности инородцев «священными и другими благочестивого содержания книгами» [19, с. 262].

Стараниями периодической печати второй половины XIX в. было акцентировано внимание сибирской общественности на ключевых проблемах региона, к числу которых относились вопросы политического, экономического, а также социокультурного характера. Положение и нужды сибирских инородцев входили в круг вопросов, интересовавших региональные периодические издания, о чем свидетельствует довольно обширный комплекс статей по данной тематике. Многие из них были посвящены проблеме развития системы образования в регионе, а также вопросам повышения уровня грамотности среди представителей отдельных национальных групп региона. Так или иначе мнения сибирских корреспондентов сходились в следующем: русскому человеку не только по силам приобщить сибирских инородцев к позитивным благам цивилизации, но, более того, это их прямой долг. Вопрос заключается лишь в том, какие методы избрать для достижения положительно-

го и так долгожданного всей прогрессивной сибирской общественностью результата. Ответ на этот непростой вопрос вновь находим в сибирской прессе: «Цивилизовать их можно, но действительной силой знания, а не игрушками. Здесь нужно много такта, умения и способностей со стороны самих цивилизаторов». Последние, как это зачастую случалось в Сибири, не выказывали стремления соответствовать подобным характеристикам, основываясь на сухой бюрократической необходимости.

Проблемы и перспективы развития «инородцев» Сибири волновали многих представителей общественной мысли 19-го столетия, по неволе оказавшихся в Сибири. Все они с сочувствием и уважением относились к коренному населению Сибири. Все публикации в сибирской прессе проникнуты сочувствием, а также стремлением к позитивному реформированию системы управления «инородцами», их социально-экономического положения и т.п.

Наконец, неценимо то влияние, которое оказали статьи представителей русской демократической мысли на инородцев. В то время, когда инородцы чувствовали зоркое око властей и все увеличивающийся гнет со стороны имперского правительства, именно последними было сказано то высокое и авторитетное слово защиты, столь необходимое инородцам Сибири.

Резюмируя материал по проблеме христианизации сибирских инородцев, следует акцентировать внимание на ряде существенных особенностей. Прежде всего налицо тот факт, что процесс христианизации протекал в регионе неравномерно, что зависело от ряда обстоятельств. К последним отнесем влияние местной элиты, многовековых национальных традиций и семейных устоев, экономической и социальной выгоды, раскольнического элемента и т.д. «Отсюда происходит, – по материалам «Томских епархиальных ведомостей», – что где означенные неблагоприятные причины имеют меньше силы, там переход в христианство совершается удобнее, прежде всего там именно, где непосредственные власти инородческие, оставаясь в язычестве, равнодушно относятся к этому переходу или сами уже перешли в христианство; где наступает период обращения влиятельных личностей, там смелее идут с ними робкие, нерешительные; где по близкому соседству с крещеными или вследствие проживания в услужении у

них инородцы издавна присмотрелись и привыкли к русскому образу жизни, там и переход в христианство совершается как бы сам собою; вообще же – где некрещенные живут не вдалеке от миссионера и от церкви, имеют возможность чаще встречаться с первыми и бывать в последней, видеть христианское богослужение, слышать христианское пение, там меньше дичатся миссионера, привлекаются обрядами христианского богослужения и трогаются священным пением, особенно совершаемым на их родном языке» [25, с. 256].

Еще одна существенная особенность исследуемой проблемы заключается в тесной взаимосвязи процессов христианизации с развитием и совершенствованием системы начального и среднего образования у инородческого населения. Официальная корреспонденция в лице «епархиальных ведомостей» видела совершенствование этих двух процессов в тесной взаимосвязи друг с другом, но лишь настолько, «насколько [это] может способствовать собственно-христианскому просвещению инородцев, которое должно во всяком случае стоять на первом плане» [21, с. 4]. В светской печати чаще рассматривался последний вопрос как самостоятельная острая проблема современности, предлагалось всяческое как личное, так и общественное содействие ее решению. Специфической квинтэссенцией высказанных идей является стремление сибирских корреспондентов к развитию и совершенствованию системы образования у инородческого юношества, с сохранением национальных культурных традиций, но через преодоление этнических предрассудков и пережитков родового строя.

Довольно детально в сибирской печати рассматривались вопросы христианизации коренных народов Сибири. Как официальные, так и частные издания активно обсуждали проблемы и трудности, с которыми сталкивались православные миссионеры в регионе; вели дискуссии о пользе и вреде христианизации как таковой, делая основной акцент на специфической модели восприятия мира, сложившейся у коренных народов Сибири, что не позволяло им свободно и открыто воспринять основы христианства; вносили свои предложения по совершенствованию миссионерской деятельности с учетом этнических особенностей каждой конкретной группы населения региона.

Литература

1. Забайкальская духовная миссия. Баунтовский стан // Иркутские епархиальные ведомости. 1868. № 42.
2. Забайкальская духовная миссия // Иркутские епархиальные ведомости. 1866. № 13.
3. Забайкальская духовная миссия в 1866 году (Продолжение) // Иркутские епархиальные ведомости. 1867. № 13.
4. Забайкальская духовная миссия в 1868 году (окончание) // Иркутские епархиальные ведомости. 1868. № 52.
5. Забайкальская миссия (письмо из посольского монастыря) // Иркутские епархиальные ведомости. 1863. № 11.
6. Забайкальская миссия. Пятое письмо из Посольского монастыря // Иркутские епархиальные ведомости. 1864. № 15.
7. Забайкальская православная миссия в 1870 году // Иркутские епархиальные ведомости. 1871. № 44.
8. Записки забайкальского миссионера иеромонаха Милетия за 1864 год (окончание) // Иркутские епархиальные ведомости. 1865. № 23.
9. Записки забайкальского миссионера священника Ф. Альбицкого // Иркутские епархиальные ведомости. 1866. № 8.
10. Записки миссионера Алтайской духовной миссии, Кебезенского отделения, священника Сергея Ивановича за 1889 год // Томские епархиальные ведомости. 1890. № 12.
11. Записки миссионера Киргизской миссии священника Филарета Синьковского за 1887 год // Томские епархиальные ведомости. 1888. № 11.
12. Там же. 1889. № 9.
13. Извлечение из отчета о состоянии Камчатской Епархии в 1868 году // Иркутские епархиальные ведомости. 1869. № 14.
14. Инородческий вопрос на Алтае // Томские епархиальные ведомости. 1885. № 5.
15. Инородцы Нарымского края // Томские епархиальные ведомости. 1890. № 8.
16. Иркутское отделение духовной миссии (окончание) // Иркутские епархиальные ведомости. 1867. № 22.
17. Иркутское отделение духовной миссии (продолжение) // Иркутские епархиальные ведомости. 1867. № 19.
18. Иркутское отделение духовной миссии (продолжение) // Иркутские епархиальные ведомости. 1867. № 20.
19. Иркутское отделение духовной миссии (продолжение) // Иркутские епархиальные ведомости. 1867. № 21.
20. Миссионеры Тункинского ведомства // Иркутские епархиальные ведомости. 1868. № 30.
21. Несколько слов о православном миссионерстве вообще и на Алтае в особенности // Томские епархиальные ведомости. 1884. № 3.
22. О миссиях Томской епархии, Алтайской и Киргизской в 1882 году (продолжение) // Томские епархиальные ведомости. 1883. № 10.
23. Там же. 1883. № 13.
24. Отчет о миссионерских занятиях посольского иеродиакона (ныне иеромонаха) Мелетия, за вторую половину 1862 года // Иркутские епархиальные ведомости. 1863. № 28.
25. Отчет об Алтайской духовной миссии за 1880 год (окончание) // Томские епархиальные ведомости. 1881. № 17.
26. Отчет об Алтайской духовной миссии за 1880 год (продолжение) // Томские епархиальные ведомости. 1882. № 8.
27. Там же.
28. Отчет о миссионерских действиях за первую половину 1864 года забайкальского иеромонаха Вениамина (окончание) // Иркутские епархиальные ведомости. 1864. № 48.
29. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 440. Л. 2.

Кружалина Анастасия Алексеевна, кандидат исторических наук, Иркутский государственный университет, e-mail: kliokru@gmail.com

Kruzhalina Anastasiya Alekseevna, candidate of historical sciences, Irkutsk State University, e-mail: kliokru@gmail.com

УДК 2(091)(571.55)

© Е.В. Дроботушенко

Особенности развития религиозной ситуации в Читинской области (1970-е гг.)

Статья посвящена попытке выделения характерных черт развития религиозной ситуации в Восточном Забайкалье (Читинская область) в 70-е гг. XX в. с учетом отсутствия научных публикаций по заявленной проблеме. Основу исследования составили документы Государственного архива Российской Федерации.

Ключевые слова: религия, православие, буддизм, церковь, дацан, уполномоченный, Совет по делам религий, Восточное Забайкалье, Читинская область.

E.V. Drobotushenko

Features of the development of religious situation in the Chita region in the 1970s

The article is devoted to the attempt to highlight the characteristic features of the development of religious situation in Eastern Transbaikalia (the Chita region) in 70s of the 20th century, taking into account the absence of scientific publications on the stated problem. The documents of the State archive of the Russian Federation have contained the basis of the research.

Keywords: religion, Orthodoxy, Buddhism, church, datsan, the authorized official, the Council for Religious Affairs, Eastern Transbaikalia, the Chita region.

1970-е гг. в истории Восточного Забайкалья остаются своеобразным «белым пятном», причем во многих аспектах. Можно попытаться выделить причины возникновения такой ситуации. Наше предположение заключается в том, что данное время для ученых 80-90-х гг. XX в. еще не было историей, для поколения же исследователей 90-х – начала 2000-х гг. не всегда может быть интересным предметное поле исторического исследования. Может возникнуть вопрос: «Почему малоинтересным?». Вероятно потому, что в рамках советской идеологической парадигмы в рассматриваемое время не было каких-либо серьезных изменений в историческом развитии. Можно говорить о промышленном или сельскохозяйственном строительстве, что потребует работы со статистическими данными. Подтверждением сказанному могут являться «Очерки истории Забайкальского края» (в первом издании – Читинской области) [10]. Правда, помимо истории развития промышленности и сельского хозяйства кратко характеризуется история культурного строительства в данное время. Для постсоветской исторической науки, на наш взгляд, данная тематика менее интересна, чем, скажем, история казачества, история православия или какие-то иные аспекты. В то же время при наличии значительного, постоянно возрастающего интереса к истории религий, главным образом к истории Русской православной церкви, исследований ее развития в 70-е гг. XX в. нет. Здесь причина для нас очевидна. Это сам процесс ее развития, который в рамках государственной религиозной политики в Читинской области протекал достаточно вяло. С другой стороны, до недавнего времени были закрыты архивы, в фондах которых хранятся документы, дающие представление об истории развития того или иного религиозного учения.

Религиозная ситуация в советское время в Восточном Забайкалье не нашла на сегодняшний день серьезного отражения в научных публикациях.

Религиозная ситуация – это совокупность элементов религий в определенное время в определенной стране или регионе. К ее характеристикам можно отнести количество институциональных религиозных структур, количество верующих и священнослужителей, отношение к той или иной религии групп в обществе и индивидов, особенности взаимоотношений власти и религиозных организаций. Таким образом, это целый комплекс факторов. Религиозную ситуацию относительно просто оценить в демократических государствах, основой политики которых

являются идеи гражданского общества, либеральные ценности и законность. Очевидно, что возникает сложность при характеристике таковой в советское время. Она предопределена сложностью определения отношения общества и индивида к той или иной религии. Здесь при рассмотрении отношения индивида и общества к религии в отличие от государства, где имеется свобода совести, вероисповедания и деятельности религиозных организаций, невозможно определить стопроцентно истинную картину. Социологические опросы не проводились, религия не поощрялась. Для историка показателем здесь станут косвенные факты: официальное количество храмов, часовен, молитвенных домов, число священнослужителей и прихожан.

Характеристику религиозной ситуации в регионе можно дать с опорой на материалы Государственного архива Российской Федерации. Документы, дающие представление о религии в регионе, относятся к фонду Р-6991.

Информация о религиозных организациях и особенностях развития религий на территории Читинской области в 1970-е гг. содержится в статистических отчетах уполномоченных Совета по делам религий при Совете Министров СССР. Они представлены в ГАРФ по отдельным республикам. Отдельные дела содержат отчеты по субъектам РСФСР. Как и за более ранний период времени, отчеты по Читинской области имеются не за все годы. Сохраняется с предыдущего времени и еще одна черта – краткость отчетов уполномоченных Совета по Читинской области. В отличие от иных регионов РСФСР, отчеты по Восточному Забайкалью содержали краткую информацию с отсутствием текстовых пояснений или каких-либо характеристик. Ранее мы уже предположили, что уполномоченные Совета по делам РПЦ, затем Совета по религиозным культурам в Восточном Забайкалье работали не очень хорошо. Это выражается в качестве отчетов, в наличии их за разные годы. В архивных документах иногда встречаются фамилии уполномоченных. Так, известно, что в 1970 г. им являлся И. Кириллов. Иногда отчеты сдавали секретари областного исполнительного комитета. Так, в 1976 г. отчет отправлен в Москву секретарем Н.Е. Сухановой [3, л. 51; 5, л. 130-134].

В начале 70-х гг. XX в., согласно статистическим данным, на территории Читинской области наибольшее развитие получили православие и буддизм, его северная ветвь – ламаизм. Это закономерно, так как данные религиозные учения на территории региона были основными относи-

тельно долгое время. Существовали на территории области официально зарегистрированные институты Русской православной церкви и Центрального духовного управления буддистов (ЦДУБ). В 1970 г. зарегистрированы православная церковь в г. Чите и один буддийский храм в пос. Агинское. Официально зарегистрированных православных священников было 2, а буддийских – 10 чел. Членов Исполнительного органа православных – 6, буддистов – 12 чел. Всего православных верующих – в пределах 800 чел. Данных по количеству буддистов не встречено [3, л. 51].

Из архивных источников также известно, что на территории Читинской области действовала секта. В статистических отчетах не оговаривается, какого вероучения, но по упоминаниям в некоторых иных документах можно предположить, что это евангельские христиане-баптисты. Причем, согласно статистике, данная организация была официально зарегистрирована в органах власти. При этом не говорится о культовых зданиях, служителей нет, но зарегистрировано три священника. Иных сведений не приводится [3, л. 51].

В отчетах отдельной строкой выделялась «основная религиозная обрядность». Данная графа содержит информацию о всех обрядах, официально зарегистрированных религиозных сообществах. За 1970 г. всего по Читинской области было проведено 85 крещений, из них 65 – детей дошкольного возраста, 20 – совершеннолетних. «Религиозных браков» не зарегистрировано, «очных религиозных похорон» – 32, «заочных» – 1487 [3, л. 52].

Ситуация с количеством церквей и дацанов не изменилась и позже. Так, в 1976 г. на территории Читинской области были официально зарегистрированы одна православная церковь и один дацан, соответственно три и семь служителей культа. Однако значительно увеличилось число православных, принявших крещение. За год общая цифра составила 276 крещений, из них детей дошкольного возраста – 66, школьного – 37, совершеннолетних – 82. Увеличилось по сравнению с началом 70-х гг. XX в. количество отпеваний, очных было – 90, заочных – 1634. Если ранее не регистрировалось венчаний, то в 1976 г. их было три [5, л. 130-132].

Интересные данные приводятся о возрасте и уровне образованности священнослужителей. Священники РПЦ: один – до 40 лет, второй – от 41 до 60, дьякон – от 41 до 60. Образование светское среднее у одного священника и дьякона, начальное светское – у второго священника, духовное начальное – у одного священника и

дьякона. Буддийские священнослужители (ламы) – семь человек старше 60 лет, имеют начальное светское и начальное духовное образование [5, л. 133-134]. Говорить здесь о Русской православной церкви сложно, так как в регионе было всего два священника и один дьякон, а возраст и образование буддийского духовенства оценить можно. Вывод всего один – нет молодых священнослужителей и священнослужителей с духовным образованием выше начального. Однако при этом определенное развитие буддизма на территории Читинской области в 1970-е гг. было. Вероятно, для сравнения следует охарактеризовать финансовое состояние религиозных организаций православных и буддистов, так как иных данных пока не обнаружено. Так, в 1976 г. приход РПЦ получил поступлений – 91 458 руб. при расходе за год 84 949 руб. Дацан имел приход в 612 000 руб., а расход – 157 000 руб. Как можно понять из цифр, православная церковь располагала значительно меньшими денежными средствами, чем буддисты Восточного Забайкалья [5, л. 133].

При анализе архивных источников складывается устойчивое ощущение того, что наиболее активно в 70-е гг. XX в. на территории Восточного Забайкалья развивался буддизм. Помимо институциональной составляющей – количества священнослужителей и финансового состояния религиозной организации, буддисты встречали на читинской и агинской земле буддийские делегации иных стран. Так, в 1976 г. в г. Чите и с. Агинское находилась Лаосская делегация буддистов – 5 человек [6, л. 1].

Отметим, что отчет 1976 г. не содержит данных по иным, кроме православия и буддизма, вероучениям. Вероятно, можно сделать предположение, что на территории Читинской области в начале 70-х гг. XX в. распространилась деятельность организации «Свидетели Иеговы». Об этом свидетельствуют косвенные данные, так как информации в статистических отчетах по данному вопросу нет. Однако в литературе приводятся некоторые сведения о приверженцах данного вероучения, которые в первой половине 70-х гг. покинули Восточное Забайкалье и переселились в иные регионы страны. Так, на территорию Житомирской области Украинской ССР переселились А.И. Соколовская, 1913 года рождения, которая находилась на территории Читинской области на поселении, А.П. Федотов, 1906 года рождения [2]. Сам факт отъезда, а до этого нахождения одного из названных в Восточном Забайкалье на поселении, не говорит о том, что «Свидетели Иеговы» получили в ре-

гионе распространение. Однако в приведенной автором книги о житомирских иеговистах справке говорится о том, что, приехав на территорию области, они являлись «иеговистами», что дает возможность сделать предположение о том, что они не отходили от веры, проживая в Читинской области.

Следует упомянуть факт, который косвенно свидетельствует о слабом развитии ислама в Читинской области в 1970-е гг. Совет по делам религий в 1979 г. направил в регионы письмо с требованием предоставить информацию о праздновании Курбан-Байрама. В Читинской области таких данных не было, как, впрочем, и в соседних регионах – Бурятской и Якутской АССР [8, л. 38].

Объемное дело, которое содержит информацию о религиозных организациях адвентистов седьмого дня, лютеран, иудеев, евангельских христиан-баптистов за 1979 г., не содержит вообще никакой информации как по Восточному, так и по Западному Забайкалью [8, л. 1-46].

В архивных документах встречаются данные, напрямую не связанные с характеристикой религиозной ситуации в регионе, однако даются дополнительные материалы о развитии религиозной сферы. Так, относительно начала 70-х гг. XX в. встречаются упоминания об отсылке в регион «Законодательства о религиозных культурах». Целью данной рассылки было восполнение имеющихся пробелов в знании региональными властями нормативной базы, регламентирующей деятельность религиозных организаций. Данная рассылка была осуществлена не в первый раз. Это было дополнительное издание сборника. Предопределили же его перевыпуск и рассылку вопросы от уполномоченных Совета по делам религий из регионов [4].

Интересной, на наш взгляд, характеристикой особенностей истории религий на территории региона является описание обсуждения священнослужителями и верующими проекта новой Конституции (1977). Известно как минимум об одном собрании служителей культа. Ламы Агинского дацана официально на одном из собраний обсудили проект конституции. При этом перед ними выступил уполномоченный Совета по делам религий. Собрание полностью одобрило проект Конституции, а также внутреннюю и внешнюю политику Коммунистической партии СССР и Советского правительства. Вообще в одном из писем Читинского областного исполнительного комитета в Совет по делам религий отмечается, что большинство верующих принимают активное участие на собраниях трудящих-

ся в обсуждении проекта Конституции, на собраниях трудовых коллективов и по месту жительства и одобрительно относятся к проекту Конституции [7, л. 1].

В литературе можно встретить рассуждения о том, что значительный вред развитию православия в 60-е гг. принесли церковные реформы Н.С. Хрущева. А.Н. Марченко называет их крупными антирелигиозными мероприятиями власти в постсоветское время. Согласившись с общей оценкой реформ, выдвинем предположение, что они не повлияли на изменение ситуации с православием в регионе. Развития в Читинской области в советское время (несомненно, имеется в виду период после 1943 г.) православие не получило. Те незначительные элементы в Восточном Забайкалье, которые были, не претерпели, да, наверное, и не могли претерпеть сколь угодно серьезных изменений в силу своей слабостью развитости. В то же время отметим значительное, на наш взгляд, число православных крещений. При общем количестве православных верующих, к примеру, в 1970 г. 800 чел., было крещено 85 чел., основная масса из них дети, а в 1979 г. крещено уже 276 чел. Очевидно, что данный факт свидетельствует о том, что, несмотря на антирелигиозные действия властей, количество православных увеличивалось. Мы не даем оценки, насколько реально верующими они были, но сам факт является показательным.

Из-за отсутствия развернутой информации о деятельности религиозных организаций на территории Читинской области в рассматриваемое время сложно воссоздать реальную картину существования и трансформации той или иной религии. При этом данных по православию и буддизму больше. Упоминание о иных вероучениях отрывочно. Очевидно, что отсутствие научных исследований проблематики и незначительный на сегодня объем архивных данных позволяют говорить о том, что требуется дальнейшая работа по изучению истории религий на территории Восточного Забайкалья в советское время.

Анализ ряда документов Государственного архива Российской Федерации, относящихся к 80-м гг., позволяет сделать еще один вывод, только вначале несколько изменится ситуация с отчетностью по вопросам религиозности в Читинской области. Появятся переписки уполномоченного с руководством Совета по делам религий в г. Москве, пояснительные записки по отдельным вопросам и соответственно появится информация о тех вероучениях, которые мы пока не можем четко описать относительно 70-х гг. XX в., и более подробная информация о право-

славии и буддизме [9].

Литература

1. Бережко К. История Свидетелей Иеговы на Житомирщине. Регионально-историческое исследование: в 4 ч. // Документы и факты. Презумпция невиновности. – Ч. 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://roman142.blogspot.ru/2012/01/4.html> (дата обращения: 09.03.2014)
2. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 306. Т. 3.
3. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 364.
4. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 884.
5. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 1009.
6. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 1212.
7. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 1548.
8. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 2609.
9. Очерки истории Забайкальского края / под ред. И.И. Кириллова, Н.В. Гордеева. Т. 1-2. – Чита: Экспресс-издательство, 2009. – 440 с.

Дроботушенко Евгений Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, ЗабГГПУ, e-mail: kaf_ist@bsu.ru

Drobotushenko Evgeny, candidate of historical sciences, assistant professor of political science, ZabSHPU, e-mail: kaf_ist@bsu.ru

УДК 2-63 (571.54)

© С.З. Ахмадулина

Солнцеклонничество, или «Методика оздоровления по Эллэ Аят»

С статье отражена проблема дискуссий относительно природы происхождения и содержания движения «Эллэ Аят» как религиозной организации, или методики оздоровления. Автор рассматривает историю возникновения, сущность метода саморазвития и открытия сознания Ф. Абдуллаева. Приводится сопоставление метода включенного наблюдения с существующей оценкой официальных экспертов по проведению религиозноведческой экспертизы.

Ключевые слова: Эллэ Аят, движение, Республика Бурятия.

S.Z. Akhmadulina

Sun worship, or «Method for health improvement by Elle Ayat»

The article raises the problem of the discussions concerning the nature of the origin and content of «Elle Ayat» movement as a religious organization, or health improvement techniques. The author considers the history of the rise, the essence of the F. Abdul-layev's method of self-development and consciousness opening. The method of included observation is compared with the current official estimation of experts for religious expertise.

Keywords: Elle Ayat, movement, Republic of Buryatia.

Современная религиозная ситуация в регионе уникальна. На протяжении нескольких столетий здесь успешно сосуществуют различные религиозные верования и религии – шаманизм, буддизм, православие, древлеправославие, ислам, иудаизм. Одной из уникальных особенностей нашей республики является не только «религиозное и национально-культурное ассорти», но и синкретизм. Один человек может практиковать разные религии, при этом одновременное обращение к шаману, посещение дацана или церкви является обыденным – это позиция, которая устоялась не только в поведенческих характеристиках, но и в сознании людей.

Наряду с сохранением устойчивых позиций традиционных конфессий возникают новые религиозные движения и культы [1, с. 66-67], воз-

рождаются древние языческие представления в форме неоязычества. К примеру, за г. Улан-Удэ в районе «Верхняя Березовка» на одном из протекающих лесных ручьев расположено деревянное изображение солнца, олицетворяющего, по мнению неоязычников¹, бога древних славян Ярило – рядом надпись «монетки не бросать – это русский Бог». Впрочем, приставка «нео» становится обыденным явлением применительно не только к религиозным, но и к общественно-политическим, социокультурным, историческим процессам.

Другой важной особенностью является особая популярность движений и организаций, связанных с саморазвитием и самосовершенствованием человека как личности, элементами самооздоровления. Ярким примером может служить

движение «Эллэ Аят», предлагающее метод самооздоровления и открытия сознания.

Одним из вопросов, который стоит перед автором, является определение сущности «Эллэ Аят» как религиозной организации, или методики самооздоровления. Для этого обратимся к истории происхождения движения. Создано оно было в конце 1980-х гг. в Казахстане Фархатом Мухамедовичем Абдуллаевым и определено как «метод самооздоровления и саморазвития». Содержательные характеристики предложенного метода получили огромную популярность не только в Казахстане, но и далеко за ее пределами.

«Методику» Ф. Абдуллаева достаточно сложно отнести к целостной системе богословских взглядов и религиозно ориентированных предписаний, при этом сами последователи движения не обозначают Эллэ Аят как религиозную организацию. В информационных листах, распространяемых учениками, отмечено следующее: «Метод не является религией и не причастен к каким-либо религиозным направлениям или сектам, не пропагандирует отрицание или неприятие религии, не делит людей по национальности, по социальному положению или убеждениям. Формула не является молитвой или мантрой, сам метод не содержит элементы гипноза, внушения или самовнушения. Ученики Фархата-ата не являются экстрасенсами, целителями и не занимаются целительством или лечением болезней» [5].

Обратимся к основе метода саморазвития и открытия сознания – «Формуле жизни и любви», «энергии Солнца», Эткен чаю – и журналам «Звезда Селенной». Набор данных позиций в целом определяет мировоззренческую и практическую составляющую движения.

Формула жизни, которая в определенной степени напоминает молитвенную формулу, произносится на уйгурском языке. В этом наборе слов Алля обозначается как младенец (*сами последователи называют друг друга аляшками. – С.3.*), Аят – энергетический поток солнца, управляемый создателем. В формуле «увечены» имена основателя движения Фархата отца и его супруги Нины матери, их возрастные рубежи (37 и 40 лет), количество детей – 6. Селенная представляет собой область чистого сознания, а «Уйгур» – новое мышление или новая цивилизация.

Произнесение формулы жизни, по мнению последователей, оказывает особое положительное влияние на энергетическое поле человека, избавляет его от негативных мыслей и чувств. С

помощью этого символического действия приверженцы Эллэ Аят получают доступ к энергии и оздоравливающим силам, которые есть у Фархат ата и его супруги, и устанавливают эмоционально-психическую связь с Создателем.

Согласно приказу Министерства юстиции РФ от 25 февраля 2009 г. об утверждении порядка проведения государственной религиозно-экспертной экспертизы, сегодня имеют право давать оценку Экспертные советы. В данном контексте вызывает интерес экспертное заключение Р. Лункина Центра религиозно-экспертных исследований о деятельности движения Эллэ Аят, в котором отмечено следующее: «Произнесение Формулы Жизни является для сторонников метода Абдуллаева инструментом личной оздоровительной практики и не может квалифицироваться как религиозный богослужебный обряд» [6]. Соответственно наше мнение не полностью совпадает с мнением эксперта относительно «Формулы жизни и любви». Отметим, что в Бурятии также действует Экспертный совет по проведению религиозно-экспертной экспертизы при Министерстве юстиции РФ по РБ [3, с. 3-4].

Что касается «энергии солнца», то здесь подразумевается оздоровительное действие солнечных лучей на организм человека, при его созерцании на дневное светило в течение трех минут несколько раз в день (когда оно менее активно). Созерцание солнца в рамках представлений Эллэ Аят является энергетической составляющей, связанной с процессами физиологического очищения организма.

Для того чтобы вывести процессы «сгорания» в организме негативной энергии, больных клеток, сторонники Аят принимают «Эткен чай», который по своему составу напоминает чай кочевников Внутренней Азии – для заварки обычно используется черный байховый чай, молоко по вкусу и соль. Считаем, что употребление Эткен чая напоминает применение святой воды у христиан, аршана у буддистов и др.

Не менее важным в воззрениях последователей Эллэ Аят выступает чтение журнала «Звезда Селенной», который является не только информационным источником, но и средством избавления от болезней, стоит лишь приложить его к больному органу.

Рассмотрев основные положения мировоззренческой и практической направленности деятельности Аят, отметим, что специальные работы, посвященные системной характеристике движения, отсутствуют. Есть лишь отдельные попытки изучения данного явления. В частности, в сентябре 2008 г. в Берлине состоялась

первая международная научно-практическая конференция «Солнце. Сознание. Человек. Вселенная». Материалы конференции были представлены на русском, немецком и английском языках. Примечательно, что организаторами конференции выступили не только общественные, но и медицинские организации, а также органы государственной власти: «Федеральный научный клинико-экспериментальный центр традиционных методов диагностики и лечения, Федеральное агентство по здравоохранению и социальному развитию» (Россия, г. Москва); Institut für emotionale Arbeit Berlin; Maria Brand Ambulante Dienst, Ajat-Leben E.V. (Deutschland); University of Global Scaling LLC (USA); Международный институт безопасности (Латвия, г. Рига). Целью и задачами данной конференции был анализ опыта практической работы врачей, психологов и народных целителей в области сознания и солнечной энергетики в регионах с различными национально-историческими, социокультурными, религиозными традициями и особенностями, законодательной базой.

Одна из практикующих участниц, Адела Бреслер, живет и работает в Берлине. В представленной статье «Солнечная энергия и чистота мыслей как основа новых путей к становлению новой личности» она описывает, как впервые узнала об Эллэ Аят (с 20.08.2006 г. – практикующая ученица) [2, с.107-117].

Автор описывает лечение тяжелых болезней. Это сложный процесс, который требует долгие месяцы. И такие примеры чудодейственных выздоровлений изображаются на веб-странице Эллэ Аят. «У больных очень тяжелые заболевания, например рак, умственная и физическая инвалидность, посттравматические болезни и др. Они часто использовали различные методы лечения, однако традиционная медицина не может им помочь. Но вскоре они открыли для себя метод Эллэ Аят, познакомившись с дружелюбием и сочувствием. И после этого они начали жить по этой методике, перестали употреблять лекарства, пьют эткен чай, проговаривают формулу жизни, читают журнал «Звезда Селенной» и смотрят фильмы об Эллэ Аят. После этого начинается процесс очищения организма. У них поднимается температура, что иногда сопровождается сильными болями и выделениями жидкости из тела (кровь, гной, отложения). Такие приступы встречаются довольно часто, но они ведут к выздоровлению. Научную лексику (ДНК, отрицательный или положительный заряд клетки, системы) можно заменить рядом религиозных терминов (гармония, творческий про-

цесс, высшая энергия)» [2, с. 115-117]. Столь подробное обращение к статье одной из участниц объясняется тем, что многие авторы подчеркивают, что используют методы Аят в своей профессиональной, в т.ч. и медицинской, деятельности. Однако материалы, которые представлены в сборнике научно-практической конференции, содержат отпечаток включенности авторов как последователей или сторонников Эллэ Аят.

Отсутствие методологических и научных работ по заявленной теме предполагает использование метода включенного наблюдения, который был применен автором в ходе этнографической экспедиции в августе 2013 г. В результате были собраны материалы об организации и функционировании на территории республики группы людей, объединенных верой в эффективность лечения солнечной энергией по методике создателя Фархата ата.

Деятельность Эллэ Аят в Бурятии наблюдается в начале 2000-х гг., когда приезжает первый «посвященный» ученик, который ранее использовал оздоровительную методику Надежды Семенович. Основные занятия приверженцев – наблюдение за солнцем, прием эткен чая, чтение журналов, встречи на Аятах. Сегодня в Бурятии девять учеников, которые «подключены на всех людей» и занимаются лечением через «вставание под руку».

Особую значимость имеют материалы бесед с действующими учениками, которые повествуют о своей деятельности. Обратимся к мнению одной из учениц: «Я уже шесть лет ученица создателя, проводник его энергии. Есть несколько правил, которые нужно выполнять в комплексе: произносить «формулу жизни», при этом действии открывается поток солнечной энергии; смотреть на солнце; читать журналы «Звезда Селенной» по определенной схеме; употреблять Эткен чай. Впервые меня поставили под поток в декабре 2007 г., таким образом, лечилась около двух месяцев. В сентябре 2008 г. поехала в п. Чунджа, родину создателя, для участия в большом Аяте. Распределили нас в специальных деревянных постройках по 50 чел. в комнате. Аят проходил на улице, всего в нем приняло участие 7-8 тыс. чел., в том числе и первые 8 учеников создателя. Затем люди рассказывали о себе, своих жизненных историях. Во время Аята у меня началось горение изнутри всего организма. Аяты проводятся и в нашем селе два раза в месяц, где собирается около 200 чел. Вся моя семья находится в Эллэ Аяте. У дочери были проблемы в семье, брат болен онкологией (читает журналы

«Звезда Селенной). Всего в Бурятии было 10 учеников, сейчас 9 (одна из учениц уехала в Москву): 6 чел. в с. Выдрино, 1 чел. в с. Хоринск и 2 чел. в г. Улан-Удэ». На больших Аятах, которые проводятся ежегодно в Казахстане, присутствуют не только россияне, но и представители многих европейских и азиатских государств.

Из приведенного материала привлекает внимание возможность (по словам учеников) излечения от болезней, при этом без медицинского вмешательства, в том числе и очень тяжелых – онкология.

Учитывая геополитические, социокультурные особенности развития, в Бурятии огромной популярностью пользуется интегративная медицина как альтернатива традиционной. В связи с этим элементы оздоровления, которые присутствуют в Эллэ Аят, являются понятными и знакомыми для жителей республики.

С другой стороны, наличие социально-

ориентированной практики привлекает определенные социальные категории граждан (преимущественно пожилые люди, люди с проблемами здоровья), которые нуждаются в поддержке и защите со стороны социальных органов и медицинских работников [4, с.41].

Используемый во время исследования метод включенного наблюдения позволил нам прийти к выводу о том, что сегодня Эллэ Аят, в том числе и как альтернатива современной медицине, приобретает широкую популярность у жителей Бурятии. Разработанный метод Ф. Абдуллаева трудно определить как строгую систему религиозных верований и богослужбных установлений, в этом методе превалирует стремление к оздоровлению, к улучшению физического здоровья, при этом сами последователи признают Эллэ Аят эффективной методикой самооздоровления и саморазвития.

Примечание

1. В современном массовом сознании бытует не реальный образ Ярилы (символ плодородия), а Ярило как «бог солнца», что в корне неверно.

Литература

1. Ахмадулина С.З. Новые религиозные объединения // Религиозные организации Республики Бурятия: словарь-справочник / С.В. Васильева и др. – Улан-Удэ, 2011. – 240 с.
2. Bresler A. Sonnenenergie und reinheit der gedanken als grundlagen eines wegues zu einer neuen personlichkeit // Солнце. Сознание. Человек. Вселенная (20-22 сентября 2008 г.). – Берлин, 2008. – С. 107-117.
3. Васильева С.В. Государственно-конфессиональная политика в отношении старообрядчества Байкальского региона (XVII-XXI вв.): историография и источники. – Улан-Удэ, 2010. – 204 с.
4. Митупов К.Б.-М. Социальные процессы в Бурятии (90-е годы XX в.). – Улан-Удэ, 2001.
5. Официальный сайт «Эллэ Аят» – <http://elleayat.ru/>. Дата обращения – 09.09.2013 г.
6. Экспертное заключение Центра религиозоведческих экспертиз о деятельности движения Эллэ Аят.

Ахмадулина Светлана Зиннатовна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной и всеобщей истории Бурятского госуниверситета, e-mail: kaf_isto@bsu.ru

Akhmadulina Svetlana Zinnatovna, candidate of historical sciences, senior lecturer, department of homeland and world history, Buryat State University, e-mail: kaf_isto@bsu.ru

УДК 269.6

© А.В. Михалев

Православие в современной Монголии: колониальные контексты в постколониальном мире*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ (Религиозная ситуация во Внутренней Азии: проблемы постсоветских трансформаций), проект № 13-33-01260

В статье рассматривается процесс создания образа современной восточной страны российскими священниками. Автору интересен категориальный аппарат и репрезентация образов, а самое главное – идеология, обосновывающая исключительное право Русской православной церкви на экспертное, «объективное» мнение о «духовном состоянии» монголов. Сохраняя язык «туземной этнографии» XIX века, священники описывают не только проблемы религии, но и политические процессы в стране.

Ключевые слова: Монголия, православие, колониализм, политика.

Orthodoxy in modern Mongolia: colonial context in postcolonial world

The article considers the process of creation an image of modern oriental country by the Russian priests. The author is interested in categorical apparatus and representation of images and that is the most important – in ideology, which substantiates the exclusive right of the Russian Orthodox Church to expert, «objective» opinion concerning “a spiritual condition” of the Mongols. Keeping the language stylistics of “native ethnography” of the XIX-th century, the priests describe not only problems of religion, but also political processes in the country.

Keywords: Mongolia, Orthodoxy, colonialism, policy.

Основной исследовательской задачей¹ представленной работы является анализ официальных и неофициальных риторик российских православных миссионеров о Монголии. Автор предпринимает попытку определить модель восприятия этой страны, способы ее понимания и описания в региональном православном дискурсе. При этом данная статья не претендует на экстраполяцию полученных выводов на весь российский православный дискурс. Более того, мы описываем сугубо локальный феномен, сформированный в условиях сложных исторических перипетий XX века. В теоретическом плане исследование опирается на постколониальную теорию и *subaltern studies*, через призму которых мы рассматриваем взаимоотношение православных миссионеров с принимающими локальными сообществами. В данном случае важно выявить, кому принадлежит право на представление в публичном пространстве позиции церкви и мнения граждан Монголии. Каким образом данное право монополизировано одной из сторон, каковы историко-культурные основания данной практики? Ответы на данные вопросы мы попытаемся найти в этом исследовании.

Источниковая база работы состоит из веб-архива улан-баторского прихода, локальных православных сайтов Дальнего Востока и региональных русскоязычных газет Монголии начиная с 2000 г. Выбор данного спектра источников обусловлен ориентацией на описание локальных дискурсивных практик.

Архив православной этнографии

Современный региональный православный дискурс об Азии сложился под влиянием репрезентаций, формировавшихся деятелями Российской духовной миссии в Китае. Она была учреждена указом Петра I от 18 июня 1700 года для обращения народов китайской империи в православие. Для этого к ней были прикомандированы два монаха «для изучения китайского и мон-

гольского языков»². Представители миссии активно вели исследовательскую деятельность в области истории, этнографии, географии и сравнительной лингвистики народов Дальнего Востока. Ученый в рясе шел рядом с имперским чиновником, «осваивая» пространство Внутренней Азии.

Формирование Духовной миссии происходило на протяжении двух лет (1715-1716), и первое время она удовлетворяла религиозные нужды увезенных в 1685 г. пленных казаков, защитников Албазина. Русская Духовная миссия наделялась полномочиями дипломатического и торгового представительства России в Китае согласно договору от 21 октября 1727 года. Монголия же, входившая в состав империи Цин, привлекала второстепенное внимание со стороны исследователей миссии. Активизация изучения этой страны наблюдается лишь в XIX веке³.

Одним из первых Монголию начала XIX века описал архимандрит Софроний Грибовский, ехавший по пути из Пекина в Кяхту в 1808 году. Он проследовал по Дархатской дороге и описал горы и равнины, белый мрамор и медную руду в Гоби, ветер, уделил внимание и дороге из Урги в Кяхту. Эта работа отличается тем, что в ней практически отсутствуют описания людей. Пространство «кочевой» Монголии репрезентируется как «кладовая неиспользуемых ресурсов». Главная идея статьи заключается в том, что эта территория удобна для освоения российскими людьми⁴.

В 1924 г. был опубликован дневник чиновника МИДа Е.Ф. Тимковского «Путешествие через Монголию в Китай в 1820-1821 гг.», сопровождавшего 10 духовную миссию из Кяхты в Пекин. Он описал географию, историю и административное устройство Монголии. Основной акцент – отсталость традиционных органов управления страной⁵.

В 1928 г. вышли «Записки о Монголии» Н.Я. Бичурина (в монашестве Иакинфа). В первой части его книги были представлены дневники

его путешествия из Петербурга в приграничный забайкальский город Кяхту в 1821 г. Во второй части работы представлены сведения об административном и политическом устройстве Монголии, этническом и социальном составе населения. В третьей – краткий очерк истории монголов. В четвертой – вопросы обычного права и законодательства. Специфика большинства работ Бичурина заключалась в том, что он опирался на китайские письменные источники. Дальний Восток для него – это текст или словарь, посредством которых он упорядочивал и структурировал свое понимание культуры и людей региона. Интерпретация его этнографических наблюдений формировалась под влиянием китайского исторического нарратива, уже сформированных периодизаций и оценок. Здесь складывается взгляд на Монголию как на пространство, влияние в котором Россия «традиционно» делит с Китаем.

Изучение традиций монголов привело к тому, что деятели Русской духовной миссии сделали вывод, что родовые отношения и сопутствующие им религиозные обряды – помеха распространению православия. Так, командированному из Пекина в Ургу иеромонаху Геронтию в конце 60-х годов XIX века удалось крестить лишь около 40 монголов. Однако крещенные подчас вместе с иконами держали в своих семьях ламаистские бурханы, нередко отрекались от принятой веры, испытывая притеснения со стороны лам и родственников-язычников.

В 60-е годы XIX в. в столице Монголии была построена Свято-Троицкая церковь для работников консульства и русских купцов. В 1864 г. в Урге была отслужена первая литургия. Вторым настоятелем этой церкви был о. Ф. Парняков, составивший аналитический отчет о поездке через Монголию в 1914 году. Он отмечал: *«Главным препятствием для миссионерского дела является строй общественного управления в Монголии – церковный, с централизацией власти духовной и светской в одном лице, присвоившем себе божеское достоинство, и затем кочевой образ жизни монголов и неспособность их к какому-либо постоянному труду и определенным занятиям, например по земледелию, огородничеству, рыболовству, доставке леса, дров и пр. Монгола, принявшего святое крещение, и правительство, и сородичи будут преследовать и причинять ему всевозможные неприятности»*⁶.

Современные российские священники, анализируя религиозную ситуацию в стране, указывают на те же сложности при проповеди мон-

гольской пастве.

*«Я могу подтвердить, что и по сей день существует такая проблема. Однажды ко мне обратился за духовной поддержкой один состоятельный и влиятельный в политических кругах монгол-буддист. У него умерла прабабушка, которая была православной русской. Я ее отпевал. После отпевания, восхищенный чином православного отпевания, он признался мне, что он разочарован в ламах, а беседы с православным священником убеждают его принять крещение. Я посоветовал ему прежде подготовиться к крещению, обсудить этот вопрос с родственниками, так как в Монголии родственные связи имеют большой вес. Через неделю он снова пришел ко мне, развел руками и сказал: «Я, конечно, всей душой с русским православием, но родственники против моего крещения, а потом, что скажут избиратели?»*⁷.

Главным итогом изучения Монголии представителями Духовной миссии был вывод о том, что в стране нет условий для миссионерской деятельности. Однако в силу природных богатств этой территории она лучше подходит для колонизации. В ходе революций XX в. православные миссии в Китае и Монголии были ликвидированы. Восстановление церкви начали лишь в 1997 г., и окончательно достроили в 2000 г. Троицкий храм восстанавливали на деньги корпораций, работающих в Монголии («Зарубежстрой», «Орос Байшин», «Чингис хан банк», СП «Эрдэнэт», УБЖД), посольства России в Монголии и правительства г. Москвы.

Православная миссия в Монголии

Православная миссия в Монголии начала действовать в стране, когда развитие национального государства в условиях постсоциалистического национального проекта вступило в завершающую фазу. Государствостроительство 1990-х шло параллельно с новым этапом модернизации и связанными с ним феминизмом, моделью «новой семьи» и новыми экономическими стратегиями. Более того, в стране формируется новая схема исторической памяти, в которой дается достаточно неоднозначная оценка советско-монгольского сотрудничества. Новая память определяет и новую монгольскую идентичность, которая ориентирована на корейский субстрат. Непонимание этих условий привело к тому, что православная церковь начала ориентироваться на актуализацию исторической памяти о героике времен социализма. Так, с визитом в Монголию для установления православ-

ных крестов на местах памяти российской истории прибыл православный священник с курсантами кадетского корпуса Улан-Удэ. Акция осуществлялась при поддержке фонда Андрея Первозванного. Первый обряд совершили в районе озера Халхин-Гол у мемориала советским летчикам.

*Сначала монголы с недоумением смотрели на нас, готовящих, собирающих, а потом несущих на себе несколько километров крест. Они не брались его нести, потому что мы им это не предлагали, но они были в **совершенном восторге** (все выделения в нарративе мои. – А.М.) от того, что происходило. С какой радостью они **бегали** вокруг нас, подходили к кресту, фотографировались около него, с каким особым благоговением брали в руки старинные иконы!*

*Глава администрации, который вырос там, при прощании прослезился и сказал: «Я от имени тех солдат, которые убиты и похоронены здесь, выношу Вам великую благодарность за то, что Вы для них сделали». Нас благодарили монголы(!) за то, что мы сделали для русских солдат. Эти солдаты являются для них, быть может, единственным образцом жертвенности и святости. Это тронуло нас, потому что мы увидели абсолютную открытость и **полудетский восторг** от того, что сделали...*

...Мы останавливались у монголов в юртах. Они делились с нами кровом, пищей и были крайне приветливы. Наши опасения в части установки крестов быстро рассеялись, потому что монголы были очень рады долгожданному факту нашего прибытия туда. Люди, которые живут в районе тех событий, воспитаны на памяти того, что произошло в 1939 г. Для них очень важно, что советские воины вместе с их отцами сложили свои головы за независимость Монголии...⁸

В данном нарративе воспроизводится образ, наиболее характерный для колониальной этнографии: образ кочевника, приходящего в восторг от столкновения с более «развитой» культурой. При этом аргюги предполагается, что кочевая культура эволюционно менее развита. В то же время это образ детей, благодарных за то, что им показали «эталон высоких духовных ценностей». При этом «детскость» – это концепт, указывающий место на эволюционной лестнице⁹, к которому еще не раз будут обращаться представители церкви. На наш взгляд, подобная позиция в условиях современности и высокой конкурентной борьбы за «духовное пространство» Монголии существенно осложняет положение православия в этой стране. Это во

многом связано с низким качеством страноведческого образования миссионеров РПЦ, работающих в Монголии.

Обосновывая необходимость новой миссии в Монголии, православные священники постоянно апеллируют к прошлому. Выстраивается преемственность, которую условно можно свести к следующей формулировке: мы защищали вас от японцев в XX веке и защитим от глобализации в XXI.

Монголы находятся в уязвимом состоянии, поскольку не имеют серьезных духовных корней и потому очень сильно подвержены внешним влияниям.

*Едешь по степи и видишь: юрта, около нее ветряки, генераторы, солнечные батареи и огромная спутниковая тарелка. Мне было горько и обидно за тех, кто с таким удовольствием погружается в эту смрадную линию глобализации, не понимая, какой опасностью это может обернуться для них в ближайшем будущем. Очевидно, что не имея опеки со стороны **духовно зрелых руководителей**, эти люди в ближайшее время могут просто погибнуть¹⁰.*

Комментируя вышесказанное, можно процитировать Э.В. Саида: «Восток виделся как бы в рамке классной комнаты, уголовного суда, тюрьмы, иллюстрированного руководства»¹¹. В нашем случае на первый план выступает образ классной комнаты, в которой «духовно зрелые руководители» учат «детей-монголов», как не погибнуть в современном мире. Подобно ребенку, не имеющему большого социального опыта, монголы выступают в данной репрезентации как народ, не имеющий связи с «цивилизацией» и ее ценностями. И здесь возникает образ восточного человека, который иррационален, развращен, ребячлив и т.д. Поэтому его перевоспитывают.

Этим летом православный приход также организовал летний учебно-оздоровительный лагерь при школе этики и эстетики. Монгольские дети вместе с детьми российских специалистов и постоянно проживающих в Монголии посещали уроки изобразительного искусства, театральной студии, развития разговорной русской речи, учились работать на компьютере. Преподавание велось учителями российско-монгольских школ в Улан-Баторе. Два раза в неделю проводились отдых на природе, подвижные игры, купание¹².

Православная миссионерская деятельность не имеет большого успеха в монгольском обществе, сами священники объясняют это конкуренцией со стороны других христианских конфессий.

Пока же на приходе всего лишь 10 монголов – постоянные прихожане. 5 из них некрещеные, двое были крещены соответственно в России и Венгрии, троих я сам крестил в течение года. Это дети и взрослые. Но они, пожалуй, сейчас одни из самых активных прихожан. К примеру, состав хора: 2 монголки, 1 бурятка и 1 русская. Сторожа – тоже монголы. Одна из монголок – деловая женщина, ее четырехэтажный офис в центре Улан-Батора был освящен православным чином. Сотрудниками в свою компанию она предпочла взять наших русских прихожан специалистов, хотя мормоны предлагали ей полностью укомплектовать компанию»¹³.

Миссия в Монголии, как и в начале XX века, для российских церковнослужителей остается продолжением уже ушедшей в прошлое колониальной политики. В нарративе отчетливо прослеживаются классификации прихожан по этническому признаку. Настоятелю церкви важно показать не только количество монгольских прихожан, но и их статус. Это вызывает прямую аналогию с имперской практикой учета крещеного населения окраин России, которым занималась православная церковь.

Классификационные практики

Новые идентификационные практики, возникшие в постсоциалистической Монголии, существенно изменили классификационную картину общества. Все это находит свое выражение при описании православным священником своего прихода. Этот приход, состоящий из русскоязычной паствы, классифицируется в новых категориях, по новым критериям. Так, в частности, ключевым признаком стало отношение к власти¹⁴.

Прежде чем сказать, как это произошло, надо упомянуть о составе русского населения, сложившемся в современной Монголии. Разделение на русских, украинцев и белорусов или метисов здесь по крайней мере ярко не выражено, поэтому будем говорить о русских как о русскоязычном населении. Условно это население можно разделить на две группы: во-первых, дипломатов и специалистов, во-вторых, «местнорусских»¹⁵.

Наша задача – проанализировать динамику развития классификационных практик в контексте реализации проекта «Возрождение православия в Монголии». Основные надежды в деле восстановления православия первоначально возлагались на местнорусских. В эпоху социализма они являлись дискриминируемой груп-

пой, как ортодоксы, не принявшие советскую власть. Нелояльное советскому образу жизни сообщество в конце 1990-х гг. представлялось носителями «аутентичного» православия: *«По промыслу Божию Троице в Урге суждено было возродиться, прямо напротив через дорогу ул. Жукова, у нынешнего Российского торгового представительства. Многие «местнорусские» в Улаанбаатаре после семидесяти лет без пастырского окормления все же сохранили не только русский язык, но и православную веру, и при первой возможности обратились за духовным окормлением в Россию»¹⁶.*

Настоятель Улан-Удэнского Свято-Одигитриевского собора, посетивший Монголию в 2005 году, отец Евгений Старцев отметил: *«В Монголии проживает 3200 русских, 1200 – постоянно, в основном в Улан-Баторе. Есть приход, который окормляет отец Алексей Трубач, сотрудник ОВЦС (отдела внешних церковных связей. – А.М.). Батюшка трудится совершенно самоотверженно на этом поприще в окрестности, с одной стороны, языческого мира, а с другой – русских людей, не до конца понимающих нашу Веру. Храм отца Алексия домовый. Ревностен батюшка своим радением. В храме он служит один: сам кадило подает, сам читает и поет. Планы у отца Алексия большие. Я думаю, что в большей части им суждено сбыться, т.к. он священник серьезный. Уверен, что и хор у него появится и пономари»¹⁷.*

Однако по мере того как развивались события, оценка местнорусских как «целевой группы», опираясь на которую, планировалось возрождать православие в Монголии, резко изменилась. Во второй половине 1990-х гг. в Монголию вновь в большом количестве стали прибывать российские специалисты: учителя, экономисты, инженеры. Согласно статистическим данным агентства МОНЦАМЭ, в Улан-Баторе по рабочим контрактам проживает 1607 российских граждан. Со временем они составили основную массу прихожан Троицкой церкви Улан-Батора.

Среди свыше 80 молящихся были русские, белорусы, украинцы, сербы, работники дипломатических учреждений и совместных предприятий в Монголии, а также местнорусские (выделение мое. – А.М.), постоянно проживающие в Улаанбаатаре»¹⁸.

На первый план вновь выступили классификационные практики «эпохи социализма». Местнорусское население Улан-Батора из хранителей веры и традиций превратилось в дискриминируемую социальную группу, утратившую «духовные корни».

*«Местнорусские» – это потомки эмигрантов, но не времен Гражданской войны. Вторая волна переселенцев связана с развитием советско-монгольских золотодобывающих концессий. Коллективизация начала 30-х годов и голод в Сибири стали причиной переселения в Монголию третьей волны эмигрантов – крестьян, русских, украинцев и бурят (до 1934 года советско-монгольская граница фактически оставалась открытой). Потомки этих выходцев из России и составили так называемое “местнорусское” население Монголии – полиэтническую общность, которую в основном сформировали дети от смешанных русско-китайских и русско-монгольских браков. На протяжении семидесяти лет они находились достаточно в униженном положении. Советский Союз их не признавал, также и Монголия. Нахождение же в чуждой культуре лишило «местнорусских» духовных корней, а, следовательно, и каких-либо духовных ориентиров. **К сожалению, большинство из них находится в этом состоянии и сейчас, нравственно заметно отличаясь как от российских специалистов, так и от монголов** (выделение жирным мое. – А.М.)¹⁹.*

Акцентирование различия между упомянутыми двумя группами российских граждан в Монголии на современном этапе обусловлено целым рядом причин. По мнению настоятеля Свято-Троицкого прихода Улан-Батора, с возрождением православия в 1990-е годы русскоязычное население страны связывало надежды на получение материальной помощи от церкви. *«Но надежды на материальную поддержку прихода достаточно быстро не оправдались, а потому на данный момент всего лишь трое из тех около 40 человек, кто был в 1997-1999 годах активистами прихода, остались верными православными прихожанами. На сегодняшний день «местнорусские» составляют лишь небольшую часть прихода. Многие из тех, кто отпал, скорее всего, обращаются в многочисленные протестантские секты, где предоставляется обильная всяческая помощь. Но все же по-прежнему среди «местнорусского» населения преобладает обращение к ламам и шаманам»²⁰.*

* * *

Положение православия в Монголии – это комплекс проблем, связанных с представлением

не только духовной миссии, но и с ослаблением мягкой силой России. На наш взгляд, ситуация не является критической в среднесрочной перспективе. Положение можно исправить, если сменить традиционные имперские риторики на более современные и понятные населению Монголии. Необходимо применение стратегии религиозного маркетинга и отказ от опоры на историческую память времен строительства социализма.

Сегодня в РПЦ нет проекта «национальной церкви» для монголов. РПЦ сосредоточена на поддержке «русского мира», хотя сама проповедь все же переведена на монгольский язык²¹. В этом главная особенность РПЦ – ее национальная политика преимущественно направлена на соотечественников, а Свято-Троицкий приход находится в подчинении отдела внешнецерковных связей Московской патриархии, в то время как католическая церковь создала «национальное епископство» для монголов. Однако священники из числа самих монголов, как у католиков, так и у православных, отсутствуют. Благодаря этому российское присутствие в этой стране остается относительно стабильным. Однако номинальная цифра в тысячу православных в стране также весьма условна, поскольку количество русскоязычного населения Монголии нестабильно и постоянно варьируется. Так что всерьез рассматривать перспективу появления «православной Монголии» не приходится. Накопленный за годы советского присутствия социальный и символический капитал постепенно девальвируется, и шанс, что РПЦ станет мощным фактором идеологического влияния в этой стране, достаточно невысок.

В то же время православие в классической ориенталистике всегда позиционировалось как восточная религия. Поэтому, на наш взгляд, российские священники особо акцентируют внимание на азиатских чертах в репрезентации образа Монголии. Отсюда берет начало и еще один аспект права на экспертное знание о стране, которое исходит из тезиса о близости культуры и менталитета современных монголов и русских. Этот тезис легитимизирует монополию на глубокое понимание духовных нужд населения страны, а следовательно, и на культурное доминирование.

Примечания

1. Веселовский Н.И. Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине / под ред. Н.И. Веселовского. СПб., 1905. – Вып. 1. – С. 15.
2. Там же.
3. Путешествие архимандрита Софония Грибовского от Пекина до Кяхты в 1808 г. // Сибирский вестник. 1823. – Ч. 1. С. 1-62.
4. Тимковский Е.Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг. Т. 1-3. СПб., 1824.
5. Парняков. Ф. Поездка священника по Монголии (из рапорта Епископу) // Забайкальские Епархиальные Ведомости. – 1915. 15 янв. – С. 59.
6. URL: <http://www.pravostok.ru>
7. Старцев Е. Через Монголию с крестом // Вестник центра «Москва-Улаанбаатар» (приложение к газете «Монголия сегодня»). – 2006. – Май. – С. 13.
8. Давыдов В., Карбаинов Н., Симонова В., Целищева В. Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов. – Хабаровск, 2006. – С. 100-101.
9. Там же.
10. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. – СПб., 2006. – С. 62-64.
11. URL: <http://www.patriarchia.ru>
12. URL: <http://www.pravostok.ru>
13. Более подробно см.: Соколовский С.В. Образы других в российской науке, политике и праве. – М., 2001. – С. 70.
14. URL: <http://www.pravostok.ru>
15. Трубоч А. Троица в Урге // Вестник центра «Москва-Улаанбаатар» (приложение к газете «Монголия сегодня»). – 2005. – №5-6. – С. 12.
16. Старцев Е. Через Монголию с крестом // Вестник центра «Москва-Улаанбаатар» (приложение к газете «Монголия сегодня»). 2006. – Май. – С. 13
17. Вестник центра «Москва-Улаанбаатар» (приложение к газете «Монголия сегодня»). 2006. – №8, 9. янв. – С. 5.
18. URL: <http://www.pravostok.ru>
19. Там же.
20. URL: <http://www.pravoslavie.mn/> (дата обращения 9.12.2011).

Литература

1. Белькова А. Институты государственного регулирования религии в постсоветской Бурятии // Журнал институциональных исследований. 2013. Т. 5, №4. С. 100-107.
2. Давыдов В.Н., Карбаинов Н.И., Симонова В.В., Целищева В.Г. Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов. – Хабаровск, 2006.
3. Русская православная церковь в Монголии: история и современность // Три четверти века. – М., 2007. – С. 401-409.
4. Саид Э. В. Ориентализм: западные концепции Востока. – СПб.: Русский мир, 2006.

Михалев Алексей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, Бурятский госуниверситет, e-mail: mikhalew80@mail.ru

Mikhalev Alexey Viktorovich – candidate of historical sciences, associate professor, Buryat State University, e-mail: mikhalew80@mail.ru

**Вклад Восточно-Сибирского отдела ИРГО¹
в археологические исследования Центральной Азии²**

Статья посвящена археологическим исследованиям Восточно-Сибирского отдела ИРГО на территории проживания монгольских народов. Это направление деятельности ВСОИРГО связано с плеядой блестящих ученых-археологов, членов отдела: Д.П. Давыдова, П.А. Кропоткина, Н.И. Витковского, Н.М. Ядринцева, Н.М. Овчинникова, Б.Э. Петри и др. Отделом были открыты памятники древней истории «Орхонские писаницы», «Культура курумчинских мастеров», «Глазковская культура», получившие всемирную известность.

Ключевые слова: Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского Географического общества (ВСОИРГО), археология, Центральная Азия, монгольские народы.

L.G. Arsen'eva

**The contribution of the East Siberian Department IRGU
to archaeological researches in Central Asia**

The article is devoted to archaeological researches of the East Siberian Department IRGU on the residence territory of the Mongolian peoples. This ESDIRGU activity is associated with a galaxy of brilliant scientists and archaeologists, members of the Department: D.P.Davydov, P.A.Kropotkin, N.I.Vitkovski, N.M.Yadrintseva, N.M.Ovchinnikov, B.E.Petri et al. The monuments of ancient history «Orhon petroglyphs», «Culture of Kurumchinsky masters», «Glazkovsky culture», discovered by the Department, gained the worldwide fame.

Keywords: the East Siberian Department of Imperial Russian Geographic Union (ESDIRGU), archeology, Central Asia, the Mongolian peoples.

Во второй половине XIX в. значимый вклад в научное исследование территорий Центральной Азии, традиционного района расселения монгольских народов, внесли члены Восточно-Сибирского отдела ИРГО. Исследования ВСОИРГО позволили получить подлинные, научно обоснованные данные о ранее недостаточно изученных регионах Прибайкалья, Забайкалья и Монголии. В круг занятий отдела, наряду с изучением географии, этнографии и антропологии, входило также изучение археологии и исторической географии [12, с. 61].

Первым мероприятием отдела в деле изучения археологии Центрально-Азиатского региона, после его учреждения в 1851 г., стало изучение древних развалин, найденных около крепости Тунка в 1809 г., этим исследованием занялся действительный член отдела А.А. Мордвинов (1813-1869) [14, с.13-16]. Следующими по времени являются исследования Д.П. Давыдова [3]. В своей работе Дмитрий Павлович Давыдов³ подробно описал памятники на р. Иволге, в Хоринской степи и окрестностях Верхнеудинска и выделил три типа погребений. Все три типа были им раскопаны, но особой разницы отмечено не было. На правом берегу реки Оки⁴ Д.П. Давыдовым были найдены четыре древние надписи [19, с.44], снимки которых были отправлены в Казань профессору О.М. Ковалевскому⁵. Ти-

пологии погребений, введенные в научный оборот Д.П. Давыдовым, станут основными в описании дальнейших археологических работ, а его исследования станут основой для последующих археологических изучений этих земель.

Сотрудник отдела П.А. Кельберг⁶ в конце 50-х гг. XIX в. занимался исследованиями в Селенгинской и Чикойской местностях [11, с.6]. Археологическими раскопками на реке Оке, традиционном районе кочевья бурят и сойотов, занимался и П.А. Кропоткин⁷, свои находки он описал в статье «Поездка в Окинский караул» [10]. Там, на утесе Монголоджин, им были найдены надписи клинообразной и сердцевидной формы красного и малинового цветов. На противоположном берегу Оки он описал следы древних построек из камня. Кропоткин расширил представления Д.П. Давыдова о древних обитателях этого района.

В 1866 г. золотопромышленники обратились в Восточно-Сибирский отдел с просьбой найти скотопрогонный путь с золотых приисков Олекминской системы в Нерчинский округ, место проживания бурят. Отдел поручил организацию Олекминско-Витимской экспедиции П.А. Кропоткину. В экспедицию Петр Алексеевич согласился взять с собой добровольно предложившего свои услуги в качестве натуралиста Ивана Семеновича Полякова⁸ (1845-1887), кото-

рый сотрудничал с ИРГО, а в дальнейшем он стал известным самостоятельным исследователем – зоологом, антропологом и этнографом. Статья И.С. Полякова об этом путешествии дала ему возможность в следующем году отправиться на средства отдела в небольшое путешествие в восточные отроги Саянских гор, откуда он привез не только гербарий, но коллекцию каменных орудий – это было его первое приобщение к археологии [20, с. 8-12]. Позднее в «Отчете о поездке в Восточный Саян в 1867 году» он подробно опишет найденный археологический материал: керамику, каменные орудия, несколько древних и современных бурятских черепов. За этот отчет И.С. Поляков был награжден золотой медалью ИРГО, так как это было первое комплексное исследование археологии этих территорий.

Продолжил исследование этих территорий И.Д. Черский⁹. Он был первым геологом во ВСОИРГО, интересовавшимся также и доисторическим человеком. Первой археологической заметкой его были «Несколько слов о вырытых в Иркутске изделиях каменного периода» [24, 25, 26]. Изучением фауны, с целью исследования быта древнего человека Центральной Азии, занимался и Николай Николаевич Агапитов. Он исследовал степной чернозем в Иркутском и Балаганском уездах [1]. Среди многочисленных археологических исследований Н.Н. Агапитова следует отметить «Городища Иркутской губернии» [2, с.8], в этой же статье он перечисляет древности острова Ольхон: погребения в каменных ящиках, погребения, отмеченные пирамидами из каменных плит, могилы первого типа Д.И. Давыдова. Археологические исследования Н.И. Витковского¹⁰ стали первыми научно обоснованными исследованиями древнейшей истории Восточной Сибири. Первые раскопки были проведены им в 1880-1881 гг., отчеты были опубликованы в «Известиях» [9]. Раскопанные Н.И. Витковским могилы находились в Тельминской волости Иркутского уезда. Они были отнесены исследователем к неолиту, он также указал на их сходство с некоторыми находками из Тункинской котловины. В связи с исследованиями Витковского в археологии был введен термин «Ангарский неолит», или «Ангарская культура» [19, с. 48-51]. Также Н.И. Витковским были сделаны первые археологические находки в бывшем Глазковском предместье в 1887 г.: в котловане, вырытом для строительства здания приюта, оказались разрушенные древние захоронения, ему удалось собрать шесть черепов и немного предметов, которые были переданы в

музей Географического общества.

В 1883 г. отделом была организована экспедиция Я.П. Дуброва¹¹ в Монголию, цель экспедиции – отметить изменения в культуре и быте бурят относительно монголов. В ходе экспедиции Я.П. Дуброва обнаружил и описал китайские городища, располагавшиеся в долине реки Буксой [5].

Орхонские экспедиции – это определяющая составная всех исследований Азии рубежа XIX-XX вв. ВСОИРГО в этом принимает непосредственное участие благодаря активной работе своего сотрудника, впоследствии всемирно известного публициста, общественного деятеля, археолога, этнографа – Николая Михайловича Ядринцева (1842-1894). Он вслед за И.В. Падерным, первым из европейцев, побывавшем на Орхоне в 1871 г., возглавил экспедицию, снаряженную в 1889 г. ВСОИРГО в Монголию с целью точного определения местонахождения Каракорума. Н.М. Ядринцев внес некоторые поправки в данные И.В. Падерина, в описание местонахождения Каракорума. Самым важным открытием Н.М. Ядринцева в этой поездке следует считать находку тюркских рун на камнях. Путешественнику удалось скопировать большое число рунических надписей, а также обнаружить руны параллельно с древнекитайским текстом. Из экспедиции исследователь привез в отдел 15 тысяч снимков древних письменных знаков, планы развалин и два больших осколка с надписями [27]. Открытия Н.М. Ядринцева привлекли внимание исследователей разных отраслей научного знания: и археологов, и историков, и лингвистов. Вскоре на Орхон отправились две большие экспедиции – русская во главе с В.В. Радловым, в которой участвовали Д.А. Клеменц и Н.М. Ядринцев, и шведская – во главе с Геккелем; а в 1912 г. в долину Орхона отправился и монголовед В. Л. Котвич, его поездка была связана в большей степени с лингвистическими исследованиями, чтобы обследовать монгольские надписи Эрдэни-дзу и сделать раскопки [22, с. 334-338].

ВСОИРГО сотрудничал со всеми категориями населения, готовыми помогать отделу в сборе научного материала. В Иркутском областном архиве хранится переписка членов отдела с купцами, врачами, учителями, предлагавшими свою помощь в том или ином мероприятии. Так, 17 февраля 1890 г. правителю дел отдела Г.Н. Потанину было прислано письмо из Селенгинска от коллежского секретаря, учителя Селенгинского городского училища Чексова. В письме Чексов просит разрешить ему провести раскопки «чуждских могил» около Селенгинска от Им-

ператорской Археологической комиссии¹². 28 июня 1890 г. Императорская Археологическая комиссия дала разрешение на раскопки Чексову и Витковскому [15] под непосредственным руководством действительного члена отдела, авторитетного ученого, этнолога, археолога Дмитрия Александровича Клеменца¹³ (1848-1914) [7, с. 3-9].

Земляные работы по левому берегу реки Ангары вдоль линии Забайкальской железной дороги проводил член ВСОИРГО М.П. Овчинников, который открыл в самом Иркутске и его ближайших окрестностях множество стоянок [13]. Находки Овчинникова из Глазково и Верхоленкой горы пополнили коллекции музея ВСОИРГО, позже они были переданы в фонды Иркутского государственного объединенного музея. Впоследствии исследования Овчинникова были продолжены Б.Э. Петри, М.М. Герасимовым, А.П. Окладниковым.

Исследования Б.Э. Петри¹⁴ на северо-западном берегу оз. Байкала близ мыса Улан-Хада и Неоолитической колонии в бухте Песчаная на Байкале проводились по поручению и на средства Академии наук. С 1919 г. Б.Э. Петри посвятил много времени исследованиям Верхоленской горы, открытой Овчинниковым. Летом 1921 г. около улуса Шохтой Курумчинского ведомства Иркутского уезда в пади Утуелга исследователем была найдена доисторическая шахта, предназначавшаяся для добычи железной руды, орудия труда, землянки, керамика и прочее, она была названа «Культура курумчинских кузнецов»¹⁵. В марте 1919 г. при Иркутском государственном университете по инициативе Б.Э. Петри был открыт кружок «Народоведение».

Задачами этого кружка были объединение на почве этнографии и археологии взаимопомощи в деле изучения доисторической Сибири, организация археологических и этнографических экскурсий и раскопок, подготовка докладов, рефератов, лекций [8, с. 16].

Во время Первой мировой войны и революционных событий археологические исследования в отделе прекращаются и возобновляются лишь с 1920 г. В это время следует отметить экспедиции Г.П. Сосновского¹⁶ и П.П. Хороших¹⁷. Первый исследователь участвовал в этнологической экспедиции в Балаганский уезд, организованной Иркутским научным музеем в 1921 г. [23]. В ходе экспедиции исследователем были добыты древности, изготовленные из камня, бронзы, меди и железа. П.П. Хороших в 1921-1923 гг. совершил поездки на о. Ольхон, где проводил археологические раскопки, а также по пути туда. На самом острове он открыл неолитические стоянки, описал пещеры и кладбища «хара-монголов». Местность уже была исследована Агапитовым, новым являются «погребения в камнях». Также П.П. Хороших посвятил много внимания писаницам Ольхона.

Таким образом, Восточно-Сибирский отдел ИРГО внес значимый вклад в археологические исследования территорий Центральной Азии, места традиционного расселения монгольских племен. Исследования членов отдела стали важной вехой в описании древней истории этого региона и подтвердили автохтонность монгольского населения, позволили решить вопросы времени заселения территорий Прибайкалья, Забайкалья и Монголии первыми людьми.

Примечания

1. ВСОИРГО – Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского Географического общества. 17 ноября 1851 г. в Иркутске был открыт Сибирский отдел Императорского Русского Географического общества, а в 1877 г. он был переименован в Восточно-Сибирский отдел ИРГО, также используется аббревиатура ВСОИРГО.

2. Территории Прибайкалья (современная Иркутская область), Забайкалья (Республика Бурятия и Читинская область) и Монголии, территории проживания и кочевий монгольских народов.

3. Дмитрий Павлович Давыдов (1811-1888) – поэт, автор стихотворного текста песни «Славное море – священный Байкал», литератор, этнограф, член Сибирского отдела РГО. В 1830-1833 гг. работал учителем в Троицкосавском и Верхнеудинском уездных училищах, был назначен штатным смотрителем Верхнеудинского уездного училища. Оставался в должности до 1859 г. В 1844-1846 гг. работал в Северо-Восточной Сибирской экспедиции. С 1851 г. – член Сибирского отделения РГО. Занимался изучением нравов, фольклора и быта народов Сибири. Проводил археологические исследования на реках Селенга и Уда. В 1843 г. издал «Русско-якутский словарь». В 1859 г. вышел в отставку, переехал в Иркутск, где прожил около 20 лет. В конце 1870-х годов переселился в Тобольск [4].

4. Река Ока – (бур. Аха) – река в Восточной Сибири, левый приток Ангары. Район традиционного кочевья бурят и сойотов.

5. Осип Михайлович Ковалевский (1800-1878) – польский и российский учёный, крупнейший востоковед. Основатель научной школы монголоведения в России. О.М. Ковалевский познакомился с Д.П. Давыдовым в 1832 г. в Троицкосавске, где последний был учителем уездного училища. Однако их переписка началась спустя восемнадцать лет после знакомства, в 1850 г. [21, с. 70-78].

6. Кельберг Петр Андреевич (1818-1896) – активный сотрудник ВСОИРГО, удостоен серебряной медали общества за 18-летние метеорологические наблюдения в Селенгинске. Участвовал в создании Читинского краеведческого музея. Автор более 10 работ по краеведению, ст. «Народная медицина в Сибири», «Селенгинск и его перемежающиеся лихорадки» (1858) и др., соавтор очерка Н.А. Бестужева «Гусиное озеро» [18].

7. Пётр Алексеевич Кропоткин (1842-1921) – русский революционер, один из идеологов анархизма, выдающийся русский ученый, географ, геолог и историк, член РГО.
 8. И.С. Поляков родился в казацкой семье, пограничной станции Ново-Цурухайтуевская в Забайкальской области, на реке Аргунь, мать – бурятка, отец – забайкальский казак.
 9. Иван Дементьевич Черский (1845-1892) – член ВСОИРГО, географ, геолог, палеонтолог.
 10. Николай Иванович Витковский (1844-1892) – археолог-самоучка. С 1873 г. начал свою деятельность во ВСОИРГО, с 1879 года действительный член ВСОИРГО, консерватор музея (1874), член распорядительного комитета ВСОИРГО. Предпринял ряд самостоятельных археологических экспедиций. В 1880 г. при раскопках в устье р. Китой Н.И. Витковским найдены захоронения каменного века (Китойский могильник) [16].
 11. Яков Павлович Дуброва – православный миссионер, учёный-этнограф, работавший в конце XIX в. в течение 5 лет среди калмыков и написавший этнографические заметки о хозяйственном быте калмыцкого народа [6, с. 4-8].
 12. В 1859 г. в Петербурге была образована Императорская Археологическая комиссия – первое государственное центральное археологическое учреждение России. Среди многих направлений её деятельности главными являлись контроль над археологическими раскопками и разведками и распределение древностей (наиболее ценные из которых поступали в собрание Эрмитажа), а также выделение государственных средств на археологические исследования. Это способствовало координации сил российских археологов.
 13. В 1891 г. Клеменц принял участие в орхонской экспедиции Радлова, после чего началось путешествие по Монголии, продлившееся до 1898 г.
 14. Бернгард Эдуардович Петри (1884-1937) – этнограф и антрополог, профессор. Создал кружок «Народоведение», который был назван «Иркутская археологическая школа». До 1918 г. работал в Музее антропологии и этнографии РАН заведующим археологическим отделом. В 1912, 1913 и 1916 гг. был командирован в Прибайкалье, где впервые открыл ряд опорных археологических многослойных поселений и провел широкие этнографические сборы по семейно-родовым отношениям и духовной культуре западных бурят.
 15. Курумчинская культура – археологическая культура, распространённая в Восточной Сибири (Прибайкалье, верховья р. Лены и Ангары) в VI–X вв. Памятники: стоянки, городища, могильники, наскальные изображения (писаницы). Наиболее известны могильники на о. Ольхон на Байкале с надмогильными сооружениями в виде миниатюрных чумов, писаницы на скалах (нанесены красной охрой) в верховьях р. Лены и на р. Куде. Их отождествляют с курыканами, упоминаемыми в письменных источниках [17].
 16. Сосновский Георгий Петрович (1899-1941) – археолог, кандидат исторических наук, член ВСОИРГО, исследователь и один из первооткрывателей сибирского палеолита.
- Павел Павлович Хороших (1890-1977) – историк, известный иркутский археолог, этнограф, кандидат исторических наук, доцент Иркутского университета.

Литература

1. Агапитов Н.Н. Краткий отчет о поездке в Иркутский и Балаганский округа летом 1877 года // Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1878. Т. IX, №3-4.
2. Агапитов Н.Н. Прибайкальские древности // Известия ВСОИРГО. – Иркутск, 1882. – Т. XII, №4-6. – С.8.
3. Давыдов Д.И. О древних памятниках и могильных остатках аборигенов Забайкальской области Верхнеудинского округа // Записки СОИРГО. СПб., 1856. Кн. 2.
4. Действия Сибирского отдела. Летопись Сибирского отдела // Записки СОИРГО. – СПб., 1856. Кн. 1. С. 3.
5. Дуброва Я.П. Поездка в Монголию в 1883 году // Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1884. Т. XV, №3-4. С.1-93; Поездка в Монголию Я.П. Дубровы. Гл. XIV-XXII // Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1885. Т. XVI, № 1, 2, 3. С. 24-238.
6. Дуброва Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии / предисл. М. М. Батмаева. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998.
7. Дэвлет М.А. Д.А. Клеменц как археолог //Советская археология. – 1963. – № 4. С. 3-9.
8. Иркутский государственный университет. 1918-1998 гг. Хроника событий. – Иркутск, 1998. С. 16.
9. Краткий отчет о раскопке могил каменного периода // Известия ВСОИРГО. – Иркутск, 1881. Т. XI, № 3-4; Краткий отчет о раскопке могил каменного периода на левом берегу реки Ангары // Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1882. Т. XIII, № 1-2.
10. Кропоткин П. Поездка в Окинский караул // Записки СОИРГО. СПб., 1858. Кн. 4.
11. Летопись Сибирского отдела. Общее заседание СОИРГО 30 ноября 1859 года // Записки СОИРГО. Иркутск. 1865. Кн. 8. С.6.
12. Манассеин В.С. Очерк исторической деятельности ВСОИРГО за 75 лет его существования // Известия ВСОИРГО. – Иркутск, 1927. Т. L, В. 1. С.61.
13. Материалы для изучения памятников древностей в окрестностях Иркутска // Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1904. Т. 35, № 3.
14. Мордвинов. О древних развалинах, найденных около крепости Тунки в 1809 г. // Записки СОИРГО. СПб., 1856. Кн. 1. С. 13-16.
15. ОГУ ГАИО. Ф. 293 (ВСОИРГО). г. Иркутск (1851-1920). Оп. 1, Ед. хр 74. ОЦ 11. Л. 11, 12, 13, 15. Переписка с членами общества, научными и государственными учреждениями об организации этнографических экспедиций. 1890 г.
16. ОГУ ГАИО Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 8. Переписка с различными учреждениями и лицами по научной деятельности общества за 1880 г.
17. Окладников А. П. История Сибири с древнейших времен до наших дней. – Л., 1968. Т. 1.
18. Петряев Е. Д. Люди и судьбы. – Чита, 1957.
19. Попов А.В. Очерк палеонтологических исследований и достижений ВСОИРГО за 75 лет (1851-1926) // Известия ВСОИРГО. – Иркутск, 1927. Т. L. В.1.
20. Поляков И.С. Три путешествия по Олонцкой губернии. – Петрозаводск, 1991. 215 с.
21. Полянская О.Н. Письма О.М. Ковалевскому из Сибири // Вестник Международного центра азиатских исследований. 2002. №10. – С. 70-78.

22. Полянская О.Н. Поездка В.Л. Котвича в Монголию в 1812 г. По материалам архива Польской академии наук // Буддийская культура: история, источниковедение, языковедение и искусство: Пятое доржиевские чтения. – СПб.: Гиперион, 2013. С. 334-338.

23. Сосновский Г.П. К археологии Ангарского края // Сибирская живая старина. – Иркутск, 1923. Вып. 1.

24. Черский И.Д. Несколько слов о вырытых в Иркутске изделиях каменного периода // Известия ВСОРГО. Иркутск, 1872. Т. III, №3.

25. Черский И.Д. Об ископаемых остатках северного оленя, вскрытых в окрестностях г. Иркутска, и современной им фауне // Известия ВСОРГО. Иркутск, 1874. Т. V, № 2. С. 69.

26. Черский И.Д. Описание некоторых ископаемых остатков млекопитающих животных, вырытых в Нижнеудинской пещере // Известия ВСОРГО. – Иркутск, 1879. Т. X, №1-2.

27. Ядринцев Н.М. Предварительный отчет о поездке с археологической и этнографической целью в Северную Монголию и вершины Орхона // Известия ВСОРГО. Иркутск, 1889. Т. XX, №4.

Арсеньева Любовь Георгиевна, аспирант Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: kaf_isto@bsu.ru
Arseneva Lyubov Georgievna, postgraduate student, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: kaf_isto@bsu.ru

УДК 303.01

© А.А. Белькова

Исторический институционализм – новое направление в исторических исследованиях*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ, проект № 13-33-01260.

В статье представлен обзор исторического направления институциональной теории. Автор рассматривает формирование данного теоретического подхода, основные положения данной теории, важнейшие работы по историческому институционализму. Кроме того, в работе анализируются основные преимущества изучения институтов в историческом контексте.

Ключевые слова: институты, исторический институционализм, политика, нормы.

A.A. Belkova

Historical institutionalism – a new trend in historical researches

This article is a review of historical trend of institutional theory. The author considers formation of this theoretical approach, basic provisions of this theory, major works on historical institutionalism. In addition, the main advantages of studying institutions in historical context are analyzed in this work.

Keywords: institutions, historical institutionalism, policy, norms.

Данная статья представляет собой обзорную работу, в которой рассматриваются перспективы применения исторического институционализма как теоретического подхода к осмыслению сложных и многогранных социальных и политических изменений в современном мире. Исторический институционализм возник на основе нового институционализма. Понятие институтов как установленных правил, упорядочивающих поведение и механизмов поддержания этих правил пришло именно из новой институциональной теории. Исторический институционализм имеет свои особенности. Во-первых, он преимущественно изучает роли политических институтов, во-вторых, вводит временной фактор в институциональный анализ. Исторический институционализм отличается от других теоретических подходов пристальным вниманием к реальным эмпирическим проблемам, своей исторической ориентацией и вниманием к тому, каким образом институты структурируют и фор-

мируют социальное, политическое, экономическое поведение. Кроме того, исторический институционализм изучает то, как институты определяют результаты принятых акторами решений.

Достоинство исторического институционализма заключается в том, что традиционно он используется для исследования конкретных важных ситуаций и событий с помощью сравнительного анализа в исторической перспективе. Признание этим теоретическим направлением того, что история имеет значение, позволяет исследовать формирование и трансформацию институтов в историческом контексте. Это преимущество сделало исторический институционализм одним из популярных теоретических направлений в современных мировых политических исследованиях. В России этот теоретический подход не получил распространения. Существующие работы являются обзорными и посвящены анализу современного состояния ин-

ституциональной теории вообще. Исторический институционализм в них рассматривается лишь как одно из направлений современных институциональных исследований. Главной работой является статья Н. Флигстина, опубликованная еще в 2001 г. [8] Также на эту тему писали К. Завершинский [1], О. Зазнаев [2], С. М. Ильченко [3], Т. Никитина [4], С. Патрушев [5], В. Патцельт [6], Р. Тоштендаль [7].

В 1984 г. Дж. Марч и Дж. Олсен своей статьей положили начало возрождению институционализма [10, с. 18] в науках об обществе. Они утверждали, что нельзя сводить изучаемые ситуации и явления к сумме индивидуальных поведений, они должны быть объяснены с точки зрения институтов. С тех пор появилось множество исследований на основе институционального анализа. Сама теория разделилась на несколько течений. В 1994 г. П. Холл и Р. Тейлор выделяли четыре направления новых институциональных течений: исторический институционализм, институционализм рационального выбора, экономический институционализм и социологический институционализм [8, с. 29]. В 1999 г. Б. Гай Питерс писал о по меньшей мере семи течениях институционализма в изучении политики, в том числе о нормативном институционализме, институционализме рационального выбора, историческом институционализме, эмпирическом институционализме, социологическом институционализме, институционализме представительства интересов (interest-representation), международных исследованиях в рамках институционализма [17]. Все эти направления объединяет идея о том, что институты являются переменной, объясняющей большую часть политической жизни, что являются факторами, требующими объяснения. Институты имеют значение [20, с. 63].

Исторический институционализм вышел из сравнительной политологии. Сам термин впервые появляется в начале 1990-х гг., а в 1992 г. выходит первая фундаментальная специализированная работа С. Штейнмо, К. Телен, Ф. Лонгстрета «Структурирование политики: исторический институционализм в сравнительной политологии». Однако С. Штейнмо утверждает, что многие наиболее интересные и важные политические исследования, написанные ранее, можно отнести к историческому институционализму, несмотря на то, что в то время, когда они были написаны, такого термина еще не существовало. Среди таких работ он выделяет «Великую трансформацию» К. Поланьи, «Государства и социальные революции» Т. Скочпол, «Поли-

тический порядок в меняющихся обществах» С. Хантингтона, «Социальные истоки диктатуры и демократии» Б. Мура и другие.

Исторические институционалисты показывают, что на политические результаты влияют существующие политические институты. Институты в наиболее общем виде понимаются как заданные правила, нормы. В. Штрик и К. Телен фокусировались на изучении формальных институтов и организаций [9], М. Маркуссен [16] и П. Холл [13] – на неформальных. И формальные, и неформальные институты важны для политики, потому что они определяют, кто участвует в принятии решений и в то же время их стратегическое поведение.

Исторический институционализм обращается не просто к анализу декларируемых правил, а к реальным действующим нормам. Для описания этого вводится категория «непредвиденные последствия», означающая, что создатели норм не всегда в состоянии предсказать, как они будут действовать и какие результаты проявятся по прошествии некоторого времени. Также в историческом институционализме важную роль играет понятие «зависимость от первоначально выбранного пути», которое описывает, как задаются границы, в рамках которых акторы могут реализовывать свои предпочтения.

В итоге исторический институционализм уделяет особое внимание изучению реальных политических результатов, он отвергает анализ идеальных моделей. Именно поэтому данный подход распространен в кросс-национальных сравнительных исследованиях. Вместо того чтобы предполагать, что все находятся в равных условиях, делая выбор, исторический институционализм выдвигает на первый план неравномерность распределения власти среди отдельных акторов. Этот подход не объявляет институт единственной переменной, имеющей значение. Напротив, он исследует взаимодействия между институтами и другими факторами, такими как социально-экономические изменения, идеологические течения, интересы акторов и их стратегии, таким образом, помещая институты в более широкий контекст. Такие методологические принципы обуславливают тенденцию изучать в рамках исторического институционализма важные и значимые события и ситуации, такие как возникновение революций или развитие социальных систем. Исследователи, работающие в рамках этого направления, имеют общую стратегию исследования: П. Бернэм, К. Гилланд, У. Грант [10], А. Грейф, Д. Лэйтин [12], П. Холл, Р. Тейлор [14], Э. Иммергут [15], П. Пирсон, Т.

Скочпол [19], К. Телен [23], С. Штейнмо [24].

Исторический институционализм позволяет избегать недостатков теории рационального выбора и социологического институционализма. Теория рационального выбора определяет людей как рациональных индивидуалистов, которые всегда стремятся максимизировать собственные интересы. Институты в данном подходе играют роль лишь ограничителей стратегического поведения индивида. Они соблюдают существующие нормы потому, что сотрудничество позволяет им добиваться большей личной выгоды. В рамках социологического институционализма, напротив, люди соблюдают правила в соответствии с разумной достаточностью, действуют по привычке. Целью акторов является достижение устраивающего их уровня удовлетворения собственных интересов, они следуют логике целесообразности.

Исторический институционализм отвергает суждения о том, что люди просто следуют правилам по привычке, или что они действуют стратегически, максимизируя собственные интересы. В рамках этого направления в ситуации выбора важны все три фактора: актор, контекст и правила. Исторический институционализм задается вопросами о том, почему был сделан определенный выбор и/или почему это привело к определенному результату. Таким образом, любой значимый политический результат понимается как итог взаимодействия таких факторов, как поведение актора, максимизация его интересов, следование правилам. И для того чтобы понять, какое именно поведение было решающим (преследование собственных интересов, привычка и т.п.), исторические институционалисты обращаются к историческим фактам.

Выражение «история имеет значение» не означает простое увеличение переменных для анализа. Введение в институциональный анализ временной характеристики позволяет учитывать несколько факторов. Во-первых, политические события происходят в историческом контексте, который напрямую влияет на принимаемые решения или происходящие события. Во-вторых, история важна потому, что акторы могут использовать свой предыдущий опыт. Исторический институционализм принимает во внимание, что поведение, взаимоотношения и принимаемые стратегические решения вписаны в конкретный социальный, политический, экономический, культурный контексты. Это позволяет точнее объяснять конкретные ситуации, чем если бы они изучались одномоментно. Политические выбор, сделанный в момент времени А,

имеет важные последствия для времени В. Впервые на это указал Е. Штаттшнайдер [21, с. 165], а позже П. Пирсон в серии работ показал, как и почему политический выбор в одной точке во времени влияет на выбор в последующие моменты времени [18].

Таким образом, углубляя и обогащая свое понимание исторического момента и акторов в нем, исторические институционалисты в состоянии предложить более точные объяснения конкретных событий, которые они исследуют, чем если бы они обращались к своим переменным вне временного измерения. Г. Эспинг-Андерсон [11], изучая государство всеобщего благосостояния, указал, что, являясь фактом современной политической жизни, оно само по себе формирует политику и ожидания. П. Пирсон также показал, что ожидания формируются прошлым. Для исторического институционализма история не является цепью независимых событий. Переменные анализа могут и часто формируют друг друга. И исторический институционализм фокусируется на этом вопросе, изучая взаимозависимость множественных причинных переменных.

При таком подходе на первый план выходит понятие «изменение». Для других направлений институционализма очевиден факт, что изменение институтов сопряжено с трудностями. Любой институт является частью более крупного набора норм. Изменение одного набора правил повлечет за собой изменения и других, тех, что взаимосвязаны с ним. Это означает, что те акторы, для которых связанные институты благоприятны, будут активно сопротивляться их трансформации. Кроме того, люди формируют определенные ожидания вокруг конкретных институтов. Изменение правил может повлечь за собой долговременные последствия, предсказание которых затруднено или невозможно («непредвиденные последствия»). В этом случае многие предпочли бы продолжать использовать прежние институты, даже если они не оптимальны. Изменение институтов может стать нежелательным, потому что люди вкладывают свой капитал в изучение действующих институтов. Изменение правил может повлечь за собой значительные расходы, необходимые для изучения новых норм, а также обесценить прошлые вложения ресурсов. Это ведет к сопротивлению тех, кто не хочет нести любые новые расходы.

В такой ситуации возникает проблема: почему тогда институты все-таки изменяются. Исторический институционализм фокусируется именно на проблеме трансформации институтов.

В. Штрик и К. Телен разработали модели институциональных изменений. В. Штрик предполагает, что для объяснения институциональных изменений необходимо ввести понятие «идеи», полагая, что институциональные изменения возникают, когда у влиятельных акторов есть воля и способность изменять институты в пользу новых идей. В любом случае исторический институционализм отвергает теорию прерывистого равновесия, согласно которой институты остаются чрезвычайно стабильными, пока на них не воздействует внешнее (экзогенное) потрясение.

Как уже было сказано, для исторического институционализма характерны кейс-стади. После работы Т. Скочпол о революциях, в которой она пришла к выводу, что структура государственных институтов в дореволюционный период имела огромные последствия для революционных результатов, появилось множество аналогичных сравнительных транснациональных исследований. Для исторического институционализма характерны тематические сравнительные кейс-стади.

Э. Иммергут изучала историю политики в области здравоохранения в разных странах. Ее интересовало, почему одни страны разрабатывают всеобъемлющие национальные системы здравоохранения, а для других характерны децентрализованные и носящие фрагментарный характер программы страхования. Она обнаружила, что невозможно объяснить различия в результатах политики в области здравоохранения, не объясняя, каким образом их структурируют политические институты в той или иной стране.

С. Штейнмо, анализируя историческую эволюцию налоговой политики в Швеции и США, пришел к выводу о том, что очень разные политические институты, через которые основная масса населения и элитные группы транслируют свои пожелания в политику, имеют огромное влияние на структуру фактических результатов налоговой политики. На основе обширных исторических данных он понял, что для Швеции характерны корпоративистские институты принятия решений, а США свойственны фрагментированные плюралистичные институты. Этот определенный выбор обусловил чрезвычайно различные системы бюджетных доходов и соответственно различные способности финансирования популярных программ в здравоохранении, образовательной политике и политике в отно-

шении рынка труда. Б. Ротштейн рассматривал исторические условия формирования профсоюзного движения в разных странах. Он обнаружил, что особая структура институтов национального страхования на случай безработицы была важным инструментом мобилизации и организации профсоюзов в некоторых странах. В. Хэттэм рассматривала историю рабочего движения в Америке и пришла к выводу о том, что структура американских партий и электоральных институтов препятствовала политическим стратегиям профсоюзных активистов.

Стремление исторического институционализма к рассмотрению значительных исторических событий и явлений является основной претензией критиков этого теоретического направления. Подобные исследовательские кейсы слишком редки и распределены неслучайным образом. С другой стороны, введение в институциональный анализ исторического контекста придает этому теоретическому направлению высокую практическую значимость. Исследование институтов вне исторической перспективы опасно игнорированием важных причинно-следственных связей.

Исторический институционализм позволяет изучать формирование и изменение различных институтов, в первую очередь традиционно политических. Несмотря на то, что данный подход вводит принцип «зависимости от первоначально выбранного пути», его нельзя обвинить в детерминированном подходе к истории. Сами объекты исследования (институты и акторы) изменяются, адаптируются и зависят от самой истории. Исторические институционалисты полагают, что прогнозирование может быть только приблизительным из-за непредвиденных обстоятельств и сложных взаимодействий взаимозависимых переменных с течением времени. Основной задачей исторического институционализма является объяснение сделанного выбора и того, как он привел к определенному результату.

Исторический институционализм сегодня – одна из популярных методологий институциональных исследований в мире. В современной России уже сформировалась традиция новых институциональных исследований. Хочется верить, что в ближайшем будущем российские исследователи начнут рассматривать институты в историческом контексте, что откроет перед ними новые перспективы.

Литература

1. Завершинский К.Ф. «Эффект колеи» в методологии политико-культурных исследований институциональной динамики современного российского общества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2014. – №1. – С. 71-79.
2. Зазнаев О.И. Политическая институционализация: концептуальный анализ // Вестник Казанского государственного технического университета им. А. Н. Туполева. – 2005. – № 4 (40). – С. 70-73.
3. Ильченко М.С. Инерция в развитии российской политической системы: подходы к анализу // Социум и власть. – 2013. №3. С. 20-24.
4. Никитина Т.А. Концепция социально-политических институтов как теоретическая основа политологического исследования общественной эволюции // Вестник Башкирского университета. – 2011. – №1. – С. 208-213.
5. Патрушев С.В. Институционализм в политической науке: этапы, течения, идеи, проблемы // Политическая наука. Западная политология в XX столетии. – 2001. – №2. – С. 146-186.
6. Патцельт В. Эволюция институтов, морфология и уроки истории. Можно ли извлекать уроки из истории? // Политическая наука. – 2012. – №3. – С. 50-70.
7. Тоштендаль Р. Возвращение историзма? Нео-институционализм и «исторический поворот» в социальных науках // Диалог со временем. -2010. – № 30. – С. 14-25.
8. Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология. – 2011. Т. 2, № 4. – С. 28-55.
9. Beyond Continuity: Institutional Change in Advanced Political Economies W. Streeck and K.Thelen (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2005.
10. Burnham P., Gilland K., Grant W., Layton-Henry Z. Research Methods in Politics. New York: Palgrave, 2004.
11. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity, 1990.
12. Greif A., Lai tin, David D. A Theory of Endogenous Institutional Change // American Political Science Review. 2004. № 98(4). P. 633-52.
13. Hall P. The Political Power of Economic Ideas. Princeton University Press, 1989.
14. Hall P., Taylor R. Political Science and the Three New Institutionalisms // Political Studies. 1996. №44. P. 936-57.
15. Immergut E. The Theoretical Core of the New Institutionalism // Politics and Society. 1998. №26(1). P. 5-34.
16. Marcussen M. Ideas and Elites: The Social Construction of Economic and Monetary Union. Aalborg University Press, 2000.
17. Peters B. Institutional Theory in Political Science: The «New Institutionalism». London: Pinter, 1999.
18. Pierson P. When Effect Becomes Cause: Policy Feedback and Political Change // World Politics. 1993. №45. С. 595–628., Increasing Returns, Path Dependence and the Study of Politics // American Political Science Review. 2000. №94(2). С. 251–68, Politics in Time: History, Institutions, and Social Analysis. Princeton University Press, 2004.
19. Pierson P., Skocpol T. Historical Institutionalism in Contemporary Political Science in Political Science: The State of the Discipline, Katznelson I., Milner H. (eds). New York: Norton, 2002.
20. Shu-Yun Ma Political Science at the Edge of Chaos? The Paradigmatic Implications of Historical Institutionalism // International Political Science Review / Revue internationale de science politique. 2007. №28(1). P. 57-78.
21. Steinmo S. What is Historical Institutionalism? in Approaches and Methodologies in the Social Sciences A Pluralist Perspective, Porta D. (eds). M.Keating. New York: Cambridge University Press, 2008.
22. Steinmo S., Thelen K., Longstreth F. Structuring Politics: Historical Institutionalism in Comparative Perspective. New York: Cambridge University Press, 1992.
23. Thelen K. Historical Institutionalism in Comparative Politics // Annual Review of Political Science. 1999. №2. P. 369-404.
24. Thelen K., Steinmo S. Historical Institutionalism in Comparative Politics in Structuring Politics: Historical Institutionalism in Comparative Analysis, Thelen K., Steinmo S. (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

Белькова Анастасия Анатольевна – аспирант Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, e-mail: mikhalew80@mail.ru

Belkova Anastasiya – postgraduate student, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS.

УДК 281.9(091) (571.54)

© Н.Н. Корниенко

**Специфика деятельности Батуриного Сретенского женского монастыря в Прибайкалье
(конец XX – начало XXI в.)**

В статье рассматривается возрождение святыни Прибайкалья – Батуриного Сретенского монастыря Улан-Удэнской и Бурятской епархии Русской православной церкви. Приведен анализ многогранной деятельности Сретенского монастыря конца XX – начала XXI в.

Ключевые слова: православие, Батуриный Сретенский монастырь, монашество, Прибайкальский регион, экономическая деятельность, игуменья Ника (Толмачева).

N.N. Kornienko

Specific character of activity in Baturino Sretensky convent in the Baikal region (late XXth – early XXIst century)

The article deals with the rebirth of the orthodox shrine in the Baikal region – the Baturino Sretensky convent of the Ulan-Ude and Buryat diocese of the Russian Orthodox Church. The analysis is focused on the various economic activity of Sretensky convent in the late XXth – early XXIst century.

Keywords: the Orthodoxy, Baturino Sretensky convent, monkhood, the Baikal region, economic activity, hegumeness Nika (Tolmacheva).

Распад Советского Союза и образование Российской Федерации, падение атеистического режима и реформирование общества обусловили всплеск религиозного сознания. Как следствие, одной из религиозных составляющих многоконфессиональной страны являются православные монастыри Русской православной церкви (РПЦ). Самобытный характер монашеской жизни представляет Батури́нский Сре́тенский женский монастырь.

Историософский анализ многоотраслевой деятельности Батури́нского женского монастыря в с. Батурино Прибайкальского района Республики Бурятия конца XX – начала XXI в., несомненно, актуален. Это позволяет исследовать не только распространение православия, но и процесс возрождения духовности в Бурятии. Многогранный исторический опыт деятельности Батури́нского Сре́тенского женского монастыря требует внимательного изучения и систематизации в историческом, культурологическом и религиозноведческом аспектах. Способствуя духовному просвещению и нравственному развитию людей, Батури́нская обитель выполняет ряд общественных функций – идеологическую, культурную, социальную. Одна из ее ведущих функций – влияние на духовную жизнь и национально-культурную динамику Прибайкалья, что тоже нужно исследовать.

Тема деятельности Батури́нского Сре́тенского женского монастыря исследовалась историками, религиоведами, культурологами и искусствоведами лишь вскользь. Поэтому целью нашей статьи является постановка и попытка освещения наименее исследованных аспектов деятельности Батури́нской обители конца XX – начала XXI в. Источниковедческая база исследования состоит из комплекса историографических и исторических источников. Историография деятельности Батури́нского монастыря (ранее – церковь во имя Сретения Господня в с. Батурино) представлена рядом работ историков и религиозных деятелей XVIII – начала XXI в. [4].

Наиболее ранние письменные сведения о

притаинских поселениях содержатся в материалах Академического отряда II Камчатской экспедиции под руководством Г.Ф. Миллера, проводившего свои исследования в 30-х годах XVIII в. Основная часть этих материалов собрана в 199 фонде Центрального государственного архива древних актов и в 21 фонде Петербургского отделения архива Академии наук. Фрагменты этих материалов опубликованы в работах А.Х. Элерта (в основном переводы с текстов на немецком языке), Д.Я. Резуна, А.И. Андреева и др. Деревня Батурино упоминается в географическом описании Нерчинского уезда, составленном Г.Ф. Миллером (в кн. А.Х. Элерта «Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири», Новосибирск, 1990), по путевым отчетам студентов А. Горланова, С. Крашеникова, геодезиста А.Иванова, проезжавших по Баргузинскому тракту зимой 1736 г. В ЦГАДА сохранилось несколько списков деревень, относящихся к Итанцискому острогу, составленных, видимо, в первой половине XVIII в. Подобный список, но несколько отличающийся, приводит в своей работе А.Х. Элерт [15].

Анализируя источники и научные труды XVIII–XIX вв., исследователи большое внимание уделяли историческим и экономическим описаниям деятельности Батури́нской обители, рассматривали ее в контексте общеисторического развития региона. В фондах местных архивов (Центральный государственный архив Республики Бурятия и Государственный архив Иркутской области) сохранились материалы с конца XVIII века, связанные в основном с деятельностью священников Батури́нской Сре́тенской церкви. Эти материалы составляют 166 фонд (Батури́нская Сре́тенская церковь) ЦГА РБ и д.1192 50 фонда ГАИО (О построении в Батури́нской слободе вместо деревянной церкви вновь каменной во имя Сретения Господня) [8]. 1 февраля 1811 г. «приходские люди» решили перестроить деревянный храм на каменный [3]. Закладка состоялась летом 1813 г., а само строительство растянулось на годы. В сентябре 1829 г. освятили нижний придел, а еще через

семь лет, в августе 1836 г., – верхний [6]. 28 мая 1935 г. церковь закрыли и стали использовать под клуб [7]. С 1971 г. церковь не использовалась и была принята на государственную охрану постановлением СМ БурАССР № 379 от 29.09.1971 г. [9].

Кроме уже упоминавшегося научного издания А.Х. Элерта можно отметить опубликованные «Материалы комиссии Куломзина. Вып. 2. Статистические данные» (СПб., 1895), содержащие статистические материалы по с. Батурино и Батуриной волости. Описание Батуриной Сретенской церкви встречается в монографии Л.К. Минерта «Памятники архитектуры Бурятии» (Улан-Удэ, 1983). Село Батуриное встречается в исторических исследованиях М.М. Шмулевича «Очерки по истории Западного Забайкалья» (Новосибирск, 1985), Е.М. Залкинда «Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX века» (М., 1985). Вскользь о Батуриной церкви упоминается в статье В.В. Попова «Декабрист И.Ф. Шимков на поселении в селе Батурином» – в книге «Декабристы в Бурятии» (Верхнеудинск, 1927).

Итак, источниковедческая база по затрагиваемой проблеме в целом хотя и многочисленная и репрезентативная, однако не вполне достаточная. Поэтому целостный характер монастырской культуры Батуриной обители требует комплексного подхода к ее изучению.

В связи с возросшим интересом историков, культурологов, искусствоведов и религиоведов к церковному прошлому Прибайкалья увеличилось количество материалов об истории деятельности Батуриной обители. Отметим работу регионального историка православия А.Д. Жалсараева «Поселения, православные храмы, священнослужители Бурятии XVII–XX столетий. Энциклопедический справочник» (Улан-Удэ, 2001).

В настоящее время существуют различные версии относительно основания храма. Нас интересует деятельность Батуриного Сретенского женского монастыря.

Приказом Министерства культуры РБ за №110 от 14 мая 1999 г. Сретенская церковь в с. Батурино была передана Русской православной церкви. В том же году начинаются реставрационные работы под попечительством известных в Бурятии лесопромышленников – братьев Пруидзе: Георгия, Геннадия и Евгения. Они смогли привлечь больше десяти предприятий-подрядчиков со всего Прибайкальского района. Было запроектировано строительство иконной лавки, двухэтажного дома священника, трапез-

ной, гостиницы для приезжих и свечного завода. В 1999 г. были установлены колокола, отлитые на Каменск-Уральском металлургическом заводе и подаренные монастырю Обществом с ограниченной ответственностью «Вектор» [1, с. 12]. 28 ноября 1999 г. благочинный Бурятского округа Читинской и Забайкальской епархии РПЦ протоиерей Олег Матвеев совершил освящение нижнего храма в честь великомученика Георгия Победоносца. На освящении присутствовал президент Республики Бурятия Л.В. Потапов [5, с. 2].

8 марта 2000 г. управляющим Читинской и Забайкальской епархии епископа Евстафия (Евдокимова) было принято решение благословить открытие Сретенского женского монастыря в с. Батурино [14, с.1].

Первой настоятельницей Батуриного Сретенского женского монастыря была назначена монахиня Глафира (Сергеева) – врач-хирург, уроженка Вятской земли. На ее плечи легло нелегкое бремя возрождения монашества в Прибайкалье, материнской опеки сестер, которые, несмотря на все трудности монашеской жизни, наполнили стены обители. Первый монашеский постриг в новосозданном монастыре состоялся 18 декабря 2000 г. Были пострижены в мантию Тамара Загузина с именем Тавифа, Елена Волкова с именем Евникия, в рясофор – Евгения Козлова с именем Емилия. После матушки Глафиры обязанности настоятельницы исполняли монахиня Тавифа (Загузина), монахиня Евникия (Волкова), монахиня Арсения (Шпилевская).

Последующее возрождение Батуриного Сретенского женского монастыря связано с деятельностью игуменьи Ники (Толмачевой), бывшей насельницы Тихвицкого Богородского женского монастыря Чебоксарско-Чувашской епархии, которая прибыла в обитель в ноябре 2009 г. 18 февраля 2011 г. монахиня Ника была возведена в сан игуменьи с вручением посоха по должности.

Деятельность игуменьи Ника характеризуется строительством целой сети административных и хозяйственных зданий. Монастырские дома после передачи храма РПЦ первоначально строились семьей Пруидзе как туристический комплекс. Впоследствии они были переданы монастырю. С годами дома стали требовать капитального ремонта и реконструкции. Кроме того, ни один из них не вмещал всех сестер обители. Летом 2011 г. настоятельница обители игуменья Ника приступила к возведению нового келейного двухэтажного корпуса. Толчком к началу стройки стал более чем двухмиллионный вклад основателя ООО «Вектор» Евгения Вар-

лаамовича и всей семьи Пруидзе. Супруги Чаюн пожертвовали обители столярную мастерскую, архитектор Ольга Зибельман подготовила эскизный проект дома. Генеральным подрядчиком строительства стал А.Г. Ковалев, с техникой помог депутат Прибайкальского района А.Д. Середкин. При активном участии советника президента Бурятии по социальным вопросам Н.Н. Хамагановой прошел благотворительный марафон по сбору средств [11, с. 3].

Пытаясь не только восстановить храм и монастырские постройки, игуменья Ника стремится возродить монашескую жизнь в Прибайкалье, ее усилиями для молитвенной поддержки сестер и прихожан Сретенская обитель в с. Батурино наполнилась святынями. В 2005 г. по благословению епископа Читинского и Забайкальского Евстафия монастырь получил в подарок частицу Животворящего Креста Господня. Она находится в верхнем или нижнем приделе храма в зависимости от времени года, где также хранятся следующие частицы святых – преп. Варлаама Чикойского, вмч. Георгия Победоносца, вмч. Евстафия Плакиды, вмч. Пантелеимона, святителя Иннокентия Иркутского и других. Сегодня в Прибайкалье обитель становится центром паломничества верующих, туристов и краеведов. Круглый год монастырь принимает на содержание паломников. На его территории есть иконная лавка.

Приведем несколько слов о внутренней жизни обители. В Батуринском монастыре введено совместное проживание. Созданы условия настоящего подвижничества, не допускающие монашеской собственности, предусматриваются ежедневные совместные богослужения. В обители общая трапеза, прием пищи согласно монастырскому уставу осуществляется на кухне трижды.

Монастырская жизнь сосредоточивается вокруг церковной молитвы, с которой начинается и завершается день монахини. Церковное богослужение в Батуринском монастыре осуществляет настоятель близлежащего Спасского храма с. Турунтаево протоиерей Александр Барашкин.

Между молитвами ежедневный труд, что является основой монашеской жизнедеятельности в православной обители. У каждой насельницы свое монашеское послушание. Сестры монастыря выполняют различные работы, которые по монастырскому уставу называются послушанием. Некоторые обязанности постоянные: регент, уставщик (послушание клиросе), келарь, эконом (хозяйственная деятельность), ризничная, алтарница, свечница (послушание в церкви).

Сегодня в стенах Батуринского монастыря

можно проследить функционирование следующих мелких мастерских: иконописной, пошивочной и других, в которых работают художники, портные и др. Также усилиями настоятельницы Ники при монастыре восстановлена ризница [12, с. 3].

Следующим видом монашеского послушания является труд на просфорне, кухне, трапезе и пекарне. Просфорня оснащена современным оборудованием, в частности печами. Здесь выпекают просфоры. Сама монастырская трапеза традиционно готовится на дровах.

Существенным фактором, который корректирует характер деятельности обители, являются источники материального содержания монастыря. Конец XX – начало XXI в. – время тяжелого материального положения для Батуринской обители. Значительную роль сыграли пожертвования верующих. На просьбу настоятельницы откликаются семьи Кармадоновых из Иркутска, Коростелевых из Челябинска, Бредний из Улан-Удэ. В настоящее время монастырь постепенно приобретает все необходимое благодаря пожертвованиям меценатов и постепенно превращается в крепкое хозяйство, где есть все для нормального жизнеобеспечения его насельниц. Введены в действие баня и прачечный комплекс. Это новостройки 2013 г.

Хозяйственная деятельность Батуринской Сретенской женской обители многоотраслевая и структурированная, частично удовлетворяет собственные потребности и является примером рационального ведения сельского хозяйства. Огородничество, животноводство и садоводство – направления монастырского хозяйства, дающие прибыль обители, частично обеспечивают потребности питания. При помощи бактериальных концентратов «УГЛИЧ-БК» сестры изготавливают из молока сметану, ряженку, йогурт, бифидоки. Закваску с «живыми» бактериями выписывают по почте с Ярославской «Экспериментальной биофабрики» Россельхозакадемии. Сестры работают в подсобном хозяйстве, поскольку обитель держит разный скот, о чем свидетельствует наличие специальных зданий для скота – дворов и хлевов. Большое количество сенокосов (8 га) лишь подтверждает этот факт [2].

Формирование земельной и имущественной собственности, многоотраслевая структура монастырского хозяйства превратили монастырь в один из самых развивающихся в Прибайкальском районе. Сейчас в монастыре четыре дойные коровы, телочка и бычок, пять коз, сто куриц, около пятидесяти цыплят, два индюка, два десятка перепелов [13].

Батури́нская Сре́тенская же́нская оби́тель сегодня характеризуется как один из важнейших очагов сакральной культуры в Прибайкалье. Стараниями игуменьи Ники и настоятеля Спасского храма с.Турунтаево протоиерея Александра Барашкина в феврале 2011 г. на базе Прибайкальской межпоселенческой библиотеки в с. Турунтаево открыта «кафедра духовной литературы», цель которой – приобщение населения народа к духовности, изучение традиций и культуры народностей, проживающих на территории Прибайкальского района. В читальном зале представлена книжная экспозиция, где отражено распространение православной веры в Прибайкалье, а также история создания Сретенского монастыря. На 1 января 2012 г. фонд духовной литературы библиотеки превысил 500 экземпляров [10, с.76].

Немалую роль в культурно-просветительской деятельности Прибайкалья играет собственно библиотека Батури́нской Сре́тенской же́нской

обители, которая обеспечена литургической, богословской, библейской, вероучительной, полемической, историко-церковной, церковно-правовой и агиографической литературой.

Проведенный анализ современного состояния Батури́нского монастыря как религиозно-культурного центра Прибайкалья позволяет сделать вывод, что эта проблема решена не полностью. По результатам исследования выявлено, что монастырская культура края является самобытной составляющей отечественного духовного наследия, а исследования духовной динамики Сретенского женского монастыря вызывают интерес. Поэтому, упорядочивая богатый и разносторонний материал по истории Батури́нской Сре́тенской же́нской обители, можно по-новому посмотреть на особенности ее развития, выявить и осветить ряд новых аспектов и тенденций, а широкий спектр направлений деятельности духовного центра требует дальнейшего исследования.

Литература

1. Алисова М. Божьи люди // Правда Бурятии. – 2001. – 13 апр. – (№103). – С. 12.
2. Встреча: информационный миссионерский листок Сретенского женского монастыря. – Батурино, 2013.
3. Государственный архив Иркутской области. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1192.
4. Иркутские Епархиальные Ведомости: официальная газета иркутского духовенства. – Иркутск, 1863-1917.
5. Казьмин П. В Батури́не открылся православный храм // Бурятия. – 1999. – 2 дек. (№228). – С. 2.
6. Минерт Л.К. Памятники архитектуры Бурятии / предисл. А.П. Окладникова. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 121.
7. НАРБ. Ф. Р-248. Оп. 3. Д. 207. Л. 37.
8. НАРБ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 6.
9. Памятники архитектуры и истории. Т.1. Свод объектов культурного наследия Республики Бурятия / науч. ред. В.К. Гурьянов. – Улан-Удэ, 2010.
10. Патрушева Т.К. «И не погаснет то, что раз в душе зажглось...»: опыт работы кафедры духовной литературы «Лампада» в Прибайкальской межпоселенческой библиотеке // Кирилло-Мефодиевские чтения–2012: материалы респ. науч.-практ. конф. (24 мая 2012 г.) / отв. ред. Ж.Б. Ильина; отв. за вып. Р.И. Хамаганова. – Улан-Удэ, 2012. – С. 75-79.
11. Сутырина О. Монастырская стройка, или Обыкновенное чудо // Прибайкалец. – 2012. – 6 авг. (№15). – С. 3.
12. Сутырина О. Сретенской церкви 180 лет: возродим души, возродится все // Прибайкалец. – 2009. – 13 февр. (№6). – С.3.
13. Сутырина О. Там, где небо приближается к земле // Земля. – 2005. – 2 апр.
14. Фадеева А. Оставить надежду людям // Бурятия. – 2000. – 11 мая (№86). – С. 1.
15. Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. – Новосибирск: Наука, 1990. – 247 с.

Корниенко Николай Николаевич, кандидат богословия, магистрант БГУ, e-mail: niknik-84@mail.ru

Kornienko Nikolay Nikolaevich, candidate of theology, graduate student, Buryat State University, e-mail: niknik-84@mail.ru

УДК 94(571.54)

© Д.Р. Касаточкин

Бурятские национальные части в составе Азиатской конной дивизии (1919-1920 гг.)

Статья посвящена бурятским национальным частям, входившим в состав Азиатской конной дивизии в 1919-1920 годах. На основе архивных материалов и воспоминаний современников показаны военно-политическая ситуация в Забайкалье, причины и предпосылки возникновения бурятских национальных частей в составе белых войск атамана Г.М. Семенова.

Ключевые слова: гражданская война, Забайкалье, Г.М. Семенов, Р.Ф. Унгерн, Азиатская конная дивизия.

D.R. Kasatochkin

The Buryat national units as a part of the Asian Cavalry Division (1919-1920)

This article is devoted to the Buryat national units, which were a part of the Asian Cavalry Division in the 1919-1920s. On the basis of archival materials and memoirs of contemporaries, the article reveals the military and political situation in Transbaikalia, the causes and prerequisites of the origin of the Buryat national units in the white troops of ataman G.M. Semenov.

Keywords: the Civil War, Transbaikalia, G.M.Semenov, R.F.Ungern, the Asian Cavalry Division.

Одной из особенностей Азиатской конной дивизии было то, что, являясь белой частью, в ее состав входили бурятские национальные вооруженные формирования, что придавало ей определенную специфику. Для понимания этой специфики необходимо рассмотреть обстановку, в ходе которой возникла необходимость создания бурятской национальной, а также проследить характер изменения отношения бурят к противоборствующим сторонам гражданской войны.

Бурятское национальное движение возникло в начале XX века. Земельные и административные реформы 1900-х годов, революция 1905 г. способствовали усилению этого движения. Очередной всплеск национального движения бурят наступил после событий в феврале и октябре 1917 г. в России. Под их влиянием в апреле 1917 г. состоялся I Всебурятский съезд. На нем был создан Центральный национальный комитет бурят-монголов Восточной Сибири (Бурнацком). Бурнацком не признал власти Советов и ориентировался на созыв Учредительного собрания.

С установлением большевистской власти в Забайкалье Бурнацком стремился занять независимое положение и отстаивать автономию. Однако в отсутствие реальной вооруженной опоры это трудно осуществить. На местах хошунные и аймачные управы разгонялись большевиками. Тем не менее лидеры национального бурятского движения упорно стремились добиться права на национальное самоопределение.

Весной 1918 г. на III съезде представителей рабочих, крестьян, казаков и бурят Забайкалья в Чите представители Бурнацкома, признав советскую власть, добились сохранения органов национального самоуправления. Это решение было поддержано губернским съездом бурят в Иркутске. Таким образом, к лету 1918 г. было достигнуто взаимное признание Советов Бурнацкомом и Бурнацкома Советами.

Более успешно сложились отношения бурятских националистов с белыми. В ходе удачного наступления Особого маньчжурского отряда (ОМО) под контролем есаула Г.М. Семенова оказалась часть Южного Забайкалья. По мере

продвижения отряда в глубь Забайкалья и увеличения подконтрольной ему территории возникла необходимость в ее управлении. Для этого Г.М. Семенов сформировал и возглавил т.н. Временное правительство Забайкальской области. Сам Г.М. Семенов взял на себя роль председателя и руководителя. Бывший начальник Забайкальской казачьей дивизии генерал И.Ф. Шильников возглавил военно-административную и мобилизационную части. Гражданское управление освобожденной территории было поручено С.А. Таскину. При правительстве предполагалось создание органа из представителей бурятского населения.

Командированный от генерала Хорвата к Семенову Ц.-Е. Цыдыпов был направлен атаманом в Цугольский хошун. Здесь местными национальными властями было принято решение создать при гражданской части временного правительства Забайкальской области свой национальный т.н. Бурятский отдел. Его членами стали Ц.-Е. Цыдыпов, Н. Дылыков и Н. Дамдинов. При отступлении частей ОМО бойцы начали грабить местное население.

С первых дней существования Бурятского отдела его сотрудники были завалены жалобами на произвол и незаконные реквизиции у местного бурятского населения. Немедленно были приняты меры. Как вспоминал Ц.-Е. Цыдыпов, Г.М. Семенов приказал: «...без ведома бурятского отдела ничего не реквизировать, – что на самом деле было выполнено» [5, с. 17]. Хотя, конечно, полностью прекратить нарушения все же не удалось, например, в удаленных районах. Особенно сильно грабили население инородческие части полковника барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга, сформированные из внутренних монголов. Характерно, что после жалобы бурятского отдела Р.Ф. Унгерн отдал одному своему «увлекшемуся» отряду приказ: «Награбленное вернуть, виновных выпороть» [5, с. 17].

Летом 1918 г., когда семеновцы были вытеснены на китайскую территорию, с поездом временного правительства Забайкальской области отступил и бурятский отдел. Хотя связь его с хошунами и сохранилась, но влияние заметно

снизилось. Ситуация изменилась только при очередном наступлении ОМО.

Как видно из вышесказанного, бурятские национальные органы были признаны как красными, так и белыми, однако в обоих случаях они не были полностью независимыми. Отчасти это обусловлено отсутствием у них национальных вооруженных частей. Во время гражданской войны бурятское и русское население Забайкалья и казачество могли оказаться по разные стороны баррикад. Но в целом все они старались занять позицию невмешательства.

В ходе гражданской войны противоборствующие стороны активизировали свои усилия для привлечения на свою сторону инородного населения. Буряты, естественно, не стали исключением. В самом начале бурятская национальная интеллигенция симпатизировала в первую очередь стороне красных: бурятские органы национального самоуправления были признаны именно Советской властью. Однако имевшие место бесчинства большевистских отрядов, а затем перехват инициативы белыми склонили чашу весов в их пользу. Это выразилось в сочувствии бурят к отряду есаула Г.М. Семенова. Дело в том, что в зарождавшемся ОМО отношение к бурятам было несравнимо лучше, нежели в красных отрядах. Забайкальские казаки относились к ним, как правило, терпимо и уважительно, нередко были и смешанные браки. Наконец, сам Г.М. Семенов имел бурятские корни. Красные оказались менее толерантны [9, с. 171]: «Среди бойцов Лазо в ходу был лозунг «Грабь тварей!», то есть бурят. К тем из них, кто сражался на стороне красных, относились презрительно: «Как я встану рядом с яшашным?» [11, с. 117]. Также имели место случаи раздачи земельных участков бурят крестьянам [6, с. 129].

С установлением власти атамана Г.М. Семенова в Забайкалье в ноябре 1918 г. бурятский отдел сливается с Бурнацкомом, образуя Народную думу бурят Восточной Сибири (Бурнардуму). Несмотря на довольно сложные отношения Г.М. Семенова с Бурнардумой – органом бурятского национального движения, последняя пошла на сотрудничество с атаманом. Лидеры национального бурятского движения понимали, что «Бурятский народ будет раздавлен между двумя жерновами [русской гражданской войны], если не будет использовано (пусть лицемерное) заигрывание атамана Семенова с бурятами и монголами, а также сепаратистские уклоны Семенова от правительства Колчака» [6, с. 137]. Яркая выраженная прояпонская ориентация атамана также привлекала бурят.

Идея необходимости национальной бурятской части возникла не только у Семенова (есаул Семенов еще летом 1917 г. отправился в Забайкалье именно для формирования национальной монголо-бурятской части), но и лидеров бурятского национального движения. В 1918 г., когда Семенов уже имел власть в Забайкалье, национальная бурятская часть была ему нужна и как дополнительная надежная и крупная боевая единица, которая будет находиться в его подчинении, и как воинское формирование, которое он сможет использовать для осуществления своих панмонгольских идей. Бурнардуме же было необходимо с помощью собственной вооруженной силы поддерживать помимо порядка на местах также и свою независимость как от Семенова, так и, в случае его неудачи, от красных. Кроме того, чуть позже, в связи с восприятием бурятской интеллигенцией панмонгольской идеи, предполагалось участие бурятских частей в качестве войска панмонгольского государства.

Если в отношении панмонголизма лидеры бурятского национального движения и атаман Г.М. Семенов в целом особых разногласий не имели, то в отношении подчиненности бурятских отрядов и участия их в гражданской войне единства, разумеется, не было. Более того, все усложнял тот факт, что в обучении и военном обеспечении отрядов основную роль играл атаман Г.М. Семенов, посему он и предполагал распоряжаться ими по своему усмотрению. Открытым оставался вопрос о мобилизации бурятского населения. Если Бурнардума и бурятская интеллигенция были за ее проведение, то население относилось к подобным предложениям, мягко говоря, весьма настороженно.

В ноябре 1918 г. на Всебурятском съезде было озвучено предложение о создании собственных вооруженных сил. Это предложение было принято съездом, в результате чего военный отдел [Бурнардумы. – Д.К.] был расширен и реорганизован в отдел национальной милиции. Также была создана школа монголо-бурятских юнкеров (Даурская школа прапорщиков) для подготовки офицеров формируемой Бурятской дивизии.

Вопрос об обеспечении и обучении частей был отчасти решен с помощью атамана Г.М. Семенова. Осенью 1918 г. Бурнардума объявила принудительный призыв в формируемую бурятскую дивизию. Наличие в отряде национальных бурятских частей вызывало определенную сложность. Она заключалась, прежде всего, в участии этих частей в гражданской войне. Этот не решенный до конца вопрос между Бур-

нардумой и Г.М. Семеновым постоянно напоминал о себе. Хотя еще накануне Всебурятского съезда у представителя атамана М.А. Шадрина Ц.-Е. Цыдыпову удалось добиться заверения о том, что бурят не будут принуждать к борьбе с большевиками. Уже на съезде это заявление М.А. Шадрина будет официально занесено в протокол, чтобы в дальнейшем использовать его как противодействие отправке бурятских национальных частей на фронт.

Г.М. Семенов пытался обойти все эти протесты. Например, весной 1919 г., во время учений, тот же М.А. Шадрин, стоя перед строем бурятских всадников Азиатской конной дивизии, спросил: «Нет ли среди вас охотников? Кто охотник – поднимите руки» [6, с. 154]. Около 200 бойцов подняли руки. Их отправили в экспедицию против партизан в район Нерчинского завода. «Все было добровольно», – отвечали семеновцы на протесты Бурнардумы. Длительное противостояние дошло до того, что заместитель комиссара бригады отдал тайный приказ этим «охотникам» разойтись по домам.

Попытки одного из лидеров бурятского национального движения М.Н. Богданова протестовать против отправки бурятских отрядов в сторону Нерчинска для борьбы с партизанской армией Журавлева, а затем на Иркутский фронт привели к его гибели [8 с. 33]. Вначале М.Н. Богданов был просто арестован. Попытки Бурнардумы узнать о его местонахождении ни к чему не приводили: в семеновскую контрразведку их не пустили, а белые офицеры «разводили руками». Последующая встреча с атаманом и официальные протесты ничего не дали. Только когда из Даурии приехал барон Р.Ф. Унгерн-Штернберг и его попросили узнать о М.Н. Богданове, он после беседы с Семеновым, сильно ругая последнего, сообщил, что М.Н. Богданова нет в живых. Так что, борясь за право использования Бурятской бригады в своих целях, Г.М. Семенов, видимо, не гнушался никакими средствами. Такое двойственное положение бригады отрицательно сказывалось на настроении всадников и провоцировало возникновение случаев дезертирства, хотя летом 1919 г. бурятские части были в весьма хорошем состоянии и по многим характеристикам даже превосходили монгольские части той же Азиатской конной дивизии.

23 января 1919 г. Бурнардума приняла решение о проведении мобилизации бурят. Призыву подлежали мужчины 1895-1898 гг. рождения из Агинского, Селенгинского, Хоринского и Баргузинского аймаков Забайкальской области. Для

руководства ими с середины февраля 1919 г. в Даурию начинают прибывать офицеры, которых Г.М. Семенов специально отправил для этой деятельности. В частности, 8 марта того же года войсковому старшине Б.П. Резухину было приказано командировать офицеров, назначенных в бурятские полки, в сопровождении бурят-юнкеров на станцию Оловянная и на станцию Борзя, чтобы забрать оттуда бурят-новобранцев из Агинского аймака в числе 118 и 84 чел. соответственно¹. В течение марта эти офицеры периодически отправлялись на ту или иную окрестную станцию за очередной группой бурят. Например, 12 и 25 марта ротмистр М.М. Патрик привозил мобилизованных бурят со станции Могойтуй. Прибывшие новобранцы проходили освидетельствование и осмотр с участием представителей Бурнардумы². В начале апреля такая комиссия признала негодными 24 призывника.

Как уже говорилось, первоначально бурятские части планировалось развернуть в дивизию³, но на тот момент ограничились бригадой. Ее начальником в середине февраля 1919 г. назначили генерал-майора Т.И. Артамонова. Однако к месту службы он не выехал⁴. Лишь после того как Г.М. Семенов объявил ему официальный выговор, Т.И. Артамонов 20 марта явился в Даурию и приступил «к формированию бригады»⁵.

Азиатская конная дивизия, называемая весной 1919 г. Отдельной инородческой конной дивизией, была развернута в Туземный (Азиатский) конный корпус. В его состав вошли собственно Инородческая конная дивизия и Бурятская конная бригада. В дальнейшем, осенью 1919 г., бурятские части будут сведены в Отдельную конную бригаду имени Зорикто Батора.

Весной 1919 г. было сформировано два Бурятских конных полка. В начале марта – 1-й Бурятский конный полк. 2-й Бурятский полк появляется не раньше апреля 1919 г.⁶ 13 мая 1-й Бурятский полк стал трехсотенным⁷. Младшими офицерами станут молодые прапорщико-буряты. Это видно из сохранившегося «Списка г.г. офицеров 1-го Бурятского полка»⁸. На июнь 1919 г. известно о существовании семерых прапорщиков – младших офицеров, один из которых временно командовал 3-й сотней.

Одним из младших офицеров в этом списке значится будущий генерал-лейтенант Маньчжоу-го Уржин Гармаев [4, с. 7-8]. Уроженец Цугольского хошуна, он был командирован Народной Думой Восточной Сибири на проходные службы в школе монгольских юнкеров. Согласно документам, он прибыл в Даурию 6 фев-

раля 1919 г.⁹ Уже во время обучения в Даурской школе прапорщиков он проводил агитационную работу среди всадников-новобранцев по пропаганде идеи панмонголизма. После производства в офицеры Гармаев был заместителем начальника военного отдела Бурнардумы и занимался обеспечением бурятских частей.

12 апреля из командировки вернулся начальник Туземного корпуса Е.Д. Жуковский, вместе с ним приехал Г.М. Семенов. Атаману устроили смотр, дивизию представляла 1-я сотня 1-го Бурятского полка. Г.М. Семенов остался доволен. Через неделю в приказе войскам Отдельной Восточно-Сибирской армии он напишет: «При сем объявляю результаты произведенного мною смотра 1-й сотни 1-го Бурятского полка в Даурии. В строю 48 рядов, командир сотни подъесаул Баев. Пеший строй для 10-дневного обучения очень хорош. Движение цепи, перемена направления проделаны хорошо и наступление было энергично. Команда на бурятском языке...»¹⁰. Отличившаяся таким образом сотня была удостоена благодарности командира корпуса и десятком баранов «на улучшение пищи сверх нормативного отпуска продуктов»¹¹.

Продолжительность прохождения службы бурят занимала шесть месяцев. На деле выходило еще меньше из-за отпусков, после которых всадники, как правило, возвращались со значительным опозданием, если, конечно, вообще возвращались. Если подобные самовольные отлучки длились более двух месяцев, то это считалось уже дезертирством. Отпуск же предоставляли в зависимости от дальности проживания всадника: монголам – от 3 до 6 недель, бурятам – от 2 до 4 недель¹². После прохождения службы желающие могли остаться служить добровольцами.

Как уже было отмечено, несмотря на протесты Бунардумы, бурятские части принимали участие в гражданской войне. Так, 3 апреля, во время экспедиции в Александровский Завод, всадники 1-го Бурятского полка реквизируют у большевиков 25 берданок, 72 шашки, 21 шомпольный дробовик¹³. Экспедиция туда была до 24 апреля, некоторые части действовали в этот период и под станицей Богдатская¹⁴. В апреле-мае отряды Азиатской дивизии принимали участие в борьбе с партизанами, пришедшими из-за Аргуни с китайской территории.

В течение лета 1919 г. бурятские полки Азиатской дивизии были влиты в Особый экспедиционный отряд генерала П.П. Левицкого и, вероятно, готовились к походу в Халху.

3 сентября бурятские всадники подавили в Даурии мятеж внутренних монголов «генерала»

Фушенги. В конце сентября 1919 г. атаман Семенов начал операцию против партизан. Суть ее сводилась к широкому наступлению с разных сторон по направлению к Богдате – центру партизанского движения. В операции предстояло принять участие 1-му Бурятскому полку. 25 сентября 1-й Бурятский конный полк, поддержанный 4-орудийной батареей и несколькими казачьими дружинами, отеснил красных к ст. Зилово, затем прорвал фронт и двинулся на Богдату. С южной стороны Богдаты на реке Урлове бои были тяжелее. Но к 29 сентября «столица» забайкальских партизан была окружена.

Осенью 1919 г. 1-й Бурятский полк, куда были переведены всадники из 2-го Бурятского полка, стал именоваться Бурятским конным имени Доржи Банзарова полком. С 27 декабря 1919 г.¹⁵ этот полк находился в потерпевшей неудачу экспедиции генерала Л.Н. Скипетрова, целью которой было подавление восстания Политцентра в Иркутске. 8-9 января отряд Л.Н. Скипетрова был разоружен чехами и взят в плен. Отпущенные через некоторое время «всадники» большей частью разошлись по домам.

В конце октября 1919 г. в Чите проходил съезд представителей бурятского населения Забайкальской области. В резолюции съезда указывалось, что необходимо созвать Общебурятский съезд для решения вопроса о полном переходе в национальное войско. Также съезд постановил: предоставить атаману Семенову 2 тысячи всадников сроком на 6 месяцев; просить атамана Семенова о том, чтобы всадники прежнего набора были постепенно размещены по аймакам для несения охранной службы на местах; возобновить деятельность Даурской школы прапорщиков для подготовки офицерского состава из интеллигентных бурят¹⁶. Разумеется, это была инициатива самого Г.М. Семенова. В конце декабря 1919 г. он издал приказ о создании Отдельной Бурятской конной бригады в составе 2-го и 3-го Бурятских конных полков¹⁷. Командиром бригады назначался генерал-майор Л.В. Вериги. Размещаться бригаде и ее штабу предполагалось в Верхнеудинске, дни в городе для белых были уже сочтены. В феврале 1920 г. формирующаяся отдельная Бурятская конная бригада, существующая практически только на бумаге, вошла в состав Азиатской конной дивизии¹⁸.

С середины 1919 г. в подчинении начальника Азиатской конной дивизии находился «бурятский полк» Дугара Тапхаева (Табхаева) который действовал в Цугольском и Агинском хошунах. Полное его название – Летучий партизанский табхаевский отряд.

Положение отряда было двойственным. С одной стороны, деятельность являлась просеменовской. С другой – национальный состав отряда был бурятский, а значит, должен был подчиняться Бурнардуме. Тапхаев же вначале отказался от подчинения Бурнардуме, более того, ее недовольство вызывали действия отряда, которые, как и большинство семеновских частей, носили характер казачьей вольницы.

Отряд Тапхаева возник следующим образом. Еще в 1918 г. в Агинское прибыл семеновский отряд хорунжего Несытова. Отряд, состоявший из харачин, представлял даже для местных бурят экзотическую картину. То ли после этого визита, то ли, что более вероятно, по собственной инициативе табтанайский бурят Дугар Тапхаев создал дружину из табтанайских и алханайских бурят для борьбы с большевиками. Тапхаев был не бедным человеком, он владел сотней голов крупного рогатого скота, табуном гулевых лошадей и имел более сотни овец. Занимался также ростовщицеством и спекуляцией, причем обладал феноменальной памятью на скот – он совершенно точно знал, у кого сколько скота, помнил масть и возраст каждой скотины.

В 1918 г. Тапхаев неожиданно исчез. Как потом выяснилось, он ездил к Семенову в Маньчжурию. Через некоторое время Тапхаев в сопровождении нескольких бурят с болтающимися на боках саблями, в дыглах¹⁹ с погонами из обыкновенной бумаги созвал служащих в хошунную управу и рассказал, что собирается создавать отряд. Спросил, согласны ли присутствующие с его идеей. Никто ничего не ответил. Тапхаев спросил, нет ли возражающих. Вновь последовало молчание, после чего Тапхаев объявил: «Никто не возражает против того, что собираюсь делать. Стало быть, все поддерживаете меня. Раз поддерживаете, отныне будете служить в моем отряде» [10, с. 253]. Деньги на формирование в размере 5 тысяч рублей Тапхаев получил от Р.Ф. Унгерна, к которому он ездил в Даурию. Впоследствии Тапхаев подчинялся Унгерну, так как его отряд находился в районе действий Азиатской конной дивизии. Формально же Тапхаев находился в ведении Бурнардумы.

В конце зимы 1920 г. Тапхаев объявил о мобилизации в свой отряд. Несмотря на то, что многие буряты пытались разными способами, вплоть до откочевки в Монголию, избежать ее, летом у Тапхаева было уже шесть сотен. Они «были расквартированы в разных местах: в селе Агинское, где находился штаб, в Хойто-Аге. Занимали они школьные помещения, которые ими

были изгажены до предела, мебель, заборы истоплены, исковерканы. Днем и ночью шел дикий разгул, попойки, картежные игры. Нередки были случаи, когда задержанных на улице проезжающих молодых людей приводили к Тапхаеву или другому офицеру и тот «увещевал» их вступить в отряд очень убедительным образом: «Вступай в отряд. Откажешься – получишь в награду желтенькую пулю». Некоторых они отпускали, получив откуп в виде лошади, быка или денег» [10, с. 255]. Несмотря на внушительную численность, по забайкальским меркам (многие буряты никогда не видели такие большие войска в 200–300 всадников, а добрая половина народа вообще не видела военного человека [10, с. 255]), дезертирство в отряде было постоянным.

В Агинском аймаке «бурятский полк» Тапхаева занимался борьбой с партизанами – карательными экспедициями, которые нередко сопровождалась банальными реквизициями.

В конце февраля против семейских (семейскими в Забайкалье называют староверов, т.к. высылали их целыми семьями) сел Куленда и Бырла, поддержавших красных партизан и прогнавших из соседней станицы Кыры семеновский отряд есаула Филинова, была послана карательная экспедиция, которую сопровождал отряд Тапхаева. Прибывший отряд алханайских партизан с помощью местного населения обоих сел организовал отпор главным силам семеновцев недалеко от Бырлы. Тем временем Тапхаев, пройдя горными тропами через падь Вылетуй, пользуясь отсутствием жителей и партизан, напал на село Куленда и поджег его [2].

К середине 1920 г. бурят в Азиатской конной дивизии становилось меньше. В одном из татарских полков имелаась бурятская сотня, также были бурятская учебная команда и Бурятский дивизион. Буряты служили в Анненковском полку. Во время монгольского похода и вторжения Азиатской дивизии в Забайкалье в 1921 г. численность бурят вновь значительно возрастет, они будут занимать второе [3, с. 415; 7, с. 533] после чахар место в негласной иерархии дивизии.

Подводя итог, отметим, что военное сотрудничество бурят с белыми в 1919–1920 гг. было обусловлено несколькими причинами. В первую очередь военными успехами последних, а также удачной политикой привлечения местного инородного населения в свои ряды. Кроме того, большую роль играли близкие бурятской национальной интеллигенции идеи панмонголизма, которые активно внедрял атаман Г.М. Семенов.

В результате этого к середине 1919 г. в Азиатской конной дивизии удалось создать внушительную (по забайкальским меркам) бурятскую часть с собственными офицерами, сумевшую за короткое время обучения стать вполне боеспособной единицей, превосходящей другие туземные части в войсках атамана Г.М. Семенова.

Однако последующие неудачи белых не позволили провести очередную мобилизацию, необходимую для поддержки имеющихся и создания новых военных частей. Свою роль сыграло и наступившее вскоре глубокое разочарование бурятских националистов в деятельности атамана Г.М. Семенова.

Примечания

1. РГВА. Ф. 39454. Оп. 1. Д. 2. Л. 52.
2. РГВА. Ф. 39454. Оп. 1. Д. 2. Л. 91об.
3. РГВА. Ф. 39454. Оп. 1. Д. 2. Л. 75.
4. РГВА. Ф. 40138. Оп. 1. Д. 6. Л. 237об.
5. РГВА. Ф. 39454. Оп. 1. Д. 2. Л. 64.
6. РГВА. Ф. 39777. Оп. 1. Д. 5. Л. 12.
7. Там же.
8. Там же.
9. РГВА. Ф. 39454. Оп. 1. Д. 2. Л. 31об.
10. Там же. Л. 103об.
11. Там же. Л. 96.
12. Там же. Л. 116; РГВА. Ф. 39777. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
13. РГВА. Ф. 39777. Оп. 1. Д. 10. Л. 17.
14. Там же. Д. 3. Л. 144.
15. Там же. Д. 2. Л. 6.
16. РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 3. Л. 99-108об.
17. Там же. Л. 147.
18. РГВА. Ф. 39454. Оп. 1. Д. 7. Л. 47.
19. Дыгыл – монгольская шуба.

Литература

1. РГВА. Ф. 39454. Оп. 1. Д. 2, 7; Ф. 39532. Оп. 1. Д. 3; Ф. 39777. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 5, 6, 10; Ф. 40138. Оп. 1. Д. 6.
2. Аносов П. Куленда и Бырла // Таежные походы: сб. эпизодов из истории гражданской войны на Дальнем Востоке / под ред. М. Горького, П. Постышева, И. Минца. – М., 1935.
3. Алешин Д.Д. Азиатская Одиссея // Барон Унгерн в документах и мемуарах / сост. и ред. С.Л. Кузьмин. – М., 2004.
4. Базаров Б.В. Генерал-лейтенант Маньчжоу-го Уржин Гармаев. – Улан-Удэ, 2001.
5. Базаров Б.В. Неизвестное из истории панмонголизма. – Улан-Удэ, 2002.
6. Базаров Б.В., Жабаяева Л.Б. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX в. – Улан-Удэ, 2008.
7. Голубев. Воспоминания // Барон Унгерн в документах и мемуарах / сост. и ред. С.Л. Кузьмин. – М., 2004.
8. Курас Л.В. Панмонголизм в воззрениях атамана Семенова // Власть. 2010. Авг.
9. Ринчино Э.-Д. Документы, статьи, письма. – Улан-Удэ, 1994.
10. Степные были и небылицы / сост. и пер. Хасбаатарын Мэргэн. – Улан-Удэ, 2010.
11. Юзефович Л.А. Самодержец пустыни. – М., 2010.

Касаточкин Денис Романович, аспирант Московского государственного областного университета, e-mail: denis-diderot@yandex.ru

Kasatochkin Denis Romanovich, postgraduate student, Moscow State Regional University, e-mail: denis-diderot@yandex.ru

УДК 008

© П.В. Кургузов

Культура повседневности в работах разночинца И.Г. Прыжова (1827-1885 гг.)

В статье анализируются взгляды И.Г. Прыжова на проблемы развития истории России вообще и истории культуры повседневности в частности, отраженные в его творческом наследии. Обосновывается вывод И.Г. Прыжова о том, что главной фигурой истории является народ, а главным вектором его изучения – история его жизни, быта, нравов, культуры его повседневности.

Ключевые слова: повседневность, история, народ, жизнь, наука, культура, быт.

P.V. Kurguzov

Everyday life culture in the works of I.G.Pryzhov (1827-1885), a commoner (raznochinets)

The article analyzes I.G.Pryzhov's views on the problems of the Russian history's development in general and the history of everyday life culture in particular, which are reflected in his creative heritage. I.G. Pryzhov's conclusion is proved that the main figure of history are common people, and the main vector of their studying is the history of their life, mode of life, moral values, their everyday life culture.

Keywords: everyday life, history, people, life, science, culture, mode of life.

История как одна из основополагающих наук, украшающая гуманитарную отрасль в целом, призвана, как известно, изучать жизнь людей на разных этапах развития культуры и цивилизации. Но в трудах отечественных историков, как прошлого, так и настоящего, почти не видно человека. В какой-то мере, наверное, это объясняется тем, что долгие годы господства советской идеологии в исторических трудах принято было отражать историю народных масс, классов, политических партий, биографии вождей, но не историю человека в условиях его обыденной, повседневной жизнедеятельности.

Между тем все жившие и живущие ныне на земле люди вносят свою лепту в течение великой реки под названием «История». Однако оставить свой след и быть упомянутым в исторических сочинениях удается далеко не каждому. В поле зрения профессиональных историков обычно попадают выдающиеся личности, занимающие ключевые позиции в обществе: политики, полководцы, творцы искусства, ученые. В лучшем случае повезет людям, которые найдутся рядом с этими приметными личностями.

И все же в последнее время в исторической науке начали развиваться новые тенденции, формироваться такие направления, в которых предметом внимания исследователей становится именно **повседневность** существования обычного человека. Это так называемая «новая социальная история», в которой разрабатываются нетрадиционные подходы к изучению и изображению исторического материала. К числу таковых относятся **микро-исторический, историко-антропологический и культурно-исторический** подходы.

Оказалось, что исследование незаметных событий, мелких фактов повседневной жизни простых людей также способно влиять на приращение знаний об истории общества, иногда ничуть не меньше, чем изучение важных исторических событий или биографий выдающихся деятелей. Поэтому уже сегодня в сочинениях историков можно встретить подробное описание повседневной жизни самых обыкновенных, так называемых «маленьких» людей. Но при этом, разумеется, в фокус внимания попадают прежде все-

го примечательные и чем-то интересные для исследователя факты, черты повседневности, характеристики человеческих судеб в пространстве обыденной культуры

Думается, что помимо научного значения этих новых подходов к изучению исторического процесса важно и то, что благодаря им есть неплохая возможность сделать публикации по истории повседневности интересными не только узкому кругу профессионалов, но и широкой публике. С другой стороны, может быть, после этого поубавится число работ, опубликованных историками, с которыми ознакомились только специалисты по данной теме.

Одним из авторитетных историков культуры повседневности России являлся Иван Гаврилович Прыжов. Имя этого человека мало известно просвещенному современнику. К сожалению, оно почти забыто, а жаль, ибо личность эта – весьма незаурядная, оставившая глубокий след в истории России 19-го столетия. Недаром Г.В. Плеханов называл его «образованным разночинцем – вестником новой России, провозгласившим войну старому порядку и взявшим на себя роль первого застрельщика».

Прежде чем перейти к анализу исторических трудов И.Г. Прыжова, наверно, нужно сказать несколько слов о жизни этого удивительного человека с весьма трагичной судьбой. В истории русской науки вообще трудно найти фигуру, столь же трагичную, вечно надрывную, жалобную, постоянно взывающую к сочувствию и пониманию. И при этом твердую, легко узнаваемую и столь характерную для своей эпохи.

И.Г. Прыжов родился в Москве в 1827 г. в семье писаря Мариинской больницы (в которой, кстати, родился и классик нашей литературы Ф.М. Достоевский).

Вся жизнь Прыжова была, по его собственному признанию, «собачья», нищенская, тяжелая во всех отношениях. «В спальне, – рассказывал он, – где я только что рожденный лежал с матерью, было приготовлено для меня молоко, но оно от холода замерзло, и я плакал с голоду, и тем началась моя жизнь». Но на плач любого ребенка есть всегда баюкающие песни взрослых.

Да, были и они: «Песнями, баюкающими мое бедное детство, были рассказы о прелестях крепостного кнута, песни тем более выразительные, что они не были заимствованы с чужих уст, а повествовали о лично пережитом и крепко, рубцами, врезались в память: «помещичий кнут гулял еще по плечам моей тетки и дяди – крепостных крестьян» [1].

Таковы были первые, еще младенческие ощущения и впечатления будущего автора «Быта Малороссии по памятникам ее литературы с XI по XVIII век», знаменитых исторических «Записок о Сибири», «Очерков по истории нищенства», «Очерков о юродивых и кликушах», «Очерков по истории кабачества» и многих других трудов этого человека.

«Болезненный, страшный заика, забитый, загнанный, чуждый малейшего развития, – писал Прыжов, – я был отдан в 1-ю Московскую гимназию (ее, между прочим, окончил известный историк С.М. Соловьев. – *К.П.*), поистине лбом прошиб себе дорогу и в 1848 г. кончил курс одним из первых с правом поступления в университет без экзамена» [2].

Однако на свое прошение о зачислении на словесный факультет Московского университета он получил ответ, гласивший, что его не принимают «по высочайшему повелению о сокращении числа студентов». Таким образом, Прыжов стал жертвой одной из мер, предпринятых в 1848г. напуганным революционным пожаром в Европе царским правительством, закрывшим доступ на гуманитарные факультеты выходцам из «низших сословий». Он поступил на медицинский факультет, но лишь числился на нем, а лекции о русской словесности и юриспруденции слушал на гуманитарных факультетах.

После того как его исключили из университета за революционную деятельность, он не прекратил своих занятий и прослушал лекции Ф.И. Буслаева о древней русской словесности, С.М. Соловьева по русской истории, Т.Н. Грановского, П.Н. Кудрявцева по всеобщей истории и на протяжении еще многих лет был связан с Московским университетом.

Для того чтобы иметь возможность продолжать свои научные занятия, Прыжов поступил на службу в Московскую палату гражданского суда. Служа там в чине коллежского регистратора, он влачил полуголодное существование. Зато в свободное от службы время Прыжов занимался историей, этнографией, фольклором. Кроме того, он постоянно вращался в гуще городских «низов», часто странствовал по деревням, где собирал материал для своих работ, изу-

чал быт и нравы простых людей.

После закрытия Московской гражданской палаты Прыжов некоторое время служил в конторах частных железных дорог, но вскоре остался совсем без работы и каких-либо средств существования.

В 1868 г., находясь в очень тяжелом положении, он столкнулся с П.Г. Успенским и другими будущими членами революционного кружка – «нечаевцами». Давно уже враждебно настроенный к самодержавному строю Прыжов быстро сблизился с ними, а 3 августа 1869 г. он впервые встретился с самим С.Г. Нечаевым.

По поручению последнего Прыжов создавал кружки и вел агитационную работу в «народе» и среди студентов. В ноябре того же года он принял участие в убийстве студента Петровской академии И.И. Иванова, обвиняемого народо-вольцами в предательстве. Вскоре после этого последовали арест, лишение всех прав, а затем заключение в Петропавловскую крепость, суд и гражданская казнь. С 1872 по 1881 г. был сослан на каторгу в Сибирь на Петровский железодельный завод, где до него отбывали каторгу декабристы.

В 1881 г. И.Г. Прыжов, пережив муки каторги, выйдет на поселение, но жить спокойно вместе с женой в маленьком домике, снятом ею на берегу речки с бурятским названием Мыкырт, пришлось недолго. В 1884 г. после тяжелой болезни верный спутник Прыжова, его жена Ольга Григорьевна, которую он назвал в своей «Исповеди» «ангелом...редкой женщиной, каких он не встречал в течение всей своей жизни», умрет. А в 1908 г., издавая «Исповедь» Прыжова, писательница Рахиль Хин замечала: «Пока была жива его жена, одна из тех неведомых русских героинь, жизнь которых представляет сплошное самоотвержение, Прыжов, несмотря на крайнюю нужду, еще кое-как держался. После ее смерти он окончательно пал духом, запил и умер» [3]. Похоронен И.Г. Прыжов был на кладбище Петровского Завода.

О нем помнили и его жалели только немногие истинные друзья. Один из них, профессор Московского университета Н.И. Стороженко, считал, что в лице Прыжова «варварски загублена крупная научная сила» [4].

Участие Прыжова в революционном движении благодаря широкой огласке, которую получил процесс нечаевцев, стало известно современникам. Сам он послужил прототипом для одного из персонажей романа Ф.М. Достоевского «Бесы». Однако образ Толкаченко – злая карикатура на Прыжова. Польский писатель XIX

века Станислав Бржовский, взяв образ Прыжова прототипом одного из своих героев, в отличие от Достоевского сумел создать патетический образ революционера-народника.

Говоря о своем вкладе в науку, сам Прыжов подчеркивал следующее: «Я хотел собрать в одно целое не только археологические факты, но все слезы, всю кровь, весь пот, пролитые когда-либо народом, – собрать и высчитать, насколько выдержит это наука счисления» [5]. Его творческое наследие значительно, несмотря на то, что, как он отмечал сам, «из всего, что только было напечатано Прыжовым, целая половина была урезана цензурой или им самим, другая же половина являлась исковерканной» [6].

Естественно, что сразу же после ареста Прыжова его произведения уничтожались, научная деятельность замалчивалась. Внимание к нему и его творчеству было только после Октябрьской революции 1917 г. Среди исследователей его жизни, революционной и научной деятельности следует назвать работы М.С. Альтмана [7], Л.Н. Пушкарева [8], А.Р. Мазуркевича [9], И. Трифонова [10] и современных исследователей – А.Н. Цамутали [11] и В. Есипова [12]. Вот, в сущности, и весь основной список аналитиков творчества И.Г. Прыжова.

Особо следует отметить то, что научные работы Прыжова по истории долгое время не были предметом специального изучения. Чаще всего если и писали о нем, то писали о его занятиях фольклором и этнографией. В частности, в общих работах по русской историографии Прыжов упоминается как этнограф и собиратель фольклора.

Между тем уже первый исследователь творчества И.Г. Прыжова М.С. Альтман, уделяя основное внимание общественно-политическим взглядам Прыжова, а в области его научных интересов – трудам по этнографии, несколько раз говорил об увлечении Прыжова не только историей вообще, а историей повседневности народной жизни в частности. «Не будет преувеличением сказать, – писал Альтман, – что все основные работы Прыжова – это, по выражению А.И. Герцена, пропаганда историей» [13].

При этом М.С. Альтман полагал, что «исторический жанр Прыжов использовал как средство маскировки, призванное усыпить бдительность цензуры, отвлечь ее внимание рассуждениями о прошлом, а тем временем коснуться вопросов, имеющих современное значение» [14]. Наверно, подобная точка зрения не лишена оснований. Вместе с тем «...попытка обсуждать злободневные вопросы с помощью отступлений в прошлое, как справедливо отмечает А.Н. Ца-

мутали в книге «Очерки демократического направления в русской историографии 60-70-х гг. XIX в.», вовсе не исключает серьезного подхода к самому предмету истории» [15].

В пользу этого вывода свидетельствуют и слова самого Прыжова, сказанные им на суде: «Специальностью моею было составить *историю* (выделено нами. – К.П.) русского народа».

И.Г. Прыжов хорошо знал состояние современной исторической науки, внимательно следя за исторической литературой. Его рассуждения, содержащиеся в опубликованных работах, а еще в большей степени – в неопубликованном историографическом сочинении «Исторические науки в России», свидетельствуют о том, что Прыжов был хорошо знаком с трудами российских и зарубежных ученых. Не будучи удовлетворен современной исторической наукой, он резко критиковал историков официально охранительного и либерального толка, настойчиво искал пути дальнейшего развития исторической науки.

Последовательно руководствуясь поставленной целью – превратить историю государства в историю народа, в историю его повседневной жизни, И.Г. Прыжов предпринял попытку рассмотреть и проанализировать состояние российской историографии с середины 60-х гг. XIX в. Подобно другим сторонникам демократического течения в историографии, он давал отрицательную характеристику официально-охранительному направлению, считая его серьезно отставшим от требований, предъявляемых к науке.

Например, о трудах главы этого направления в истории М.П. Погодине он писал как о «поучительных... одними лишь ошибками». Касаясь многочисленных ученых споров, которые вел Погодин, он склонен отдать предпочтение погодинским оппонентам, в первую очередь М.Т. Коченовскому, К.Д. Кавелину, Н.И. Костомарову.

Но главные критические стрелы Прыжова были направлены в сторону известного русского историка С.М. Соловьева, который на протяжении полутора десятилетий неутомимо выпускал том за томом «Историю России». Прыжов говорил, что Соловьев «действительно двигается вперед», но «только числом выпущенных им книг» [16].

Отстаивая первичность обыденной народной жизни в истории, Прыжов писал о Соловьеве так: «Историк России принес целиком весь народ в жертву отвлеченной идее государственности». Соловьев, по мнению Прыжова, сосредоточившись на рассмотрении таких вопросов, как «кочевание и брожение», «смешав условия кня-

жеской и народной жизни», оставляет без внимания повседневную жизнь народа, повседневные его заботы о хлебе насущном, «проходит мимо значения общины в развитии русского народа... Всю историю от X до XVIII в. одною чертою, что все это были дикари-мужичье, которым грузно было от силушки, и что беглые воры и ряд народных движений в областях и в Москве – это было одним лишь желанием гулять в поле» [17].

Оценивая результаты научной деятельности Соловьева и его школы в 50–60-е гг. XIX в., Прыжов сделал вывод, что Соловьев, «став во главе русской исторической школы, успел сделать одно – свести историческую школу на степень школы отрицательной: школа протестовала против ложных исторических направлений, но сама не создала ничего исторического, отрицая все живые, естественно развивающиеся элементы повседневности, из которых и складывается история человека» [18]. Такой позиции Прыжов противопоставляет вклад в русскую науку историка Ф.И. Буслаева, который глубоко разрабатывал проблемы русского быта и культуры повседневности русского народа.

Со школой Соловьева Прыжов сближал И.Е. Забелина, книга которого «о быте царей, страдающая отсутствием исторического элемента... не имела никакого успеха». Прыжов возражает утверждению Забелина о том, «будто дворец московских царей также органически вырос из деревенской избы», справедливо замечает, что историк должен был бы «ввести читателя в избу, в ее мир, рассказать историю повседневной жизни народа, прожитую в избах, и отсюда, как от корня, дойти до московского дворца», повествуя о последнем, показать «жизнь, которая в нем протекала...» [19].

Выразителем нового направления в исторической науке Прыжов в начале 60-х гг. считал Н.И. Костомарова, историка, уделявшего большое внимание истории повседневности, быта и нравов народа, истории народных движений, в известной мере оппозиционно настроенного по отношению к самодержавию, однако далекого от трактовки исторических явлений в революционном духе.

Начало преподавательской деятельности Костомарова в Петербургском университете расценивалось Прыжовым как важная веха в развитии русской историографии. Прыжов с большим удовлетворением отмечал, что «в 50-х годах, когда в Петербургском университете открылась кафедра русской истории, ее предложили не ученикам Соловьева, которых не было, а

Костомарову» [20]. Его деятельность на этой кафедре, в представлении Прыжова, была «новая, свежая», которая к тому же совпала с оживлением общественной жизни в Петербурге и связывалась им с усилением именно в Петербурге интереса к истории повседневной жизни народа.

Прыжову представлялась картина, являющая собой разделение исторической науки в России на два лагеря: первого в Петербурге, где обосновалось новое направление в лице прежде всего Костомарова, выдвигающего идею изучения истории народа, и второго в Москве, где сплачивались консервативные элементы (Погодин, Соловьев, славянофилы).

По мнению Прыжова, после утверждения нового направления в изучении истории в Петербурге «во всей семье московских ученых возникло крайнее озлобление против Петербурга, и о науке в Петербурге не говорят иначе, как с рыканием и маханием руками» [21].

Противопоставление Петербурга и Москвы как двух центров развития исторической науки в России, отличавшихся друг от друга известными особенностями, в какой-то мере имело определенный смысл. В связи с этим стоит отметить, что, как справедливо подчеркивал советский историк А.Н. Цамутали, «...в нашей историографической литературе до сих пор крайне мало внимания уделяется особенностям развития исторической науки в различных центрах. Работ по этому вопросу... почти нет» [22].

Продолжая эту мысль, скажем, что редко можно встретить историографические работы и в современной России, хотя особенности той же истории культуры повседневности в регионах России, безусловно, имеются.

Деятельность Н.И. Костомарова в Петербургском университете, по мнению Прыжова, сыграла в развитии исторической науки значительную роль, поскольку «началась в то время, когда общественное развитие дошло, наконец, до сознания потребности в истории более широкого и сурового объема, чем та, которой доселе пробаивались. Как полагал Прыжов, Костомаров правильно понял поставленные перед историками требования и обратился к изучению истории народа. Заслугой Костомарова Прыжов считал то, что, занявшись историей народа, он «прошел», таким образом, историю быта, нравов и обычаев Великороссии, Южной Руси, Новгорода, Пскова, Вятки, Литвы и успел затронуть и поставить множество важных вопросов, кинуть свет на многие темные доселе явления народной жизни» [23].

Костомаров, по представлению Прыжова, был, прежде всего, «историк народа», «не кричал прожитому: *vive victis*, как Соловьев, не мечтал о воскрешении умерших, как славянофилы, но в то же время не мог не желать восстановления некоторых условий жизни, столь непохожих на настоящие и умершие не своей смертью» [24]. Прыжова, стремящегося раскрыть внутреннее содержание народной жизни, проникнуть в глубину исторического развития, привлекали высказывания Костомарова о том, что народный обычай, черты домашнего быта, обряд народного увеселения есть выражение повседневной жизни народа, но, кроме того, «жизнь народа заключается в движении его духовно-нравственного бытия: в его понятиях, верованиях, чувствованиях, надеждах, страданиях», что «нельзя судить о благосостоянии экономического быта народа, не зная, как народ понимал или понимает довольство и недостаток... нельзя судить о важности бедствий народных масс, не зная, в какой степени они в свое время производили влияния на чувства народа», что «нельзя произносить приговор над доблестями или пороками человечества, не зная, в какой степени оправдывало или обвиняло их народное убеждение» [25].

Несомненно, что Прыжова, посвятившего значительную часть своих работ повседневности, историко-бытовой тематике, собиравшего фольклорные произведения, привлекла в работах Костомарова и этнография. Такой же интерес проявлял Прыжов и к работам историка Ф.И. Буслаева, считая, что тот сделал много для изучения народного быта Древней Руси.

В середине 60-х годов, по мнению Прыжова, намечалось создание новой исторической науки: «Наука о человеке, – писал он, – о его прошедшем и настоящем, измученная долгими влияниями от правды, долгим блужданием в области теней, доходит до самой простейшей истины, до которой всегда доходят истинные мученики – до возможности прямо взглянуть на факт и высказать свое сознание». Развитие исторической науки по этому пути способствовало ее сближению с точными науками, с распространившимися и утверждавшимися в них идеями материализма. «Идя этим путем, – писал Прыжов, – наука о человеке сблизилась с наукой о материи, выработала свое чисто материальное понимание исторического факта и с обновленными силами приступила уже к обработке истории культуры человечества» [26].

По словам самого Прыжова, им уже были подготовлены материалы по темам, которые бу-

квально пронизаны повседневностью жизни народа: 1. Народные верования; 2. Социальный быт; 3. История русской женщины; 4. История нищенства; 5. Секты, ереси, расколы: Малороссия.

Цензурные рогадки, бедственное положение самого Прыжова помешали выходу в свет не только этого наиболее крупного, с точки зрения самого Прыжова, сочинения, но и целого ряда других работ, написанных Прыжовым в духе намеченных им направлений в изучении истории русского народа. Так, Прыжов бросил работу «История крепостного права, преимущественно по свидетельству народа», сочтя невозможным его напечатать. Цензура запретила уже написанную Прыжовым книгу «Поп и монах как первые враги культуры человека».

Прекрасно понимая, что в России не удастся издать такую книгу, как «История свободы», Прыжов тем не менее не мог отказаться от заветного желания и кое-что написал, надеясь со временем окончательно окончить эту книгу и опубликовать ее за границей. Однако в 1862 г., ожидая обыска в связи с арестом его друзей А.А. Козлова, М.А. Челещевой и А.А. Котляревского, он сжег «Историю свободы» вместе с «Тысячью похабных сказок про монаха и попов». О содержании первой мы можем судить лишь по описанию виньетки, выполненной братом Прыжова: кругом шел бордюр из цепей, а по четырем углам были нарисованы виселица, топор, плаха, кандалы, плети и Петропавловская крепость.

Не увенчалась успехом и работа Прыжова над задуманной им историей земства в России. Поняв невозможность ее опубликования, Прыжов на основе собранных материалов написал труд об обыденной жизни мещан – «Историю мещан», которая была запрещена московской цензурой, не вернувшей даже автору рукописи.

Многое из задуманного Прыжовым так и не увидело свет. Он с горечью писал по этому поводу: «Хорошего Прыжов не оставил ничего – не дали. Все написанное им – не что иное, как песня, подобная стону» [27].

Но и опубликованные труды при жизни Прыжова или сохранившиеся в рукописях и дошедшие до наших дней впечатляют.

В 1862 г. вышла в свет книга Прыжова «Нищие на святой Руси». Автор не только отразил яркую картину повседневного бытия современного ему нищенства, но и поставил перед собой задачу – описать историю этого явления. В 1865 г. в магазинах появилась книга Прыжова «26 московских лжепророков, лжеюродивых, дур и дураков», разоблачавшая религиозный

фанатизм, невежество и мракобесие в культуре повседневности части населения Москвы середины XIX в.

В 1868 г. после долгих мытарств Прыжову удалось опубликовать написанную еще в 1863 г. книгу «История кабаков в России в связи с историей русского народа». Из написанных трех томов Прыжов счел возможным опубликовать только первый, и то в урезанном виде. Второй и третий тома, содержащие повседневность кабаков России XIX в., историю целовальников, кабацких ярыг, городской голи, были уничтожены им самим. Прыжов поступил так из опасения, что, сделав достоянием читателей описание повседневного «кабацкого быта», т.е. жизни в этих, как он называл, «народных клубах», он невольно может «донести на народ» [28].

Основной мыслью в книге Прыжова «История кабаков» было стремление доказать, что в распространении пьянства на Руси повинно, прежде всего, царское правительство, насаждавшее винооторговлю ради пополнения казны.

Антиправительственную направленность отражала и другая крупная работа И.Г. Прыжова, так и не вышедшая в свет, но сохранилась рукопись – книга «Граждане России». Благодаря тому, что в рукописи нет следов цензурной правки, антиправительственная тенденция проявляется с еще большей силой, чем в опубликованных работах Прыжова. Эта книга – своего рода памфлет, изложение повседневного произвола и злоупотреблений чиновников в отношении граждан России.

Оказавшись на каторге, Прыжов в своем творчестве обращается к сибирской теме. В частности, в своих «Записках о Сибири» он, не изменяя себе, продолжает анализировать и описывать повседневность, быт и нравы тех, кто его окружает: каторжан и ссыльнопоселенцев,

стражей порядка и чиновников, русских сибиряков и инородцев, служителей культа и старообрядцев.

Так, в «Тюрьмах Сибири» описаны произвол и беззаконие царских чиновников, в особенности высокопоставленных, представляющих собой местных «богов» и «царей». «В течение всей истории Сибири, – писал Прыжов, – на вершине ее общественной жизни одни лишь пираты, невежды и грабители – туземцы и завезенные из России» [29].

В своих трудах он повествует о тяжелом положении находящихся в Сибири ссыльных, о случаях зверской расправы тюремщиков над арестованными, описывает положение заключенных на Каре, дает характеристику сибирским тюрьмам.

Среди других работ Прыжова, посвященных Сибири, достойна упоминания книга «Декабристы в Сибири на Петровском Заводе», все ее содержание пронизано горячим сочувствием к движению декабристов. Одной из заслуг Прыжова, безусловно, является то, что в своих записках о декабристах он, кажется, не упускает ни одной мелочи в культуре повседневности их жизни, отражает их быт, наполненный духом взаимной поддержки и творчеством, несмотря на суровые условия своего существования.

В заключение следует отметить глубокие размышления И.Г. Прыжова о новых веяниях в области исторической мысли и связанных с ними достижениях в развитии исторической науки, на первое место им выдвигается утверждение о решающей роли народа в истории. Но история – это не череда только великих событий. Она складывается из повседневных, будничных дней и событий, внимание к ним должно быть незыблемой обязанностью каждого историка.

Литература

1. Альтман М.С. Иван Гаврилович Прыжов и его литературное наследие // Прыжов И.Г. Очерки. Статьи. Письма. – М.;Л., 1934. – С. IX.
2. Там же. С. XI.
3. Есипов В.В. Житие великого грешника. Документально-лирическое повествование о судьбе русского пьяницы и замечательного историка-самоучки Ивана Гавриловича Прыжова. – М., 2011. – С. 19.
4. Там же.
5. Альтман М.С. Указ соч. – С. IX.
6. Там же.
7. Альтман М.С. И.Г. Прыжов // Каторга и ссылка. – 1932. – № 6. – С. 37-118; Иван Гаврилович Прыжов. С приложением писем И.Г. Прыжова и литературного экскурса: Прыжов в изображении Достоевского и Бржзовского. – М., 1932; Редакционная статья в книге «И.Г. Прыжов. Очерки, статьи, письма». – М.;Л., 1934. – С. 7-36.
8. Пушкарев Л.Н. Рукописный фонд И.Г.Прыжова, считавшийся утерянным // Советская этнография. – 1950. – № 1. – С.183-187; Критика церкви и духовенства в трудах И.Г. Прыжова // Вопросы религии и атеизма. – М., 1954. – Вып. 2. – С.128-153; Неизвестная работа И.Г. Прыжова о декабристах в Сибири // Литературное наследство. Т. 60. – Кн. 1. – М., 1956. – С. 629-640.
9. Мазуркевич А.Р. И.Г. Прыжов. Из истории русско-украинских литературных связей. – Киев, 1958.
10. Трофимов И. Неизвестные рукописи ученого-революционера // Русская литература. – 1966. – №3. – С. 159-161.

11. Вопросы истории России в трудах И.Г. Прыжова // Цамутели А.Н. Очерки демократического направления в российской историографии 60- 70-х гг. XIX в. – Л., 1971. – С. 142-186.
12. Есипов В. В. Указ. соч. – С. 19.
13. Альтман М.С. Редакционная статья // Прыжов И.Г. Очерки. Статьи. Письма. – М.; Л., 1934. – С. XXV.
14. Там же.
15. Цамутели А.Н. Указ соч. – С.144.
16. Там же. – С.146.
17. Там же. – С. 147.
18. Там же.
19. Там же. – С. 149.
20. Там же.
21. И.Г. Прыжов. Очерки. Статьи. Письма. – М.;Л., 1934. – С. 274.
22. Цамутели Л.Н. Указ соч. – С. 156.
23. Там же.
24. Там же. – С. 157.
25. Там же.
26. Там же.
27. Там же. – С. 159.
28. Прыжов И.Г. Очерки...С. 21.
29. Там же. – С. 19.
30. Цамутели Л.Н. Указ соч. – С. 164.

Кургузов Павел Владимирович, директор Учебно-методического центра профсоюзов Республики Бурятия, соискатель Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, e-mail: hostsyo@bsu.ru
Kurguzov P.V., Director of the Training and Methodological Center, Trade Unions of the Republic of Buryatia, competitor for candidate degree, East Siberian State University of Technology and Management, e-mail: hostsyo@bsu.ru

УДК: 314(571.1)

© Е.Н. Лозовая

Особенности пополнения трудовых коллективов в районах нового хозяйственного освоения в 1960-1980-х гг. (на примере Иркутской области и Республики Бурятия)

Статья посвящена демографическим процессам в районах нового хозяйственного освоения. Автор исследует особенности формирования и пополнения трудовых ресурсов, социально-бытовые условия и образовательный уровень.

Ключевые слова: демография, трудовые коллективы, миграционная активность, социальная инфраструктура нового города, молодежь, производственное обучение.

E.N. Lozovaya

Features of labor collectives replenishment in the areas of new economic development in the 1960-1980s of the XX-th century (illustrated by the example of the Irkutsk region and Buryatia)

The article is devoted to demographic processes in the areas of new economic development. The author studies the features of formation and replenishment of labor resources, social and living conditions and educational level.

Keywords: demography, labor collectives, migration activity, social infrastructure of new city, youth, job training.

Политика государства во второй половине XX века была направлена на дальнейшее хозяйственное освоение районов Сибири. Под районами нового промышленного освоения (хозяйственного) подразумевается слабообжитые и малоразвитые в промышленном и транспортном отношении территории, отдаленные от экономических и культурных центров страны, но располагающие высокоценными ресурсами, разработка и использование которых диктуется все возрастающими потребностями народного хозяйства в сырье, топливе, энергии [1, с. 15].

Поставленные задачи решал Ангаро-Енисейский проект, реализация которого спо-

собствовала крупномасштабному освоению ресурсов Красноярского края и Иркутской области. Строительство гидроэлектростанций на Ангаре и Енисее позволило сформировать системы территориально-производственных комплексов (ТПК): Братско-Усть-Илимского, Саянского, Канско-Ачинского.

В эти годы в Приангарье выросли новые города и рабочие поселки. В 1951 г. городом становится Ангарск, в 1954 г. – Усть-Кут, в 1955 – Братск и Алзатай. В 1960-х гг. городами становятся Шелехов, Железногорск-Илимский, Вихоревка, Байкальск, Бирюсинск. В 1973 г. рабочий поселок Усть-Илимск преобразован в город.

Огромное значение для дальнейшего развития Сибири имело сооружение Байкало-Амурской магистрали. Это давало возможность доступа к богатым природным ископаемым, а также увеличило темпы роста населения по сравнению с другими территориями страны. В 1970-1980 гг. население зоны Бама увеличилось примерно на 32,5% по РСФСР и 10,3% по СССР. В 1985 г. население районов, прилегающих к БАМу, составляло 1393, 6 тыс. чел., при этом 55% от общего прироста населения составляли мигранты [2, с. 281].

Организация новых строек, предприятий повлияла на увеличение и привлечение трудовых ресурсов. При исследовании социальных процессов новые районы освоения целесообразно рассматривать как общность производственных трудовых коллективов, их состава и источников пополнения. Г.Ф. Куцев выделил следующие типы производственных коллективов новых городов. Во-первых, производственные коллективы строителей из новичков, где структура коллектива еще не состоялась. Это квалифицированные рабочие, инженеры, направленные по общественному призыву или переводом с других строек. Во-вторых, сложившиеся производственные коллективы строителей. В свою очередь кадры опытных руководителей оказали позитивное воздействие на социально-политическую жизнь населения. В-третьих, производственные коллективы новых промышленных предприятий в стадии их формирования. Для них характерны подвижность кадров, незавершенность социальной и профессиональной адаптации работников. В-четвертых, производственные коллективы промышленных предприятий, где завершились процессы формирования, адаптации работников. [4, с.191-192].

Типологизация производственных коллективов новых городов не ограничивается только их социально-профессиональной структурой, включает в себя уровень общественно-политической активности и демографические особенности. Именно трудовые коллективы оказали большое влияние на процессы формирования населения Сибири. Со всего Советского Союза непрерывным потоком ехали тысячи молодых работников. В районах нового промышленного освоения возросла численность трудовых коллективов. В Братскгэстрое она возросла с 657 чел. в 1955 г. до 29,5 тыс. чел. в 1960 г. и до 62,2 тыс. чел. в 1980 г. [3, с. 106]. В целом с 1959 по 1979 г. население региона увеличилось с 4764 до 6024 тыс. чел., или почти на 30% [5, с. 78].

Формами пополнения трудоспособного насе-

ления в новые города оставались общественный призыв молодежи, переезд по собственной инициативе, перевод в составе производственных коллективов, направление после окончания учебного заведения. В 1980 г. на территории Ангаро-Енисейского региона 14 строек являлись Всесоюзными ударными, на которых трудилось более 48 тыс. человек. А всего на строительных объектах этого региона по общественному призыву трудилось примерно 17 % от общего количества принятых за год [7, с. 80].

Основная проблема миграционной политики для новых городов в районах освоения заключалась не только в том, чтобы больше приезжало людей, а в том, чтобы меньше уезжало. Так, в Усть-Илимске за 1970-1976 гг. из 73,5 тыс. новоселов убыло 37,1 тыс., т. е. более половины [4, с.122]. Миграционная активность населения во многом определяется уровнем развития социальной инфраструктуры нового города. С учетом массового притока населения возросли объемы жилья. Так, в Иркутской области если в 1957 г. было введено в действие 661 тыс. м² жилья, то в 1975 г. – 1175 тыс. м², а в 1985 – 1215 тыс. [3]. Однако систематическое недоосвоение средств, выделяемых на жилищное строительство, приводило к тому, что в новых городах обеспеченность населения жильем значительно отставала от показателей по стране. Большие трудности испытывали новоселы с недостатком общежитий, их перенаселенностью, отсутствием во многих из них коммунальных удобств.

В связи с повышением уровня рождаемости возникла нехватка детских дошкольных учреждений. Так, в Усть-Илимске в 1980 г. рождаемость превысила показатели в 2 раза, а в расчете на 1000 человек населения имелось только 74 места в детских комбинатах. Подобная ситуация складывалась и с обеспечением предприятий торговли, общественного питания, бытового обслуживания [4, с. 128].

Результатом хозяйственного освоения Сибири стало формирование контингента населения. С 1959 по 1989 г. произошло увеличение Сибири с 16632 тыс. чел. до 21068 тыс. чел., или на 21,1 %. Высокий показатель прироста населения был в Тувинской АССР-44,2%, в Иркутской области – 30%, в Красноярском крае-27, 5%. По переписи населения в 1989 г. общая численность населения Сибири составляла 21068 тыс. чел., или 14,3% от общей численности населения РСФСР [5, с. 78].

Развитие процессов индустриализации и урбанизации определило кардинальные изменения в социальной сфере сельского и городского на-

селения. В годы послевоенных пятилеток Байкальский регион представлял собой аграрно-промысловую территорию, где преимущественно преобладала доля сельского населения над городским. Позднее, в процессе индустриального развития сектора и миграционных процессов, происходят диаметрально противоположные изменения, увеличивается доля городского населения по сравнению с сельским населением. Так, по статистическим данным за 1966 г. по Иркутской области, в сельскую местность прибыло 38183 чел. (более всего в Братский район – 5929 чел.), выбыло 40293

чел. Механический прирост оказался отрицательным (-3824 чел.) [5, с. 1]. Городское население, наоборот, увеличилось: прибыло 92256, выбыло 82825. Механический прирост составил 10483 чел. [5, с. 2].

Таким образом, социально-демографические процессы в новых районах Байкальского региона напрямую зависели от переселенческой политики государства. При этом социальные и экономические условия жизни новых районов не всегда соответствовали потребностям быстрорастущего населения.

Литература

1. Алексеев В.В., Логунов Е.В. Партийное руководство формированием кадрового потенциала в нефтегазовом комплексе Сибири // Партийное руководство творческой активностью рабочих Сибири в условиях развитого социализма (1965-1985 гг.) – Новосибирск: Изд-во НГУ. – С. 3-42.
2. Власов Г.П., Власова Н.Г. Формирование трудовых ресурсов в регионе БАМа // Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе: подходы, исследования, результаты. – Новосибирск, 2010.
3. Долголюк А.А. Формирование трудовых коллективов Братско-Усть-Илимского ТПК. 1955-1980. – Новосибирск, 1988. С. 106.
4. Куцев Г.Ф. Новые города (социологический очерк на материалах Сибири). – М.: Мысль, 1982. – 226 с.
5. ОГУ ГАИО. Ф.р2679. Оп. 7. ед.хр. 99 Л. 1-2.
6. Российский статистический ежегодник. 2011: стат. сб. – М., 2011.
7. Цыкунов Г.А. Ангаро-Енисейские ТПК: проблемы и опыт (исторический аспект). – Иркутск, 1991.

Лозовая Елена Николаевна, ст. преподаватель кафедры правоповедения и философии Братского государственного университета, e-mail: Lozovaya-77@mail.ru

Lozovaya Elena Nikolaevna, senior lecturer, department of law and philosophy, Bratsk State University, e-mail: Lozovaya-77@mail.ru

УДК 34 (09)

© И.Д. Монгуш

История становления органов прокуратуры в Туве (1935–1944 гг.)

В статье рассматривается история образования и становления органов прокуратуры в Тувинской Народной Республике во взаимосвязи с социально-политической ситуацией, сложившейся в 1930-е гг., а также анализируется кадровая политика в системе прокуратуры и эффективность ее работы.

Ключевые слова: Тувинская Народная Республика, прокуратура, Президиум Малого Хурала, народно-революционная партия, репрессивная политика, революционная законность, контрреволюционеры, аратские массы.

I.D. Mongush

History of the formation of prosecution authorities in Tuva (1935-1944)

This article discusses the history of establishing and formation of prosecution authorities in the People's Republic of Tuva in interrelation to the socio-political situation in the 1930s. The personnel policy in the system of prosecution and the effectiveness of its work is analyzed.

Keywords: People's Republic of Tuva, the prosecution, the Presidium of the Small Hural, the People's Revolutionary Party, repressive policy, revolutionary legitimacy, counterrevolutionaries, arat mass.

Органы прокуратуры имеют большое значение для становления гражданского общества. В этом плане значительный интерес представляет изучение истории прокуратуры отдельного региона, что дает возможность проанализировать ее роль, функции и существенные характеристики на различных этапах развития, выявить специфику деятельности. В данной статье рассматри-

вается этап становления прокурорских органов в Туве в период ее существования как самостоятельного государства (ТНР). Тувинская Народная Республика образовалась в результате народной революции в 1921 г. и лишь в октябре 1944 г. добровольно вошла в состав СССР. В Туве институт прокуратуры появился только в 1935 г., когда Президиум Малого Хурала (выс-

ший законодательный и распорядительный орган) ТНР утвердил Положение о Государственном прокуроре Тувинской Народной Республики. В положении указывалось, что главной задачей прокурора является защита суверенитета ТНР, прав и свобод аратских масс, обеспечение реализации политики некапиталистического развития страны и ознакомление с законами аратских масс [1, л. 15]. Дополнительно к положению были приняты статьи, в которых указывалось, что должностные лица и граждане должны сообщать новости и передавать материалы о фактах сопротивления революционной законности [2, л. 1].

В Конституции ТНР 1936 г. появляется глава «О прокуроре Республики». Статья 40 гласила «для разъяснения политической установки революционной законности аратским массам, а также ввиду особой важности наблюдения за неуклонным выполнением законности, всех законоположений и распоряжений Правительства по вопросам политики, хозяйства, финансов и культуры при Президиуме Малого Хурала Тувинской Народной Республики учреждается государственная прокуратура» [3, с. 68].

Первым прокурором ТНР был назначен выходец из бедной аратской семьи Кара-Сал Пиринлей [4, л.215]. В 1927 г. он поступил на службу в Народно-революционную армию, в 1934 г., как многие партийные руководители Тувы того времени, окончил в Москве Коммунистический университет трудящихся Востока [5, с.114]. На должности прокурора он пробыл всего три года, в 1938 г. он пал жертвой политических репрессий [4, л. 88].

Массовые репрессии и политические преследования в СССР в период 1937–1938 гг. также оказали влияние на политическую ситуацию в Туве. В своих указаниях и рекомендациях представители ВКП(б), Коминтерна, советники и инструкторы из СССР постоянно требовали ведения непримиримой классовой борьбы и ликвидации класса феодалов [6, с. 198].

Архивные документы свидетельствуют, что прокурор Пиринлей занимался поиском антиправительственных групп. В своем секретном сообщении в ЦК Тувинской народно-революционной партии (ТНРП) от 4 января 1935 г. он подробно рассказывал о своем разговоре с редактором местной газеты, якобы настроенным против политики тувинского правительства, и его возможных сообщниках [4, л. 345].

Постановлением Президиума Малого Хурала ТНР от 24 июля 1937 г. была учреждена судебная коллегия при МВД для рассмотрения особо

опасных контрреволюционных дел, которые не могли рассматриваться в открытом порядке, а также иных нарушений революционной законности. Председателем данной коллегии был назначен Оюн Полат – глава Министерства внутренних дел ТНР. Прокурор Пиринлей числился членом данной коллегии [7, л. 22].

В Тувинской Народной Республике законодательным органом власти был Малый Хурал, исполнительным – Совет министров, однако доминирующая роль в политической системе страны, в том числе правовой, принадлежала Президиуму ЦК ТНРП во главе с С.К.Тока. Прокуратура, согласно положению, должна была осуществлять надзор за законностью и правильностью действий МВД и его органов, милиции и исправительно-трудовых учреждений, но на деле суд и прокуратура занимали во властной иерархии зависимое положение, слепо исполняя решения, принятые партийным руководством ТНР [6, с. 198]. Так, санкции на арест главарей «контрреволюционной» организации во главе с Сатом Чурмит-Тажи – председателем Совета Министров, подписал министр МВД Оюн Полат, минуя государственного прокурора республики. Сам Кара-Сал Пиринлей 18 декабря 1937 г. был арестован, снят с должности прокурора и исключен из состава Президиума Малого Хурала ТНР [8, л. 81]. Члены Президиума Малого Хурала обвинили его в аморальном поведении (злоупотребление алкогольными напитками, порочные связи с женщинами), профессиональной некомпетентности (несоблюдение законного порядка, неразборчивость в делах обвинения и наказания граждан), в политической неблагонадежности, в «контрреволюционных» высказываниях о недоверии руководителям правительства, в высокомерии по отношению к аратам, простому народу [7, л. 99, 134].

Вопрос об исключении Пиринлея из состава Президиума Малого Хурала и освобождении от должности прокурора рассматривался и на объединенном заседании Президиума Малого Хурала ТНР и Совета Министров 13 февраля 1937 г. [7, л. 33]. То есть вопрос о его неблагонадежности и необходимости снятия с должности рассматривался не раз, к нему шли целенаправленно.

В постановлении III пленума ЦК Тувинской народно-революционной партии (ТНРП) «О ликвидации последствий вражеской и шпионской деятельности ненавистных врагов народа, агентов японского империализма Чурмит-Тажи, Танчая и др., и о дальнейшем укреплении политической работы аратской-революционной пар-

тии» говорилось: «врагами народа, контрреволюционерами Пиринлеем и др. умышленно запутаны некоторые законы ТНР (Уголовный, Налоговый и др.), поэтому поручить партфракции законодательных органов ТНР немедленно ликвидировать в этом деле последствия вредительства» [4, л. 134]. На суде особого присутствия 10-13 октября 1938 г. Пиринлей дал показания, что Сат Чурмит-Тажы выступал за сближение ТНР с восточными странами (Китай, Япония), постепенное отдаление от СССР и сделал его своим сообщником [4, л. 122]. Судебная коллегия вынесла смертельный приговор обвиняемым, в том числе и Кара-Салу Пиринлею. Жена и сын первого прокурора Тувы прошли тяжкие испытания, долгие годы считались «контрами», «врагами народа», что не позволило его единственному сыну получить образование и специальность. К. Пиринлей был реабилитирован лишь в 1964 г.

Массовые репрессии в СССР полностью повторились в Туве, причем широко использовался опыт НКВД. Репрессиями руководило Министерство внутренних дел, а прокуратура занималась гражданскими и уголовными делами неполитического характера: рассматривала наследственные и имущественные споры, проверяла справедливость вынесенных обвинений и др. Некоторые дела органами прокуратуры рассматривались тщательно, объективно – например, несправедливо обвиненных в кражах граждан предписывалось освободить от наказания и возместить им причиненный моральный ущерб [10, л. 24-29].

После ареста Пиринлея по решению партийного руководства республики прокурором был назначен выпускник военного училища г. Калинина Гессен Шома [5, с. 124]. За период с 1938 по 1944 г. на должности прокурора ТНР работали Лопсан-Самбуу, Мандараа, Пиче-оол, Саган-оол. Согласно положению «О прокуратуре ТНР», утвержденному Президиумом Малого Хурала 15 декабря 1941 г., прокурор назначался Малым Хуралом сроком на 4 года [11, с.120]. Такая частая смена прокуроров в период с 1938 по 1943 г. – до назначения прокурором Республики Оюна Охемчика, была связана с недостаточной эффективной работой ставленников, допущенными ими нарушениями, не соответствующими их должностным обязанностям [2, л. 50].

Прокурор республики имел заместителя, трех следователей и секретаря. Один из следователей предназначался специально для обслуживания иностранного сектора. В хошунах (сель-

ский район) был лишь один следователь на весь хошун. Функции хошунных прокуроров возлагались на председателей президиумов хошунных управлений, которые наряду с обязанностью выбранных руководителей местных органов власти должны были выполнять обязанности прокурорского надзора, что являлось «грубым нарушением принципов революционной демократии и практически вело к нарушениям революционной законности». Это вело и к тому, что исполнявшие обязанности хошунных прокуроров этой работе должного внимания не уделяли и ограничивались лишь формальным утверждением обвинительных заключений, не делая никаких указаний по вопросам производства следствия [16, л. 34, 35]. Эта практика изменилась с принятием новой Конституции в 1941 г., в которой учреждались самостоятельные должности прокуроров хошунов, назначаемых прокурором ТНР на три года [3, с. 86]. В Конституции подчеркивалось, что «органы прокуратуры осуществляют свои функции, независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняясь только прокурору ТНР» [3, с. 89]. Финансирование органов прокуратуры производилось из местных бюджетов районов, что ставило прокурорско-следственных работников в зависимость от местных органов власти и не могло не влиять на качество расследования дел. Немало было и хозяйственных проблем, прокуратура не имела собственных зданий, транспорта, достаточного количества мебели, мест для хранения дел и документов. У прокуроров не было пишущих машинок, граждане на допросах у следователей сидели на полу. К тому же размер ставок, по которым исчислялась заработная плата прокурорских работников, был ниже, чем ставки других государственных учреждений [13, л. 91, 98, 90].

Особенно остро стоял вопрос о кадрах: сотрудники прокуратуры не имели специального юридического образования, опытных работников, практиков было мало. Работники органов прокуратуры плохо владели русским языком, что создавало проблемы при изучении специальной юридической литературы на русском языке. В связи с этим перед руководством прокуратуры возникла острая необходимость перевода юридической литературы на тувинский язык [13, л. 97].

Кроме объективных трудностей в работе хошунных прокуроров имели место существенные недостатки: многие дела возбуждались по недостаточным основаниям, и в то же время некоторые факты правонарушений оставались безнаказанными. Прокуроры не осуществляли надзор

за исполнением законодательства, преимущественно занимались расследованиями и допросами. Прокуроры в своей работе также не опротестовывали судебные решения, не выступали с защитой прав обвиняемых или осужденных, находящихся в местах лишения свободы. Нередко некоторые следователи для окончания дела в законные сроки применяли «феодалные» методы в своей работе, чем вызывали недовольство народа [14, л. 34].

О степени эффективности работы прокуроров и следователей свидетельствовали следующие данные: в 1941 г. в производстве в органах прокуратуры было 831 дело, из них завершены 776, остальные 55 дел перешли на следующий год. В 1942 г. в производстве было уже 1300 дел, из них были завершены 1172 дела, 128 дел перешли на следующий, 1943 г. [13, л. 11, 35]. Следственные органы работали еще хуже: в 1941 г. в производстве было 776 дел, из них были переданы в судебные органы 567 дел (73 %), в 1942 г. соответственно 693 из 1172 дел (59,2%), при этом передача дел в судебные органы вовсе не означала, что дела закрывались. Немало дел прекращалось из-за необоснованного их возбуждения, в 1941 г. по этой причине было прекращено 141 дело (18%), в 1942 г. – 331 дело (28%) [13, л. 12, 13].

Для повышения уровня правовых знаний сотрудников руководство прокуратуры организовывало краткосрочные курсы по уголовно-исполнительному, трудовому праву, основам деятельности суда и прокуратуры, практическим

основам следственной работы. Так, с 22 марта по 5 апреля 1941 г. на курсах прошли обучение 36 судебно-прокурорских работников, из них 15 прокуроров и 5 следователей [13, л. 3, 4]. Для обучения в г. Москву в 1940 г. были направлены два работника прокуратуры (Пюрбю и Отукпан), но они не смогли продолжить учебу из-за начавшейся войны [13, л. 41].

Серьезной проблемой была большая текучесть среди хошунных прокуроров и следователей. Только за 1942 г. сменилось четверо из девяти хошунных прокуроров и трое из пяти следователей. Большая текучесть кадров привела к тому, что в органах прокуратуры было мало стажистов, хорошо знающих свою работу. Из 9 следователей лишь двое имели стаж работы свыше 2 лет. Еще меньше было стажистов среди прокуроров: из 11 человек 6 человек имели стаж работы до года [13, л. 10, 11]. Такое положение дел не могло не сказаться на качестве работы прокуратуры.

Таким образом, в деятельности прокурорских органов молодой Тувинской Народной Республики было немало проблем, связанных с недостаточным финансированием, отсутствием квалифицированных юристов, особенно из числа коренного населения, частой сменяемостью кадров, что значительно затрудняло исполнение возложенных на них функций. Кроме того, сказывалась атмосфера правового нигилизма и «партийного» судопроизводства, во многом присущая сталинским временам.

Литература

1. ЦГА РТ. Ф. 93. Президиум Малого Хурала. Оп. 1. Д. 120. 15 л.
2. ЦГА РТ. Ф. 93. Президиум Малого Хурала. Оп. 1. Д. 83. 6 л.
3. Конституции Тувы. – Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1999. – 216 с.
4. Научный архив ТИГИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1294. Сборник документов о репрессиях в Туве 1929-1954 гг.: в 5 т. Т. 4. – 260 л.
5. Заслуженные люди Тувы XX века. Государственная книга Республики Тыва. – Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 2004. – 114 с.
6. История Тувы / под ред. В.А. Ламина. – Новосибирск: Наука, 2007. – Т. II. – 545 с.
7. ЦГА РТ. Ф.93. Президиум Малого Хурала. Оп. 1. Д. 107. 372 л.
8. Научный архив ТИГИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1295. Сборник документов о репрессиях в Туве 1929-1954 гг.: в 5 т. Т. 5. – Составлены в 1988-1994 гг.
9. Научный архив ТИГИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1291. Сборник документов о репрессиях в Туве 1929-1954 гг.: в 5 т. Т. 1. – 253 л.
10. ЦАДПОО ЦГА РТ. Ф. 1. ЦК ТНРП. Д. 2259. 37 л.
11. Сборник законов ТНР. – Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1944.
12. ЦГА РТ. Ф. 119. Прокуратура ТНР. Оп. 1. Д. 44. 86 л.
13. ЦГА РТ. Ф. 119. Прокуратура ТНР. Оп. 1. Д. 74. 109 л.
14. ЦАДПОО ЦГА РТ. Ф. 1. Оп. 1. ЦК ТНРП. Д. 1953. 38 л.

Монгуш Ирина Дарый-ооловна, аспирант Тувинского государственного университета, методист научно-методического центра развития воспитания в сфере профессионального образования. Тел.: 8-923-264-22-29, факс 8 (39422) 3-21-41, e-mail: ekiminu@mail.ru.

Mongush Irina Dary-oolovna, postgraduate student, Tuvan State University, methodologist, Scientific-Methodological Centre for Development of Upbringing in the Sphere of Professional Education. Tel.: 8-923-264-22-29, fax 8 (39422) 3-21-41, e-mail: ekiminu@mail.ru

УДК 947

© Н.Б. Свиридова

Формирование органов городского общественного управления в Забайкальской области в последней трети XIX в.

В статье на основе архивных источников в соответствии с городским законодательством поэтапно рассматривается выборный процесс – от составления списков избирателей, их социального и имущественного состава, до технологии и опротестования результатов голосования. Авторы отмечают низкий материальный уровень забайкальских горожан, незначительную активность избирателей, нарушения в порядке проведения голосования.

Ключевые слова: город, Забайкалье, органы городского общественного управления, избирательная кампания.

N.B. Sviridova

Formation of authorities of municipal public administration in Transbaikalian region in the last third of the XIX-th century

The article gradually considers the election campaign, beginning from formation of voters' lists, their social and wealth features to a technology of challenging the election results. The research is based on archival sources in accordance with the municipal legislation. The authors state the low material level of Transbaikalian residents, insignificant activity of voters, violation in voting procedure.

Keywords: city, Transikalia, authorities of public administration, election campaign.

В связи с началом промышленного переворота в 1840-е гг., увеличением количества городского населения и начавшимся его расслоением в последней трети XIX в. наметилась необходимость проведения городской реформы. В целом модернизационные преобразования имперской власти, нацеленные на рационализацию во всех сферах, способствовали изменению жизни российского общества не только в центральных районах страны, но и на отдаленных окраинах. Этой реформой стало введение Городового положения в 1870 г. В данном документе был описан состав выборщиков, процесс проведения выборов гласных и городского головы. Во многом именно избирательный процесс определял работу городского общественного управления на четырехлетие и развитие городского хозяйства.

Учитывая опыт реформаторской деятельности, городская реформа являлась одним из многих преобразований, затронувших окраины империи и была связана с представлениями центральной власти о «целесообразности», что и обусловило введение городского общественного управления на востоке России в середине 70-х гг. XIX в. практически одновременно с европейской территорией страны. Значимость городской реформы, ее ближайшие и отдаленные последствия, неразработанность тематики на примере Забайкальской области заставляет еще раз обратиться к процессам последней трети XIX в. и проследить за формированием и составом избирателей городского общественного управления.

В Забайкальской области реализация городской реформы началась с 1875 г. Воплощение в

жизнь городского законодательства предполагало определение круга возможных избирателей и создание органов городской власти, чему был посвящен ряд статей Городового положения. Процесс формирования органов городского общественного управления (ГОУ) был достаточно сложным, нормализованным, требовал четкого соблюдения правил проведения выборов. Для городов Забайкалья проведение выборов в городские думы и управы являлось в определенной степени нововведением.

В соответствии с законом 1870 г. правом голоса обладал всякий городской житель (исключая женщин), однако при известных правилах. Этими условиями были оседлость, национальность, возраст, размер недвижимого имущества, с которого уплачивался налог в пользу города, и наличие торгово-промышленного предприятия, на право деятельности которого выкупалось специальное свидетельство, что во многом ограничивало количество потенциальных избирателей.

Избирательные городские собрания созывались каждые четыре года (ГП 1870 г., ст. 16). В процессе подготовки к выборам в городской управе составлялись списки избирателей. В соответствии со статьей 24 Городового положения избиратели, исходя из сумм, перечисляемых ими в доход города, подразделялись на три избирательных собрания, каждое из которых выбирало одну треть от общего числа гласных. Количество гласных в различных городах колебалось от 30 до 72 и зависело от численности населения в городе. К первому разряду относились избиратели, вносившие наивысшие размеры сборов,

второй и третий разряды – по убыванию. Куримальная избирательная система устанавливала неравные избирательные права. Голос крупных плательщиков был более весомым, чем голоса выборщиков по второй и третьей куриям. Затем составленный городской управой список изби-

рателей утверждался городской думою.

Выборы в гласные были ограничены высоким имущественным цензом, и не имевшие недвижимой собственности лишались избирательного права.

Таблица 1

Сумма оценочного сбора с недвижимого имущества в Верхнеудинске по куриям в 1875-1892 гг.

	1875		1883		1887		1892	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
1 разряд	1688	50	610	46	775	81	1100	00
2 разряд	1652	00	475	48	738	37	264	66
3 разряд	1591	40	500	96	-	-	-	-
всего	4931	90	1586	90	1514	18	1364	66

Составлено по: ГАРБ. Ф.10 Оп. 1 Д. 374. Л. 44 – 62 об.; Ф. 10. Оп. 1. Д. 574. Л. 20 – 34 об.; Ф. 10. Оп. 1. Д. 775. Л. 14 – 24 об.

Введение в качестве критерия выборщика налоговых выплат или свидетельства на право торговли привел к тому, что в выборах принимали участие горожане – собственники недвижимого имущества и купцы-предприниматели, а избирались люди с высоким материальным достатком. Социальный состав ГОУ также определялся городской спецификой, экономическим развитием города. В городах Забайкальской области участвовали в выборах и избирались гласны-

ми купцы и мещане, составляя основу общественного управления. Так, на протяжении 30 лет именно эти сословия наиболее активно баллотировались в состав Читинской городской думы. Однако с начала XX в. увеличивается число чиновников. А в Троицкосавске на рубеже веков не сдавало своих позиций купечество, оставаясь одним из ведущих сословий в составе городской думы (60-40 %) [9, с 170].

Таблица 2

Количество избирателей имеющих право голоса на выборах в Верхнеудинске (по сословиям), в %

	1883			1887			1892		
	разряд			разряд			разряд		
	I	II	III	I	II	III	I	II	III
Купцы	75	41	5	53	16	-	62	2	-
Мещане	8	38	54	2	48	-	21	66	-
Почетные граждане	8	3	-	-	1	-	4	-	-
Чиновники	-	3	6	1	5	-	6	10	-
Крестьяне	8	3	2	2	4	-	4	4	-
Казачьи	-	-	6	-	5	-	-	4	-
военные	-	-	18	-	10	-	-	7	-
другие	1	12	9	58	49	-	3	7	-
Всего человек	12	28	299	15	277	-	48	201	-

Составлено по: ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 374. Л. 44-62 об.; Ф. 10. Оп. 1. Д. 574. Л. 20-34 об.; Ф.10. Оп. 1. Д. 775. Л. 30-35

Приведенные в таблице данные свидетельствуют о том, что большая часть населения не принимала участие в выборных кампаниях. Причем наблюдается неуклонное снижение численности избирателей. Если в 1875 г. из четырехтысячного населения города Верхнеудинска

право голоса имели 495 человек [8, с. 43], то к 1892 г. их численность сократилась почти вдвое. Та же ситуация наблюдалась и в других городах области. В частности списки читинских избирателей на первых городских выборах в думу (1875) включали 271 обывателя, имевшего не-

движимость и собственное дело.

В связи с тем, что горожан, состоявших к первой курии для избрания трети гласных, не хватало, городские думы приходили к выводу об установлении в городах двух избирательных собраний, что согласовывалось со ст. 25 Городового положения. Если в связи с малочисленностью или однородностью избирателей разделить их на три разряда не представлялось возможным, то с разрешения министра внутренних дел формировалось два собрания. Учитывая недостаточно высокий материальный уровень горожан, избрание гласных Читинской думы осуществлялось по этой упрощенной схеме, которая действовала и в 1880-е гг. Так, при выборе гласных на четырехлетие 1887–1891 гг. из 314 выборщиков было сформировано снова два избирательных собрания. Первое состояло из 21 избирателя, уплачивавшего в виде городских сборов свыше 2 176 руб. Второе собрание включало 293 человека, которые вносили почти 2 175 руб. В первом избирательном собрании сумма индивидуального сбора с выборщика колебалась от 330,5 до 45 руб., а во втором – от 40,5 руб. до 50 коп. Как первое, так и второе собрания избирали равное число гласных – по 15 человек [11, с. 76]. В результате проведенных выборов в состав думы вошло 30 гласных.

Эта же процедура была использована в Верхнеудинске в 1887 г., так как первый список зафиксировал 15 человек, вносящих с недвижимого имущества и торговых документов в доход города 755 руб. 81 коп., а во втором – 292 человек, налоги которых исчислялись в 738 руб. 37 коп. Однако в связи с неявкой необходимого числа избирателей 1 разряда (пришло лишь 4 человека) выборы были перенесены на январь 1888 г. [5, л. 45].

После утверждения списков избирателей городская дума назначала дату проведения выборов. Выборы проводились путем закрытой баллотировки. Стоит отметить, что данная форма выбора вызывала большие трудности. Голосование проводилось по каждому кандидату, что удлиняло время проведения выборов. Поэтому горожане с правом голоса на выборах не всегда имели желания им воспользоваться и нередко передавали это право своим доверителям. В распоряжении исследователя-городоведа находится довольно полный комплект документов, отражающих весь избирательный процесс, на основании которого можно констатировать, что на протяжении последней четверти XIX в. избирательная активность горожан была низкой: в 1875 г. в Верхнеудинске голосовало 76 человек,

в Чите – 65, в 1889 г. в Нерчинске – 52, в 1897 г. в Чите – 38 избирателей. Случались и вполне курьезные случаи. Так, на верхнеудинских выборах 1898 г. в избирательном списке значился 91 человек, а голосовало лишь 23 человека, вследствие чего выборы были признаны несостоявшимися. На вновь назначенные выборы явилось 32 человека, из которых и был сформирован список гласных и кандидатов в городскую думу по ст. 41 закона [7, л. 95].

В общей сложности в выборах принимало участие 10-20 % всех избирателей. И причина видится не только в технологии голосования, но и в том, что горожане все еще не придавали должной значимости общественному управлению и видели в нем обременительную для себя обязанность.

В результате проведения выборов формировались органы общественного управления – городские думы и управы.

10 ноября 1875 г. в Верхнеудинске приступила к своим обязанностям городская дума. Всего в ее состав вошло 36 человек (9 представителей от 1 курии, 5 – от 2 курии, 22 – от 3 курии) [3, л. 20-22 об.]. На первом заседании Читинской городской думы (30 ноября 1875 г.) «на законном основании», как указывалось в распоряжении военного губернатора Забайкальской области И.К. Педашенко от 27 ноября 1875 г. за № 6251, было объявлено об открытии новых городских учреждений как органов городского общественного управления Российской Империи [2, л. 1-2]. В этот же период в Забайкалье новое ГОУ было создано в Троицкосавске, Нерчинске, Баргузине, Селенгинске и Акше.

Следующим этапом в процессе формирования городских органов управления было возможное опротестование результатов голосования. После проведения выборов и объявления их итогов в течение семи дней городская управа принимала жалобы на допущенные нарушения, как установленного порядка выборов, так и процесса избрания гласных (ГП 1870 г. ст. 43-45). Стоит отметить, что горожане нередко пользовались этим правом. Например, после проведения выборов 1888 г. в Верхнеудинскую городскую управу поступила жалоба от избирателей Петра и Павла Мордовских с указанием на несоответствие между числом выборщиков (12 чел.) и числом избранных гласными (15 чел.) по первому разряду. По мнению жалобщиков, это означало, что избиратели голосовали сами за себя, поэтому и список гласных в основном остался прежним. Обращалось внимание на факт участия в первом избирательном собрании со-

держателей питейных заведений, которые принадлежали ко второму разряду. В ряду нарушенных фигурировали и доверенности на право голоса, переданные лицами, имевшими возможность проголосовать самостоятельно, и наличие близких родственных отношений избранных гласных (например, К.Р. Мордовской и его племянники, члены управы братья Александр и Павел Овсянкины). Жалоба свидетельствует о знакомстве горожан со статьями городского законодательства, умении ими пользоваться и об осознании некоторыми членами городского общества общественной значимости этого дела: «хотя званию гласного не присвоено особой чести, – завершают свое письмо П. и П. Мордовские, – но все-таки это как будто какое особое право пребывать бессменно городскими хозяевами» [5, л. 52-52 об.].

Жалоба братьев Мордовских была рассмотрена, но оставлена без последствий, поскольку проведение выборов, как указывалось в постановлении городской думы, и их результаты находились в рамках Городового положения. Действительно, ст. 36 допускала выбор гласных как из «собственной среды, так и из числа избирателей, принадлежащих к другим собраниям или разрядам».

Большой резонанс получило и дело о беспорядках, допущенных в избирательном собрании во время этих же выборов (18 января 1888 г.), которое было рассмотрено Забайкальской областной прокуратурой. Верхнеудинский городской голова мещанин Н. Шляпкин в своем донесении военному губернатору Забайкальской области М.П. Хорошину сообщал о происходивших в собрании беспорядках, связанных со стремлением младшего члена городской управы купца А.В. Овсянкина при помощи сформированной «партии из мясников и торговцев» избрать только своих гласных, именуемых «черной сотней», и «забрать в свои руки» городское хозяйство и общественное управление. Отмечался и подкуп избирателей [5, л. 205-206 об.].

Донесение Шляпкина и переписку о выборах рассмотрело областное по городским делам присутствие, было начато следствие. Результаты выборов были аннулированы и перенесены на

более поздние сроки. Однако следствие не обнаружило причин для обвинения кого-либо в беспорядках, а городского голову было решено привлечь к ответственности за ложное донесение, тем более что из-за отсутствия в городе во время выборов он пользовался непроверенной информацией.

Рассмотрев избирательный процесс, можно сделать вывод о том, что в последней трети XIX в. в Забайкальской области, не имевшей опыта общественного управления, создание муниципального управления испытывало закономерные трудности. Сложность формирования органов городского управления заключалась в ограниченном круге избирателей и их индифферентности, вызванной процедурой голосования, недопониманием горожанами значимости данного вида общественной деятельности, воспринимавшими ее как своего рода обузу, отвлекавшую от хозяйственных занятий. Несмотря на поэтапную пропись основных действий городского управления, технологии ведения избирательного процесса, в городах Забайкалья встречались нарушения, вызывавшие недовольство выборщиков и последующие разбирательства в вышестоящих инстанциях. При этом не всегда действия, квалифицируемые жалобщиками как нарушения, были таковыми, что, с одной стороны, свидетельствует о знакомстве горожан с основным городским законом и желанием воспользоваться своими правами, с другой – демонстрирует поверхностное знакомство с основными положениями.

Незначительный процент выборщиков в городах Забайкальской области, отвечавших требованиям закона, обуславливал замкнутость состава органов городского общественного управления преимущественно купцами и мещанами, составлявшими основу общественного управления.

Значимость процесса выборов в городское общественное управление, состав гласных думы и управы велика, т. к. именно они определяли дальнейшее развитие городов Забайкальской области – центров административной, экономической и культурной жизни региона.

Литература

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1 Оп. 1 Д. 3065.
2. ГАЗК. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1.
3. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф.10. Оп 1. Д. 9.
4. ГАРБ. Ф.10. Оп. 1. Д. 374.
5. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д.574.
6. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 775.
7. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1355.

8. Замула И. Ю. Городская культура и общественный быт Верхнеудинска (1875 – февраль 1917 гг.). – Иркутск : Обл-машинформ, 2001. – 208 с.
9. Паликова Т. В. Социальное, экономическое и культурное развитие городов Забайкальской области во второй половине XIX – начале XX века. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. унт-та, 2011. – 218 с.
10. Паликова Т. В. Формирование и состав органов общественного управления в городах Забайкалья последней трети XIX – начала XX в. // Ученые записки ЗабГГПУ. – Чита, 2010. – С. 80-84.
11. Сергеев О.И., Лазарева С.И., Тригуб Г.Я. Местное самоуправление на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX в.: очерки истории. – Владивосток: Дальнаука, 2002. – 296 с.

Свиридова Наталья, аспирант Бурятского госуниверситета, e-mail: kaf_isto@bsu.ru
Sviridova Natalia, postgraduate student, Buryat State University, e-mail: kaf_isto@bsu.ru

УДК 94(571.54)

© А.Н. Соболева

Роль советских праздников в антирелигиозной пропаганде в Бурят-Монгольской АССР в 1920-е гг.

В статье анализируется роль новых советских праздников в антирелигиозной пропаганде, проводимой в Бурят-Монгольской АССР в 1920-е гг. На материалах местной периодики и архивных документов автор показывает общегосударственный, централизованный характер новой обрядности, выявляя при этом специфические черты, присущие полиэтничному национальному региону.

Ключевые слова: антирелигиозная пропаганда, советские праздники, ценности, культура, комсомольцы, обрядность, революция

A.N. Soboleva

The role of the Soviet holidays in antireligious propaganda in the Buryat-Mongolian Republic in 1920s

The role of new Soviet holidays in antireligious propaganda conducted in the Buryat-Mongolian Republic in 1920s is analyzed in this article. On materials of the local periodical press and archival documents the author shows the nation-wide, centralized nature of new ceremonialism, thus revealing the peculiar features inherent to polyethnic national region.

Keywords: antireligious propaganda, the Soviet holidays, values, culture, members of Komsomol, ceremonialism, revolution.

События Октября 1917 г. привели к изменению общественно-политического и экономического положения страны. Религиозное мировоззрение, являвшееся основным элементом духовной культуры, не вписывалось в новую коммунистическую идеологию. Большевики стремились заменить религиозное миропонимание новыми социалистическими идеями, поэтому они стали вводить иную, «революционную» обрядность в противовес церковной. В стране начался процесс формирования новой праздничной культуры, праздники рассматривались как важное средство агитации и пропаганды в деле воспитания «нового человека».

Первым актом в области становления новой советской обрядности стало опубликование в «Известиях ВЦИК» от 5 декабря 1918 г. перечня светских праздников, где в качестве обязательных выступали: Новый год (1 января), День 9 января 1925 г. (22 января), День Парижской коммуны (18 марта), День I Интернационала (1 мая) и День пролетарской революции (7 ноября).

Праздничные мероприятия, проводимые в Бурят-Монгольской АССР в соответствии с возможностями региона, были нацелены на изменение сознания общества в определенном направлении. С одной стороны, они носили общегосударственный, централизованный характер, а с другой стороны, имелись свои специфические черты (наличие многонационального населения, полиэтничность, традиционность общества). Однако эти черты не выходили за рамки «праздничного образца», которыми служили праздники, проходившие в Москве.

Внедряемые большевиками праздники во многом противоречили крестьянской традиции. Немалая часть населения страны была настроена негативно к социалистическим преобразованиям, потому что «старое в жизни людей поддерживалось со страшной силой – силой традиции, силой повседневности» [9, с. 10]. В большей степени государство обеспечивало себе поддержку в проведении атеистической работы в лице молодежи. Именно эта часть населения,

находящаяся в состоянии определения базовых жизненных ценностей, была готова к принятию разного рода нововведений.

Исследователь А.И. Щербинин отмечает, что основные идеи, связанные с праздниками, были ясны молодому поколению. Молодые люди понимали, что праздник Октября – это «день рождения» Страны Советов, 1 мая – праздник нерушимой дружбы трудящихся всех народов, День Красной армии напоминал им о том, что каждый должен расти таким же храбрым и любящим свою Родину, как советские воины [15, с. 89-90]. Молодежь являлась полноправным участником на всевозможных играх, состязаниях, народных гуляньях. Нередко она выступала в качестве организатора данных мероприятий.

12 мая 1923 г. комсомольцы г. Верхнеудинска устроили первый красочный карнавал в республике, целью которого была антирелигиозная пропаганда. «...По улице Ленина двигалась костюмированная толпа людей. Впереди нее верхом на лошади ехал «кардинал». За ним следовали в соответствующих каждому сану одеяниях и головных уборах поп, мулла, лама, раввин, ксендз. За священнослужителями на колымагах ехали музыканты. Возле музыкантов шла костюмированная группа людей, изображавшая шутов, скоморохов, песенников. Процессия двигалась с зажженными факелами, которыми были широкие фитили, обильно пропитанные свиным жиром и заделанные в плашки. Их комсомольцы сняли с колокольни собора, где они хранились со времен проезда через Верхнеудинск (1891) императора Николая II. На перекрестках некоторых улиц процессия останавливалась, и выступавшие произносили речи, содержащие антирелигиозную пропаганду» [6, с. 7].

Позже представители власти призывали комсомольцев «избегать всякого оскорбления чувств верующих», потому как опыт антирелигиозных карнавалов дал отрицательные результаты. Многие жители города назвали его «издевательским подходом к верующим». Поэтому предлагалось изживать «религиозные предрассудки» постепенно, путем атеистического воспитания населения и распространением научных знаний.

Безусловно, советская власть учитывала тот факт, что люди в большинстве своем были неграмотными и не могли воспринимать социалистические ценности через высокохудожественные произведения. В Бурят-Монгольской АССР это осложнялось еще и тем, что многие практически не владели русским языком. Поэтому именно праздники с их эмоциональным потен-

циалом, символикой и атрибутикой были понятны большинству участников и зрителей, независимо от их культурного развития и политических взглядов.

В качестве альтернативы традиционным православным «крестинам» большевистское руководство выдвинуло «октябрины». Новорожденных предлагалось нарекать не по святам, а новыми именами: Октябрина, Нинель (Ленин наоборот), Владлен, Сталина, Даздраперма, Рэм (революция, электрификация, мир) и др. Особо активная молодежь сочиняла частушки: «Мы по-новому живем, старь взрываем миною. Сына Маем назовем, а дочь – Октябриною».

В феврале 1925 г. работниками печати г. Верхнеудинска были проведены первые в республике «октябрины» пяти новорожденных детей. Комсомольцы заранее развесили плакаты, оповещающие о «советском обряде введения в гражданство новых членов», поэтому желающих поприсутствовать на данном мероприятии собралось достаточно. «...Октябрины открылись торжественным заседанием. На сцене стройными рядами были выстроены: пионеры, комсомольцы, партийцы, профсоюзники. Матери передавали своих детей пионерам, затем комсомольцам, а те в свою очередь партии, партия – профсоюзу. Октябрят покрыли красным знаменем и вручили им членские книжки. Октябрины закончились общим пением интернационала...» [8, с. 4]. Жители, расходясь по домам, обменивались впечатлениями, говоря: «Попа в десять раз лучше, да и детям безопасней...» [8, с. 4]. Внедрение «октябрин» в патриархальную деревню представляло собой более сложный процесс. Здесь данный термин сохраняется для празднования факта регистрации рождения в органах ЗАГС [11, с. 5].

Вытеснение церковного обряда именованья мирской, гражданской церемонией вызывало осуждение со стороны старшего поколения, прежде всего священников и духовенства. Так, в 1925 г. в с. Мухортала Ново-Брянской волости местный уставщик призывал прихожан не давать детям «собачьих имен», называя это «бесовскими игрищами» [12, с. 2].

Советское государство, объявившее себя светским, лишало церковь еще одной важной ее прерогативы – совершения церемонии бракосочетания. На смену церковным свадебным обрядам приходят «красные» комсомольские свадьбы. Молодых «венчал» секретарь комсомольской организации, а вместо икон были портреты пролетарских вождей. Местом празднования становятся рабочие предприятия («цеховые»,

«шахтерские» свадьбы).

Вместо традиционного обряда захоронения вводятся так называемые «красные» похороны, на которых обязательным атрибутом были красные флаги и лозунги, красные ленты на венках. В 1925 г. в Бурят-Монгольской АССР учениками Кульской школы I ступени и пионерами был похоронен товарищ по школьной скамье. Ученики вышли на улицу с флагами и несли гроб под пение революционных песен. Местное население с удивлением смотрело на эту процессию, переговариваясь о том, «...примет ли его земля, одетого в красные одежды. Не по-божески как-то...» [10, с. 3].

Постепенно лишая церковь важнейших институциональных функций – прерогатив регистрации рождения, смерти, совершения церемонии бракосочетания, большевики вносили существенные изменения в традиционную систему организации государством социокультурной жизни населения.

Важным направлением государственной политики большевиков становится вовлечение женщин в общественно-политическую жизнь страны. Международным праздником, связанным с борьбой женщин за свои права, являлся день 8 марта. В России впервые этот день был отпразднован работницами Москвы и Петербурга в 1917 г. Позже этот праздник стал ежегодно отмечаться различными заседаниями, митингами, собраниями. Женщины полюбили этот праздник, позволивший почувствовать им свою значимость. Комсомолки из с. Подлопатки Мухоршибирского аймака республики писали в Верхнеудинский горженотдел: «Женщины нашего села всегда с нетерпением ждут праздника «Международного дня работниц», сделавшего нас равными с мужчинами» [4, с. 3]. Не отставало и более молодое поколение. Юная пионерка Пирожкова на торжественном собрании, состоявшемся 8 марта 1925 г. в Боханской избе-читальне, сказала: «В нашей работе, в нашей борьбе не забывайте про нас, юных пионеров, мы всегда готовы!» [4, с. 3].

Одной из наиболее распространенных форм праздника становятся уличные мистерии. К участию в подобных шествиях привлекалось как можно больше людей, что, безусловно, способствовало формированию нового идеологического пространства и новой личности в этом пространстве [1, с. 56]. Массовые праздничные демонстрации, шествия и митинги стали важной составной частью советских праздников.

Во второй половине 1920-х гг. происходит перенос эмоционального восприятия церковных

праздников на альтернативные советские торжества. Например, празднование Пасхи у православных совпадало с праздником 1 мая. Сопоставление это не является случайным: идея воскрешения соотносится с идеей рождения нового, свободного мира [1, с. 56]. В этот день во всех городах страны устраивались массовые демонстрации со знаменами и транспарантами, сопровождающиеся пением революционных песен.

Самым ярким и активно насаждаемым праздником Советской России был праздник Великой Октябрьской революции. Решением СНК от 2 декабря 1918 г. датой его проведения стал день 7 ноября. С 1927 г. Правительство постановило отмечать праздник Октября в течение двух дней – 7 и 8 ноября. Празднование носило масштабный характер. С особым размахом проходило празднование десятой годовщины Октябрьской революции (1927). В г. Верхнеудинске 7 ноября уже с самого утра улица Ленина была заполнена живым потоком праздничной толпы. Колонны с развивающимися знаменами двигались на площадь Революции: синеглазники в шлемах и беретах, на которых отмечены годовщины 1917-1927, декорированный автопаровоз «Октябрь-10», школьники, пионеры, профсоюзники, беспартийная молодежь и т.д. После приветственных речей партии и правительства церемонным маршем колонны двинулись на закладку Дома Советов. Вечером состоялся праздничный карнавал с разноцветными огнями и гирляндами [5, с. 5]. Празднование октябрьских торжеств имело целью привлечь внимание населения к новым понятиям – советская власть, мировая революция – и укоренить их в сознании трудящихся масс.

С трудом новая культура прививалась в сельской местности, где более всего чтит традиции и обычаи. В Бурят-Монгольской республике – регионе с полиэтничным и поликонфессиональным населением – этот процесс происходил еще сложнее. В буддийской церкви, например, споры консерваторов и обновленцев по догматическим вопросам переходили в вопрос о признании или непризнании советской власти. А старообрядцы «...вычеркивали из списка и на молитвы не пускали те семьи, где есть коммунист или комсомолец...» [2; л. 24-25]. Поэтому селам и улусам уделялось особое внимание в агитационно-пропагандистской работе.

Антирелигиозная деятельность в сельской местности строилась главным образом на рассеивании суеверий путем естествознания. Так, в 1924 г. в предпраздничный майский день учителем Мухоршибирской школы Никитиным в ме-

стном Нардоме была прочитана лекция по астрономии. Нарисованными чертежами он наглядно объяснил расположение планет во Вселенной, подчеркнув, что она была создана не богом. «Вопрос интересный... – говорили крестьяне, – а попы нам такого не объясняют...» [14, с. 2].

Некоторые праздники большевики пытались вводить специально для крестьян. Н.К. Крупская в 1923 г. опубликовала в газете «Правда» статью «Праздник урожая» [13, с. 42], который проводился 14 октября в день церковного праздника Покрова. В задачу праздника входила пропаганда более совершенных агротехнических методов ведения сельского хозяйства.

В Бурят-Монгольской АССР нередко в некоторых селах и улусах во время засухи обращались к местным ламам и шаманам, чтобы те провели молебен. Поэтому по приглашению комсомольцев в местных клубах и изба-читальнях агрономы устраивали различные лекции и беседы, учили крестьянина бороться с засухой, саранчой и другими стихийными бедствиями. В этот день также происходило чествование отличившихся сельских тружеников, которые партийными руководителями ставились в пример другим.

Постепенно население республики стало понимать советские праздники и праздновать их чаще, чем церковные. Так, например, общим собранием рабочих и служащих первой Верхнеудинской госмелины в 1924 г. было единогласно решено вместо Пасхи праздновать май-

ские дни [7, с. 4]. А в январе 1925 г. заключенные Центрального дома лишения свободы г. Верхнеудинска отказались от хлеба, переданного Спасской общиной при местном Троицком соборе в честь празднования Рождества Христова. Однако полного отказа от церковных праздников не произошло.

В 1937 г. по стране прошла религиозная перепись населения, результаты которой не показали «поголовного» атеизма. Лишь 42 млн, или 43%, взрослого населения признали себя неверующими. Атеистически настроенных граждан, признавших себя неграмотными, было 15,6% [3, с. 194-195]. Большая часть населения сохраняла приверженность к той или иной религии, а следовательно, и к ее обрядовой стороне. Практически подобная картина наблюдалась и в Бурят-Монгольской АССР.

Таким образом, советским праздникам и обрядам отводилась роль проводника новых ценностей и морали. Вызывая сильное эмоциональное переживание, они стали одним из самых эффективных способов массовой агитации и пропаганды. Намеренное противопоставление церковных и советских праздников преследовало цель консолидации вокруг новой идеологии и символики. Поэтому активным субъектом в этом процессе стала молодежь, более восприимчивая к новациям. В то же время городская молодежь была более организована, чем сельская. Тем не менее технологии новых торжеств постепенно проникали через молодежь и в сельский социум.

Литература

1. Бравина М.А. Праздничная культура в контексте государственных преобразований Советской власти // Вестник Московского государственного педагогического университета. Сер. Ист. науки. – 2010. – № 1 (5). – С. 53-61.
2. ГАРБ. Ф.П.–36. Оп. 1. Д. 276. ЛЛ. 24-25.
3. Жиромская В.Б. Демографическая история России. 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. – М.: РОССПЭН, 2001.
4. Как мы праздновали 8 марта // Бурят-Монгольская правда. –1925. – № 71. – 29 мар. – С. 3.
5. Карнавал // Бурят-Монгольская правда. –1927. – № 254. – 10 нояб. – С. 5.
6. Карнавальные маски // Молодежь Бурятии. –1984. – 27 апр. – С. 7.
7. Крепим новый быт // Бурят-Монгольская правда. –1924. – № 94. – 26 апр. – С. 4.
8. Крепим новый быт // Бурят-Монгольская правда. – 1925. – № 45. – 25 февр. – С. 4.
9. Лисавцев Э.И. Новые советские праздники. – М., 1966.
10. Новый быт // Бурят-Монгольская правда. –1925. – № 84. – 14 апр. – С. 3.
11. Новые советские обряды // Советская Сибирь. –1923. – 3 сент. – С. 5.
12. Попы борются за старый быт // Бурят-Монгольская правда. –1925. – № 101. – 8 мая. – С. 2.
13. Тульцева Л.А. Современные праздники и обряды народов СССР. – М., 1985.
14. Шкрабы, берите пример // Бурят-Монгольская правда. –1924. – № 100. – 30 апр. – С. 2.
15. Щербинин А.И. Тоталитарная индоктринация: у истоков системы. Политические праздники и игры // Полис. – 1998. – № 5. – С. 88-96.

Соболева Анастасия Николаевна, аспирант Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, E-mail: soboleva03_88@mail.ru

Soboleva Anastasia Nikolaevna, postgraduate student, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, E-mail: soboleva03_88@mail.ru

УДК 323 (6-011)(519.5)

© А.П. Федоров, К.С. Чернов

Использование социальных сетей в качестве инструмента политического манипулирования на примере организации массовых протестов в Северной Африке и выборов в Республике Корея

Политическая активность общества проявляется в социальных сетях, которые позволяют пользователям с общими взглядами общаться друг с другом. Политики начали рассматривать социальные сети как арену информационной войны и инструмент для манипулирования общественным сознанием. Очевидные примеры использования социальных сетей в этом случае представляют массовые протесты в Северной Африке, а также южнокорейская интернет-общественность, повлиявшая на результаты президентских выборов-2012.

Ключевые слова: Интернет, блокирование, сайт, социальная сеть, «Twitter», «YouTube», «Facebook», «Google», Северная Африка, Республика Корея, Национальная разведывательная служба, киберкомандование, выборы.

A.P. Fedorov, K.S. Chernov

Use of social networks as a tool for political manipulation illustrated by the example of mass protests in North Africa and elections in the Republic of Korea

The political activity of society reveals in social networks, which allow users with common views to communicate with each other. Politicians started to consider social networks as an arena of information war and a tool for manipulating social consciousness. The obvious examples of the use of social networks are mass protests in North Africa and also the Internet public opinion in South Korea that influenced on the results of the presidential elections-2012.

Keywords: the Internet, blocking, website, social net, «Twitter», «YouTube», «Facebook», «Google», North Africa, Republic of Korea, National Investigation Service, cyber command, elections.

Результаты многочисленных исследований свидетельствуют, что социальными сетями охвачена уже большая часть всех пользователей интернета. В современном обществе роль социальных сетей будет неуклонно возрастать, поскольку одной из главных их особенностей является интерактивность и свобода от властной вертикали.

Для политических акторов социальные сети представляют интерес благодаря возможности осуществлять социальную, политическую и агитационную деятельность, содержащую механизмы обратной связи. Социальные сети привлекают внимание политиков как инструмент управления общественным сознанием и как арена информационного противоборства. В качестве механизмов психологического воздействия на людей через социальные сети выступают основания в виде различных ситуаций, эффектов. Данные основания побуждают конкретных лиц или общественность к принятию выгодных правительству решений, а значит и действий [1, 2].

Государственные органы ряда стран и оппозиция уже используют социальные сети в качестве средства манипулирования общественным мнением. Во-первых, это использование социальных сетей в качестве инструмента активного воздействия на человека. Этот метод предполагает непосредственное общение с пользователем

социальной сети для получения или внушения нужной информации. Во-вторых, социальные сети являются местом распространения «вирусных» сведений, в том числе и дезинформации. Спецслужбы мира активно используют социальные сети, в частности «Twitter», «YouTube» и «Facebook», в целях размещения пропагандистских материалов, а также разжигания протестных настроений в различных странах.

Яркими примерами использования социальных сетей в качестве инструмента политического манипулирования являются организация массовых протестов в Северной Африке в 2011 г. и влияние южнокорейских спецслужб на исход президентских выборов 2012 г. Несмотря на различие этих двух явлений в мировой истории как в географическом векторе, так и в международной политике, в них применены аналогичные технологии по воздействию на сознание человека и манипулированию общественным мнением. С одной стороны субъектом воздействия выступил Вашингтон, с другой – Сеул.

Итак, антиправительственные выступления в Северной Африке в 2011 г. показали миру, что Интернет остается одной из главных арен информационной войны, активно используется противоборствующими сторонами в интересах распространения пропаганды и формирования общественного мнения, а также является одним из глав-

ных средств мобилизации протестующих [3, 4].

Отличительной особенностью антиправительственных выступлений явилось то, что социальные сети стали средством для организации протестных волнений. Основными средствами распространения информации, используемыми в ходе внутренних конфликтов в Тунисе и Египте, стали соцсеть «Facebook»¹, специальный сервис «Speak To Tweet», позволяющий опубликовать текст в микроблоге на сервисе «Twitter» без доступа к сети интернет, а также «YouTube». В условиях блокирования официальными властями социальных сетей использовались их сетевые «зеркала».

Египетские активисты создавали в «Facebook» группы единомышленников и приглашали всех желающих принять участие в митинге протеста, прошедшего 25 января 2011 г. Приглашения также рассылались через «Twitter» и мобильные телефоны при помощи sms-сообщений. В результате к назначенной дате на одной из страниц в «Facebook» около ста тысяч человек подтвердили, что примут участие в антиправительственных митингах. Для этого демонстрантам необходимо было иметь аккаунт в социальной сети и доступ в Интернет [3, 4, 5, 7].

Несмотря на блокирование Интернета египетским правительством, мобилизационные возможности протестующих заметно увеличились, когда 31 января корпорацией «Google» был запущен сервис «Speak To Tweet», позволяющий опубликовать текст в социальной сети «Twitter» и организовать твиттер-поток. Для этого достаточно было позвонить на определенный номер и оставить голосовое сообщение. Оставлять сообщения протестующие могли, совершив звонок на телефоны +16504194196, +390662207294 или +97316199855, находящиеся в США, Италии и Бахрейне, соответственно. Посредством данного сервиса пользователи также имели возможность прослушивать эти сообщения, набрав те же самые номера или зайдя на страницу «twitter.com/speak2tweet». Данное приложение было разработано специально в связи с событиями в Египте командой специалистов из компаний «Twitter», «Google» и «Say Now». Оно позволяло публиковать надиктованные сообщения в микроблогах под хэштегом² «#egypt», которые потом были доступны для широкой общественности даже в условиях отключения Интернета.

С помощью «YouTube» велась прямая трансляция передач телеканала «Al-Jazeera», деятельность которого в Египте была официально запрещена³. С начала беспорядков в Египте «Al-

Jazeera» стал одним из основных источников информации о происходящем в стране. Телеканал вел прямой эфир с улиц египетских городов и передавал комментарии противников президента Хосни Мубарака. Кроме того, катарское телевидение распространило заявление, в котором обвинило египетские власти в цензуре и подавлении свободы информации.

В ходе выступлений протестующих в социальных сетях широко распространялись пропагандистские материалы на арабском языке под названием «Как достичь цели», в которых содержались практические инструкции по дестабилизации общественно-политической обстановки в Египте. В этих материалах излагались тактика действий антиправительственных сил при подготовке и в ходе выступлений против государственной власти, а также методика организации беспорядков с применением современных информационных технологий.

На примере событий в Ливии в условиях тотального контроля за распространением информации в социальных сетях и блокирования выхода в Интернет заслуживает внимания решение представителей ливийской оппозиции для увеличения возможностей по мобилизации протестующих, выразившееся в использовании для этих целей мусульманских сайтов-знакомств.

Лидер ливийской оппозиции Омар Шибли Махмуди использовал сайт знакомств «Мавада» (Mawada) для сплочения людей, оставаясь при этом вне зоны внимания ливийских спецслужб, которые отслеживали сообщения в социальных сетях «Twitter» и «Facebook». Махмуди действовал так, как будто он искал жену, его профиль назывался «Где Мириам?». С этого же сайта он рассылал зашифрованные письма для сплочения людей и организации революции. Поскольку на подобных ливийских сайтах мужчины не могут общаться с другими мужчинами, революционеры выдавали себя за женщин. Закодированные письма использовались для оценки уровня поддержки и для переадресации пользователей на сайт социальной сети «YahooMessenger» для более детального разговора. Кроме того, революционеры пользовались службой обмена сообщениями для организации своих дальнейших действий, избегая при этом контроля со стороны властей. По словам Махмуди, ему удалось привлечь 171 323 «поклонника» под несколькими профилями до того, как власти Ливии полностью перекрыли гражданам доступ в Интернет.

Наиболее действенным и самым распространенным направлением деятельности властей в Северной Африке было блокирование сайтов

информагентств, а в последующем – полное отключение стран от Интернета, телевидения и радиовещания. 28 января в Египте почти одновременно перестали работать все интернет-провайдеры. Недоступными для пользователей стали сайты правительства и президента страны, социальная сеть «Facebook» и сервис «Twitter». Передача sms-сообщений оказалась также заблокирована [3, 4, 5, 6, 7].

Таким образом, использование социальных сетей может ослабить позиции государства по контролю за внутренними социально-политическими процессами, а также информационными потоками внутри стран.

Роль социальных сетей в последних революционных событиях в Северной Африке подтверждает, что методы народной борьбы изменились. «Facebook», «Twitter» и другие интернет-ресурсы становятся мощным мобилизующим фактором активизации протестной деятельности в государствах с нестабильной политической системой, а также эффективным средством управления процессами, характеризующими массовое внеколлективное поведение. Контролировать такую гражданскую активность проблематично, поскольку для нее, как показывают события в Египте, даже не нужны лидеры, поэтому официальные власти не могут адекватно противодействовать таким процессам.

Другим примером использования социальных сетей являлись действия спецслужб Республики Корея (РК) во время президентских выборов 2012 г. Система и методы манипулирования общественным мнением в РК, применяемые спецслужбами, подверглись разглашению в результате возникшего скандала в период президентских выборов 2012 г. В частности, Национальная разведывательная служба (НРС) вмешалась в ход выборов, в результате чего, по заявлениям оппозиции, победу одержала Пак Кын Хе.

Изначально члены Демократической партии 11 декабря обвинили сотрудницу Национальной разведывательной службы Ким Ха Юн в деятельности по дискредитации оппозиционной партии (Демократической) в сети Интернет. В тот же день в отношении нее полиция начала расследование. После президентских выборов появились новые подозрения о вмешательстве спецслужб в выборы. Под давлением оппозиции генеральной прокуратурой был проведен ряд расследований, доказавших причастность НРС в воздействии на исход выборов [8].

Отрицая причастность командования НРС, директор спецслужбы Вон Сэ Хун летом 2013 г. неоднократно заявлял, что деятельность сотруд-

ников НРС – их личная инициатива. Оказавшись «между двух огней», обвиняемые разведчики предоставили расследованию детали всей системы манипулирования общественным мнением в РК, которая ведется НРС и министерством обороны.

В ходе расследования было выяснено, что в предвыборный период в составе Управления психологической информации, которое отвечало за ведение психологической войны, находилось 5 специальных групп по 35-50 человек. Первая группа вела планирование и координацию работы; вторая – вела деятельность в порталах крупных сайтов, таких как Naver; третья – в интернет-сообществах среднего размера, таких как «Humour Today», «Ilgan Best Jeojangso» и «BobaeDream»; четвертая и пятая – в социальных сетях, таких как «Twitter», «Facebook» и «Cyworld».

Сохранение конфиденциальности в работе по манипулированию общественным мнением является одним из ключевых требований. В соответствии со служебной инструкцией сотрудники Управления психологической информации обязаны вести свою деятельность не в офисе НРС, а в различных интернет-кафе. Им запрещено регулярно вести работу в одном и том же кафе. Более того, они не должны выбирать место в кафе вблизи выхода, поскольку обычно зона выхода просматривается охранными видеосредствами. Для оплаты сотрудникам разведслужбы запрещается использовать собственную кредитную карту. Сообщения, которые опубликовывал сотрудник, должны быть удалены через 1-2 недели после их размещения в сети [9].

По заявлению генеральной прокуратуры в октябре 2013 г., министерство обороны страны также участвовало в «информационной войне» против оппозиции. В южнокорейском военном ведомстве ответственным за ведение такого рода деятельности органом является киберкомандование. В рамках программы по защите имиджа власти и ее политики киберкомандование, а именно подчиненное ему «подразделение 530», вело взаимодействие с НРС. НРС координировало работу подразделения, направляя определенные директивы по ведению оперативно-технической работы. «Подразделение 530» насчитывало около 45 человек, которые были распределены на 10 групп по 4-5 человек. Группы вели деятельность по двум направлениям: внутреннему и международному. В предвыборный период сотрудники «подразделения 530» обеспечивали распространение на популярных в РК социальных сетях негативной информации о кандидатах в президенты Мун Чжэ Ине и Ан

Чхоль Су. Они «плюсовали» сообщения с положительным содержанием по отношению к существующей власти и, напротив, «минусовали» проопозиционные материалы. Преимущественно работа велась в популярной среди южных корейцев социальной сети «Twitter» [10].

По результатам расследования было выяснено, что в период с сентября по декабрь 2012 г. сотрудниками Управления психологической информации НРС и киберкомандованием министерства обороны РК размещено 1,21 млн твиттов, при этом использовалось 2270 аккаунтов. Изначально разведслужбой было создано 26 550 уникальных сообщений, которые затем распространялись сотрудниками службы и дублировались специальными программными средствами. В период с января 2011 г. по декабрь 2012 г. военные ведомства разместили 22 млн твиттов с тех же 2270 аккаунтов.

Общее количество твиттов, опубликованных структурами госбезопасности в указанный период, составляет около 30% от общего количества размещаемых корейскими гражданами. Общее количество аккаунтов, закрепленных за южнокорейскими гражданами, составило на декабрь 2012 г. 1,2 млн, а в период с сентября по

декабрь 2012 г. (3 месяца перед выборами) с данных аккаунтов было размещено 32 млн твиттов [11].

Остается неопределенным, насколько сильно действия южнокорейских спецслужб определили победу Пак Кын Хе на выборах, хоть и очевиден факт воздействия на их исход. Однако, поскольку отрыв Пак от главного конкурента Мун Чжэ Ина составил всего 3,53% голосов, Демократическая партия обвиняет Пак в нелегитимном проходе к власти и настаивает на реформировании НРС.

Таким образом, социальные сети применяются на государственном уровне в целях успешного проведения как внешнеполитического курса, так и внутривнутриполитического. В данном контексте спецслужбы и иные органы впоследствии выйдут на тот уровень, при котором определить причастность к тому или иному политическому событию станет практически невозможным. Однако сегодня, ввиду их явных просчетов, о таких фактах становится известно. Несмотря на это, очевидно, что политика применения социальных сетей приносит реальный результат: революция в Египте, победа кандидата от правящей партии в президентских выборах в РК.

Примечания

1. По состоянию на лето 2009-го года в Египте насчитывался 1 741 пользователь Twitter. В Facebook имелись аккаунты у 5 199 780 египтян. При населении в 83 млн проникновение Facebook составляет 6,46%. В Тунисе проникновение Facebook составляло 19,53%.

2. Хэштег или хештег (англ. hashtag от hash — символ «решетка» + tag — тэг) — это слово или фраза, которым предшествует символ #. Пользователи могут объединять группу сообщений по теме или типу с использованием хэштегов. Короткие сообщения в микроблогах социальных сетей, таких как Twitter, Facebook, Instagram и VK, могут быть помечены хэштегами, включая в себя как одно, так и более объединенных слов.

3. С 30 января 2011 г. деятельность телеканала «Аль-Джазира» была приостановлена.

Литература

1. Губанов Д. А., Новиков Д. А., Чхартишвили А. Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства. – Москва: Физматлит, 2010. – 226 с.

2. Romualdo P., Alessandro V. Epidemic Spreading in Scale-Free Networks // Physical Review Letters. 2001. № 14(86). P. 3200-3203.

3. Alexander A. Internet role in Egypt's protests. BBC News. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-12400319>.

4. Albon C. R. 10 must-follow Twitter feeds for Egyptian protests. UN Dispatch. URL: <http://www.undispatch.com/10-must-follow-twitter-feeds-for-egyptian-protests#>

5. Baraniuk C. Watching the revolution on Twitter: Egypt #Jan25. The Machine Starts. – URL: <http://www.themachinestarts.com/read/20>.

6. Beaumont, P. The truth about Twitter, Facebook and the uprisings in the Arab world. The Guardian. – URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2011/feb/25/twitter-facebookuprisings-arab-libya?INTCMP=ILCNETTXT3487>.

7. Алешкевич Д. События в Северной Африке и на Ближнем Востоке в декабре 2010 – марте 2011 г. через призму ведения информационной войны. – URL: <http://www.belvpo.com/980.html>.

8. Korea National Strategy Institute, 정치제도에 대한 불신과 불안한 한국민주주의 (Корейская демократия: недоверие к политической системе), 2013. N 228. 4 с.

9. Lee T. Details of NIS political interference emerging. – URL: http://www.hani.co.kr/arti/english_edition/e_national/601199.html.

10. 준환본 (Чун, Х.), 사이버사령부 활동 ‘블랙북’ 답아장관에 매일보고 (Отчет о деятельности киберкомандования в блогах). – URL: <http://www.hani.co.kr/arti/politics/bluehouse/611933.html>.

11. Joy Anna. Infographic: How South Korean Intelligence Interfered in Election. – URL: <http://www.koreabang.com/2013/features/infographic-how-south-korean-intelligence-manipulated-election.html>.

Федоров Артем Павлович, аспирант Бурятского госуниверситета, e-mail: z333e@ya.ru

Чернов Кирилл Сергеевич, аспирант Дальневосточного государственного гуманитарного университета, e-mail: topdog@list.ru.

Fedorov Artem Pavlovich, postgraduate student, Buryat State University. E-mail: z333e@ya.ru

Chernov Kirill Sergeevich, postgraduate student, Far Eastern State University of the Humanities. E-mail: topdog@list.ru.

УДК 3977

© А.П. Чекменев

Техническое состояние железнодорожного транспорта Восточной Сибири (1985–1990 гг.)

Статья посвящена анализу технического состояния железнодорожного транспорта Восточной Сибири в период 1985–1990 гг. Используя архивные документы, автор приходит к выводу, что, несмотря на успехи в научно-технической модернизации, конец 80-х годов XX века стал для железнодорожного комплекса России периодом экстенсивного развития и застоя. Погрязнув в бюрократических процедурах при переходе на новую систему рыночных отношений, транспортная система РСФСР стала существенно отставать в развитии.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт, модернизация, Восточная Сибирь.

A.P. Chekmenev

Technical condition of railway transportation in Eastern Siberia (1985–1990)

This article is devoted to the analysis of technical condition of railway transportation in Eastern Siberia in the period of 1985–1990. Using archival documents, the author concludes that despite the progress in scientific and technological modernization, the end of the 80s of the XX-th century was a period of extensive growth and stagnation for the Russian railway complex. Bugged down in bureaucratic procedures during the transition to a new system of market relations, the transportation system of the RSFSR began significantly lagging behind in its development.

Keywords: railway transportation, modernization, Eastern Siberia.

Роль железнодорожного комплекса в экономике России невозможно переоценить. Это и колоссальных объемов грузооборот, и нескончаемый пассажиропоток, обусловленный географической удаленностью регионов страны друг от друга. Восточно-Сибирская железная дорога, являясь составной частью Транссиба, служит важной экономической единицей государства, обеспечивая транспортную связь центральной полосы России с территориями Иркутской и Читинской областей, республик Бурятия и Саха (Якутия).

Развитие и функционирование российского железнодорожного комплекса – это особая составляющая глобального политического процесса. С первых лет своего существования он был и источником, и в определенной степени базисом прорывных успехов в модернизации российского государства. Создание Транссибирской магистрали позволило России последовательно и надежно закрепить национальные позиции на Дальнем Востоке и территориях Восточной Азии [3, с. 47]. Железнодорожный транспорт всегда использовался российской властью и как средство, и как механизм политического влия-

ния в процессах обеспечения связи с удаленными регионами.

Эффективность работы любого железнодорожного комплекса напрямую зависит от его технической оснащенности, качества эксплуатационной работы, уровня подготовки специалистов и организации. За годы советской власти в нашей стране был создан мощный железнодорожный актив, оснащенный современной техникой и квалифицированным персоналом. Однако в связи с непростой экономической ситуацией в стране восьмидесятые годы двадцатого века негативно отразились на состоянии и конкурентоспособности российских железных дорог.

Одной из причин этого явления стал недостаточный уровень подготовки кадров, их отчуждение от производства, слабая трудовая и производственная дисциплина. Несмотря на то, что штаты дорог были хорошо укомплектованы и работа управлений железных дорог региона по подготовке кадров выполнялась, при обучении людей на производстве у многих предприятий наблюдался ряд недостатков. В том числе отсутствие четкой образовательной системы и хорошо поставленной учебно-методической работы.

Планы и программы курсов повышения квалификации зачастую не соответствовали уровню развития передовых технологий того времени. Имелись недостатки в подборе и подготовке преподавательского состава. На многих предприятиях не создавались необходимые условия для организации учебного процесса, не хватало учебников, наглядных пособий и технических средств обучения. Нередко профессиональное обучение на предприятиях планировали без учета изменений технологии и организации труда на производстве. В результате планы подготовки рабочих выполнялись в нужном объеме, а потребность в кадрах не удовлетворялась [1, с. 26-27].

На фоне глобальной проблемы, связанной с кадрами, наблюдались некоторые успехи в научно-технической сфере. Накануне двенадцатой пятилетки железнодорожный транспорт СССР располагал крупным потенциалом ученых и специалистов, сосредоточенных в научно-исследовательских, проектных и учебных институтах, в конструкторско-технологических организациях и специализированных лабораториях, в которых в 1985 г. уже работало 6000 человек, среди них больше половины докторов и кандидатов наук [1, с. 99]. Накануне реформ 90-х гг. перед учеными-железнодорожниками стояла важная задача по обеспечению растущих объемов перевозок и внедрению достижений научно-технического прогресса на ВСЖД, что должно было способствовать успешному транспортному освоению северных территорий.

В 1985 г. проектно-технологическим конструкторским бюро (ПТКБ ЦП МПС) при Министерстве путей сообщения СССР было разработано пять типажей путевых машин, которые предполагалось ввести в эксплуатацию сроком на 15 лет, с их последующей модернизацией и повышением уровня производительности. В технико-экономическом обзоре, представленном бюро, помимо самих технически характеристик машин приведен сравнительный анализ советской техники с иностранными аналогами [5].

Для очистки от загрязнителей щебеночного балласта по всей ширине балластной призмы под стрелочными переводами, на перегоне, у станционных путей и у платформ на сети железных дорог СССР были сконструированы щебнеочистительные машины двух классов:

- машины для очистки щебеночного балласта под стрелочными переводами производительностью 200-600 м³/ч (ЩОМ-ЗУ);

- машины для очистки щебеночного балласта на перегонах производительностью 1500-5000 м³/ч (ЩОМ-Д, ЩОМ-ДМ, ЩОМ-ДО и ЩОМ-4)

не имеющие аналогов в мировой практике.

В отчете конструкторского бюро отмечается, что балластный слой железнодорожного пути является одним из важных элементов верхнего строения пути, обеспечивающим стабильность положения пути и стрелочных переводов, а также равномерную передачу действующих сил от поездной нагрузки на путь и равномерное распределение ее на возможно большую поверхность основной площадки земляного полотна. Поэтому к балласту предъявляются высокие требования, а его очистка, являясь трудоемким процессом, требует неременной механизации работ.

Для очистки железнодорожных путей от снега, сколки льда, отвалки снега в местах выгрузки составов, вскрытия кюветов для пропуска весенних вод и удаления снега из выемок были сконструированы струги-снегоочистители СС-ИМ, изготавливаемые Тульским заводом железнодорожного машиностроения им М.И. Калинина и не имеющие зарубежных аналогов. Особенно остро проблема очистки путей от снега стояла в районах Восточно-Сибирского железнодорожного полотна, в силу геологических особенностей региона [5].

В связи с масштабным загрязнением путей и междупутий на станциях и перегонах, приведшим к значительному уменьшению расстояния между уровнем головки рельсов и контактным проводом, остро назрела необходимость в создании машин, позволяющих очищать пути и междупутья и понижать отметку пути до проектного значения. ПТКБ ЦП МПС был разработан проект уборочной машины УМ-1, предназначенной для вырезки и уборки балласта и загрязнителей из междупутья, плеч балластной призмы, обочин, кюветов на перегонах и станциях.

При проведении патентного исследования машины УМ-1 за рубежом была выявлена универсальная самоходная машина UFR-80 фирмы «Плассер и Тойерер», предназначенная для вырезки и уборки междупутья, обочин и кюветов. Планировалось, что УМ-1 по производительности будет эффективней, будет иметь большую универсальность по выполняемым операциям и меньшую энергоемкость на 1 м³ убранного балласта, чем UFR-80.

На сети железных дорог СССР ежегодно производилась смена более 30 тысяч стрелочных переводов, этот процесс долгое время являлся одним из наиболее трудоемких и маломеханизированных. Однако благодаря усилиям конструкторского бюро и ПДМ железных дорог было начато изготовление специализированной машины для смены стрелочных переводов МСП.

Зарубежных аналогов МСП обнаружено не было. За рубежом существовал ряд машин и других средств механизации специально для смены стрелочных переводов, но анализ данных показал, что принятые в подавляющем большинстве этих машин конструктивные и технологические решения рассчитаны на то, что сборка новых и разработка старых стрелочных переводов осуществляется в непосредственной близости от места смены. Большинство машин занимает для работы два пути. Учитывая масштабы ежегодной смены стрелочных переводов в СССР, интенсивность движения и технологию работы станций на отечественных железных дорогах, принятые на зарубежных дорогах конструктивные решения средств для механизации транспортировки и смены стрелочных переводов для советских железных дорог были совершенно неприемлемы [5].

Для удовлетворения потребностей путевого хозяйства на ближайшую перспективу было запланировано разработать и поставить на производство машину МСП-2; на период после 1990 г. разработать и поставить на производство машину МСП-3.

Отечественный опыт работы путевого хозяйства железных дорог и анализ перспектив его развития на ближайшие 15 лет показал, что перед советским железнодорожным комплексом возникла острая необходимость в двух типах грузовых дрезин. В сочетании с механизированными прицепными единицами они должны были существенно повысить уровень механизации погрузо-разгрузочных работ. При этом одним из основных качеств всех типов дрезин должна была стать их многофункциональность.

Анализ отечественного и зарубежного опыта показал, что применение дрезин для текущего содержания и ремонта пути механизированных комплексов, включающих тяговую дрезину, являлось технологически целесообразной и перспективной тенденцией.

По грузовым дрезинам легкой серии перспективная дрезина АЛГ-2 в целом находилась на уровне зарубежных аналогов, незначительно (на 10%) уступая им в грузоподъемности крана. По грузовым дрезинам средней серии зарубежные аналоги превосходили отечественные по грузоподъемности крана (на 20-40%) и прицепной нагрузки (на 30-60%). А по мощности силовой установки отечественные дрезины превосходили зарубежные (на 50-60%) [5].

Однако, несмотря на оптимистичные настроения и имеющиеся успехи в области научно-технической модернизации железнодорожно-

го комплекса, далеко не всем планам конструкторов суждено было сбыться. В условиях перехода СССР к системе рыночных отношений транспортная система столкнулась с рядом новых проблем.

Совет Министров РСФСР постановлением от 25 сентября 1990 г. №378 в целях удовлетворения потребностей народного хозяйства и населения в перевозках, транспортно-экспедиционных и других услугах, связанных с осуществлением транспортного процесса, возложил на Министерство транспорта РСФСР осуществление государственного руководства транспортно-дорожным комплексом.

Согласно этому постановлению у Министерства появился ряд обязанностей, среди которых: разработка проектов законодательных и подзаконных актов, стандартов и норм, определяющих порядок функционирования на территории РСФСР в условиях рыночной экономики всех видов транспорта; формирование и проведение на транспортно-дорожном комплексе единой научно-технической и социальной политики; содействие в формировании рынка транспортных услуг; обоснование потребности в финансовых средствах для решения стратегических задач на транспортно-дорожном комплексе и др. [4, с. 2-5]. В том числе одним из первых приказов, отданных Советом Министров новому министерству транспорта, стала разработка предложения о порядке установления цен и тарифов на транспортные и сервисные услуги, а также лицензирование всех видов деятельности.

Сложившаяся экономическая ситуация сильно сказалась на дальнейших темпах технической модернизации железных дорог. Погрязнув в бюрократических процедурах при переходе на новую систему рыночных отношений, транспортная система СССР стала существенно отставать в развитии. Так, в ноябре 1990 г. Минтранс РСФСР была отклонена и отправлена на доработку «Программа технического перевооружения и модернизации железных дорог СССР в 1991-2000 гг.», предполагающая повышение технического потенциала железнодорожного комплекса [4, с. 106]. Сложившийся порядок функционирования транспорта в условиях рыночных отношений, диктовал внедрение нового экономического механизма, который уводил задачу технического совершенствования на второй план.

Что поспособствовало значительному спаду промышленного производства и объемов перевозок в последующую пятилетку.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что этап новейшей истории российского железнодорожного транспорта начался с неудач. Транспортная система пришла в упадок, что наблюдалось повсеместно, в том числе на железных дорогах Восточной Сибири. Неразрешенные проблемы с кадровым составом вкупе с торможением процесса научно-технической модернизации привели к необратимому отставанию.

Перед железнодорожным транспортом СССР

отныне стояла новая задача – не растерять былой мощи при переходе на систему рыночных отношений, сохранить конкурентоспособность и объемы перевозок. Стоит отметить, что научно-технические достижения отечественных конструкторов послевоенного периода заложили прочную основу развития железнодорожного комплекса на полвека вперед, что позволило не допустить более разрушительных последствий в экономике государства [3, с. 48].

Литература

1. Хаптаев Р.Е. Железнодорожный транспорт Восточной Сибири в 1971–1985 гг. – Иркутск, 1993. – 215 с.
2. История железнодорожного транспорта Советского Союза. Т. 3: 1945–1991 гг. – М.: МИИТ, 2004. – 631 с.
3. Харламова Ю.А. Российский железнодорожный комплекс. Политический анализ. – М.: ИНФРА-М, 2012. – 179 с.
4. ГАРФ. Ф. 10197. Оп. 1. Д. 18. Л. 2-7, 106-109.
5. РГАНТД. Ф. Р-500. Оп. 2-2. Т. 2. Д. 209, 4-22.

Чекменев Алексей Павлович – аспирант, кафедра правоведения и философии, Братский государственный университет, e-mail: anyque13@mail.ru

Chekmenev Alexey Pavlovich – postgraduate student, department of law and philosophy, Bratsk State University, e-mail: anyque13@mail.ru

УДК 378 (470+517.3)

© А.М. Шойдонова

Сотрудничество России и Монголии в области высшего профессионального образования (на рубеже XX-XXI вв.)

Статья посвящена изучению сотрудничества Бурятского госуниверситета с монгольскими высшими учебными заведениями в рамках внешнеполитического сотрудничества России и Монголии в области высшего профессионального образования, выполнена попытка анализа материалов, полученных в отделе статистики и учета контингента студентов, касающихся иностранных студентов БГУ – граждан Монголии.

Ключевые слова: сотрудничество России и Монголии, научные кадры, российско-монгольские договоры, монгольские студенты БГУ, международные связи.

А.М. Shoydonova

Cooperation between Russia and Mongolia in the field of higher education

The article is devoted to the study of cooperation between the Buryat State University and the Mongolian higher education institutions within the foreign policy cooperation between Russia and Mongolia in the field of higher education, the attempt has been made to analyze materials regarding foreign BSU students – citizens of Mongolia. These materials were obtained in the Department of statistics and registration of students number.

Keywords: cooperation between Russia and Mongolia, brainpower, Russian-Mongolian treaties, Mongolian students of BSU, international relations.

В конце 1929 г. правительством СССР было предложено создать в БМАССР монгольский рабочий факультет в городе Верхнеудинске. Согласно данной директиве, правительством БМАССР за короткий срок были подготовлены помещения для учебных занятий, общежитие для студентов и библиотека. В связи с тем, что монгольский рабочий факультет занимал особое положение среди учебных заведений Советского Союза, для обучения студентов были приглаше-

ны лучшие преподаватели республики.

20 февраля 1930 г. монгольский факультет начал свои занятия. Факультет специализировался на подготовке аратов МНР и Тувы, готовил работников средней квалификации для практической работы в различных отраслях народного хозяйства, народного просвещения, медицины и сельского хозяйства. Первый набор учащихся насчитывал 70 человек, состоял в основном из монголов, было и несколько тувинцев.

Продолжительность обучения составляла 6 лет: 2 года на подготовительном отделении и 4 года на основных курсах. Такой срок обучения обуславливался тем, что студенты, обучающиеся на факультете, имели за плечами всего двух-, трехлетнее образование. Кроме того, среди них не было ни одного знающего хоть немного русский язык, не говоря уже о письменности. В связи с этим в первые годы существования рабфака преподавание протекало в условиях экспериментирования и изыскания рациональных путей постановки учебного процесса. А для эффективного усвоения материалов преподавание велось на русском и на монгольском языках.

На рабфаке были созданы предметные и научные кружки: сельскохозяйственный, драматический, хоровой и танцевальный. Также особое внимание уделялось политико-воспитательной работе, что привело к созданию политического кружка. В нем проводились мероприятия, нацеленные на воспитание патриотизма и героизма.

Монгольский рабочий факультет просуществовал 10 лет. В 1940 г. факультет был реорганизован в Монгольское педагогическое училище. В него вошло монгольское отделение Кяхтинского педучилища. А в мае 1941 г. по решению МНР и СССР Монгольское педучилище было переведено в Улан-Батор. Оборудование кабинетов, лаборатории, библиотека училища были преподнесены правительству МНР как подарок к 20 годовщине Монгольской народной революции.

За 10 лет рабочий факультет подготовил 1912 человек и прославился своими знаменитыми выпускниками. На монгольском факультете обучались: генеральный секретарь ЦК Народно-революционной партии Ю. Цэдэнбал, заместитель председателя Совета министров МНР Д. Майдар, президент Академии наук МНР Б. Ширендыб и многие другие [1].

После распада Советского Союза тесные связи были нарушены. Интерес к обучению в России и изучению русского языка резко снизился, студенты-монголы направились для получения образования в такие страны, как США, Великобритания, Германия, Япония, Южная Корея. В новых условиях английский язык заменил русский как основной иностранный язык, преподающийся в учебных заведениях Монголии. В 1990-х гг. в стране началась массовая переподготовка учителей русского языка для обучения их английскому языку. Несмотря на данные изменения, Россия остается местом, где граждане Монголии могут получить достойное образование.

В 1993 г. был подписан договор «О дружественных отношениях и сотрудничестве между

Российской Федерацией и Монголией», который содействовал развитию связей в области образования и науки, а также установлению прямых связей между высшими учебными заведениями и научно-исследовательскими центрами. В 1995 г. было заключено Соглашение о культурном и научном сотрудничестве, которое поддерживает обмен и интеграцию между образовательными учреждениями в области науки и образования. Новым этапом в развитии отношений двух государств стало заключение 1 июля 2003 г. Соглашения «О взаимном признании документов об образовании, ученых степенях и ученых званий». Таким образом, присвоенные дипломы о высшем профессиональном образовании в одном государстве признаются, соответственно, в другом государстве. Данное соглашение также способствовало развитию научного и образовательного сотрудничества между Россией и Монголией.

Сотрудничество двух государств в сфере высшего профессионального образования также осуществляется в Бурятском госуниверситете. Вуз имеет более чем полувековой опыт международной деятельности.

Согласно Уставу ФГБОУ ВПО «Бурятский госуниверситет» от 2011 г., вуз имеет право осуществлять международную деятельность в области высшего, послевузовского и дополнительного профессионального образования, научной и научно-технической, преподавательской и иной деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В 1993 г. был создан отдел международных связей БГУ, который обеспечивает административную, коммуникационную, консультативную поддержку разнообразных форм международной деятельности. Университет успешно сотрудничает с учебными заведениями и научными центрами многих стран, в том числе Монголии.

В 1997 г. был подписан договор с Монгольским государственным университетом образования, согласно которому осуществляется взаимный обмен студентами, академические и научные обмены. В 1998 г. – с Монгольским государственным университетом, по пунктам договора которого стали возможны взаимный обмен студентами и стажировки. В том же году подписано соглашение с Институтом иностранных языков Монголии, который предусматривал академические обмены между двумя вузами. В 1999 г. очередным зарубежным партнером Бурятского госуниверситета становится Монгольский юридический университет «Их Засаг», в результате данного сотрудничества становятся

возможными не только академические обмены, но и прохождение курсов повышения квалификации. С 2001 г. действует соглашение с Монгольским государственным медицинским университетом по подготовке врачей, о совместной научно-исследовательской работе. В 2005 г. также партнерство было установлено с Монгольским университетом «Наадам», Монгольским институтом традиционной медицины «Монос», которые гарантируют академические обмены и культурное сотрудничество. В 2000 г. был создан филиал БГУ в г. Улан-Батор, который осуществлял образовательную и научно-исследовательскую деятельность в Монголии. Таким образом, деятельность Бурятского государственного университета направлена на дальнейшее расширение зарубежных контактов по различным научно-образовательным аспектам.

С 2001 по 2012 г. в Бурятском государственном университете, по данным отдела статистики и учета контингента студентов, успешно окончили вуз 27 человек. Институт экономики и управления окончили 11 человек; юридический факультет – 6; восточный институт – 5; Институт филологии и массовых коммуникаций (в то время филологический факультет и факультет иностранных языков) – 3; исторический факультет – 1; факультет физической культуры, спорта и туризма – 1. Столь незначительные цифры свидетельствуют об ослаблении сотрудничества России и

Монголии в области высшего профессионального образования.

Однако, по данным отдела статистики и учета контингента студентов Бурятского государственного университета, в 2013/14 учебном году в вузе обучается уже 45 студентов – граждан Монголии. Рассмотрим подробнее.

В 2013/14 учебном году на очном отделении обучается 40 человек; на заочном отделении – 5. Далее, при бюджетном финансировании – 5 чел, на договорном финансировании – 40. Стоимость обучения на договорной основе для иностранцев варьируется: на бакалавриате – 40-50 тыс. руб.; в магистратуре 70-80 тыс. руб.

Обучение в бакалавриате проходят 24 человека, в магистратуре – 19 человек, 2 студентов обучается на специалитете на медицинском факультете.

Интересно наблюдать за распределением данных студентов по факультетам Бурятского государственного университета.

Больше всего студентов-монголов на 1-м курсе. Поступивших в 2013 г. 26 человек. На 2-м курсе обучается 13 человек. На 3-м и 4-м курсах количество студентов из Монголии незначительно, 2 и 4 человека соответственно. Заметно, что в последние два года деятельность БГУ по привлечению иностранных граждан, в том числе граждан Монголии, стала более эффективной.

Таблица 1

Распределение по подразделениям БГУ студентов-монголов

№	Факультет	Кол-во (чел.)
Институты		
1	Институт филологии и массовых коммуникаций	7
2	Восточный институт	4
3	Институт экономики и управления	3
4	Институт математики и информатики	1
5	Педагогический институт	0
Факультеты		
6	Биолого-географический факультет	12
7	Юридический факультет	11
8	Социально-психологический факультет	3
9	Медицинский факультет	2
10	Исторический факультет	1
11	Факультет физической культуры, спорта и туризма	1
12	Физико-технический факультет	0
	Итого:	45

Таким образом, биолого-географический факультет БГУ на данный момент является факультетом с наибольшим количеством учащихся в нем студентов – граждан Монголии. Кроме того, все они являются студентами 1-го курса. Факультет имеет обширные научные и образо-

вательные связи с научными и учебными заведениями Монголии. На основании Положения БГУ о международном сотрудничестве установлены связи с Институтом биологии, Институтом географии и мерзлотоведения, Институтом геоэкологии Академии наук Монголии, предусмат-

ривающие обмен опытом в области образования и науки, обмен студентов по комплексным практикам, проведению совместных научно-исследовательских проектов. Также и остальные подразделения Бурятского госуниверситета ustanавливают различные формы сотрудничества с монгольскими учреждениями образования и науки. Затем по количеству студентов из Монголии идет юридический факультет, который по праву является одним из самых востребованных в Бурятском госуниверситете. И замыкает трой-

ку лидеров Институт филологии и массовых коммуникаций, образованный в 2013 г. в результате объединения филологического факультета и факультета иностранных языков [3].

Увеличившееся количество студентов-монголов свидетельствует о том, что практики сотрудничества между государствами становятся более эффективными и успешными. Расширение взаимодействия Бурятского госуниверситета и монгольских вузов является актуальным направлением развития университета.

Литература

1. К вопросу о становлении национальных кадров народной интеллигенции МНР на этапе демократических преобразований // Народы Востока: основные тенденции и противоречия соц.-экон. и полит. развития: тез. докл. к регион. конф. – Иркутск, 1986.

2. URL: <http://bsu.ru/>

3. Данные отдела статистики и учета контингента студентов Бурятского госуниверситета.

Шойдонова Алтына Мункожаргаловна, аспирант Бурятского госуниверситета, e-mail: shoyd89@mail.ru
Shoydonova Altyna Munkozhargalovna, postgraduate student, Buryat State University, e-mail: shoyd89@mail.ru

УДК 930 (571.54)

© В.С. Ханхараев

«Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII-XVIII вв.)» А.П. Окладникова

Статья посвящена 75-летию выхода монографии А.П. Окладникова «Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII-XVIII вв.)». Подвергнуты анализу социально-политические условия, обусловившие выход этого издания, представлявшего первую попытку комплексного рассмотрения истории бурятского народа с позиций утверждавшегося тогда в отечественной историографии марксистского подхода.

Ключевые слова: этническая история, «Пробуждение Азии», национальная политика, национальная история, колониальная политика, демократизации исторического процесса, марксистская историческая наука, советская государственно-охранительная концепция отечественной истории, сталинской модернизации, «исторические» и «неисторические» народы.

V.S. Khankharaev

«Sketches from the history of Western Buryat-Mongols (XVII-XVIII)» A.P. Okladnikov

The article is devoted to the 75th anniversary release of the monograph A.P. Okladnikovs «Sketches from the history of Western Buryat-Mongols (XVII-XVIII centuries)». Analyzed the socio-political conditions that led to the output of this publication, represents the first attempt at a comprehensive review of the history of the Buryat people with positions then states in the national historiography marxist approach.

Keywords: ethnic history, awakening of Asia, national policy, national history, colonial policy, democratization of the historical process of Marxist historiography, the Soviet public-watchdog concept of national history, Stalin's modernization, «historical» and «unhistorical» peoples.

Этническая история народов, их крупных территориальных групп, особенно на переломе эпох, обусловивших смену вектора движения и определивших их дальнейшее развитие на столетия вперед, всегда представляла значительный научный интерес. В истории бурятского народа таким был период XVII–XVIII вв., когда произошли присоединение и последующая интеграция в общероссийскую жизнь, кардинально изменившие его историческую судьбу.

Естественно, что обращенность к этому периоду его истории начинается еще со времени ее превращения в науку. Однако среди множества работ, посвященных истории и этнографии бурятского народа, особое место по праву принадлежит исследованию А.П. Окладникова «Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII-XVIII вв.)». Более 75 лет прошло со времени выхода в свет этой монографии выдающегося ученого – археолога, историка, этнографа, будущего академика АН СССР, лауреата Сталинской премии и Государственной премии СССР, Героя Социалистического Труда Алексея Павловича Окладникова [1]. Прошедшие десятилетия не только не сказались на утрате интереса к ней, а еще более его усилили, особенно тех, кто интересуется бурятоведением. Подтверждением научной ценности и неослабевающего интереса явилось новое издание монографии в 2013 г. в БГУ [2].

Выходу первого издания предшествовал такой период в истории народов России и Востока, начавшийся после поражения ее в Русско-японской войне и первой русской революции, как «Пробуждение Азии» [3]. Общественный подъем, порожденный капиталистической модернизацией и приходом к власти национальной буржуазии и интеллигенции, требовавший нового осмысления национальной истории, затронул и народы Востока России, где после Октябрьской революции в ходе реализации принципов национальной политики РСДРП-ВКП(б) в 1920-1930-е гг. образовалось более десятка советских национальных республик Поволжья, Средней Азии и Сибири [4]. Как и в странах зарубежного Востока, это требовало обретения этими народами «исторического лица» в контексте общей демократизации исторического процесса. Многие из них были при отсутствии или забвении государственности и письменной истории его лишены [5].

Такая постановка вопроса противоречила известному тезису о «исторических» и «неисторических» народах, распространенному в научных кругах европейских стран в XVIII–XIX вв. [6], когда всем народам России, кроме русского, было отказано в существовании национальной истории как таковой. У большинства из них она не имела научного изложения или была мало разработанной. Нерусские народы могли выступать

лишь как объект этнографической науки и соответствующего изучения ее методами.

Национальная политика пришедших к власти после 1917 г. сил до некоторой степени отражала эти идеи, а интеллигенция «Пробуждающейся Азии» видела в них союзников. Национально-государственное строительство в СССР и образование республик во многом явились результатом такого союза, а их национальная история стала составной частью процесса обретения ими государственности и в этом смысле была восстановлена.

В этом ключе можно рассматривать выход в 1926 г. работы М. Н. Богданова «Очерки истории бурят-монгольского народа», отразившей тот этап развития исторической науки в СССР, когда еще был необходим временный союз дореволюционной интеллигенции с новой советской властью. Созданная в 1923 г. Бурят-Монгольская АССР как национально-государственное образование СССР, укрепляя внутренние основы новой власти в национальных регионах и идеологически подкрепляя его внешнеполитическую экспансию, нуждалась в легитимизации. Ее частью с одобрения высших партийно-государственных органов стало обретение бурятским народом права на национальную историю. Такой труд санкционировал реализацию им этого права, придав этому институциональный статус.

Однако общественно-политическая ситуация рубежа 1920-1930 гг. с курсом ВКП (б) на форсированную модернизацию требовала марксистского изложения национальной истории. К этому времени уже были сформированы кадры советских историков, подготовленные в «боях за историю», а марксистская историческая наука существовала «в форме устоявшегося направления исследовательской работы» [7].

Хотя «динамика развития советской исторической науки связана прежде всего с преодолением ориентации на теорию мировой революции и формированием советской государственно-охранительной концепции отечественной истории» [8], теория классовой борьбы, освободительного движения и проблема социально-экономического развития в исследованиях того времени были в числе основных. Это отразил целый ряд партийных документов, в которых «истории» уже в советском варианте позволили вновь обрести право быть представленной в образовании на всех его уровнях. Прежние варианты национальных историй были объявлены националистическими и запрещены.

Время выхода монографии А.П. Окладнико-

ва, неоднозначно оценивающееся в отечественной исторической науке, принято называть периодом сталинской модернизации. Тогда же определились теоретико-методологические подходы к рассмотрению исторического процесса в целом, отдельных фактов, событий, явлений. В этой связи считаем необходимым отметить, что марксизм как научная теория, не без основания претендуя тогда на всеобъемлющий анализ, обладал немалым познавательным потенциалом.

Марксизмом же определилась бурятская тематика исследования, очень актуальная для демонстрации достижений национальной политики ВКП(б), выглядевшая особенно выигрышно на фоне событий присоединения.

Все это сказалось на формировании Алексея Павловича как исследователя-историка, одного из первых применившего марксизм к социально-историческому анализу событий в Предбайкалье XVII–XVIII вв., что особенно заметно отразилось во введении «Очерков...». В них автор, привлекая работы известных деятелей русского и международного рабочего движения, руководствуясь установками партии и государства, предпринял попытку обосновать правомерность привлечения марксистского подхода к анализу социально-исторического развития бурятских племен Прибайкалья в XVII–XVIII вв.

Применение автором «Очерков...» метода социально-экономического анализа, которым прежде всего оперирует историческая наука, позволило, выйдя за рамки этнографического изучения, комплексно рассмотреть жизнь бурятских племен Предбайкалья и систематизировать огромный материал. Вместе с тем автор, оперируя фактами, почерпнутыми из источников и литературы в основном XVII–XIX вв., объективно не мог не выйти за рамки марксистских установок. Ограничиться ими было еще более затруднительно в условиях социально-экономического отставания региона, при которых взятый на вооружение советской исторической наукой узкоклассовый подход не мог в необходимой полноте раскрыть природу «фактов жизни», вытекавших из родоплеменной организации бурятского общества.

Одной из центральных проблем, поставленных в «Очерках...», стала проблема присоединения Предбайкалья. В первой части книги она рассмотрена как завоевание его Российским государством. Это определило всю трактовку событий периода. Через 20 лет после выхода «Очерков...» в известной работе Е.М. Залкинда, предпринявшего попытку увидеть ее с другой стороны, она предстала еще более запутанной,

сложной и непростой. Трактовка его как завоевания легко объясняется с позиций, отвечавших интересам власти в освещении национальной политики царизма как колониальной, принесшей лишь бедствия и страдания массам. Между тем она опиралась на уже имевшуюся историческую традицию, представленную передовой частью русской науки, в том числе сибирскими областниками. Критика ими политики царизма в отношении Сибири распространялась и на взаимоотношения ее народов с царизмом. Да и официальная наука присоединение Сибири трактовала как ее покорение. Поэтому тезис о завоевании Предбайкалья был для того времени совершенно очевидным и естественным.

В то же время марксизм внес новое в проблему присоединения. В первой части «Восстания предбайкальских бурят» оно рассмотрено сквозь призму теории классовой борьбы, в которой казаки-землепроходцы показаны как угнетатели, проводники царского самодержавия, а бурятские племена как угнетаемые ими народные массы, что вызвало их восстания. Естественно, сегодня можно усомниться в научности такого упрощенного подхода. Однако при всех издержках этот подход как инструмент социального анализа превращал «Очерки...» в историческое исследование, рассматривавшее социально-экономическую и политическую жизнь и ее особенности как у бурят, так и у русских в то время.

Следовательно, классовый подход позволил автору рассмотреть бурят как жертву завоевательной политики царизма, как притесняемый, угнетаемый народ. Это сформировало соответствующее отношение к имеющимся фактам, которые интерпретированы как сопротивление с их стороны. Сочувствие к страданиям также распространяется и на простое русское население Прибайкалья: жителей острогов и только возникающих деревень.

Влияние времени особенно ошутимо проявилось во второй части «Социально-экономические отношения и освободительное движение в Западной Бурятии XVI-XVIII вв.». Советская Бурятия выполняла важную роль форпоста советского влияния в регионе. В этом смысле Советское государство унаследовало подходы царизма, пытавшегося либеральными реформами 1905 г. улучшить свой имидж в общественном мнении народов и стран Востока с целью экономического и политического проникновения и создания в последующем на сопредельных территориях так называемой «желтой России» [9].

Интерес, квалификация и другие качества,

характеризующие тогда еще совсем молодого 29-летнего исследователя, определили скрупулезность и обстоятельность работы, масштаб которой характеризуют 120 монографий, коллективных работ и статей, на которые он ссылался в ней более 260 раз.

В их числе работы первых исследователи истории Сибири: Г.Ф. Миллера, И. Г. Георги, И.Э. Фишера, И.Г. Гмелина, П.-С. Палласа и других. В «Очерках...» наиболее широко представлены ныне раритетные труды ученых XIX – начала XX в. А.И. Мартоса, И.А. Подгорбунского, А. М. Позднеева, А.П. Шапова, М. А. Кроля, С.К. Патканова, Н.Н. Харузина, Г.В. и А.В. Потаниных, Н.Н. Оглоблина, Ю. Арсеньева, Н.Н. Михайловского, Н. Щукина, П.И. Пежемского, И.И. Серебrenникова, Б.Э. Петри.

В этом ряду именитых ученых особо следует упомянуть деятельность Бернгарда Эдуардовича Петри, профессора этнологии Иркутского университета. Именно он, активно разрабатывая бурятоведческую тематику, к которой прежде всего относятся полевые этнографические исследования среди западных бурят по истории семейно-брачных отношений и шаманизму, привил интерес к ней А.П. Окладникова. Это, безусловно, сказалось на научном становлении последнего. В этой связи представляют интерес слова, сказанные Б.А. Петри о нем в 1928 г.: «А.П. Окладников – самый молодой из всех моих учеников, работает у меня три года. Я полагаю, что ему еще несколько рано давать право на самостоятельные раскопки. Поэтому я возбудил через ВСОРГО ходатайство о выдаче ему открытого листа на право разведок. А.П. Окладников сам житель Лены; благодаря ему мы узнали о местонахождении 60 стоянок, преимущественно неолитических. Нынешним летом А.П. Ок-ов опять поедет к себе. Благодаря тесной связи с местным населением он успеет за лето чрезвычайно много...» [10].

При написании монографии автор также широко привлекал труды первых бурятских ученых-историков и этнографов дореволюционного периода М.М. Богданова, Б.Б. Барадийна, А.Н. Турунова, М.Н. Забанова, Ю. Лумбунова, М.Н. Хангалова. Их взгляды, во многом сформировавшиеся в условиях происшедшего после революции 1905-1907 гг. общественного подъема, оказали значительное влияние на проведенный А.П. Окладниковым анализ рассмотренного в монографии национально-освободительного движения, наряду с другими многочисленными фактами, событиями и явлениями в жизни западно-бурятского общества XVII–XVIII вв. Не

были обойдены вниманием в «Очерках...» труды тогда еще молодых бурятских ученых советского периода: П.Т. Хаптаева, Г.Д. Санжеева, Б.С. Санжиева и других.

Ценность труда – в количестве архивных источников. Их основу составили фонды ГАФКЭ, позже ЦГАДА, ныне РГАДА; Архива АН СССР, позже Архива ЛО АН СССР, ныне СПб. ФА РАН, на которые имеется около 450 ссылок.

По прошествии десятилетий, отделяющих нас от времени выхода «Очерков...», еще больше проявляется значение этого исследования. Несмотря на их непростую судьбу, обусловленную фактическим запретом на использование в научных исследованиях в 1950-1970-е гг., «Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII-XVIII вв.)» сыграли значительную роль в развитии научного бурятоведения. Их влияние

на развитие научного бурятоведения трудно переоценить. Они не только подняли уровень научной разработки всего комплекса его проблем, но и надолго определили уровень их исследовательского решения в будущем.

По прошествии более чем трех четвертей века со времени выхода работы академика А.П. Окладникова она приобретает еще большую актуальность. Сегодня отечественная историческая наука, пытаясь вновь стать общественной в том смысле, чтобы видеть свое предназначение в служении обществу, обретая вместе с ним идеологическую и интеллектуальную свободу, выводит их, осваивая новые исследовательские подходы, на новый уровень самопознания. Это позволяет ей сделать новые прорывы в исторических исследованиях.

Литература

1. Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII-XVIII вв.). – Л.: Соцэкгиз, 1937. – 431 с.
2. Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII-XVIII вв.). – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2013. – 390 с.
3. Васильев Л.С. История Востока. – М.: Высшая школа, 1998. – С. 256.
4. Хоскинг Д. История Советского Союза. 1917-1991. – М.: Вагриус, 1995. – С. 110-118.
5. Асфендияров С.Ж. История Казахстана (с древнейших времен). Т. 1. Алма-Ата-М., 1935; *Ицерииков П.Ф.* Очерки истории колонизации Башкирии. – Уфа, 1933; *Фахретдинов Г.* История башкир. – Уфа, 1925; *Губайдуллин Г.С.* История татар. – Казань, 1924 (на татар. яз); *Токарев С.А.* Очерк истории якутского народа. – М., 1940.
6. Философия истории. – М., 1999. С. 37-39; Кудряшев В.Н. Российские либералы XIX века о взаимодействии национального и общечеловеческого в историческом прогрессе // Вестник ТГУ. – 2011. – №16. История. – С. 44-49.
7. Наумова Г.Р., Шикло А.Е. Историография истории России. – М.: Академия, 2007. – С. 505.
8. Наумова Г.Р., Шикло А.Е. Указ. соч. – С. 450.
9. Марлен Ларюель. «Желтая опасность» в работах русских националистов начала века // Русско-японская война 1904–1905. Взгляд через столетие / пер. Н. Сосна. – М.: Три квадрата, 2004. – С. 579-591.
10. Сирина А.А. Забытые страницы сибирской этнографии // Репрессированные этнографы. – М.: Восточная литература, 1999. – С. 66.

Ханхараев Виктор Сафронович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ.

Khankharaev Victor Safronovich, candidat of historical sciences, lecturer of department of general and Native history of Buryat State University, Ulan-Ude.

УДК 94:811.512.31(049.32)

Рецензия

Монтгомери Р. «Поздняя царская и ранняя советская национальная и культурная политика: буряты и их язык»

Мультиэтничность и поликонфессиональность Российского/Советского государства неизменно привлекали внимание зарубежных исследователей. Из-под пера западных ученых вышло немало трудов, посвященных этническому и культурному многообразию Российской империи и Советского Союза. Наиболее известной работой на данную тему для российского читателя является труд Андреаса Каппелера «Российская империя: многонациональная история».

Однако далеко не все народы и национальные группы в равной степени изучались зарубежными авторами. В основном их внимание привлекали многочисленные и геополитически важные этносы страны. Особенно активно изучались украинцы, евреи и исламские народы России, которым на Западе посвящено довольно много работ.

На этом фоне иностранная литература о коренных народах Сибири не столь обширна. Наиболее известными являются труды Роберта Рупена и Кэролайн Хамфри, в которых изучены различные аспекты их политической, хозяйственно-культурной жизни в дореволюционную и советскую эпохи.

Рецензируемая книга профессора Роберта Монтгомери дополняет зарубежную историографию о народах Сибири новыми научными данными и материалами, которые во многом опровергают укоренившиеся на Западе стереотипы общественных представлений о них как об этносах диких, варварских, не имевших собственной культуры и письменности. Автор называет данный подход «легкомысленным и глупым» и выражает сожаление по поводу того, что он слишком часто встречается в трудах западных исследователей.

Книга профессора Р. Монтгомери, вышедшая в свет в 2005 г. в издательстве The Edwin Mellen Press (США), стала результатом его многолетних научных исследований истории, культуры и языка бурят в дореволюционный и советский период. Р. Монтгомери неоднократно приезжал в Бурятию, с удивительным упорством и заинтересованностью изучал бурятский язык, обрел здесь семью. Он свободно владеет литературным бурятским языком, старомонгольским

письмом и является на сегодняшний день самым авторитетным специалистом на Западе в области национальной и языковой политики в отношении бурят.

Свой фундаментальный труд Р. Монтгомери посвятил жене и дочери, которые, как пишет автор, вдохновляли его на глубокое изучение бурятского языка, культуры и истории. Автор активно выступает против культурной и лингвистической гомогенизации в условиях современной экономической глобализации и желает процветания бурятскому языку, который включен в мировой список исчезающих на планете.

Работа состоит из подробного введения, четырех глав, заключения и обширной библиографии на английском, русском, бурятском и монгольском языках. Предисловие к работе написано профессором Индианского университета Георгием Кара – признанным авторитетом современного зарубежного монголоведения, крупным специалистом в области монгольских языков. Давая оценку исследованию Р. Монтгомери, Г. Кара отмечает, что данный труд стал первой англоязычной монографией о бурятском языке, написанной с большой симпатией к бурятскому народу. Полностью соглашаясь с мнением маститого ученого, выражаем особую признательность автору за его позицию, которая действительно не является общепринятой в зарубежной историографии.

В центре внимания автора история бурят, их культуры, языка и письменности на протяжении длительного периода времени с момента вхождения в состав Российского государства до 1928 г. Глава I «Бурятский язык и культура до 1801 г.» посвящена бурятскому языку, его диалектам, фонетическим, грамматическим и иным особенностям среди других монгольских наречий. В дополнение к чисто языковому анализу глава содержит ценные этнокультурные интродукции о хозяйстве, религиозных верованиях и общественном строе бурят до начала XIX в.

Интересно отметить, что, описывая нomaдизм, практиковавшийся бурятами, автор polemизирует с Кэролайн Хамфри, которая отмечала его «несистемный» характер у местных племен. В противовес подобному взгляду Р. Монтгомери

указывает, что традиционный бурятский номадизм всегда руководствовался определенными принципами, основанными на многовековом опыте кочевых народов.

Рассматривая процесс присоединения бурят к Российскому государству, Р. Монтгомери, в отличие от большинства западных исследователей, отмечает его противоречивый характер. По его мнению, не все бурятские племена были покорены насильственными методами. В ранний период часть племен пришла к признанию российской власти на добровольной основе в ходе мирных переговоров. Другие племена вынуждены были бежать за границу, чтобы избежать российского подданства. Эта версия, как пишет автор, является, вероятно, самой близкой к правде. Отметим, что данной точки зрения придерживаются многие отечественные историки.

Исключительно важную роль в распространении грамотности на родном языке имело принятие буддизма. Р. Монтгомери отмечает, что буддийские монастыри стали важнейшими инструментами лингвистического развития бурятских племен, называет их подлинными хранилищами национальной культуры.

Глава II «Позднее самодержавие и политика в области бурятского языка. 1801-1917 гг.» освещает политику самодержавия в отношении аборигенов Сибири, обращает внимание на усиление культурной, религиозной, лингвистической и административной русификации бурят в период правления Александра II, Александра III и Николая II.

Отмечая, что при абсолютизме буряты не полностью зависели от государства в вопросах образования, автор уделяет большое внимание роли буддийских дацанов в распространении грамотности среди местного коренного населения. В отличие от тех исследователей, кто негативно относится к образованию в буддийских дацанах, Р. Монтгомери дает высокую оценку деятельности дацанских школ. Он опровергает довольно распространенную точку зрения, согласно которой обучение в буддийских монастырях сводилось к простой зубрежке, слепому заучиванию текстов, что убивало какую-либо умственную деятельность и формировало пассивных людей, которым недостает воли.

Рассматривая подробно систему буддийского образования, автор приходит к выводу, что учебные программы в дацанах отвечали культурным и образовательным потребностям бурят и создавали условия для их интеллектуального развития. В отличие от этого светское образование осуществлялось в основном в церковно-

приходских школах, где бурятских детей обучали русскому языку. В поздний имперский период, по мнению Р. Монтгомери, оно превращается в мощный инструмент русификации сибирских аборигенов.

Отдельный раздел главы посвящен вопросам реформирования бурятской письменности до 1917 г. В частности, рассматриваются ранние попытки перевода ее на кириллицу, алфавит Агвана Доржиева с вертикальным монгольским письмом и эксперименты Базара Барадина с использованием латиницы.

III глава «Бурятский язык и политика между Февральской революцией и созданием Бурят-Монгольской АССР» рассматривает перипетии политической борьбы после падения самодержавия, участие в ней бурятской интеллигенции и ее отношения с партией большевиков. Автор справедливо отмечает, что падение старого режима устранило активные барьеры на пути развития бурятского языка и культуры. Лидеры национальной интеллигенции предпринимали энергичные попытки к возрождению образования на родном языке. Однако в условиях хозяйственной разрухи и политической нестабильности им не удалось создать необходимую инфраструктуру в короткий срок для осуществления намеченных целей. Поэтому, как пишет Р. Монтгомери, они добились весьма скромных результатов в своей деятельности. Однако даже эти скромные достижения, по мнению автора, показывают, что буряты не были пассивными объектами официальной политики и обладали огромным стремлением к национальному возрождению.

Глава IV «Языковая политика в Бурят-Монгольской АССР. 1923-1928 гг.» рассматривает положение бурятского языка в условиях либеральной политики государства в отношении национальных меньшинств и их культуры. Автор отмечает, что эпоха нэпа обеспечила благоприятную почву для подъема национальных культур, которые ранее «увядали на каменной почве безразличия старого режима или враждебности».

Анализируя политику в области языка, Р. Монтгомери подчеркивает, что создание Бурят-Монгольской АССР стало решающим фактором возрастания роли бурятского языка в общественной жизни, особенно в условиях «коренизации» государственного аппарата. Однако события последующих лет фактически минимизировали результаты этого процесса и практически вытеснили родной язык из повседневной общественной жизни бурят.

В заключительной части работы автор подводит итоги своего исследования и высказывает надежду, что, несмотря на тяжелое историческое наследие сталинского и постсталинского периода, у бурятского языка сохраняется шанс на выживание и возрождение в будущем. Полностью поддерживая этот тезис автора, отметим, что реализация этой возможности в значительной степени зависит от самого этноса, представители которого имеют определенные моральные обязательства владеть родным языком.

Книга Роберта Монтгомери «Поздняя цар-

ская и ранняя советская национальная и культурная политика: Буряты и их язык», безусловно, заслуживает большого внимания научной общественности. Современная историография народов Сибири пополнилась новым ценным фундаментальным трудом. В наши дни, когда вновь решается судьба бурятского языка, это глубокое научное исследование особенно актуально.

М.М. Боронова
д-р ист. наук, проф.

Ученый и учитель

(к 90-летию со дня рождения Г.Л. Санжиева)

История бурятской науки неразрывно связана с именем доктора исторических наук, профессора Гармажапа Лудуповича Санжиева – ученого, чей научный и практический вклад в развитие отечественной науки трудно переоценить. Огромные знания и опыт, которыми Гармажап Лудупович всегда готов поделиться, блестящие организаторские способности, внутреннее благородство — вот качества, присущие этому замечательному ученому и педагогу, посвятившему свою жизнь науке.

Большой жизненный опыт был накоплен им еще в юности: учебу в институте прервала война. В конце 1942 г. со второго курса Г.Л. Санжиев был призван в ряды Советской Армии. Пришлось овладеть многими военными профессиями – был наводчиком и командиром орудия, разведчиком; участвовал в ожесточенных боях по освобождению Белоруссии, Западной Украины и Польши, дошел до Одера. За доблесть и отвагу, проявленные в сражениях, он был награжден медалью «За боевые заслуги», двумя медалями «За отвагу», солдатским орденом Славы III степени, двумя орденами Отечественной войны I степени, медалью «За освобождение Варшавы» и другими наградами. В 2000 г. Г.Л. Санжиев участвовал в Параде Победы на Красной площади в Москве. В настоящее время он подполковник в отставке.

После демобилизации из рядов Советской Армии с ноября 1945 г. он, как говорится, «приравнял перо к штыку», стал работать в редакции газеты «Бурят-Монголой унэн». В 1947 г. Г.Л. Санжиев был направлен на учебу в Иркутскую партийную школу. Окончив ее, вернулся в редакцию. Поступил на историко-филологическое отделение Бурятского педагогического института. Студент Санжиев отличался жадной жаждой знаний, пытливым, работоспособным и упорным. Одновременно преподавал в вечернем университете марксизма-ленинизма, публиковал пропагандистские и научно-популярные статьи.

В 1954 г. Г.Л. Санжиев поступил в аспирантуру Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Темой кандидатской диссертации была избрана история коллективизации сельского хозяйства Бурятии и руководящей роли в этом процессе коммунистической партии. В 1957 г. Г.Л. Санжиев успешно защитил диссертацию и в январе 1958 г. был принят в

Бурятский научно-исследовательский институт культуры на должность старшего научного сотрудника и заместителя заведующего сектором истории. В сентябре 1958 г. был назначен ученым секретарем вновь созданного Бурятского комплексного научно-исследовательского института Сибирского отделения Академии наук СССР. Много времени и сил пришлось отдавать решению проблем создания и укрепления академического научного учреждения, заниматься научно-организационной работой. Еще большая ответственность выпала на его долю в 1963-1966 гг., когда он работал заместителем директора института по гуманитарным наукам.

В своих научных исследованиях Г.Л. Санжиев расширил и углубил изучение истории социалистического преобразования сельского хозяйства Бурятии, был включен в состав авторского коллектива по написанию многотомной истории крестьянства Сибири, приглашен Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС для участия в разработке истории коллективизации сельского хозяйства ранее отсталых национальных районов Советского Союза.

Работая в академическом научно-исследовательском институте, в условиях малочисленности кадров исследователей Г.Л. Санжиев не мог ограничивать свои научные интересы аграрной проблематикой. Поэтому вместе с коллегами осваивал новые направления исследований. Новаторским подходом были отмечены работы Г.Л. Санжиева и Б.М. Митупова, опубликовавших в соавторстве книгу «Руководство Бурятской партийной организации культурной революцией в республике (1929-1937 гг.)» (1962). Исследователи получили доступ к многим ранее закрытым материалам и основательно расширили источниковую базу исследования. В монографии были высказаны мысли и идеи авторов об отношении к культурному наследию бурятского народа, о политике в области культурного строительства в республике, об основных чертах и особенностях этого прогресса, становлении новой смены национальной интеллигенции.

Факт, что «свежий ветер XX съезда распахнул двери советских архивов», не был преувеличением. Эти ученые по праву принадлежат к числу тех немногих отечественных специалистов, поднявших историческое сибирьеведение

до его подлинной научной значимости. Отличительной чертой их работ стала фундаментальность научных фактов, глубокое обоснование научными материалами каждого из выдвинутых положений и выводов – будь то статья или монография.

В 1960-х – первой половине 1970-х гг. продолжалась разработка аспектов и теоретических проблем истории становления новой культуры. Г.Л. Санжиев внес весомый вклад в создание коллективного труда «История культуры Бурятии» в двух томах и книги «Очерки истории культуры МНР». В эти годы он напряженно работал над актуальными проблемами истории народов Сибири, участвуя в подготовке и издании многотомной «Истории Сибири».

Капитальным трудом Г.Л. Санжиева стала монография «В.И. Ленин и национально-государственное строительство в Сибири (1917-1937 гг.)», изданная в 1971 г. В ней впервые в советской историографии была прослежена история образования автономных республик и областей в Бурятии и Якутии, Горном Алтае и Хакасии, проанализирован процесс национально-государственного строительства, сделаны выводы об общих чертах и специфических особенностях этого процесса. В 1976 г. увидел свет коллективный труд «Историография крестьянства Советской Сибири», Г.Л. Санжиев был членом авторского коллектива и редколлегии, разработал раздел, анализирующий серию работ по истории коллективизации и крестьянства автономных республик и областей.

По приглашению Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Г.Л. Санжиев участвовал в конкурсной подготовке разделов IV тома по истории коллективизации в ранее отсталых национальных районах страны. Ученый выдержал конкурс, рукопись была принята редколлегией IV тома «Истории Коммунистической партии Советского Союза», изданного в 1970 г. в двух книгах. В составе авторского коллектива ученый участвовал в написании «Очерков истории Бурятской организации КПСС».

В 1974 г. началось строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, в том числе ее Бурятского участка. Коллектив авторов под руководством Г.Л. Санжиева подготовил и издал сборники статей «БАМ – стройка дружбы» (1984) и «БАМ продолжается» (1987), представил большой научный отчет по итогам исследований «БАМ и социально-экономическое и культурное развитие Бурятской АССР» (1986). Еще одна книга в этом цикле «Байкало-Амурская магистраль на территории Бурятии: история строительства, ее роль в хозяйственном освоении регио-

на» увидела свет в 1999 г., в ней опубликована обобщающая статья Г.Л. Санжиева по истории строительства Бурятского участка БАМ.

Итоги изучения истории коренных народов Сибири советского периода Г.Л. Санжиев изложил в крупной монографии «Переход народов Сибири к социализму, минуя капитализм» (издательство «Наука», 1980), в которой была рассмотрена история национально-государственного строительства, осуществления земельной реформы, коллективизации сельского хозяйства, индустриализации республик и областей, культурной революции, сделаны выводы и обобщения по результатам социалистического преобразования национальных районов Сибири. Монография стала основой его докторской диссертации, блестяще защищенной в 1984 г.

Г.Л. Санжиев – автор и член редколлегий коллективных трудов «Крестьянство Сибири в период перехода к социализму (1917-1937 гг.)», «Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма (1938-1958 гг.)», «Рабочий класс Сибири в период перехода к социализму (1917-1937 гг.)», изданных в 1983 г.

С самого начала научной деятельности постоянный интерес как ученого, так и участника боевых действий вызвала история Великой Отечественной войны. Он выступал с докладами на научно-практических конференциях, писал статьи. Г.Л. Санжиев стал одним из составителей и авторов сборника документальных материалов «Бурятия в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.», сборников «Вклад Бурятии в Великую Победу», «И в тылу ковалась Победа», «Дружба навеки» (1985), «Ратный и трудовой подвиг народа Бурятии» (1995), «Бурятия в годы Великой Отечественной войны» (2000). Он участвовал в создании ряда томов «Книги памяти» Бурятии, публиковал в них статьи. На основе новых документальных материалов им раскрыты самоотверженный труд рабочих, колхозников, интеллигенции и служащих республики, боевой подвиг сынов и дочерей Бурятии на фронтах войны, по-новому осмыслен и оценен вклад республики в великую Победу.

В 1980-х – 1990-х гг. ученый уделял значительное внимание изучению последствий присоединения Бурятии к Российскому государству, взаимодействия и взаимопомощи бурятского и русского населения края в освоении природных богатств и развитии производительных сил региона. В это время в стране полным ходом шла горбачевская перестройка, выдвигались лозунги демократизации общественно-политической жизни, пересмотр пройденного советским наро-

дом исторического пути. Учеными-историками была признана ограниченность методологических основ советской исторической науки. Начался пересмотр утвердившихся концепций и положений, анализ проводившихся социально-экономических и политических реформ. Статьи и доклады Г.Л. Санжиева были посвящены истории национальной интеллигенции и духовенства, национальной элиты у бурят, их роли и месту в жизни народа, деятельности выдающихся бурятских деятелей: Б. Барадина, Г. Цыбикова, Э.Д. Ринчино, А. Доржиева, руководящих партийно-советских работников: М.Н. Ербанова, М.И. Амагаева и других. Г.Л. Санжиев целенаправленно занимался вопросами расширения источниковой базы исторических исследований, совершенствования архивоведческой, музееведческой и краеведческой работы.

С начала 1990-х гг. как ученый и общественный деятель он активно занимался вопросами развития нашей республики: участвовал в подготовке проектов Декларации о государственном суверенитете Бурятии, Конституции Республики Бурятия, принятой в 1994 г., Концепции государственной национальной политики Республики Бурятия и других документов, в подготовке и проведении общепурятских съездов, съездов народов Бурятии, создании и работе Всебурятской ассоциации развития культуры.

В эти годы большое внимание уделялось развитию национальной государственности. Профессор Г.Л. Санжиев стал составителем и редактором таких трудов, как «Современное положение бурятского народа и перспективы его развития» (1996), «Республика Бурятия – государство в составе Российской Федерации» (1998). К 75-летию образования республики издан оригинальный труд «Республика Бурятия. Краткий энциклопедический справочник», в котором дана всесторонняя характеристика нашего края. Коллективом историков во главе с Г.Л. Санжиевым написан исторический очерк по Бурятии с древнейших времен до наших дней. Продолжением и развитием этих исследований стала подготовка и издание крупного труда «Историко-культурный атлас Бурятии» (2001). Эта капитальная работа вызвала широкий отклик не только в Бурятии, но и в России и за ее рубежами. Авторский коллектив, в том числе крупные ученые Москвы, Новосибирска, Бурятии, среди них Г.Л. Санжиев, был отмечен Государственной премией в области науки и техники Республики Бурятия.

После преобразования Педагогического института в Бурятский государственный универси-

тет и создания на историческом факультете кафедры истории и культуры Бурятии Г.Л. Санжиев как профессор этой кафедры участвовал в разработке программ преподавания и научно-исследовательской работе кафедры, был введен в состав диссертационного совета и редколлегии «Вестник Бурятского государственного университета» (серия «История»). По его учебным пособиям и программам на протяжении многих лет осуществлялась подготовка будущих профессиональных историков.

1990-е годы стали временем глубокого переосмысления истории Бурятии XVII-XIX вв., проблем развития нашего края в составе Российского государства. В соавторстве с дочерью, кандидатом исторических наук Е.Г. Санжиевой он издает «Историю Бурятии XVII-XIX вв.» (1999). Гармажап Лудупович – автор более 300 научных публикаций. Одним из наиболее значительных результатов его работы в последние годы стало участие в создании трехтомной «Истории Бурятии» (История Бурятии: в 3 т. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – Т. 3. XX–XXI вв. – 464 с.), для которой он подготовил главу «Национальное движение бурятского народа».

Можно по праву считать, что профессор Г.Л. Санжиев – основатель научной школы, воспитавший плеяду ученых, успешно работающих в научных учреждениях, вузах, различных ведомствах республики и страны. Научная эрудиция и опыт научно-организационной работы служили основанием для его привлечения в научные советы Академии наук СССР и ее Сибирского отделения, в советы по защите докторских и кандидатских диссертаций. В целом он был официальным оппонентом около ста диссертаций.

Г.Л. Санжиев – видный общественный деятель. Многократно избирался членом Советского районного и Улан-Удэнского горкома КПСС, депутатом районного совета, народным заседателем Верховного суда РСФСР. До последних лет был членом Республиканского совета ветеранов войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов. В середине 1980-х гг. общественность доверила ему пост председателя Республиканского комитета защиты мира, выдвинула в члены Советского комитета защиты мира. Много лет он сотрудничал с Азиатско-буддийской конференцией за мир. Нельзя не отметить деятельность Г.Л. Санжиева в качестве эксперта Верховного Совета Бурятии, Народного хурала РБ трех созывов, члена экспертной комиссии Комитета по делам национальностей Государственной Думы РФ.

Достижения Г.Л. Санжиева высоко оценены российской и зарубежной научной общественностью. Его вклад в развитие отечественной науки и народного образования отмечен орденами «Знак Почета», «Дружба народов», медалями «За доблестный труд», «В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «За строительство Байкало-Амурской магистрали», «Ветеран труда», золотой медалью Фонда мира. Его грудь украшают монгольские орден славы Чингисхана и две медали. За вклад в развитие науки он удостоен почетных званий «Заслуженный деятель науки Республики Бурятия», «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», избран действительным членом – академиком Российской академии социальных наук, членом Монгольской академии кочевой цивилизации.

Те, кому посчастливилось работать с этим

замечательным человеком и учиться у него, сохранили безграничное уважение и признательность ученому и мудрому педагогу. От всей души желаем Гармажапу Лудуповичу оставаться энергичным, отзывчивым и искренним человеком. Для нас, его учеников, он остается одним из лучших и авторитетных наставников. Нам полезно не только перенять его опыт и знания, но и поучиться у него энергичности и душевной молодости.

Дорогой Гармажап Лудупович, счастья, здоровья и благополучия вам и вашим близким!

М.Н. Балдано
д-р ист. наук, проф.,
зав. отделом истории, этнологии
и социологии ИМБТ СО РАН

Юбилей ученого. Служение истории и монголоведению

(к 60-летию со дня рождения и 35-летию научной и педагогической деятельности Ю.В. Кузьмина)

7 марта 2014 г. в Генеральном консульстве Монголии в городе Иркутске от имени Президента Республики Монголия Ц. Элбэгдоржа Генеральный консул в Иркутске господин Болд Базаргарид вручил одну из высших наград страны – орден «Полярная Звезда», вручаемый зарубежным общественно-политическим и научным деятелям, внесшим значительный вклад в развитие советско/российско-монгольского сотрудничества, доктору исторических наук, профессору кафедры мировой экономики Байкальского государственного университета экономики и права Кузьмину Юрию Васильевичу, воспитавшему не одно поколение монгольских студентов. Иркутский коллега 35 лет своей научной деятельности посвятил изучению монгольскоязычной этносферы, опубликовал более 250 научных работ, в т.ч. «Монголия в современном мире» (1992 г., в соавт. с доц. Н. Жамбалсурэном, Генеральным консулом Монголии в Иркутске С. Цэвэнпурэвом); «Монголия и «монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России» (конец XIX – 30-е гг. XX в.) (1997); «Урянхай в системе русско-монголо-китайских отношений» (2000); «Экономика и культура Монголии на рубеже веков» (2004); «Восточные проекты доктора П.А. Бадмаева» (2006); «История изучения Монголии в Иркутске» (2006); «Профессор Н.Н. Козьмин: историк и экономист» (2006); «Монголия и Китай начала XX

века в оценках российских военных исследователей» (2007), «Монголия и Китай начала XX в. в оценках российской военной разведки» (2007).

Ю.В. Кузьмин является специалистом в области новой и новейшей истории Монголии, монгольской историографии, историографии российского монголоведения XVIII-XX веков, современной монгольской экономики и общественной мысли Монголии, геополитики и системы международных отношений в Восточной Азии.

Основные темы исследования ученого: новая и новейшая история Монголии, монгольская и российская историография истории Монголии второй половины XIX – середины XX в., тенденции развития современной экономики и общественной мысли Монголии, творческие биографии российских и монгольских историков: А.В. Игумнова, Н.Н. Козьмина, Н.П. Шастиной, Е.М. Даревской, В.В. Свинина, Ц. Батбаяра и др.

Ю.В. Кузьмин родился 7 марта 1954 г. в с. Корсаково Кабанского района Бурят-Монгольской АССР (Республика Бурятия) в семье рабочих. Отец – Кузьмин Василий Григорьевич всю жизнь проработал в геологии, длительное время трудился в нефтеразведке буровым мастером и мастером по сложным буровым работам, заслуженный геолог Якутии, награжден тремя орденами, в том числе высшим орденом СССР – орденом Ленина. Ныне родители на пенсии, живут в Бурятии.

В 1971 г. Юрий Кузьмин поступил на вечернее отделение юридического факультета Иркутского государственного университета. Работал рабочим готовой продукции Иркутского дрожжевого завода, одновременно учился в радиотехнической школе ДОСААФ и получил специальность радиста 3 класса.

В 1972-1974 гг. служил в рядах Советской Армии в г. Баку в радиоцентре штаба Бакинского округа, где впервые зародился интерес к истории и культуре стран зарубежного Востока. Изучал культуру и историю народов Кавказа и зарубежного Востока.

В 1975-1981 гг. – студент исторического факультета Иркутского государственного университета. Студенческая поездка в Монголию летом 1976 г.: археологическая и этнографическая практика в западной части Монголии, совместная практика советских и монгольских студентов, знакомство и сотрудничество с ведущими советскими монголооведами и востоковедами (В.В. Волков, Н.Л. Жуковская, С.А. Панарин), знакомство с монгольскими учеными проф. Н. Сэр-Оджавом, Ц. Цэвэндоржем, академиками М. Бирой, Б. Ширендыбом, Ш. Нацагдоржем определило дальнейший научный выбор молодого исследователя, посвященный изучению монгольской проблематики в мировой истории.

Первые научные публикации Ю.В. Кузьмина, студента пятого курса ИГУ, были изданы в 1980 г. Для дальнейшего изучения монгольской истории кафедрой всеобщей истории Иркутского государственного университета молодой исследователь был направлен на научную стажировку с последующей аспирантурой на восточный факультет Ленинградского университета. В 1980-1981 гг. являлся стажером кафедры истории стран Дальнего Востока (зав. кафедрой д-р ист. наук, проф. Г.П. Смолин), кафедры монгольской филологии (зав. каф., д-р филол. наук, проф. Л.К. Герасимович).

В 1986 г. на диссертационном совете восточного факультета Ленинградского государственного университета Ю.В. Кузьмин успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Современная общественная мысль МНР об основных проблемах некапиталистического развития Монголии в 1921-1940 гг.». Официальными оппонентами выступили ведущие монголоеды Советского Союза: зам. директора ЛО ИВАН д-р ист. наук, проф. Е.И. Кычанов, канд. ист. наук, ведущий науч. сотрудник сектора Монголии ИВ АН СССР М.И. Гольман.

Продолжая изучение братской, как писалось в те годы, страны, подающий большие надежды исследователь в 1989 г. проходил десятимесячную научную стажировку в Монгольском государственном университете, изучал архивные материалы по

новой и новейшей истории Монголии, монгольской историографии. Читал лекции на историческом факультете МонГУ, а также группе советских преподавателей и работникам торгпредства нашей страны.

Профессиональный и научный рост в исследованиях российско-монгольских внешнеполитических связей Ю.В. Кузьмина привел его в 1993-1996 гг. в докторантуру кафедры мировой истории и международных отношений исторического факультета ИГУ (научный консультант, профессор Г.Н. Новиков). Одним из первых в современной российской историографии иркутский коллега дал историографический анализ российской общественной мысли России первой трети XX века, посвященной истории Монголии, русско-монгольским отношениям 1911-1921 гг., «монгольскому вопросу», представленной в оценках дипломатов, военных, купцов, общественных деятелей и демократической интеллигенции России.

Результатом этой работы была успешно защищенная в 1998 г. докторская диссертация по теме «Монгольский и урянхайский вопросы в общественно-политической мысли России (конец XIX – 30-е гг. XX вв.)». Официальными оппонентами выступили ведущие востоковеды России: доктора исторических наук, профессора В.В. Грайворонский (Москва), Т.Д. Скрынникова (Улан-Удэ), Ю.М. Бутин (Иркутск), М.И. Гольман (Москва). Высокая научная оценка была дана ведущими учеными Монголии: д-ром ист. наук Ц. Батбаяром, проф. Ц. Жамбалсурэном и др. В работе с новых методологических позиций была основательно проанализирована историческая и общественно-политическая мысль России и Монголии, посвященная истории Монголии и русско-монгольским отношениям.

С 2000 года Ю.В. Кузьмин работает профессором кафедры мировой экономики Байкальского государственного университета экономики и права. За этот период он создал на кафедре Центр восточной культуры является редактором «Востоковедных чтений БГУЭП» (7 выпусков). В продолжение монголоведческих исследований в 2008 г. был создан Центр изучения Монголии, издается сборник статей «Иркутское монголоведение». В настоящее время основное внимание Ю.В. Кузьмин сосредоточил на основных базовых курсах: «Экономическая география и регионалистика», «Мировая экономика», «Зарубежное страноведение», «Монголия в системе международных отношений: от древности до современности», «Экономика стран Восточной Азии», которые читаются в БГУЭП, ВСГАО.

В 2004 г. за многолетнюю преподавательскую работу Ю.В. Кузьмин был награжден знаком «Почетный работник высшего профессионального образования». Профессор Ю.В. Кузьмин принимает активное участие в подготовке молодых историков, монголоведов и экономистов. Под его руководством защищено 4 кандидатские и более 20 магистерских диссертаций. Подавляющее большинство дипломников из Монголии по специальности «Мировая экономика» ежегодно защищается по МЭО Монголии у Ю.В. Кузьмина. В 2008 г. был награжден памятной медалью Общества монголо-русской дружбы.

Ю.В. Кузьмин выступал официальным оппонентом пяти докторских диссертаций (Ц.П. Ванчикова, В.Г. Дацышен, В.Д. Дугаров, Н.Е. Единархова, Н.Н. Пузыня) и 12 кандидатских диссертаций в диссертационных советах Иркутска, Улан-Удэ, Абакана и Владивостока, имеющих актуальное методологическое значение в формирующемся отечественном монголоведении.

С 2004 по 2013 г. Ю.В. Кузьмин осуществлял научное руководство Международного центра азиатских исследований (МЦАИ) на гуманитарном факультете ВСГАО, Центра изучения Монголии и был главным редактором «Вестника МЦАИ» (14-17 вып.). Значительный научный и общественный резонанс имели международные конференции «Война на Халхин-Голе (1939-2009)» и «Монголия в XX веке: от восстановления национальной независимости до международного признания», посвященная 100-летию восстановления национальной независимости Монголии (1 декабря 2011 г.). В 2007 г. Ю.В. Кузьмин был награжден высшей наградой Академии Ю. Цэдэнбала – Золотой медалью за заслуги в укреплении дружбы и сотрудничества двух народов, подготовке высококвалифицированных специалистов для Монголии и развития монголоведения в иркутских вузах. В этот период избран также иностранным академиком Академии Ю. Цэдэнбала. В 2009 г. был награжден медалью «За труды в просвещении».

В 2008 г. на факультете мировой экономики (ныне факультет мировой экономики и государственного правления) был создан Центр изучения Монголии (научно-информационный и консультативный) для студентов, магистрантов, аспирантов и докторантов из Монголии. В 2002-2009 гг. было организовано и проведено семь международных конференций и опубликованы «Востоковедные чтения БГУЭП», главным редактором является проф. Ю.В. Кузьмин. Подготовлены к публикации материалы Восьмых Востоковедных чтений.

Много лет Ю.В. Кузьмин увлеченно занимается исследованием и восстановлением противоречивой и многогранной биографии незаурядного политика и доктора тибетской медицины П.А. Бадмаева, имевшего большое влияние в семье императора Российской империи Николая II, связанное с лечением цесаревича Алексея.

Участникам и слушателям Центра бурятской культуры Иркутской области нашим земляком был прочитан цикл лекций о докторе тибетской медицины П.А. Бадмаеве, дипломате, предпринимателе, востоковеде. Ю.В. Кузьминым изданы книги о П.А. Бадмаеве в Иркутске (2 издания), в Улан-Баторе «Кто вы, доктор Бадмаев?» (2003), «Восточные миражи доктора Бадмаева» (2006). В настоящее время в одном из известных издательств Москвы готовится к публикации очередная монография по истории и биографии этого незаурядного представителя монгольского этномира.

С февраля 2013 г. БГУЭП совместно с Академией наук Монголии и ведущими монголоведами страны начал реализацию международного проекта «История российско-монгольских отношений в первой четверти XX в.» (науч. руководитель – ректор БГУЭП М.А. Винокуров, первый проректор А.П. Суходолов), в котором Ю.В. Кузьмин является ответственным исполнителем, занимается координацией проекта. Опубликован первый сборник научных трудов объемом свыше 400 страниц, получивший большой научный резонанс в мировом монголоведении. Подготовлен к печати второй, не меньший по объему, с привлечением ведущих монголоведов России, Монголии и зарубежных авторов сборник «Россия и Монголия на рубеже XIX–XX вв.: экономика, дипломатия, культура».

Научные работы Ю.В. Кузьмина опубликованы в Монголии, Франции, США. Две монографии и значительное число статей опубликованы в г. Улан-Батор – центре мирового монголоведения. В 2009 г. Монгольский государственный университет присвоил нашему юбиляру высокое звание «Почетный доктор Монгольского государственного университета». 23 декабря 2013 г. Ученый совет БГУЭП присвоил Ю.В. Кузьмину почетное звание «Заслуженный профессор БГУЭП». Это только краткий очерк о научных достижениях подвижника современного российского и мирового монголоведения Ю.В. Кузьмина.

В.Д. Дугаров, д-р ист. наук, проф. БГУ,
Л.В. Дамбаев, аспирант кафедры всеобщей
и отечественной истории БГУ,
А.О. Гомбоев, аспирант ИМБТ СО РАН

К юбилею Татьяны Ефремовны Санжиевой

В 2014 году отмечает юбилей Татьяна Ефремовна Санжиева, профессор кафедры истории Бурятии Бурятского государственного университета. Человек внимательный, приветливый, многого достигший. Кафедра истории Бурятии была образована в марте 1996 г. (первым заведующим был Б.В. Базаров), с мая 1997 г. по декабрь 2012 г. она была заведующей кафедрой. Талант педагога, хорошие организаторские способности позволили Татьяне Ефремовне развить кафедру. Сегодня кафедра истории Бурятии имеет большой вес в современном образовательном и культурном пространстве региона. Коллективом кафедры написаны учебники по истории Бурятии для школ и вузов, проводятся олимпиады по истории Бурятии.

Многие ее студенты связали свою жизнь с наукой: под ее научным руководством защищены 12 кандидатских диссертаций, четверо из них работают на кафедре. Другие ее студенты стали руководителями различных учреждений, министерств, а также успешными учителями.

Татьяна Ефремовна родилась 11 января 1954 г. в г. Улан-Удэ. Сразу после окончания средней школы № 3 в 1971 г. поступила на историческое отделение историко-филологического факультета БГПИ им. Д. Банзарова по специальности «История и обществоведение». И в 1976 г. стала преподавателем истории в школе № 14 г. Улан-Удэ. В августе 1977 г. была принята в Бурятский институт общественных наук (БИОН) Бурятского филиала СО АН СССР на должность старшего лаборанта отдела истории, этнографии и археологии. В ноябре 1978 г. поступила в аспирантуру Института общественных наук. Научным руководителем был доктор исторических наук, проф. В.В. Алексеев (Институт истории, филологии и философии СО АН СССР г. Новосибирск). В ноябре 1982 г. защитила диссертацию по теме «Электрификация Советской Бурятии. 1917-1977 гг.».

В январе 1982 г. была принята в отдел истории, этнографии и археологии БИОН на должность младшего научного сотрудника. Здесь приступила к выполнению двух научных тем: «Топливо-энергетический комплекс республик Сибири» и «Строительство Бурятского участка БАМа».

По теме «История строительства Бурятского участка БАМа» была поручена подготовка раздела «Строительство основного пути». Сбор материала начала с 1978 г. в Северобайкальске и Нижнеангарске.

В 1984 г. была переведена на должность на-

учного сотрудника и назначена руководителем рабочей группы этой темы. По этой теме она вела исследование по разделам «Строительство основного пути», «Электрификация БАМа», «Становление Северобайкальского отделения железной дороги». В командировках в Нижнеангарск, Северобайкальск, Усть-Кут был собран материал текущего делопроизводства трестов НижнеангарскБАМстрой (г. Северобайкальск), ЗапБАМстроймехнизация (г. Усть-Кут), управления Северобайкальского отделения железной дороги, СМП-575 (г. Северобайкальск), мехколонны № 161 (Нижнеангарск). Результаты исследования были изложены в статьях в сборниках и в выступлениях с докладами на научных конференциях, в том числе всесоюзных.

В 1986 г. Т.Е. Санжиева опубликовала монографию «Электрификация Советской Бурятии. 1923-1977 гг.». В основу научного труда легла кандидатская диссертация с некоторыми дополнениями и расширением хронологических рамок.

Вторая тема НИР «Развитие топливно-энергетического комплекса республик Сибири. 1960-1985 гг.» стала основой докторской диссертации: сужены хронологические рамки, но расширены территориальные. Сбор материала осуществлялся в архивах Бурятии, Якутии, Хакасии, Тувы и Москвы. В 1989 г. была прикомандирована в Институт истории СССР (г. Москва) на шесть месяцев, где занималась подготовкой докторской диссертации.

В 1990 г. перешла в БГПИ на кафедру истории на должность старшего преподавателя. Ей было поручено чтение лекций по истории Бурятии, источниковедению истории России, руководство архивной практикой. В 1994 г. прошла двухмесячную стажировку в Российской академии управления при президенте РФ (ныне РАГС), где работала над докторской диссертацией в библиотеке и архивах, в том числе министерства энергетики и министерства угольной промышленности. В марте 1996 г. перешла на созданную кафедру истории Бурятии.

В ноябре 1996 г. опубликовала монографию «Топливо-энергетический комплекс республик Сибири и его влияние на их социально-экономическое развитие. 1960-1985 гг.» и защитила докторскую диссертацию по специальности 07.00.02 – Отечественная история по этой же теме на диссертационном совете Иркутского государственного университета. Научным консультантом диссертации был академик РАН директор Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатерин-

бург) доктор исторических наук В.В. Алексеев. В монографии и диссертации исследованы история электроэнергетики, топливной промышленности (в основном угольной) и влияние ТЭК на качество жизни населения в крупных национальных государственных образованиях – Бурятии, Якутии, Хакасии и Туве. Работа выполнена в русле историографических традиций 1990-х гг. Исследовательская процедура предполагала широкое использование архивных документов и максимальное приближение к объективности, насколько позволяла источниковая база. В них много статистических данных, характеризующих тенденции развития ТЭК.

В мае 1997 г. стала заведующей кафедрой истории Бурятии, при которой была открыта аспирантура. Т.Е. Санжиева расширила тему НИР, продолжив работу над проблемами истории индустриального развития. Ею опубликованы статьи и сделаны доклады на научных конференциях в г. Улан-Удэ, Иркутске и Екатеринбурге. Под ее руководством проведены 4 научные конференции «Егуновские чтения», 3 конференции по научной школе профессора Е.Е. Тармаханова и 2 две юбилейные конференции – в мае 2007 г., посвященная 125-летию со дня рождения лидера национального движения начала XX в. М.Н. Богданова, в декабре 2009 г. – 120-летию со дня рождения известного этнографа, фольклориста С.П. Балдаева, 2011 г. – 100-летию известного поэта, собирателя родословных Д. Мадасона. По итогам этих конференций были изданы материалы конференций, в которых опубликованы статьи учителей Усть-Ордынского Бурятского округа.

Большой вклад внесла Т.Е. Санжиева в переиздание трудов известных авторов. Так, в 2008 г. была переиздана монография М.Н. Богданова «Очерки из истории бурят-монгольского народа» (Верхнеудинск, 1926), в 2009 г. труд С.П. Балдаева «Родословные предания и легенды бурят. Булагаты и эхириты» (Улан-Удэ, 1970). Т.Е. Санжиева опубликовала неизданные материалы, которые она собрала в фонде С.П. Балдаева в Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН, – «Родословные предания и легенды забайкальских бурят», т.е. она сделала то, что не успел или не смог Сергей Петрович. В автобиографии С.П. Балдаев пишет, что в 1971 г. сдал вторую монографию в издательство, но она не была издана, а рукопись исчезла. В 2012 г. она объединила обе части в одну книгу «Родословные предания и легенды бурят». Эта работа пользуется большим спросом у населения.

Т.Е. Санжиева принимала участие в подготовке ряда учебных пособий: «История Усть-

Ордынского Бурятского автономного округа с древнейших времен до наших дней» (в соавторстве с Е.Е. Тармахановым и Л.М. Дамешком), «Историография истории Бурятии» (в соавторстве с Е.Е. Тармахановым), была руководителем проекта и автором ряда разделов учебных пособий для школьников «История Бурятии. 1917-1997 гг.» (Улан-Удэ, 1998); «История Бурятии с древнейших времен до начала XX в.» часть 1 (Улан-Удэ, изд-во «Бэлиг», 2009) и «История Бурятии с начала XX в. до начала XXI в.» часть 2 (Улан-Удэ, 2010), а также «Происхождение и расселение западных бурят» (в соавторстве с В.М. Мантыковым, Б.Р. Зориктуевым, Е.В. Павловым) (Улан-Удэ, 2009).

Т.Е. Санжиева имеет свыше 120 публикаций, из них 3 монографии, 4 учебных пособия, 13 трудов учебно-методического характера.

Основные труды

Электрификация Советской Бурятии. 1923-1983 гг. – Улан-Удэ, 1986. – 144 с.

Топливо-энергетический комплекс республик Сибири и его влияние на их социально-экономическое развитие. 1960-1985 гг. – Улан-Удэ, 1996. – 164 с.

История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа: учебное пособие для общеобразовательных учебных заведений. – Улан-Удэ, 2003. – 192 с. (в соавт.).

Историография истории Бурятия: учебное пособие. – Улан-Удэ, 2009 (в соавт.).

Происхождение и расселение западных бурят: учебное пособие. – Улан-Удэ, 2009 (в соавт.)

История Бурятии с древнейших времен до начала XX в. Часть 1. – Улан-Удэ: Бэлиг, 2009 – раздел «Бурятия в период Первой мировой войны и падения самодержавия».

История Бурятии с начала XX в. до начала XXI в. Ч. 2. – Улан-Удэ, 2010 – разделы «Революции, гражданская война и иностранная интервенция в Бурятии. 1917-1920 гг.», «Бурятия в 1930-1941 гг.» (в соавт.), «Бурятия в 1965-1985 гг.».

Лесная промышленность Бурятии. Исторический очерк развития производственного объединения «Забайкаллес». – Улан-Удэ, 2010. – 140 с. (в соавт.).

Кроме научных исследований и преподавания Татьяна Ефремовна активно занималась общественной деятельностью. С 1999 г. она возглавляла Бурятское региональное отделение «Движения женщин России» (председатель депутат Государственной думы Е.Ф. Лахова), была членом Консультативного совета по делам женщин при Президенте РБ (Л.В. Потапове).

В течение 10 лет (с 1998 г.) Т.Е. Санжиева бы-

ла научным руководителем Хоринской СОШ №1.

Т.Е. Санжиева лауреат премии комсомола Бурятии (1987), заслуженный деятель науки РБ (2002), почетный работник высшего профессионального образования РФ (2006), имеет почетную грамоту Народного Хурала РБ (2009).

Все достижения – научные, педагогические, творческие, административные – осуществлены во многом благодаря родителям и деду, традициям, сложившимся в семье.

Мама Татьяны Ефремовны Ольга Даниловна родилась в семье известного ученого Даниила Гавриловича Бажеева. О.Д. Бажеева поступила в Ленинградский госуниверситет им. Жданова на востоковедный факультет и получила специальность «Востоковед-филолог по монгольской филологии».

Дед юбиляра Бажеев Даниил Гаврилович после аспирантуры был приглашен в представительство Бурят-Монгольской АССР в г. Москве. Исторический сектор аспирантуры был закрыт, поэтому Д.Г. Бажеев без защиты диссертации возвращается в Бурят-Монгольскую АССР и становится старшим научным сотрудником историко-революционного музея БМАССР.

В конце июля 1946 г. обком партии назначил его директором музея. В 1947 г. началась работа по перестройке экспозиции музея: были включены экспонаты с древнего времени до образования республики (1923 г.). В связи с изменением экспозиции музей стал называться краеведческим. С музеем тогда сотрудничал известный археолог А.П. Окладников, занимаясь раскопками в Бурятии и пополняя коллекцию экспонатами древнего периода.

Д.Г. Бажеев был хорошо знаком с С.П. Бал-

даевым, к нему неоднократно он ходил в гости вместе со своей внучкой Татьяной. Д.Г. Бажеев сам собирал родословные и документы, касающиеся родного Бохана и Готольских родов. К 100-летию своего деда Татьяна Ефремовна опубликовала эти материалы под названием «Идинские буряты. Документы и родословные» (2007). В 2013 г. вышло третье издание этой книги. Им опубликованы монографии: «Коммунистическая партия в борьбе за установление Советской власти в 1917-1918 гг.» (Улан-Удэ, 1953), «Коммунисты Бурятии в борьбе за советскую автономию» (Улан-Удэ, 1954), «Славная дочь бурят-монгольского народа» (Улан-Удэ, 1957) (о М.М. Сахьяновой), «Коммунистическая партия – организатор и руководитель партизанской борьбы в Бурятии» (Улан-Удэ, 1960), «Борьба за установление Советской власти в Бурят-Монголии» (Улан-Удэ, 1967), «Тимлюйские цементный и шиферный заводы» (Улан-Удэ, 1974).

Здесь мы упомянули только имена матери и деда Татьяны Ефремовны, а о ее отце можно говорить многое. Ефрем Егорович, ныне здравствующий профессор, доктор исторических наук, известный не только в республике Бурятия, но далеко за ее пределами, безусловно, в становлении и развитии творческой и научной биографии Татьяны Ефремовны сыграл большую роль.

Татьяна Ефремовна – продолжатель традиции любви к истории. Желаем творческих успехов, здоровья и благополучия, поздравляем с юбилеем.

Г.С. Митупова
д-р ист. наук

К 60-летию профессора К.Б.-М. Митупова

Редакционная коллегия «Вестника Бурятского государственного университета. История», коллеги и ученики сердечно поздравляют доктора исторических наук, профессора кафедры всеобщей и отечественной истории Константина Бато-Мункича Митупова с шестидесятилетним юбилеем.

Константин Бато-Мункич родился 17 апреля 1954 г. в г. Улан-Удэ в семье известного ученого-историка Бато-Мунко Михайловича Митупова и врача Евгении Константиновны Бадашкевой. Гармоничные отношения родителей, широкий круг их общения – известные в республике и стране деятели культуры и науки Бурятии драматург Н.Г. Балдано, писатель Д.О. Батожа-

бай, композитор Б.Б. Ямпиров, певцы Л.Л. Линховоин и Б.М. Балдаков, ученые Л.Г. Санжиев, Е.Е. Тармаханов, А.И. Уланов – определили жизненный и творческий путь юбиляра.

К.Б.-М. Митупов учился в специализированной школе № 3, занимался боксом в ДСО «Спартак» у тренеров С.Д. Банзаракцаева, М.Ц. Шантанова. Они сформировали «атакующий стиль жизни» [1], умение противостоять сильному сопернику, стойко держать удар, не пасовать перед трудностями.

Средняя школа дала ту основу, которая благодаря учителям Л.С. Паркиной, В.А. Алексеевой, Л.С. Улановой и другим позволила добиться успехов в интеллектуальной деятельности.

Школа открыла мир знаний и стала хорошей «стартовой позицией».

И в спорте, и в учебе К.Б.-М. Митупов достиг значимых достижений.

В 1977 году прослушав курсы лекций выдающихся ученых-историков академиков Ю.С. Кукушкина и Б.А. Рыбакова, член-корреспондента АН СССР А.В. Арциховского, профессоров В.И. Авдиева, А.Ч. Козаржевского и др., К.Б.-М. Митупов окончил исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, получив квалификацию преподавателя истории.

Участь в аспирантуре Института истории СССР АН СССР (г. Москва), получил колоссальный исследовательский заряд, бесценный опыт научного поиска и анализа, переданный такими корифеями исторической науки, как В.Б. Тельпуховский, В.О. Полетаев, С.Л. Сеньявский, О.В. Корнаковский.

Неслучайно сегодня его коллег-одногруппники член-корреспондент П.Г. Гайдуков, член-корреспондент Ф.М. Пивовар, профессора Е.М. Кожокин, Н.К. Сванидзе, А.С. Сеньявский, И.Н. Бойко и др. определяют историческую науку России.

С 1983 года К.Б.-М. Митупов, успешно защитив кандидатскую диссертацию, трудился в Бурятском институте общественных наук Сибирского отделения АН СССР младшим научным сотрудником, ученым секретарем института, заведующим отделом истории, этнографии и археологии. В 1989-1990 гг. был прикомандирован к кафедре истории СССР исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова для работы над докторской диссертацией, которую защитил в 2002 году.

С 1996 года творческий путь Константина Бато-Мункича связан с Бурятским государственным университетом, где до 2004 года юбиляр возглавлял кафедру истории Отечества, с июня 2001 по 2008 год – исторический факультет. Два года (с июня 2008 г.) проработал в должности проректора по экономике и международным связям БГУ, с сентября 2010 года по настоящее время является профессором кафедры всеобщей и отечественной истории и директором Института Внутренней Азии.

На начальных этапах формирования ученого определились научные интересы, связанные с новейшей отечественной историей. Социальная проблематика всегда привлекала внимание Константина Бато-Мункича, она и стала основой его научного поиска: социальное развитие Бурятии – межнациональные и демографические процес-

сы, молодежные проблемы. Им опубликовано более 130 статей, увидевших свет, в том числе в США, Индии, Монголии, и 8 монографий, в частности: «Изменение в социальной структуре Бурятии» (1986), «Социальные процессы в Бурятии в 1990-е гг.» (2001), «Рабочий класс в социальной структуре Бурятии» (2002), «Предприниматели Бурятии на рубеже X – XXI вв.» (2005), «Учительская интеллигенция Бурятии (в конце 1930-х – начале 1990-х гг.)» (2007).

Обладая научным чутьем и даром научного поиска, К.Б.-М. Митупов воспитал 10 кандидатов и 1 доктора наук, изучающих актуальные научные темы, в первую очередь в сфере социальных отношений.

Успехи в научной деятельности были отмечены избранием К.Б.-М. Митупова действительным членом Российской академии социальных наук.

Одним из направлений научных и общественных интересов Константина Бато-Мункича стала тема политических репрессий, первое обращение к которой произошло в 1978 году, когда вышла в свет книга «Троицкосавская трагедия», написанная в соавторстве с П.И. Еврасимовым. Закономерным итогом многолетней поисковой работы группы преподавателей исторического факультета Бурятского госуниверситета было присуждение в 2012 г. Государственной премии Республики Бурятия за проект «Исследовательский поиск архивных документов с целью освещения репрессивной политики тоталитарного режима в СССР и создания Книги памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия».

Константин Бато-Мункич на протяжении многих лет является председателем диссертационного совета Д 212.022.07 при ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет», главным редактором журнала «Вестник Бурятского государственного университета» (серия История) и научного издания «Гуманитарные исследования Внутренней Азии».

Будучи способным ученым, Константин Бато-Мункич много сил отдает студентам-историкам, на примере отечественной истории XX в. воспитывает в них чувство профессионального достоинства, высокие нравственные идеалы, умение мыслить самостоятельно, анализировать и делать выводы. Его лекции пронизаны глубоким историческим смыслом, позволяющим студентам не только постигать логику поступательного процесса, видеть подлинные причины событий, но и желание самостоятельного научного поиска. Педагогическая деятель-

ность К.Б.-М. Митупова была высоко оценена присуждением ему звания «Почетный работник высшей школы Российской Федерации» (2009). Однако, пожалуй, важнее признание его учеников: выпускница ИФ БГУ А.Ю. Митапова, учитель истории и обществознания МОУ СОШ № 4 г. Гусиноозерска, став учителем года Бурятии-2010, своим кумиром в профессии назвала Константина Бато-Мункича [2].

К.Б.-М. Митупов ведет большую общественно-политическую работу. На протяжении семи лет (1995-2001) К. Б.-М. Митупов возглавлял Бурятское региональное отделение общественного движения «Яблоко».

В 1996 году по инициативе К.Б.-М. Митупова при президенте Республики Бурятия создан Политический консультативный совет. Константин Бато-Мункич возглавлял группу разработчиков проекта «Концепция национальной политики Республики Бурятия», которая была утверждена Указом Президента РБ и до 2002 г. являлась основополагающим документом в национальной политике, проводимой в республике.

В 2002 г. избран депутатом Городского совета г. Улан-Удэ, заместителем председателя, членом Комитета по социальной политике и Комиссии по мандатам, регламенту и депутатской этике. В поле зрения депутата третьего созыва оказались детские сады, школы, придомовые территории, больницы. За продуктивную депутатскую деятельность К.Б.-М. Митупов награжден Почетной грамотой Улан-Удэнского городского Совета депутатов, Администрации

г. Улан-Удэ.

В 2006 г. Константин Бато-Мункич был одним из организаторов Молодежной палаты при Городском совете депутатов.

Владение словом, широта взглядов, обширность знаний, анализ и прогнозирование современной общественно-политической ситуации в Бурятии сделали Константина Бато-Мункича желанным лектором в различных аудиториях – Народном хурале, ФСБ Республики Бурятия и т.д. Пожалуй, самой большой стала телевизионная аудитория – на протяжении нескольких лет К.Б.-М. Митупов выступает в качестве бесценного участника и эксперта в телевизионных программах «БГТРК».

Редколлегия журнала «Вестник Бурятского государственного университета. История», восхищаясь неиссякаемыми творческим потенциалом и трудолюбием юбиляра, желает Константину Бато-Мункичу исследовательской зоркости, неистощимой жажды познания нового, дальнейших научных и преподавательских успехов.

*Члены редакционной коллегии журнала
«Вестник Бурятского государственного университета. История»*

Литература

1. Башкуев Г. И вновь продолжается бой... // Университет. – 2009. – № 1(117). – С. 1.
2. Учитель года Бурятии-2010. – Улан-Удэ: Бэлиг, 2010. – С. 34.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Зандараев Б.Б.</i> Развитие земледельческого хозяйства у бурят в XVIII в.	3
<i>Санжиева Т.Е., Тармаханов Е.Е., Хуташикеева С.Д.</i> Особенности торгового предпринимательства в Западном Забайкалье в конце XIX – начале XX в.	7
<i>Дудин П.Н., Митупов К.Б.-М.</i> Геополитические факторы становления монгольской государственности во Внутренней Азии	12
<i>Бутаев И.А.</i> Национально-освободительное движение в Сибири (начало XX в.)	16
<i>Бабаков В.В.</i> Роль Бурнардумы в планах атамана Г. Семенова по созданию Забайкальской казачьей республики в 1919 г.	19
<i>Палхаева Е.Н., Жукова Н.Е.</i> Власть и общественные организации Бурят-Монгольской АССР в 1920-х гг.	22
<i>Номогоева В.В.</i> Повседневная жизнь бурятского населения (1920-1930-е гг.)	27
<i>Балдано М.Н.</i> Проект нациестроительства: сводный вариант эпоса «Гэсэр»	31
<i>Кирсанов Р.Г.</i> Состояние потребительского рынка в СССР (конец 1970-х – начало 1990-х гг.)	36
<i>Цыренова З.Е.</i> Этносоциальное развитие в советском и постсоветском пространстве	42
<i>Балакирев А.Н.</i> Деятельность комсомола по организации пионерского движения в Бурятии	46
<i>Гельман В.А.</i> Развитие промышленности Бурятии в условиях трансформации российского общества	50
<i>Власов Л.Г.</i> Социально-демографические процессы в районах нового освоения Сибири (начало XXI в.)	54
<i>Батуева И.Б., Кондратьева В.В.</i> Современные семейные традиции татар Бурятии	58

Историография, источниковедение

<i>Цыбиктаров А.Д.</i> «Загадка» культуры херексуров и оленных камней в Забайкалье	62
<i>Полянская О.Н.</i> Научные направления в российском монголоведении (начало XX века)	66
<i>Митыпова Г.С.</i> Сведения об участниках Первой мировой войны в региональных архивах	70
<i>Паликова Т.В. М.В.</i> Танский о пребывании русских в Германии в начале Первой мировой войны	74
<i>Васильева С.В., Минаева В.Ю.</i> Источники по истории иностранной интервенции в Забайкалье (1918-1921 гг.)	78
<i>Протасов Е.Т.</i> Архивные источники по истории становления государственного аппарата Бурятии в 1920-е – 1990-е гг.	82
<i>Будаева Т.В.</i> Материалы по истории переселенческой политики (начало XX в.)	86

Религиоведение

<i>Абаев Н.В.</i> Героический эпос бурят как мифопоэтическая основа тэнгрианской религии	89
<i>Кружалина А.А.</i> Христианизация аборигенного населения Сибири (вторая половина XIX в.)	94
<i>Дроботушенко Е.В.</i> Особенности развития религиозной ситуации в Читинской области (1970-е гг.)	99
<i>Ахмадулина С.З.</i> Солнцопоклонничество, или «Методика оздоровления по Элэ Аят»	103
<i>Михалев А.В.</i> Православие в современной Монголии: колониальные контексты в постколониальном мире	106

Сообщения

<i>Арсеньева Л.Г.</i> Вклад Восточно-Сибирского отдела ИРГО в археологические исследования Центральной Азии	113
<i>Белькова А.А.</i> Исторический институционализм – новое направление в исторических исследованиях	117
<i>Корниенко Н.Н.</i> Специфика деятельности Батуринского Сретенского женского мона-	

стыря в Прибайкалье (конец XX – начало XXI в.)	121
<i>Касаточкин Д.Р.</i> Бурятские национальные части в составе Азиатской конной дивизии (1919-1920 гг.)	125
<i>Кургузов П.В.</i> Культура повседневности в работах разночинца И.Г. Прыжова (1827-1885 гг.)	131
<i>Лозовая Е.Н.</i> Особенности пополнения трудовых коллективов в районах нового хозяйственного освоения в 1960-1980-х гг. (на примере Иркутской области и Республики Бурятия)	138
<i>Монгуш И.Д.</i> История становления органов прокуратуры в Туве (1935-1944 гг.)	140
<i>Свиридова Н.Б.</i> Формирование органов городского общественного управления в Забайкальской области в последней трети XIX в.	144
<i>Соболева А.Н.</i> Роль советских праздников в антирелигиозной пропаганде Бурят-Монгольской АССР в 1920-е гг.	148
<i>Федоров А.П., Чернов К.С.</i> Использование социальных сетей в качестве инструмента политического манипулирования на примере организации массовых протестов в Северной Африке и выборов в Республике Корея	152
<i>Чекменев А.П.</i> Техническое состояние железнодорожного транспорта Восточной Сибири (1985-1990 гг.)	156
<i>Шойдонова А.М.</i> Сотрудничество России и Монголии в области высшего профессионального образования (на рубеже XX-XXI вв.)	159

Научная жизнь

<i>Ханхараев В.С.</i> «Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII-XVIII вв.)» А.П. Окладникова	163
<i>Боронова М.М.</i> Монтгомери Р. «Поздняя царская и ранняя советская национальная и культурная политика: буряты и их язык»	167

Юбилей

Балдано М.Н. Ученый и учитель (к 90-летию со дня рождения Г.Л. Санжиева)	170
Дугаров В.Д., Дамбаев Л.В., Гомбоев А.О. Юбилей ученого. Служение истории и монголоведению (к 60-летию со дня рождения и 35-летию научной и педагогической деятельности Ю.В. Кузьмина)	173
Митыпова Г.С. К юбилею Татьяны Ефремовны Санжиевой	176
К 60-летию профессора К.Б.-М. Митупова	178

CONTENTS

Zandaraev B.B. Development of agriculture at the Buryats in the 18th century	3
Sanzhieva T.E., Tarmakhanov E.E., Khutashkeeva S.D. Features of trading entrepreneurship in Western Transbaikalia in the late XIX-early XX centuries	7
Dudin P.N., Mitupov K.B.-M. Geopolitical factors of formation of Mongolian statehood in Inner Asia	12
Butaev I.A. National liberation movement in Siberia (the beginning of the XX century)	16
Babakov V.V. The role of Burnarduma in the plans of ataman G.Semenov on the foundation of the Transbaikalian Cossack Republic in 1919	19
Palkhaeva E.N. Zhukova N.E., Power and public organizations of the Buryat-Mongolian ASSR in the 1920s	22
Nomogoeva V. V. Everyday life of the Buryat population (1920-1930s)	27
Baldano M.N. Nation-building project: consolidated version of the epic «Geser»	31
Kirsanov R.G. State of the consumer market in the USSR (late 1970s – early 1990s)	36
Tsyrenova Z.E. Ethnic and social development in the Soviet and post-Soviet space	42
Balakirev A.N. Komsomol activities on organization of Pioneer movement in Buryatia	46
Gelman V. A. Industrial development of Buryatia in the conditions of transformation of the Russian society	50
Vlasov L.G. Socio-demographic processes in the areas of new development of Siberia (beginning of the XXIst century)	54
Batueva I. B., Kondrateva V.V. Modern family traditions at Tatars in Buryatia	58

Historiography, Sources studies

Tsybiktarov A.D. The «secret» of the culture of Khereksurs and deer stones in Transbaikalia	62
Polyanskaya O.N. The scientific trends of the Russian school of the Mongolian Studies (beginning of the XX th century)	66
Mitypova G. S. Information about the participants of the First World War in regional archives	70
Palikova T.V. M.V. Tansky on staying of Russians in Germany in the early days of World War I	74
Vasilieva S.V., Minaeva V.Yu. Sources on the history of foreign intervention in the Transbaikalia since 1918-1921	78
Protasov E.T. Archival sources on the history of formation of the state staff in Buryatiya in 1920-1990	82
Budaeva T.V. Materials on the history of resettlement policy in Russia (the early 20 th century)	86

Religion studies

Abaev N. V. Heroic epic of the Buryats as a mythopoetic basis of the Tengrian religion . . .	89
Kruzhalina A. A. Christianization of native population of Siberia (the second half of the XIX-th century)	94
Drobotushenko E.V. Features of the development of religious situation in the Chita region in the 1970s	99
Akhmadulina S.Z. Sun worship, or «Method for health improvement by Elle Ayat»	103
Mikhalev A. V. Orthodoxy in modern Mongolia: colonial context in postcolonial world . . .	106

Reports

Arseneva L. G. The contribution of the East Siberian Department IRGU to archaeological researches in Central Asia	113
Belkova A.A. Historical institutionalism – a new trend in historical researches	117

Kornienko N.N. Specific character of activity in Baturino Sretensky convent in the Baikal region (late XX th – early XXI st century)	121
Kasatochkin D.R. The Buryat national units as a part of the Asian Cavalry Division (1919-1920)	125
Kurguzov P.V. Everyday life culture in the works of I.G.Pryzhov (1827-1885), a commoner (raznochinets)	131
Lozovaya E.N. Features of labor collectives replenishment in the areas of new economic development in the 1960-1980s of the XX-th century (illustrated by the example of the Irkutsk region and Buryatia)	138
Mongush I.D. History of the formation of prosecution authorities in Tuva (1935-1944)	140
Sviridova N.B. Formation of authorities of municipal public administration in Transbaikalian region in the last third of the XIX-th century	143
Soboleva A.N. The role of the Soviet holidays in antireligious propaganda in the Buryat-Mongolian Republic in 1920s	148
Fedorov A.P., Chernov K.S. Use of social networks as a tool for political manipulation illustrated by the example of mass protests in North Africa and elections in the Republic of Korea	152
Chekmenev A.P. Technical condition of railway transportation in Eastern Siberia (1985-1990)	156
Shoydonova A.M. Cooperation between Russia and Mongolia in the field of higher education	159

Scientific life

Khankharaev V.S. A.P.Okladnikov's "Sketches from the history of Western Buryat-Mongols (XVII-XVIII centuries)"	163
Boronova M.M. R.Montgomery. Late tsarist and early Soviet national and cultural policy: Buryats and their language	167

Jubilees

Baldano M.N. A scientist and a teacher (to the 90-th anniversary of G.L. Sanzhiev)	170
Dugarov V.D., Dambaev L.V., Gomboev A.O. Yu.V.Kuzmin's jubilee: serving to Mongolian studies (to the 60-th anniversary of the scientist)	173
Mitypova G.S. The major milestones of T.E. Sanzhieva's creative life profile	176
To the 60-th anniversary of Professor K.B.-M.Mitupov	178

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА

Вестник БГУ включен в подписной каталог Роспечати за № 18534 и Перечень изданий Российской Федерации, где должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

На основании постановления заседания Ученого совета БГУ за № 10 от 28 мая 2009 г. в «Вестнике БГУ» в 2014 г. публикуются статьи по следующим направлениям:

1. Педагогика (январь)

гл. ред. Дагбаева Нина Жамсуевна – тел. 21-04-11; 44-23-95

эл. адрес: vestnik_pedagog@bsu.ru

2. Экономика. Право (февраль)

гл. ред. Атанов Николай Иванович – тел. 21-37-44

эл. адрес: vestnik_econom@bsu.ru

3. Химия, физика (март)

гл. ред. Хахинов Вячеслав Викторович – тел. 43-42-58

эл. адрес: khakhinov@mail.ru

4. Биология, география (март)

гл. ред. Доржиев Цыдып Заятуевич – тел. 21-03-48

эл. адрес: vestnik_biolog@bsu.ru

5. Психология, социальная работа (апрель)

гл. ред. Базарова Татьяна Содномовна – тел. 21-26-49

эл. адрес: decspf@mail.ru

6. Философия, социология, политология, культурология (апрель)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62

эл. адрес: intellige2007@rambler.ru

7. История (май)

гл. ред. Митупов Константин Батомункич – тел. 21-64-47

эл. адрес: vestnik_history@bsu.ru

8. Востоковедение (май)

гл. ред. Бураев Дмитрий Игнатьевич – тел. 44-25-22

эл. адрес: gailia@mail.ru

9. Математика, информатика (июнь)

гл. ред. Булдаев Александр Сергеевич – тел. 21-97-57

эл. адрес: vestnik_bsu_math@rambler.ru

10. Филология (сентябрь)

гл. ред. Имixelова Светлана Степановна – тел. 21-05-91

эл. адрес: 223015@mail.ru; map1955@mail.ru

11. Романо-германская филология (сентябрь)

гл. ред. Ковалева Лариса Петровна – тел. 21-17-98

эл. адрес: klp@bsu.ru, khida@mail.ru

12. Медицина, фармация (октябрь)

гл. ред. Хитрихеев Владимир Евгеньевич – тел. 44-82-55

эл. адрес: vestnik_medicine@bsu.ru

13. Физкультура и спорт (октябрь)

гл. ред. Гаськов Алексей Владимирович – тел. 21-69-89

эл. адрес: gaskov@bsu.ru

14. Философия, социология, политология, культурология (ноябрь)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62

эл. адрес: intellige2007@rambler.ru

15. Теория и методика обучения (декабрь)

гл. ред. Очиров Михаил Надмитович – тел. 21-97-57

эл. адрес: vestnik_method@bsu.ru

Требования к оформлению статей, представляемых в «Вестник БГУ»

Отбор и редактирование публикуемых статей производятся редакционной коллегией из ведущих ученых и приглашенных специалистов.

В «Вестник БГУ» следует направлять статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны и значимостью. Каждая статья имеет УДК, а также письменный развернутый отзыв (рецензию) научного руководителя или научного консультанта, заверенный печатью.

Автор статьи обязан заключить лицензионный договор о предоставлении неисключительных прав на использование созданного им произведения (статьи) ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет». Образец лицензионного договора представлен на сайте БГУ.

Общие требования	Тексты представляются в электронном и печатном виде. Файл со статьей может быть на дискете или отправлен электронным письмом. На последней странице – подпись автора(ов) статьи. Название статьи и аннотация даются и на английском языке. После аннотации дать ключевые слова на русском и английском языках.
Электронная копия	Текстовый редактор Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97). В имени файла указывается фамилия автора.
Параметры страницы	Формат А4. Поля: правое – 15 мм, левое – 25 мм, верхнее, нижнее – 20 мм.
Форматирование основного текста	С нумерацией страниц. Абзацный отступ – 5 мм. Интервал – полуторный.
Гарнитура шрифта	Times New Roman. Обычный размер кегля – 14 пт. Список литературы и аннотация – 12 пт.
Объем статьи (ориентировочно)	Кратких сообщений – до 3 с., статей на соискание ученой степени кандидата наук – 7–12 с., на соискание ученой степени доктора наук – 8–16 с.
Сведения об авторах	Указываются фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность и место работы, адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы, e-mail (на русском и английском языках)

- Список литературы – все работы необходимо пронумеровать, в тексте ссылки на литературу оформлять в квадратных скобках.

- Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются. Все статьи проходят проверку в системе «Антиплагиат. ВУЗ».

- Решение о публикации статьи принимается редакцией «Вестника БГУ». Корректурa авторам не высылае́тся, присланные материалы не возвращаются.

- Статьи принимаются в течение учебного года.

- Допустима публикация статей на английском языке, сведения об авторах, название и аннотацию которых необходимо перевести на русский язык.

- Формат журнала 60x84 1/8.

- Статья должна содержать минимум таблиц, формул, рисунков и графиков. Их присутствие допускается только в тех случаях, если описать процесс в текстовой форме невозможно или нецелесообразно. Желательно использование только вертикальных таблиц и рисунков. Все объекты должны быть черно-белыми без оттенков. Все формулы должны быть созданы с использованием компонента Microsoft Equation или в виде четких картинок. Символы можно вставлять с помощью операции в Word (Вставка – Символ). Диаграммы располагаются в тексте с использованием программы Microsoft Excel (Вставка – Объект – Создание – Диаграмма Microsoft Excel). Рисунки и графики должны иметь четкое изображение и быть выдержаны в черно-белой гамме, лучше применять штриховку (Формат автофигуры – Цвета и линии – Цвет – Способы заливки – Узор). Схемы создаются с помощью панели инструментов Рисование. Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg должны иметь разрешение не менее 300 dpi. Диаграммы, формулы, рисунки, графики должны прилагаться отдельными файлами, чтобы издательство имело возможность ввести в них правки.

Стоимость обработки 1 с. (формата А4) для преподавателей БГУ составляет 200 р., для остальных – 400 р. Для аспирантов – бесплатно.

Адрес: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, Издательство БГУ.

Факс (301-2)-21-05-88

Оплата производится при получении счета от бухгалтерии БГУ.